

9(сн8
и 90



ИСТОРИЯ КУЗБАССА

I-II



История КУЗБАССА

БИБЛИОТЕКА
Кемеровского
госуниверситета

Часть I. ИСТОРИЯ КУЗБАССА
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Часть II. ИСТОРИЯ КУЗБАССА
ОТ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО НАЧАЛА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1967

9(c)18
1190
Г-6-4
1-66

Н

175037
БИБЛИОТЕКА
Кемеровского
госуниверситета

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ «ИСТОРИИ КУЗБАССА»:
член-корреспондент АН СССР А. П. ОКЛАДНИКОВ (главный редактор), З. В. КУЗЬМИНА, В. В. БАННИКОВ, доктор исторических наук, З. Г. КАРПЕНКО (зам. главного редактора).

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Кузбасса — убедительное свидетельство необычайной жизненной силы социалистического строя, идеологом и организатором которого является Коммунистическая партия. Именно при социализме Кузбасс, бывший безвестным захолустьем, стал за 50 лет одним из крупнейших промышленных районов могучей индустриальной державы мира — СССР.

Кемеровская область в масштабах Сибири сравнительно невелика. Ее площадь 95,5 тысяч квадратных километров. На юге и западе она граничит с Алтайским краем и Новосибирской областью, на севере — с Томской областью и на востоке — с Красноярским краем. Кузнецкая котловина с ее мощными угольными пластами окаймлена с запада Салаирским кряжем, с востока — хребтами Кузнецкого Алатау, с юга — возвышенностями Горной Шории. На севере равнины Кузбасса постепенно переходят в Западно-Сибирскую низменность. Горные массивы, окружающие Кузнецкую котловину, изобилуют ценными полезными ископаемыми.

Реки области — Томь, Иня, Чарыш, Яя, Кия и другие принадлежат к бассейну Оби. Томь с притоками берущими начало в Кузнецком Алатау и Горной Шории, обладают значительными запасами гидроэнергии.

Кемеровская область относится к южным районам Сибири с наиболее благоприятными климатическими условиями. Теплое лето в сочетании с достаточным увлажнением создает благоприятные условия для развития зерновых культур и овощей, особенно в центральных степных и лесостепных районах с их плодородными черноземными почвами. Горные хребты покрыты тайгой, состоящей из пихты, ели, кедра, осины, березы и высоким разнотравьем. Здесь водятся копытные: лось, маралы, косули, кабарга; хищные звери — медведи, рысь. Издавна служили объектом охоты пушные звери: лиса, белка, соболь, а также боровая и водоплавающая дичь — глухари, рябчики, тетерева, бекасы, утки.

Обилие в тайге зверя, а в реках — рыбы способствовало заселению Кузбасса первобытными общинами охотников и рыболовов. Позже в степные и лесостеп-

ные районы проникли скотоводческие племена. Наличие железных и полиметаллических руд дало толчок к развитию горного дела и металлургии.

Русские люди, пришедшие с низовьев Томи в начале XVII столетия, называли эту местность Кузнецкой землей, а коренное население — кузнецкими татарами.

В 1721 году рудознатец Михайло Волков открыл в «горелой горе» близ Верхотомского острога каменный уголь. Но каменный уголь и железные руды Кузбасса до 1917 года использовались в незначительных размерах.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась мощным ускорителем экономического и культурного развития Кузбасса.

Сейчас бассейн дает больше угля, чем Франция, Бельгия, Япония, Австралия или Канада. Его домы и мартены выплавляют больше металла, чем вся дореволюционная Россия. В Кузбассе сложилась мощная химическая промышленность, высокоразвитая энергетика и машиностроение.

История Кузбасса, одного из ведущих индустриальных районов страны, представляет значительный общественный и научный интерес.

Кузнецкая земля привлекала внимание исследователей XVIII столетия Г. Ф. Миллера, И. Гмелина, И. Г. Георги, П. С. Палласа, И. П. Фалька.

Первыми историками горной и металлургической промышленности Кузбасса были горные инженеры и геологи XVIII — первой половины XIX столетия И. Ф. Герман, И. М. Ренованц, П. А. Чихачев, Г. Е. Шуровский.

В XIX столетии появляются новые публикации документов и исследования, затрагивающие историю Кузнецкой земли.

В библиотеке Томского университета хранится «Памятная историческая записка (или летопись) о городе Кузнецке с начала его основания и о некоторых событиях и о прочем учиненная в 1867 году (и последующих за оным)». Автор — «кузнецкий мещанин Иван Семенов сын Конюхов» оставил исторические записки «О военных нападениях», «О первоначальных градских обывателях», «О наводнениях», «О переменах воздуха», «О городничих» и т. д. Иван Конюхов использовал «Сибирскую историю» П. Небольсина, «Древнюю Российскую Вивлиофику» Н. Новикова, церковные летописи и рукописи, хранившиеся в кузнецких церквях, а также «изустные предания» — воспоминания старожилов Кузнецка и окрестных сел. Бесхитростные рассказы крестьян и горожан о том, как их предки заселяли Кузнецкую землю, отражали нападения врагов, пахали пашню, в голодные годы ели траву и белую глину — вот основная ценность «Исторической записки» Конюхова.

Многое для изучения экономики, истории крестьян и рабочих Кузбасса во второй половине XIX столетия сделали местные и ссыльные исследователи-демократы В. В. Берви-Флеровский, Н. Зобнин, П. А. Голубев, Г. Н. Потанин, Н. И. Ядринцев.

К началу XX столетия, после проведения Сибирской железной дороги, усилились экономические связи Кузбасса с европейской Россией. Усилился поток крестьян-переселенцев в Мариинский и Кузнецкий уезды, возрос интерес капиталистов к природным богатствам Кузбасса. Расширяются географические, экономические, статистические исследования Сибири, которые дали советским исследователям важный фактический материал по истории переселенческого движения и развития сельского хозяйства, промышленности, торговли и транспорта. Естественно, все эти издания, отражающие официальную правительственную линию или буржуазно-либеральную точку зрения, требуют критического отношения.

Фактические данные о развитии торговли, промышленности и транспорта в Кузбассе имеются также в официальных изданиях комитета Сибирской железной дороги и других ведомств, трудах отдельных экономистов, инженеров, торгово-промышленных календарях, журналах, справочниках.

Много данных о геологических исследованиях и развитии горной промышленности бассейна имеется в отчетах работников Западно-Сибирской геологической партии, опубликованных в «Выпусках геологических исследований Сибирской ж. д.», в исследованиях кабинетских геологов, напечатанных в «Трудах геологической части кабинета» и других изданиях.

Среди дореволюционных источников представляют большую ценность немногочисленные статьи и заметки о труде и борьбе рабочих Кузбасса, опубликованные в ленинской «Искре» и легальных большевистских газетах «Звезде» и «Правде».

Исключительно важное методологическое значение для историков Кузбасса имеют труды В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», статьи о переселении в Сибирь, «Очередные задачи Советской власти» и др. В статье «Еще одно преступление капиталистов» (т. 24, изд. 4, стр. 405—406) В. И. Ленин поддержал борьбу судженских шахтеров против владельца рудника Михельсона. Экономическое значение Кузбасса подчеркивается в известной работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» (т. 27, изд. 4, стр. 215, 228).

История Кузбасса, как самостоятельная область исследования, стала развиваться после Октябрьской социалистической революции. Богатые материалы по истории Кузбасса сконцентрированы в Кемеровском областном государственном (ГАО) и партийном (ПАГО) архивах, в архивах Томской (ГАО) и Новосибирской (ГАО) областей, Алтайского края (ГАО) и центральных архивных хранилищах.

Опубликован ряд сборников документов и воспоминаний.

Ценные материалы о Кузбассе имеются в многотомных изданиях документов, выпущенных Институтом истории АН СССР и центральными архивами: «Рабочее движение в России в XIX веке», «Революция 1905—1907 гг. в России», «Великая Октябрьская социалистическая революция».

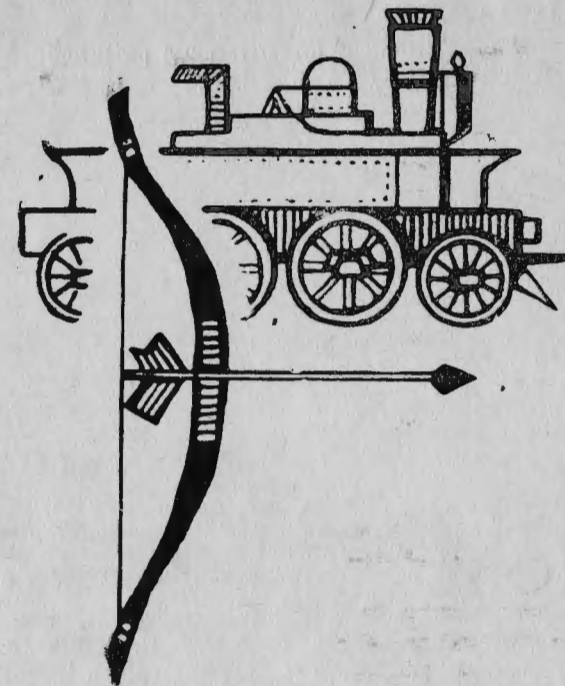
Важнейшими источниками по истории социалистического и коммунистического строительства в Кузбассе являются материалы всесоюзных партийных съездов, конференций, сессий Верховных Советов СССР и РСФСР, а также материалы местных партийных конференций и сессий Советов депутатов трудящихся. Вопросы истории Кузбасса отражены в работах, опубликованных в довоенные годы, в период Великой Отечественной войны и, в особенности, в послевоенные годы (см. библиографию).

За последнее время в Кемеровской области начали складываться кадры исследователей, занимающихся преимущественно вопросами истории социалистического строительства.

Развитие исторических исследований на кафедрах истории СССР, Всеобщей истории, истории КПСС Кемеровского педагогического института, кафедрах истории КПСС Новокузнецкого педагогического института, Кузбасского политехнического института в Кемерове, Сибирского металлургического института в Новокузнецке дало возможность осуществить составление обобщающего, коллективного труда по истории Кузбасса. Идея создания Истории Кузбасса была

поддержана Кемеровским обкомом КПСС и Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, которые оказали существенную помощь авторскому коллективу.

Авторский коллектив приносит глубокую благодарность за отзывы и замечания всем учреждениям и лицам, принявшим участие в обсуждении макета I части, рукописи II и III частей Истории Кузбасса. Издание выпускается в трех частях. Главный редактор издания и ответственный редактор первой части — член-корреспондент АН СССР А. П. Окладников. Ответственный редактор второй и третьей частей доктор исторических наук З. Г. Карпенко.



Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ИСТОРИЯ КУЗБАССА
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Редколлегия первой части:

А. П. ОКЛАДНИКОВ (ответственный редактор),
В. В. БАННИКОВ, З. Г. КАРПЕНКО, А. И. МАРТЫНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Первая часть Истории Кузбасса охватывает периоды с древнейших времен до Февральской буржуазно-демократической революции. Макет I части Истории Кузбасса был подвергнут широкому обсуждению, в котором приняли участие виднейшие историки-сибиреведы.

Редколлегия выражает благодарность за советы и замечания члену-корреспонденту АН СССР В. И. Шункову, А. И. Иванову, Б. Б. Кафенгаузу, Ф. А. Кудрявцеву, А. Л. Сидорову, Л. И. Тедеру, В. К. Ядунскому, коллективу Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, коллективу кафедры истории СССР Красноярского педагогического института и всем товарищам, принявшим участие в обсуждении первой части Истории Кузбасса.

В составлении I части Истории Кузбасса приняли участие следующие авторы:

Глава I: ответственный за главу А. И. Мартынов; авторы § 1 — А. И. Мартынов; § 2 — А. И. Мартынов, М. Г. Елькин, В. И. Матющенко; § 3 — А. И. Мартынов, М. Г. Елькин, У. Э. Эрдниев; § 4 — А. И. Мартынов; § 5 — А. И. Мартынов, У. Э. Эрдниев; § 6 — З. Г. Карпенко, У. Э. Эрдниев.

Глава II: автор З. Г. Карпенко.

Глава III: ответственная за главу III, а также за последующие главы — З. Г. Карпенко; авторы §§ 1, 2, 3, 4, 6, — З. Г. Карпенко; § 5 — З. Г. Карпенко, Н. Я. Савельев.

Глава IV: авторы — §§ 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9 — З. Г. Карпенко; § 3 — Н. Я. Савельев; § 4 — З. Г. Карпенко, Н. Я. Савельев.

Глава V: авторы — §§ 1, 5, 6, 7 — З. Г. Карпенко; §§ 2, 3 — З. Г. Карпенко, Т. П. Прудникова; § 4 — З. Г. Карпенко, Е. А. Кривошеева, Г. Г. Халиулин.

Глава VI: авторы — §§ 1, 2, 4, 5 — З. Г. Карпенко; § 3 — Т. П. Прудникова.

Глава VII: авторы — §§ 1, 5 — З. Г. Карпенко; §§ 2, 3, 4 — З. Г. Карпенко, З. П. Верховцева, С. Э. Крапивенский, А. И. Разгон.

Глава VIII: авторы — §§ 1, 2 — З. Г. Карпенко, Т. П. Прудникова; §§ 3, 4, 5 — З. Г. Карпенко.

Глава IX: авторы — §§ 1, 2, 3, 4, 5 — З. Г. Карпенко; § 6 — Г. А. Докучаев, З. Г. Карпенко.

Кроме того использованы материалы: в главах III, IV — В. А. Тимофеева, А. А. Гурской; в главе V — Н. Т. Ивановой; в главе VIII — Г. И. Артемова, И. П. Краснова, С. Ф. Полуэктова; в главе IX — А. А. Набатниковой.

Библиография, именной указатель составлен С. В. Колосовой.

Иллюстрации предоставлены Кемеровским областным краеведческим музеем.

Техническая подготовка текста к печати выполнена С. В. Колосовой, В. Н. Михайловой, А. А. Халиулиной.

ГЛАВА I

КУЗНЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ



1. Древний каменный век в Кузнецкой котловине

Около 50 миллионов лет до наших дней начался так называемый третичный период истории земли, который закончился миллион лет тому назад. Климат Сибири был тогда значительно теплее, и растительность резко отличалась от современной. Вместо мрачной тайги простирались теплолюбивые леса из бука, ольхи, липы, клена, дуба и грецкого ореха. Лиственные леса шумели в Сибири даже там, где сейчас простирается тундра.

Остатком этой вымершей растительности на юге Кузнецкой котловины является «Липовый остров» — участок лип, сохранившихся среди мира чуждой им хвойной растительности.

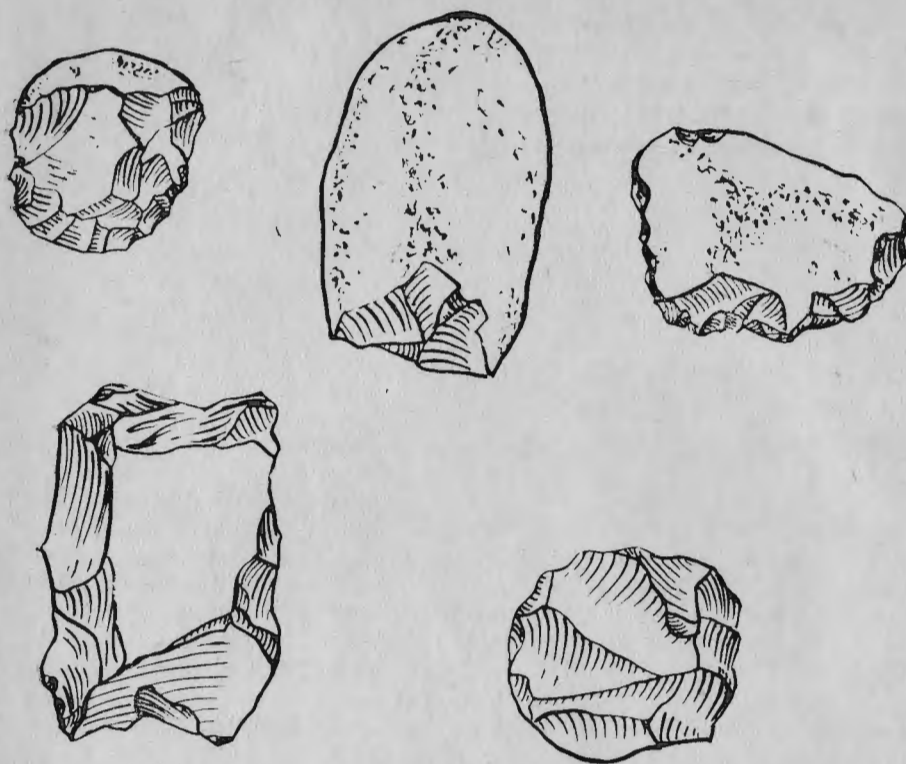
В четвертичную эпоху стало значительно холоднее, увеличилась влажность воздуха, возросло количество осадков. На севере Европы и Азии стали накапливаться массы снега и льда. Образовались грандиозные ледники. Один ледяной щит покрывал Северную Европу от Урала до Англии. Восточнее простирался Таймырский ледник, занимавший север Западной Сибири. Толщина его льда доходила до 800 метров.

На огромной площади льды беспощадно уничтожили богатую теплолюбивую растительность и животный мир.

Кузнецкая земля была свободна от ледников. Тем не менее общее похолодание коснулось и ее, оказав влияние на растительность и животный мир. В степях, покрывших тогда значительную часть этих мест, паслись стада бизонов, табуны диких лошадей, на заливных лугах близ водоемов бродили мамонты и волосатые носороги. В горных лесах обитали горные бараны, а в лесах по долинам рек — благородные олени, лоси, косули, медведи. С севера далеко на юг Кузбасса заходили северные олени, овцебыки и песцы.

Кости мамонтов, бизонов и других вымерших животных и поныне нередко находят при горных и земляных работах.

С потеплением климата отступавший на север ледник открыл людям каменного века доступ к необозримым просторам Сибири,



Орудия труда людей древнекаменного века, 32—25 тыс. лет до н. э.: скребла, нуклеусы (найлены около Новокузнецка)

а обильный животный мир привлек человека в верховья Оби, Томи, Енисея.

Первые люди, появившиеся в Кузнецкой котловине, были охотниками на мамонтов. Они пришли сюда с Алтая и Казахстана, принесли с собой многовековые навыки охоты на этих огромных животных, от которых в то время зависело все их благополучие, принесли умение строить жилища-полуземлянки, добывать огонь, шить меховую одежду.

В 1896 году профессор Томского университета Н. Ф. Кашенко открыл на окраине Томска знаменитое в истории сибирской археологии стойбище охотников на мамонта. Им был обнаружен почти целый скелет мамонта, убитого и съеденного древними обитателями долины Томи. Многие кости были расколоты. Найдены остатки костров и, что особенно важно, каменные изделия человека эпохи палеолита. Что касается Кузнецкой котловины, то здесь долго не удавалось найти остатков деятельности древнего чело-

века. И только совсем недавно, в 1962 году, бесспорные доказательства этого были обнаружены сразу в двух местах.

Одним из этих мест является холм, на котором стоит старая Кузнецкая крепость. У стен крепости, среди россыпей хорошо окатанной речной гальки, археологами — А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым были собраны отщепы — грубо оббитые рукой древнего человека кварцитовые гальки и орудия труда.

Недалеке, в карьере берега Томи, откуда были смыты рыхлые отложения, были найдены мелкие отщепы с отчетливо выраженными следами искусственной обработки. Здесь же обнаружен превосходный нуклеус из полупрозрачного кварцита — средняя часть гальки, оставшаяся после того, как с ее поверхности скололи отщепы и пластины. В карьере и на склоне горы лежали скребла, изготовленные из целых галек или из массивных отщепов. Они имеют тщательно отретушированное, слегка выпуклое рабочее лезвие с двумя симметрично расположенными выемками, разделенными выступом в виде шипа. Скребла этого типа характерны для многих сибирских палеолитических поселений. Здесь же были найдены своеобразные массивные галечные орудия с поперечным крутым лезвием. Такие ударные орудия — «чопперы» — часто встречающиеся в Сибири, неизвестны в палеолите европейской части СССР. Обнаружены и орудия, применяемые для обработки галек, так называемые отбойники.

Рядом с орудиями труда человека лежали кости древних быков, первобытной лошади, мамонта и носорога. Когда-то здесь, видимо, было поселение, но следов жилищ и костров не сохранилось, поскольку все это было разрушено водой.

Второе палеолитическое местонахождение обнаружено около с. Кузедеево. На левом берегу реки Кондомы, у поселка Аил, на склоне горы участниками археологической экспедиции Сибирского отделения Академии наук были найдены орудия труда и заготовки мастера эпохи палеолита.

Таким образом установлено, что Кузнецкая котловина и окружающие ее предгорья были заселены человеком в конце древнекаменного века — 30—35 тысяч лет назад.

Это были первобытные охотники, мало чем отличающиеся по своему физическому облику от современных людей. Свои стоянки они устраивали недалеко от крутых обрывов, которые служили естественными ловушками-западнями для диких животных. Заготавливаемые общими усилиями охотников, животные в страхе бросались с обрыва, становясь добычей людей.

Люди древнекаменного века были объединены не только экономически — интересами коллективной охоты, но и тесными родственными связями. В каждом поселении жила группа людей, связанных кровным родством и происхождением от общих предков.

2. Первобытнообщинный строй в период неолита

Прошли тысячелетия, пока первобытное население Кузнецкой земли и других мест Сибири научилось шлифовать камень, стало применять лук и стрелы, делать глиняную посуду. Эта новая эпоха в развитии производительных сил, называемая неолитом, или новокаменным веком, относится в Сибири к IV—III тысячелетиям до нашей эры.

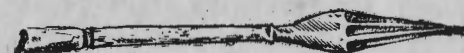
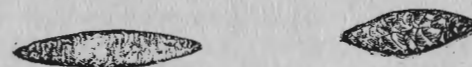
В это время сложились современные растительные зоны: степь, лесостепь, тайга. Вымерли огромные мамонты, исчезли носороги и пещерные хищники. Чтобы существовать, охотнику надо было менять приемы и средства охоты на более мелких и быстроногих животных.

Обнаруженные археологами поселения и могильники позволяют составить довольно полное представление о быте и культуре охотников и рыболовов, обитавших на берегах рек Кузнецкой земли в эпоху неолита.

Еще в 1939 году обнаружен первый в Кузнецкой котловине так называемый Кузнецкий неолитический могильник, ставший ныне широко известным в научной литературе. Расположен он на высоком правом берегу Томи в районе Новокузнецка. Сначала под покровом четвертичных лёссовидных суглинков на глубине 1,6 метра были найдены семь скелетов — два парных и три одиночных погребения, ориентированных головой к северу, ногами к реке. Рядом находились каменные и костяные изделия и множество нашитых на одежду украшений — подвесок из просверленных и распиленных вдоль зубов медведя и кабана. Здесь же обнаружены топоры, наконечники копий, стрел, скребки и ножи из кремня, сланца, мелкозернистого песчаника и порфира. Наконечники копий и стрел, большой кремневый кинжал обработаны по краям тонкой ретушью в виде мельчайших зубчиков. Поверхность топоров обработана сколами. Лишь один топор был зашлифован на плоскостях у лезвия. Среди каменных ножей следует отметить кремневое лезвие — вкладыш в костяной оправе. Листовидные кремневые наконечники стрел и вкладыши, подобные обнаруженным в Кузнецком могильнике, археологи находили в Прибайкалье, на верхней Оби, в Томской и Омской областях и Карельской АССР. В Кузнецком могильнике найдены также костяные гарпуны, применявшиеся для ловли рыбы.

Другой неолитический могильник открыт В. И. Матющерко в 1955 году на севере Кузбасса у рабочего поселка Яя.

Одна из двух обнаруженных здесь могил оказалась особенно «богатой» различными предметами. В ногах скелета лежало до 30 створок раковин: У левой ноги находился топор из яшмы, ниже — второй топор из зеленого нефрита с круто заточенным лезвием. Ступни обеих ног были усеяны просверленными зубами различных животных, украшавшими обувь умершего. На левом бедре



Орудия неолитических охотников Кузбасса (материалы Васьковского могильника конца IV тыс. лет до н. э.).

лежало тесло из кремнистого сланца, тонкое и тщательно обработанное отжимной ретушью, а на правом бедре — остроконечник из того же материала. В этой части скелета встречались также просверленные кости животных, использованные как бусины. В поясной части погребения находился наконечник стрелы и несколько отщепов из кремнистого сланца. Слева у бедра среди просверленных зубов животных найдены две фигурки птиц.

Рядом с умершим лежали костяные пластины. Вероятно, они остались от колчана для стрел и лука — грозного и незаменимого оружия той эпохи.

Еще более ценными оказались находки около с. Васьково на берегу Ини. Они позволяют установить связь неолитического населения Сибири с жителями Урала.

Неолитические орудия были найдены в нижнем культурном слое Маякова городища, в нескольких сотнях метров от Кузнецкого могильника. Речь идет о кремневых наконечниках стрел, булаве или палице в виде диска с девятью зубьями и отверстием, высверленным в центре. Характерны костяные и роговые ложки — археологи находят подобные ложки при раскопках неолитических стоянок во всей Сибири — от Урала до Чукотки.

Неолитическая стоянка более поздняя, чем Кузнецкий могильник, обнаружена М. Г. Елькиным в 20 км к северу от Прокопьевска. Расположена она на высоком ровном месте, недалеко от существовавших когда-то здесь болот и речек, богатых дичью и мелким зверем. Вместе с обычными для того времени орудиями труда здесь найдены остатки глиняной посуды, служившей для варки пищи и хранения продуктов. Наружная сторона черепков покрыта несложным орнаментом.

К поздней поре неолита в Кузбассе относится так называемая

Дегтяревская стоянка, обнаруженная на берегу реки Ур в 20 километрах к северу от Гурьевска.

Раскопками вскрыты три очага с толстым слоем золы и прокаленной глины, что свидетельствует о длительном пребывании здесь человека. Вокруг очагов валялись отбросы: раздробленные кости дикой свиньи, косули, барана, козы. Здесь же найдены кремневые наконечники стрел (один из них оказался вонзенным в челюсть кабана), костяные проколки и черепки глиняной посуды с характерным для позднего неолита орнаментом.

Все сохранившиеся черепа из обнаруженных погребений эпохи неолита относятся к европеоидному типу. Характерен узкий нос, угловатые низкие глазницы, сильно развитое надбровье, покаты́й лоб. По скелетам Кузнецкого могильника удалось определить рост людей того времени. Он колебался от 165 до 172 см.

Люди отдельными родами селились по берегам рек и озер, там, где было много рыбы, водоплавающей дичи и зверя. Их жилищами были землянки. Вверху, видимо, находилось отверстие для выхода дыма от очага, расположенного на полу.

Основой хозяйства жителей Кузнецкой земли являлись тогда охота, рыбная ловля и собирательство. При охоте применялись лук и стрелы. Каменные наконечники стрел листовидной формы тщательно обрабатывались по краям отжимной ретушью. Когда били пушного зверя, применяли стрелы с расширенной ударной частью, чтобы не портить шкуры. Незаменимым оружием древнего охотника и рыболова были также гарпун и копье с массивным каменным наконечником.

Люди того времени не знали ни земледелия, ни скотоводства. И единственным прирученным животным была собака. Человек ничего не производил. Он присваивал себе в готовом виде то, что ему давала окружающая природа. Вся его энергия и ум были направлены в основном на то, чтобы добыть основной продукт питания — мясо. Стремлением к удачной охоте, заботой о пище был пронизан и мир идей первобытного человека. Об этом свидетельствует замечательный памятник древних племен Кузбасса — так называемая Томская писаница.

В 90 километрах ниже Кемерово, около небольшой деревушки Писаной, над Томью возвышается огромная скала. Внизу она имеет уступ, а над уступом нависший козырек. Возвышающийся над водой монолит сплошь покрыт вырезанными на камне фигурами плотно идущих лосей. Крупные, с огромными головами, они поднимаются как бы снизу вверх.

Внизу, на другом камне, изображены фигурки танцующих людей-духов, заклинателей зверей. Фигуры изображены предельно броско и динамично. Только одним контуром, не отрывая резца, древний художник нарисовал танцующего человека. Но этот человек не обычный. Руки и ноги его заканчиваются трехпалыми птичьими лапами, а вместо головы — птичий клюв.

Изображенные на скале люди и звери в большинстве своем относятся к концу эпохи неолита и к началу бронзового века. Во всяком случае фигуры танцующих человечков имеют очень много общего с подобными фигурами на окуневских плитах из Минусинской котловины, относящихся к III тысячелетию до н. э.

Значительное место в жизни людей занимала тогда рыбная ловля и охота на водоплавающую птицу. Они уже обладали необходимыми средствами лова: лодками и сетями, сплетенными из лыка, волокон крапивы или дикой конопля.

В неолитическом слое поселения на Маяковой горе и на стоянке д. Ерунаково на Томи найдено множество каменных грузил для рыболовных сетей.

Население, жившее в Притомье и Кузнецкой низменности, должно было, конечно, использовать в пищу черемшу, корни пиона, дикий лук и полевой чеснок, растущие на берегах рек и склонах гор. Эти растения, добываемые весной и летом и, очевидно, заготавливаемые на зиму, служили важным дополнением к мясу и рыбе.

Пищу готовили на огне, в горшках, вылепленных руками без гончарного круга и обожженных на костре. Горшки обычно имели округленное дно. Поверхность сосудов украшалась несложным орнаментом из небольших углублений, оттиснутых палочкой или ногтем.

3. Развитие первобытнообщинного строя в эпоху бронзы

Во II—I тысячелетиях до н. э. по мере развития скотоводства становятся все более заметны различия в хозяйстве лесных племен бассейна Томи — оседлых скотоводов, охотников и земледельцев, живших в степях Кузнецкой котловины.

Важнейшее экономическое значение в этот период имело появление медных, а затем бронзовых орудий и оружия.

Во времена палеолита и неолита племена Сибири пользовались для изготовления каменных орудий главным образом речной галькой. Переход к добыче руд отражал глубокие сдвиги, подготовленные многовековым развитием производительных сил. Древние рудокопы создали специальные инструменты и выработали целесообразные приемы добычи руд. Сначала они добывали на Алтае, в Горной Шории и Кузнецком Алатау самородные медь, серебро и золото.

Месторождения меди издавна известны в нескольких местах. В бассейнах рек Мрас-Су, Кунгузук и Кайбын есть медная руда и самородная медь. Олово, необходимое для изготовления бронзы, встречается по реке Кондоме, а также Николке и Суе — левых притоках Мрас-Су; есть сведения об оловянных рудах по речке Малый Пезас — правому притоку Нижней Терси. Небольшие, до-

ступные для древнего населения месторождения меди известны на севере Кузбасса по Кие, Яе, Золотому Китагу, Урюпу. Особенно богаты ими берега притока Кии — р. Медянки. Древние, так называемые «чудские» медные копи, распространенные во многих местах Сибири, приписывали неведомому народу — чуди. Есть они и в нашей области.

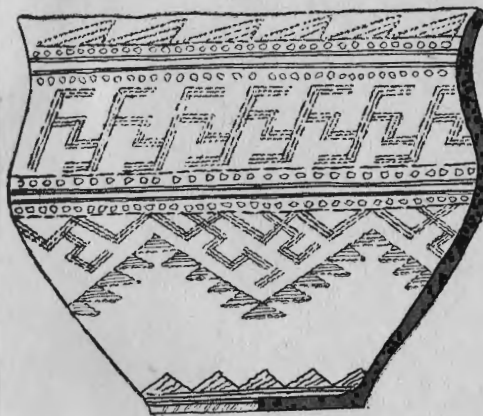
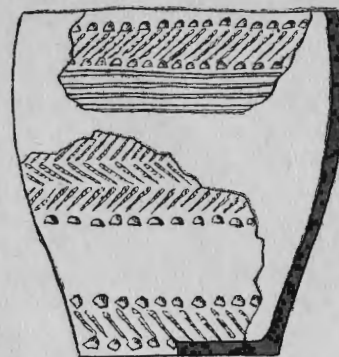
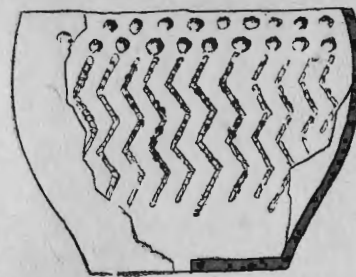
Следы чудских медных копей: кучи шлака и древние горные выработки, уходящие до 30 метров вглубь, обнаружены невдалеке от Салаира. С поверхности чудские рудокопы вели работы открытым разносом, а с глубины 8—10 метров — подземными ходами по направлению рудной жилы, причем, местами применяли даже крепление выработок.

Начало сибирской металлургии связано с афанасьевской культурой. Датируется она концом III и началом II тысячелетия до н. э. Следов афанасьевской культуры в Кузбассе пока не обнаружено. Племена того времени, жившие на Алтае и Енисее, делали только медные орудия. В следующую окуневскую и андроновскую эпоху (около 1700—1200 лет до н. э.) население научилось делать бронзу, орудия из которой были более твердыми и прочными, чем медные.

Памятники андроновской культуры обнаружены на огромных пространствах от Западного Казахстана и Приуралья на западе до Минусинской котловины на востоке. В 1956 году был открыт так называемый Большепичугинский могильник с шестью андроновскими погребениями в Тисульском районе. Одно из них, погребение мужчины, женщины и ребенка, отличалось от остальных богатым убранством. Коллективная могила была выложена срубом из деревянных плах. Скелеты лежали в традиционной для эпохи бронзы скорченной позе на боку. Здесь же найдены зеркала и бусы из бронзы и розовой пасты. За деревянной перегородкой в тайнике стояли глиняные сосуды. Несколько подобных могил исследовано на берегах рек Кия и Ур.

Андроновские племена заселяли Кузнецкую котловину, степи и лесостепи севера нашей области. На первое место в их хозяйстве выдвигается скотоводство. Охота — основной в прошлом способ добывания пищи — теперь отступает на второй план. На основании изучения костного материала с нескольких поселений сделан вывод, что крупный рогатый скот в стаде составлял от 32 до 73 процентов. Разводился также мелкий скот и лошади. По остаткам тканей удалось установить, что овцы были двух пород — тонкорунные и грубошерстные. Из лошадей была распространена степная длинноногая лошадь. Свиной совсем не разводили. Наличие домашних животных не только изменило характер хозяйства, но и существенно отразилось на пищевом рационе. В пище впервые появилось молоко и молочные продукты, а потребность населения в мясе теперь удовлетворялась в основном за счет скотоводства.

Второй важной отраслью хозяйства было земледелие — возделывание хлебных культур. Обугленные зерна пшеницы и ячменя



Сосуды первых земледельцев 2 тыс. л. до н. э. (андоновский могильник у с. Большое Пичугино).

найжены на поселениях в Мало-Красноярке и Алексеевском.

Земля обрабатывалась мотыгой, чаще всего каменной, в виде плоского прямоугольного камня с боковыми выемками для крепления к палке. Встречаются также мотыги, сделанные из лопаток животных и, еще реже, отлитые из бронзы. В ряде поселений найдены бронзовые серпы, которыми убирали урожай. Зерно растирали на каменных зернотерках. Андроновские поселения расположены всегда вблизи широких пойм. Очевидно, земледелие было тогда пойменным. Возделывались более мягкие, плодородные и достаточно увлажненные земли. Огромные массивы сухих степных земель еще не возделывались.

Таким образом, в хозяйстве андроновского населения произошли коренные изменения. Охота и собирательство во II тысячелетии до н. э. уступили место скотоводству и земледелию, широко развившимся в Южной Сибири. Прimitивный, присваивающий характер хозяйства заменился производящим. Люди андроновской культуры не только употребляли то, что можно было взять у природы, но и производили продукты. Это явилось большим шагом вперед.

Андроновских поселений на территории Кузбасса пока не най-

дено. Известны лишь погребения времен андроновской культуры — Большепичугинский, Михайловский и Урский могильники, расположенные в Кемеровской области. Однако известные поселения других мест позволяют восстановить быт населения того времени. Люди жили в обширных полужемлянках. Вдоль стен и в центре стояли столбы, поддерживавшие коническую крышу. Внутри жилища горел огонь для приготовления пищи и обогрева помещения. В андроновских погребениях и поселениях обнаружено множество глиняных сосудов. Первую группу составляют сосуды с толстыми стенками и небрежно заглаженной поверхностью, покрытой грубым орнаментом в виде елочки, нанесенной гребенкой или палочкой.

Вторую группу составляют хорошо сделанные горшки, украшенные поясами разнообразного, четкого и красивого орнамента, состоящего из заштрихованных косых или равнобедренных треугольников, сложных прямолинейно-геометрических переплетений.

С развитием земледелия и скотоводства связано появление и распространение новых ритуалов, нового мировоззрения и новых обрядов, пришедших на смену старым охотничьим обрядам и древней охотничьей магии. Еще более укрепилась родовая община. В результате первого крупного общественного разделения труда — выделения племен земледельцев и скотоводов — произошли важные перемены в хозяйственном развитии отдельных народов. Земледелие и скотоводство развиваются у андроновских племен Южной Сибири, которые занимали степные и лесостепные пространства. В то же время в тайге продолжало существовать старое традиционное хозяйство, основанное на скотоводстве, охоте, рыбной ловле и собирательстве.

Андроновская культура образовалась в результате расселения по степям Казахстана, Алтая и Кузбасса земледельческого населения, пришедшего с Запада, из Южного Приуралья и Приаралья, и перемешавшегося здесь с малочисленными племенами охотников и скотоводов.

Продвинувшиеся на территорию Кузбасса андроновские племена сначала, вероятно, освоили Кузнецкую котловину, а затем оттуда проникли в соседнюю Хакасско-Минусинскую котловину. Это движение шло по узкому степному коридору, зажатому между Томской тайгой на севере и поросшими лесом горами Кузнецкого Алатау на юге — единственному месту, где соединяются степные пространства Западной Сибири и Казахстана со степями Восточной Сибири. Именно через этот коридор и распространились в Хакасско-Минусинской котловине андроновские племена, принеся с запада совершенно новую для тех времен и мест земледельческую культуру, более прогрессивный способ ведения хозяйства.

Судя по материалам Большепичугинского и Михайловского могильников, особенностью андроновской культуры этих мест является наличие некоторых черт соседней лесной культуры. Это прослеживается прежде всего на орнаменте некоторых сосудов.

В тайге к северу и югу от степной полосы жили другие племена, которые можно считать прямыми потомками неолитического населения Кузнецкой земли. Основой их хозяйства была охота, рыбная ловля, домашнее скотоводство и собирательство.

Культура этого населения резко отличалась от степной земледельческо-скотоводческой андроновской культуры. Немного позже, во второй половине II тысячелетия до н. э., на базе достижений афанасьевской и андроновской культур и пришедшего в это время в Южную Сибирь населения, в предгорьях Алтае-Саянского нагорья, Кузнецкого Алатау и Салаира складывается так называемая карасукская культура. Она характеризуется наличием отдельных районов, отличавшихся между собой типами погребений, формами бронзовых орудий, глиняной посуды и украшений, и, видимо, населенных родственными племенами.

Сейчас известно более десяти таких районов культуры: Минусинский, Томский в долине р. Томи, Новосибирский и Верхнеобский на Оби и другие.

В 1959—1961 годах экспедицией Кемеровского педагогического института в Кузбассе был открыт новый район карасукской культуры в бассейне реки Ини. В трех могильниках: Ивано-Родионовском, Пьяновском и Тарасовском, открытых около сел с теми же названиями, в 14 курганах было исследовано 49 погребений.

Характерной особенностью этого района культуры являются могилы, расположенные непосредственно на поверхности почвы. Это отличает инскую группу памятников от Оби, где известны только грунтовые могилы, и от Хакасии, где распространены погребения в каменных ящиках.

Над умершими делались сооружения в виде ящика из плит дымчатого песчаникового сланца или деревянных плах. В некоторых случаях время не сохранило следов этих сооружений. Но на месте погребений осталось много песка от разрушенных сланцевых плит. Вполне вероятно, что над большинством погребенных устраивался ящик из дерна, который сверху покрывался тонкой плиткой сланца. Такие могилы примыкали одна к другой в ряд. Естественно, такие сооружения довольно быстро разрушались, оставляя после себя низкие, высотой от 15 до 50 сантиметров курганы. При исследовании этих погребений собрано много керамики, бронзовых предметов и костей животных. Они и составляют основной археологический материал, позволяющий судить о культуре и хозяйстве населения того времени.

В карасукских могилах Ини встречаются сосуды с выпуклым дном. Высота сосудов вдвое меньше ширины. Они устойчивы и удобны при подвижном образе жизни, когда пользоваться ими приходилось просто на земле, в кибитке или легкой постройке. Подобные сосуды характерны для Минусинской котловины, но их совсем не обнаружено в погребениях на Оби и очень мало на Томи.

В карасукских могилах найдено большое количество бронзовых колец, браслетов, гвоздевидных височных украшений и два пря-

мых бронзовых ножа. Изделия эти по своему виду похожи на подобные изделия на Оби, но заметно отличаются от минусинских бронзовых изделий карасукской культуры. Здесь не встречается коленчатых ножей, лапчатых подвесок, характерных для Минусинской котловины. Это объясняется, видимо, тем, что для ряда западных районов культуры: Инского, Верхнеобского и Новосибирского существовал один центр добычи бронзы. Таким центром, очевидно, были Алтай и Салаир. Карасукцы были скотоводами. Поэтому рядом с умершими клали куски мяса домашних животных. По остаткам костей удалось установить, что стадо состояло в основном из коров, лошадей, овец и коз. Разведение скота было основным хозяйственным занятием населения. Более широкое, чем в андроновское время, развитие скотоводства привело к поискам новых приемов пастбы. Скот стали посезонно перегонять из долин в горы и пасли его круглый год на подножном корму.

Исследованные памятники позволяют утверждать, что в конце II — начале I тысячелетий в степной и предгорной части бассейна реки Ини жило отдельное племя. Здесь сложился своеобразный район карасукской культуры, отличный от соседних.

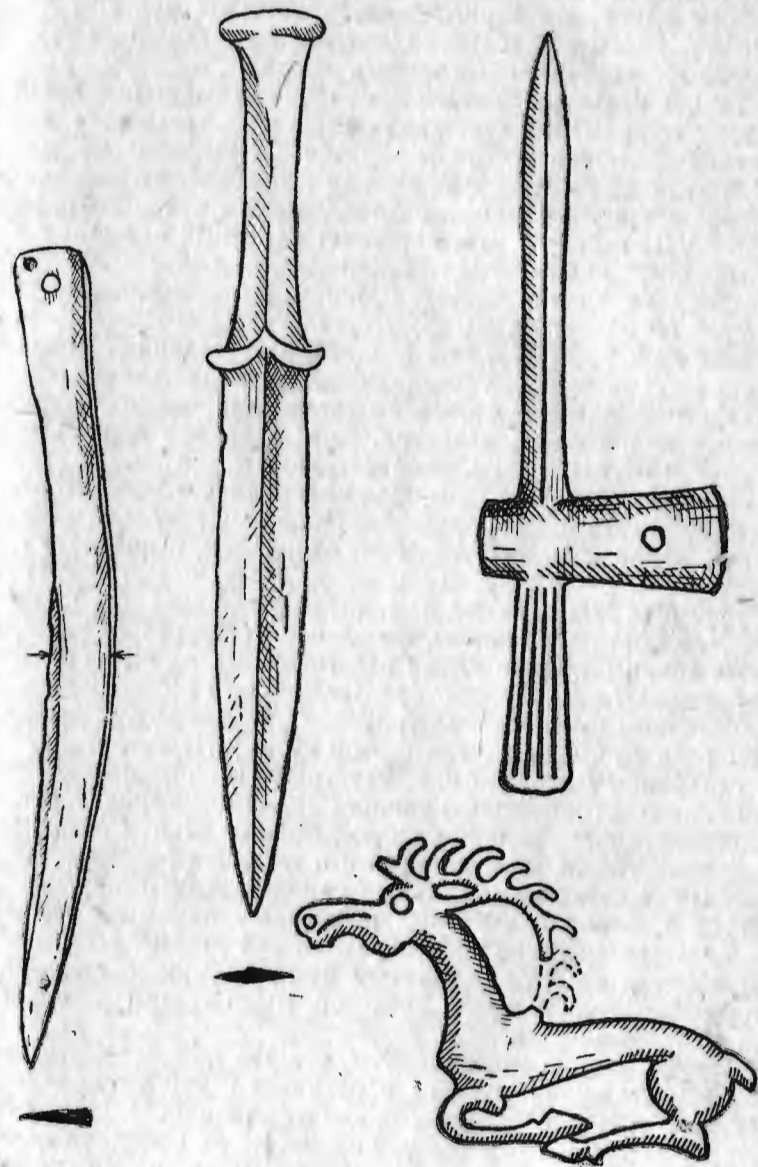
По Томи в карасукское время обитала другая группа родственных племен. Их культура известна по материалам Маякова городища, а в низовьях Томи — Басандайке и Мусульманскому кладбищу. На Томи, судя по поселениям, обитала группа оседлых племен, которые, по всей вероятности, не были родственны населению, жившему по бассейнам рек Ини и Оби.

Здесь другие формы горшков: преобладают толстостенные плоскодонные с более грубым орнаментом. Мало общего с соседними территориями имеют изделия из бронзы. Своеобразие этого района культуры подчеркивается и тем, что здесь, на Томи, гораздо большее значение имела охота и рыбная ловля.

К карасукскому времени, к XI—VIII векам до н. э. относится и часть вещей, найденных на Маяковом городище: четырехгранные бронзовые шилья, бронзовые ножи и пластинки. Найденные здесь же две складные формы для отливки наконечников стрел, вырезанные из мягкого камня, свидетельствуют о существовании местного производства бронзовых изделий. Это подтверждают и обнаруженные на городище кусочки меди, бронзы, медной руды.

4. Культура древних динлинов

Большую область археологических памятников представляет лесостепная и степная территория Мариинского, Тяжинского и Тисульского районов Кемеровской области. Особенно много древних курганов вдоль берегов Кии около сел Усть-Серта, Шестаково, Кураково, Чумай; по Серте и ее притокам, около сел Тисуль, Дворниково, Барандат, на берегах Урюпа у сел Тамбар, Серебряково, Б. Пичугино и других.



Бронзовые предметы тагарской культуры (могильник «Ягуня» VI—V вв. до н. э.).

Раскопки этих памятников начались в конце прошлого века. Еще в 1896 году Г. О. Оссовский раскопал курганы около сел Тисуль и Барандат. Как и большинство археологических памятников соседней Хакасско-Минусинской котловины, эти курганы оставлены одним народом и названы археологами памятниками тагарской культуры, по названию Тагарского озера.

Тагарская культура принадлежит к так называемым культурам скифского мира. Изобразительное искусство тагарского времени родственно «звериному стилю» скифов Причерноморья и саков Средней Азии. Оружие, сбрую, одежду тагарского населения обильно украшали фигурки зверей: козлов, оленей с ветвистыми рогами.

В IX—VIII веках до н. э. наступает заметный перелом в хозяйстве и культуре андроновского населения, жившего главным образом в северной части Хакасско-Минусинской котловины. Это и привело к образованию тагарской культуры, просуществовавшей до II века до н. э. Эта культура оставлена населением европейского облика, ее несколько условно можно приписать древним полулегендарным динлинам. Археологи установили, что этот народ прошел три этапа в своем развитии. Самый ранний период, относящийся к IX—VIII векам, характеризуют могилы в верховьях Чулыма. Бронзовые кинжалы, ножи, зеркала и посуда того времени очень похожи на предшествующие андроновские. Курганы невелики, а под насыпями имеются одиночные, вырытые в грунте, могильные ямы.

В курганах VII века до н. э. резко увеличивается количество изделий из бронзы. Динлины, в отличие от других народов, которые уже знали железо и умели изготавливать из него орудия труда, переживают пока расцвет бронзолитейного производства. В это время динлины заселили пространство Северного Кузбасса на запад до реки Кии и всю Хакасско-Минусинскую котловину.

В середине IV века до н. э. наступают значительные перемены в социальных отношениях динлинов. К этому периоду относятся огромные курганы, одиноко разбросанные по степям Мариинского, Тяжинского, Тисульского районов и в соседних районах Хакасско-Минусинской котловины. Каждый такой курган был родовой могилой. В огромных квадратных ямах часто находится до сотни и более остатков скелетов погребенных. Если раньше вместе с умершими в могилы клали подлинные вещи, которыми люди пользовались в быту, то теперь у скелетов мы находим миниатюрные копии этих вещей.

Это объясняется, очевидно, тем, что эти предметы утратили былое хозяйственное назначение и сохранили чисто символический смысл, как память о бытовых предметах прошлого. Однако могло быть и наоборот. В то тревожное время, когда с востока двигались полчища гуннов, предметы вооружения могли иметь необычную ценность и поэтому в погребальном обряде были заменены миниатюрными копиями.

Тогда, надо полагать, шел усиленный процесс образования от-

дельных племенных союзов. В хозяйстве повышается значение скотоводства, так как только оно давало возможность в тех условиях наиболее быстро и легко обеспечивать людей пищей.

На юге Мариинского, Тяжинского и Тисульского районов возник своеобразный, так называемый Ачинско-Мариинский район тагарской культуры. Население этих мест обладало собственной базой бронзолитейного производства, добывая руды в верховьях Кии и Урюпа. Здесь же отливались разнообразные предметы из бронзы: ножи, проколки, кельты, наконечники стрел, кинжалы и всевозможные украшения.

Здесь совсем не знали орошаемого земледелия, которое к этому времени было широко известно в соседней, Хакасско-Минусинской, котловине.

Археологические памятники и наскальные рисунки того времени позволяют судить о жилищах и одежде тагарцев. Известно, например, что они жили в рубленых четырехугольных наземных жилищах и в конических юртах и шалашах, которые позже сохранились у алтайцев, хакасов и тувинцев.

Остатки кожи, тканей и украшений от одежды показывают, что люди тогда носили короткие, сшитые из шерстяной ткани рубахи и меховые штаны. Поверх надевалась шуба или сшитый из материи короткий, до колен, кафтан. На голове была вязаная шерстяная шапочка, а в зимнее время поверх ее надевался башлык. Женщины, кроме того, носили украшенный бусами передник.

Мирная жизнь этого европеоидного населения была нарушена вторжением в 205 году до н. э. полчищ гуннов во главе с шаньюем Модэ, которые до этого жили в Забайкалье.

Гунны подчинили часть местных племен. Но большая часть населения передвинулась на запад и северо-запад.

После прихода гуннов в технике окончательно укрепилось железо, которое теперь стало основным материалом для изготовления орудий труда и оружия. Пришедшие же на Енисей и в соседние с ним районы племена гуннов частично осели здесь, восприняли достижения тагарцев — динлинов в области земледелия и домашнего скотоводства. Так сложилась новая, связанная с этими историческими событиями, таштыкская культура.

5. Племена Кузбасса в I тысячелетии н. э. Переход к железу

Впервые железные изделия в Южной Сибири появляются в середине I тысячелетия н. э., но лишь в конце его, с возникновением таштыкской культуры, плавка железных руд и производство изделий из железа приобретают широкое развитие.

Распространение черной металлургии представляет собой новый этап в развитии производительных сил Сибири. Железные руды, в отличие от медных, встречаются много шире, и производство

железных изделий довольно быстро приняло такие масштабы, каких никогда не достигало производство изделий из меди и бронзы, и открыло новые возможности для развития земледелия и ремесел.

Памятники железного века на северо-востоке Кузбасса пока слабо исследованы. Между тем еще в прошлом веке известный исследователь В. В. Радлов сообщал, что в Мариинской тайге по берегам р. Кии им были обнаружены «высокие валы железного шлаку», а в курганах, раскопанных им около Улукуля, в 60 верстах от Мариинска, и по берегам р. Чердат, были найдены железные котлы, ножи, наконечники стрел и копий, топоры, кирки, ножницы, удила, стремена, крючья для копки съедобных кореньев, остатки панциря и украшенные бисером железные шейные гривны.

В первые века н. э. на северо-востоке Кузбасса, к востоку от р. Кии, жили племена — носители таштыкской культуры. Таштыкская культура в Кузбассе известна по поселению и ряду курганов, раскопанных у с. Михайловки, и одному кургану близ с. Тамбар, раскопанному в 1957 году. До недавнего времени считалось, что памятники таштыкской культуры распространены только в Хакаско-Минусинской котловине. Сейчас ясно, что и северная часть Кузбасса была территорией распространения этой культуры. В Тамбарском кургане были обнаружены железные кольца, бляшки, крючки и нож с кольцевым навершием. Глиняная посуда здесь напоминает по форме сосуда конца тагарской культуры. Типичными являются сосуды с поддоном.

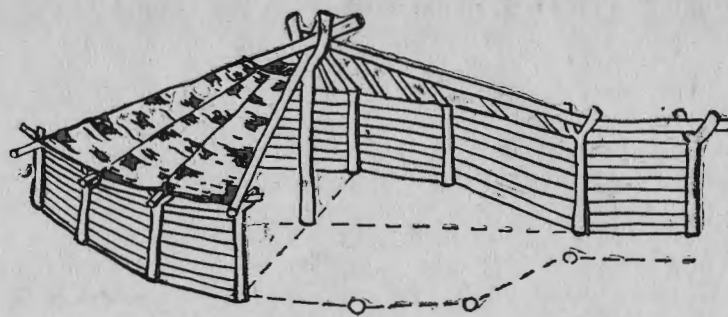
Таштыкская культура, судя по раскопкам Михайловского могильника, была тесно связана с предшествующей тагарской культурой. Боевые стрелы и мечи сарматского типа, найденные в этих погребениях, свидетельствуют о тревожном времени, о постоянных военных столкновениях племен и племенных объединений.

Самое большое из таштыкских поселений открыто на берегу Кии между селами Михайловка и Чумай. Оно занимает пространство более двух километров. Здесь хорошо заметны остатки многочисленных жилищ. Раскопками установлено, что жилища представляли из себя шалаши или юрты диаметром 7—9 метров, с конической крышей, с очагом в центре.

К западу и югу от таштыкских племен, в тайге по верховьям Кии, Яи, Золотому Китату и Томи, в первые века н. э. жили племена, занимавшиеся оседлым скотоводством, примитивным земледелием и охотой.

Культура их племен известна по укрепленным поселениям — городищам. Примером такого поселка является Маяково городище близ Новокузнецка. Высокий мыс на берегу Томи был заселен людьми с эпохи неолита и бронзы. Однако основной культурный слой городища относится к железному веку. На его территории было найдено 16 железных ножей, наконечники стрел, топоры, тесла. Находка шлаков показывает, что железные изделия производились непосредственно в городище.

Население городища обитало в наземных жилищах, основу



Жилище людей таштыкской культуры в Кузбассе (реконструкция по материалам Михайловского поселения II в. до н. э. — IV в. н. э.).

которых составляли вертикально поставленные столбы. Промежутки между ними, вероятно, заполнялись жердями или хворостом. Крыша жилища могла быть покрыта берестой, шкурами, заложена землей или дерном. В каждом жилище было от одного до четырех очагов, расположенных прямо на земле. Никаких следов глиняных сооружений или каменной кладки в очагах не обнаружено. Население городища занималось скотоводством, разводило лошадей, крупный рогатый скот, овец.

Каменные зернотерки, найденные в жилищах и других местах городища, и мотыгообразные костяные орудия указывают на существование мотыжного земледелия.

Одним из главных занятий людей того времени была охота. Судя по найденным костям, обитатели городища охотились на косулю, лося, оленя, бобра, зайца, хомяка.

Значительную роль в хозяйстве играло рыболовство, о чем говорят многочисленные каменные грузила от рыболовных сетей. Наряду с железными орудиями жители городища употребляли каменные зернотерки, песты, точильные камни. Из кости делались проколки, шилья, наконечники стрел, мотыги, гарпуны, застежки, ребенки, ложки. Жителям городища было известно изготовление пряжи и тканей, о чем свидетельствуют каменные пряслица, костяные трепала и многочисленные проколки, иглы и шилья. Они, несомненно, обрабатывали кожу и мех. Обломки глиняных сосудов показывают, что существовало гончарное дело.

Таким образом, жители Маякова городища в I тысячелетии н. э. вели комплексное хозяйство, главными отраслями которого были скотоводство, охота, рыболовство и мотыжное земледелие; вырабатывали железные, каменные, костяные изделия, обрабатывали кожу, дерево, мех, глину.

Раскопки курганного могильника в окрестностях с. Ур-Бедари Турьевского района дали богатые материалы, характеризующие жизнь кочевых племен Южного Кузбасса в более позднее время, в VIII—X веках. Могильник насчитывает 138 курганов. Исследо-

вано около 50 курганов, принадлежавших преимущественно алтайским тюркам. Раскопками установлены два типа обряда захоронения: труположение и трупосожжение.

Различие погребальных сооружений отражало имущественное неравенство. Погребения рядовых людей заключены в неглубоких ямах, в лучшем случае в могилу клали короткий железный нож. Курган, принадлежащий семье богатого алтайского тюрка, содержит захоронение всей семьи, включая детей. В расположении могил наблюдается определенный порядок. В центре находится могила старшего в семье. В курганах знати найдено до 12 могил и до девяти лошадей. Около двух курганов знати сооружены небольшие курганы, где были захоронены только лошади. Соблюдался определенный погребальный ритуал: человек положен на спину, головой на восток. Руки вытянуты вдоль туловища. В 44 могилах рядом с останками человека находился скелет убитой лошади, головой на запад. О неизменности этого ритуала говорят раскопки могил алтайских тюрков в Западной и Центральной Туве. Почти во всех могилах кочевников находят останки части лошади или барана. Вдоль правого бока или на груди знатного воина-кочевника лежал берестяной колчан, лук и стрелы с двух- и трехлопастными железными наконечниками. Особенно распространены железные наконечники с костяными шариками-свистульками. Справа или слева от костяка лежит железный меч, изредка железная сабля. В одной могиле обнаружена даже железная кованая кольчуга. Часто встречаются железные ножи и топоры-тесла. В неразграбленных могилах найдены кожаные наборные пояса с бронзовыми пряжками, бляшками и наконечниками. В трех могилах обнаружены железные походные котлы для варки пищи. В богатых женских погребениях найдены массивные серебряные кольцеобразные серьги, позолоченные серьги с напускными кольцами из шариков на подвеске, ожерелье из перламутровых пластинок с позолотой, бусины из янтаря и китайской мастики. Встречены две брошки с головкой птицы. В женских погребениях X века все чаще появляются вещи, указывающие на расширение связей с енисейскими кыргызами. В двух женских погребениях найдено по серебряному сосуду, в точности похожих на сосуды, обнаруженные в кургане второго Копенского чаатаса в Хакасии.

В более ранних курганах широко распространены изделия из кости, особенно резные пряжки.

От одежды в женских и детских погребениях сохранились обрывки тонкого войлока от халатов, остатки шерстяных тканей и шелковые ленты. Воин-кочевник хоронили в полном снаряжении вместе с его конем. Лошадь хоронилась обязательно взызданной. Железные удила весьма разнообразны по размерам, преимущественно двусоставные, снабжены массивными, слегка эсвидными псалиями. Концы железных псалий раскованы. Такие удила встречаются среди многих древнетюркских памятников Южной Сибири и Монголии VII века.

Удалось найти и все части седла: железное основание, часть древка, костяные застёжки и подпружные пряжки, украшения из высокопробного листового серебра. Стремена имели пластинчатую дужку с вырезом для ремня и довольно широкую опорную часть, с выступом по внешней стороне. Этот тип стремян был широко распространен в кочевом мире.

Смертность детей в те времена была очень велика. И не случайно курганы, не содержащие детских захоронений, весьма редкое явление. Все детские костяки аккуратно завернуты в бересту и уложены в неглубокой материковой яме.

В курганах, принадлежащих знатным кочевникам, обнаружены богатые вещи: зеркала, бусы из янтаря и цветного стекла, шелковые ткани, пряжки из резного камня, относящиеся к VIII—IX векам.

Данные раскопок свидетельствуют о том, что в VIII—X веках кочевники Южного Кузбасса имели тесные связи с племенами Алтая, Восточного Казахстана, Минусинской котловины, Тувы и Монголии.

Из памятников материальной культуры I тысячелетия н. э. необходимо отметить хранящийся в Государственном эрмитаже Ленинграда Терехинский клад, содержащий свыше 100 золотых вещей VI—VIII веков, найденный в 1908 году близ деревни Тёрехино Кузнецкого района. Среди этих вещей содержатся прекрасные образцы ювелирного искусства древних тюрков: бляшки-нашивки на сбрую лошади, одежду знатного тюрка. Среди вещей была золотая монета «с изображением — как тогда писали — на одной стороне женщины, а на другой — мужчины с крестом и надписью нерусской».

Изученных памятников материальной культуры народностей Кузбасса I тысячелетия н. э. немного, но и они позволяют довольно определенно сказать, что в степных и лесостепных районах севера и центра Кузнецкой котловины кочевали племена скотоводов, а в тайге, отрогах Кузнецкого Алатау и Горной Шории жили оседлые племена, занимавшиеся охотой, рыболовством, скотоводством и мотыжным земледелием. И хотя эти племена обитали в стороне от главных торговых путей, тем не менее они имели связи с далекими странами Востока и Запада.

Охота и кочевое скотоводство требовали рассредоточения населения на большой территории. Немногочисленные и разрозненные племена Кузнецкой земли постоянно попадали в зависимость от огромных, но непрочных кочевых держав, возникших в степях Центральной Азии и Южной Сибири.

Во II веке до н. э. народности Кузнецкой земли, очевидно, входили в мощный военный союз кочевников-гуннов, которым в период наибольшего могущества подчинялись племена, обитавшие на обширной территории от Восточного Туркестана до Амура. В середине I века н. э. гуннский союз распался.

Тюркоязычные племена, в частности алтайские тюрки, в VI ве-

ке н. э. создали обширное государство, известное под названием Тюркского каганата, в котором развивались патриархально-феодальные отношения.

В середине VIII века господство в Центральной Азии перешло к уйгурам, создавшим свое ханство, в которое вошли Алтай и другие районы Южной Сибири.

Уйгурское ханство было разгромлено в 840 году енисейскими кыргызами. Эти племена занимались скотоводством и земледелием и стояли на довольно высоком уровне развития: земля распахивалась плугом, применялось искусственное орошение. У кыргызов была развита черная металлургия. Из железа изготавливались оружие и сельскохозяйственные орудия.

В середине XII века енисейских кыргызов, Алтай и Семиречье подчинили кидани. Однако и их господство в конце XII века было подорвано монголоязычными найманами, создавшими сильный союз племен и орд в пределах Хангайских и Алтайских гор и распространившими свою власть от Иртыша на западе до Восточного Туркестана на юге. Различные племена, обитавшие в отрогах Алтая, оказались под властью найманских ханов и вплоть до нашествия монголов в начале XIII века платили им дань.

6. Развитие патриархально-феодальных отношений в X—XVI веках

Тайга и степи Кузнецкой земли в X—XVI веках были местом обитания различных тюркоязычных племен. С востока, из долин Енисея, в Кузнецкую степь и лесостепь приходили со своими стадами кыргызы, с запада — телеуты, кочевавшие в прииртышских и приобских степях. Часть курганов позднего железного века между Кией и Чулымом, раскопанных В. В. Радловым, вероятно, представляла собой кыргызские погребения.

Телеуты принадлежали к южным алтайцам: «Большая часть племенных наименований у южных алтайцев — теленгит, телес, телеут, — отмечает в своей работе «Очерки по истории алтайцев» Л. П. Потапов, — имеет в своей основе этноним теле... телесы южных алтайцев, как и родственные им теленгиты и телеуты, сохранили в своем самоназвании яркое указание на принадлежность их далеких исторических предков к объединению, к телесам орхон-енисейских надписей, монгольских сказаний и т. д., часть которых уже в VI—VII веках обитала в Алтае и в прилегающих к нему районах».

У южных алтайцев монголоидные черты выражены более сильно, чем у северных, их диалекты относятся к северо-западной или кипчакской группе тюркских языков, наречия же северных алтайцев — к северо-восточной или уйгурской группе.

Основу хозяйства южных алтайцев составляло кочевое и полукочевое скотоводство в степной и лесостепной местности. Северные

алтайцы, жившие в тайге, занимались преимущественно охотой, рыболовством, мотыжным земледелием и сбором диких съедобных растений.

Различия хозяйства телеутов и шорцев отражено в старинной шорской песне:

Что лучше всего у Белых Бачат?

В степи разводимый белый скот

лучше всего.

Что лучше всего в исчерна-черной тайге?

Имеющий шесть когтей черный соболь

лучше всего.

Южные алтайцы, в том числе телеуты, смешивались с монголоязычными племенами, распространявшими свое господство в Западной Сибири. «Сокровенное сказание» монголов свидетельствует, что телесы и теленгуты, наряду с другими племенами Саяно-Алтайского нагорья, в начале XIII века по повелению Чингисхана были подчинены темнику Хорчи.

Алтайцы восприняли некоторые обычаи монголов, усвоили ряд их слов, но сохранили свой язык и передали его монголам, осевшим на Алтае.

Как и в других районах, монголо-татары растворились в численно преобладавшем тюркском населении Южной Сибири и усвоили его язык.

В XV веке Кузнецкая земля попала в зависимость от усилившихся в то время ойротских ханов, создавших позже мощное Джунгарское государство.

Телеуты во главе со своими князьями вошли в Джунгарскую державу, составив особое объединение — сеок. Телеуты кочевали по определенной территории в бассейне р. Оби, управлялись своими князьями, являвшимися вассалами джунгарского контайши. Кыргызские князцы в XVII веке также находились в зависимости от джунгарских властителей.

Телеутские и кыргызские князцы собирали дань (албан или алман) с шорцев и других лесных племен Кузнецкой земли для себя и для джунгарского контайши.

У кыргызов, телеутов и джунгар довольно быстро развивались феодальные отношения. Феодалы-кочевники владели обширными пастбищами и многочисленными стадами скота, имели сотни рабов. Рядовые скотоводы находились в зависимости от феодалов, несли в их пользу различные повинности. Феодальные отношения, сложившиеся в кочевой среде, нашли отражение в шорском эпосе.

Шорские героические поэмы показывают общество, далекое от первобытного равенства, разделенное на скотоводческую знать, ее данников, рабов, слуг:

Посреди белой степи,

Средь народа, платящего дань,

Солнцем, луной освещенный,

Дворец золотой стоит.

Поэмы рисуют разгульную жизнь кочевых феодалов: «Ак-каан из дворца вышел, сорок плешивых слуг подозвал, сорок топоров им дал, тридцать седобородых слуг подозвал, тридцать ножей им дал. Табун чалых жеребят забить приказал, табун гнедых жеребят зарезать велел, для богатого пира мяса наварить и нажарить велел... Восемь дней пировали, на девятый день мясо на бересте кончилось, дно казанов загремело. Гости по своим стойбищам разъехались».

В поэмах раскрываются источники обогащения кочевой знати: военные набеги, захват чужих стад, взимание албана с покоренных племен. Герой поэмы Ай-Толай встречает богатырей, которые гонят бесчисленные стада:

Ай-Толай, подъехав к ним, говорит:
— Кто вы, могучие богатыри?
Алыны ему отвечают надменно:
— Мы Большой и Малый Кан-Пергены.
— Чей скот вы гоните и куда?
Сами ли вырастили стада,
С чужой ли земли удалось угнать?
Правду, каны, хочу узнать.
— Нам отказался платить албан
Подлец по имени Алтын-Кан.
Умолк непокорный теперь навсегда,
Нашими стали его стада,
Шестьдесят народов нам дань несут,
А кто не платит — недолог суд.

Собственности, свободе, жизни рядовых скотоводов и охотников постоянно угрожали набеги кочевых феодалов. Столкновения между вассалами верховного хана или между ханом и другими претендентами на власть сопровождались военными действиями, разорением и убийствами зависимого населения. Включение в состав феодального джунгарского государства лишь частично избавляло подданных от военных набегов. Да и сбор дани постоянно сопровождался насилиями.

Между племенами скотоводов и лесными племенами шла оживленная торговля. Джунгары (черные калмыки) и кыргызы пригоняли для продажи шорцам лошадей, привозили овчинные шубы и войлок. Взамен они брали изделия шорских кузнецов и плавильщиков: котлы, топоры, абылы—мотыги, ножи, копыя, рогатины и даже шлемы с кольчугами — куяками. Недаром еще в 1641 году царское правительство строго наказало местным властям следить, чтобы шорцы «куяков и шапок железных и копей и рогатин и никакой ратной сбруи и черным и белым калмыкам и киргизским и саянским людям не продавали и на лошадей и на скотину не меняли». Шорцы, жившие по Мрас-Су и Кондоме, противились этому указу, так как налагаемый запрет серьезно сдерживал торговые отношения с соседями.

Так складывались взаимоотношения между степными и таежными племенами Кузнецкой земли. Так тревожно и трудно жилось

рядовым охотникам и скотоводам под владычеством ойротских ханов, которое алтайские националисты, выступавшие против Советской власти в годы гражданской войны, изображали золотым веком Алтая.

Выше уже рассматривалась история кочевых скотоводческих племен в XI—XVI веках и их взаимоотношения с оседлыми таежными племенами Кузнецкой земли. На истории таежных племен в этот период следует остановиться особо.

Неолитическое население Южного Кузбасса и шорцев сближают их занятия — охота и рыболовство.

Старинные платья шорских женщин украшались рядами ромбов, вышитых гарусными нитками. Подобный орнамент наблюдается на глиняных сосудах периода бронзы в городище Маяк. Бока шорской берестяной пороховницы покрыты вытисненными сетками, встречающимися и на керамике городища Маяк карасукской эпохи. Узоры в виде зигзагов встречаются на глиняных сосудах того же городища из комплекса VI—VIII веков н. э. и на фрагментах шорской глиняной посуды XIV века. Некоторые шорские берестяные табакерки и керамика Маякова городища, относящиеся к разным периодам, украшены треугольниками. Многие шорские костяные изделия орнаментированы рядами небольших кружочков с точками в центре. Аналогичные кружочки мы находим на глиняных сосудах VI—VIII веков н. э., найденных в городище Маяк.

Можно предположить, что археологические памятники Новокузнецка и его окрестностей принадлежали населению, этнически близкому к современным шорцам.

Антропологические материалы Кузнецкого неолитического могильника позволяют сделать вывод, что население Южного Кузбасса в эпоху неолита было в основном европеоидным. Следы европеоидных форм прослеживаются у современных хантов, манси и северных алтайцев.

По-видимому, шорцы имеют определенную генетическую связь с неолитическими обитателями верховьев р. Томи. По своим антропологическим признакам шорское население занимает промежуточное положение между монголоидной и европеоидной большими расами, относится к представителям уральского типа, явившегося результатом смешения типов азиатского и европейского происхождения.

Данные топонимики указывают на наличие у шорцев черт, характерных для кетов.

По мнению профессора А. П. Дульзона, в верховьях Томи предшественником тюркского языка был кетский язык. Этому выводу не противоречат и антропологические данные. Кеты обладают многими чертами уральского типа, к которому относятся шорцы.

Этническая близость шорцев и кетов обнаруживается в этнографических материалах. Те и другие занимались «кузнецким делом», волости их расселения на Томи и Енисее одинаково именовались «кузнецкими».

В этногенезе современных северных алтайцев, в частности шорцев, несомненно участвовали угорские племена. Общность северных алтайцев с хантами и манси обнаруживается в этнографических материалах: в орнаменте, покрое одежды. Некоторые особенности языка шорцев характерны для ненецкого, мансийского и хантыйского языков.

Очевидно, до VI—VIII веков н. э. в Кузбассе жили кето-угро-самоедские племена, часть которых ушла в северные районы Сибири под давлением иноязычных племен, а оставшееся население утратило свой прежний язык, ассимилировалось и вошло в состав тюркоязычных завоевателей, которые начали просачиваться в долину р. Томи с VI века н. э.

Что представляло собой хозяйство населения Южного Кузбасса в XI—XVIII веках?

Продолжала развиваться черная металлургия. Следы разработок железных руд обнаружены по рекам Кондоме, Мрас-Су и Бель-Су. Руду добывали в горах и в болотах. В русских документах довольно подробно описываются способы добычи и плавки руды у шорцев: «Около Кузнецкого острогу на Кондоме в Брасе реках стоят горы каменные великие и в тех горах емлют кузнецкие ясашные люди, каменья, да те каменья, разжигают на дровах, разбивают молотами на мелко и раздробив сеют решетом, а просеяв, сыплют понемногу в горн, и в том сливается железо, и в том железе делают пансыри, бехтерцы, шелома, копы, рогатины и сабли и всякое железное, опричь пищалей, и те пансыри и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы, а иные ясак дают колмацким людям железом же»¹.

Шорская металлургия железа нашла отражение и в фольклоре. В легенде об утесе Ак-гая (левый берег Кондомы) рассказывается о богатыре, который ковал раскаленное железо своими руками, употребляя пальцы вместо щипцов, а кулак вместо молота.

Предки нынешних шорцев выделяли из железа котлы, таганы, стремена, наконечники стрел, удила, тавра для лошадей, трубки для курения, ковши, ножи, кирки-мотыги, палицы, наковальни, щипцы. В одном из русских документов упоминается, что джунгарский сборщик албана Дюренг оставил при бегстве из Кумандинских волостей от преследования русских казаков «660 белок подпалей, кошлока (молодые бобры), 3 черевеси бобровых (мех снятый с брюшка зверя), 66 котлов железных, 109 ганов, шестеры, стремена, железа конские (по-видимому, удила), 900 стрельных железцов (наконечники для стрел), 100 железниц (?), 2 пятна (тавра) железных, две комзы (курительные трубки) и 60 ковшей железных».

Железо и железные изделия шорские племена обменивали калмыкам и кыргызам на лошадей, коров и овец.

Шорское племя сагайцев, кочевавшее в верховьях Томи, зани-

малось скотоводством. Но оно было развито слабее, чем у соседей-кочевников.

Значительное место в хозяйстве шорцев занимало мотыжное земледелие. Л. П. Потапов записал в басейне верхнего течения р. Мрас-Су легенду о том, что предками шорского сеока (рода) кобийцев были братья Темир Кириш и Кола Кириш, у которых на пупах росли колосья ячменя и пшеницы. Эти братья научили земледелию не только своих сородичей, но и людей из сеока Кызай. Анализируя родословную сеока Кобый, Л. П. Потапов пришел к выводу, что примитивное мотыжное земледелие существовало в северном Алтае уже в XVI веке.

В русских документах 1622 года сообщается, что население севера Горной Шории расчищает лес на горах и сеет пшеницу, ячмень и коноплю. Известно, что шорские племена с древних времен сеяли дикую коноплю, из которой выделяли грубый холст. Техника шорского земледелия была чрезвычайно примитивной: землю копали мотыгами. Южные алтайцы, занимавшиеся земледелием, выменивали у северных алтайцев «абылы, чем землю копают».

Абыл представляет собой железную мотыгу круглой или треугольной формы, насаженную на согнутый под углом черенок, он был первоначальным земледельческим орудием шорцев и других алтайских племен. Мотыжное земледелие, по-видимому, возникло у шорцев как отрасль женского труда, так как абыл всегда фигурировал в составе приданого девушки и передавался по наследству по женской линии. Шорский шаман, провожая душу умершей женщины в загробный мир, совершал камлание с абылом в руках. Шорцы обычно обрабатывали землю под пашню на южных склонах гор и в солнечных прогалинах. Урожай убирали, вырывая или срезая стебли.

Те же архаические приемы применялись при молотье. На специально расчищенных площадках в тихую погоду шорцы обжигали снопы на огне. Как только сноп вспыхивал, трясали его над гумном, а обожженные колосья обмолачивали короткими деревянными палками, имеющими утолщение на конце.

Мололи зерно на каменных зернотерках, появившихся в Кузбассе еще в эпоху бронзы. Была распространена также круглая каменная мельница, состоящая из двух жерновов круглой формы, наложенных друг на друга и укрепленных на четырехугольной деревянной подставке, похожей на столик. Такие каменные мельницы были известны на Алтае еще в эпоху тюркского каганата. Для помола зерна применялась и деревянная ступка, выдолбленная из обрубка осины, березы или кедра.

Заметную роль в пище имели собираемые корни диких растений. Георги отмечал обильное употребление в пищу корней верхотомскими татарами. Другой путешественник, Паллас, писал, что «самые крупные и хорошие корни добывают татары, на Мрасе и Кондоме живущие, и отправляют даже до Абакана». По данным

¹ Сибирский вестник Гр. Спасского. Ч. VII, СПб, 1819, стр. 141.

Л. П. Потапова, добыванием корней кандыка, сараны и других растений занимались шорские женщины. Они выкапывали их корнекопалкой — озупом, представлявшим изогнутую деревянную палку длиной около 60 см с насаженным железным лезвием в виде узкой лопатки с поперечной перекладной, на которую ставилась нога для нажима. Шорцы собирали черемшу (колбу), слизун, стручки, журавлиный горох, полевой хвощ, ревеня, корни пиона, ягоды, кедровый орех, яйца птиц.

Одной из ведущих отраслей хозяйства у шорских племен была охота. Георги писал об абинцах: «...звериная ловля есть главное их дело, потому наипаче, что всякая дичина полезна в рассуждении как шкур, которыми и подушный оклад очищают, так и мяса».

По мнению Палласа, звериный промысел являлся главным занятием шорских сеоков Карга и Кобый. Охота была пешей, зимой охотники ходили на лыжах.

Охотники складывали свое оружие, посуду, топоры и запасы пищи на деревянные нарты или волокушу из конской кожи с шерстью, которую и тянули на лямке по снегу. Выходили на охоту небольшими артелями.

Важным источником существования шорского населения было рыболовство. Рыбу ловили при помощи сетей, мордушек или вершей, изгородей, били железными острогами, стреляли из лука.

Таким представляется хозяйство коренных обитателей Южного Кузбасса накануне его присоединения к России.

Население северных отрогов Алтая значительно отставало от соседних скотоводов-кочевников. Вместе с тем шорские племена активно участвовали в обмене с соседними племенами. В русских источниках первой четверти XVIII века отмечается, что алтайцы-скотоводы ездили к шорцам «для смены тулупов и войлоков на котлы и железные абылы, чем землю копают».

В конце XVI и начале XVII века в Южной Сибири существовало своеобразное общественное разделение труда: лесные охотники и металлурги снабжали скотоводов-кочевников мехами и изделиями из железа, а кочевники давали им в обмен скот, продукты животноводства и привозные ткани.

В эту эпоху общешорской народности еще не сложилось. В конце XVI и начале XVII века шорские роды — сеоки обитали по рекам Томи, Кондоме и Мрас-Су. Их родовое деление сохранилось вплоть до Октябрьской революции в названиях сеоков: Аба, Сары, Шор, Челей, Карга, Кый, Кобый, Четтибер, Калар, Шалкал.

Часто шорцы называли себя по месту своего обитания, по названию реки, в долине которой они жили, например, Мрас-кыжи (мрасские люди), Кондим-Чоны (кондомский народ, кондомцы) или аба-кыжи — абинцы. Официальное название народности и самоназвание «шор» окончательно утвердилось после Октябрьской революции. В основе этого названия лежит наименование большого рода Шор, жившего в основном по реке Кондоме. В XIX веке

шорцами стали называть коренных жителей Кузнецкого края их тюркоязычные соседи, алтайцы, телеуты.

С представителями рода Шор встретились русские миссионеры Алтайской духовной миссии, обосновавшейся в 1858 году в стане на реке Кондоме, известном впоследствии под названием села Кузнецкое. Этим именем они стали называть все местное население Кузнецкого уезда. В конце XIX и начале XX века название шорцы вошло в русскую этнографическую литературу. До того же в русских документах и исторических трудах XVII—XVIII веков они были известны под названием кузнецких, кондомских и мрасских татар.

Ко времени появления русских в Горной Шории сложились патриархально-феодальные отношения, основанные на счете родства по отцовской линии. Каждый шорский род имел свое название и вел свое происхождение от общего мужского предка.

Каждый род, судя по косвенным и позднейшим данным, владел общими для всего сеока охотничьими угодьями и своей пахотной землей, которыми могли пользоваться только члены данного родового объединения; чужеродцы на эту территорию не допускались. В период джунгарского господства и позже при царизме род выступал податной административной единицей. В одном шорском предании отмечается, что князец Аржан, живший близ горы Каракуш в Горной Шории, владевший 12 волостями, был вассалом ойротского хана, платил ему алман железом и ячменным толокном — талканом. Патриархально-родовые традиции были оболочкой, под которой скрывались развивающиеся феодальные отношения.

По своей религии шорцы были шаманистами. Шаманизм — религия, развивавшаяся из первобытной веры в духов, из почитания сил природы, животных, культа предков и колдовства, порожденных бессилием далеких предков шорцев перед силами природы, низким уровнем производительных сил и примитивной техникой. Шорцы устраивали родовое моление силам природы весной, когда вскрывались реки, набухали почки на деревьях, и осенью, во время уборки урожая и подготовки к промыслу. Моление совершал кам-шаман, в его отсутствие — старший в роде. Шорцы рода Кый, жившие в верховьях реки Мрас-Су, и абинцы устраивали моления горам и водам, обращаясь к отдельным горам и рекам. Жители долины р. Кондомы, члены рода Челей, осенью перед охотничьим промыслом целым поселком выходили на моление горе Мустагу и окрестным горам. На лужайку выносили из каждого дома ячменное толокно, ячмень, жертвенную брагу в берестяных сосудах. Сначала молились горе Мустагу, его сыновьям, затем менее сильным горам, прося о благополучии, об обильной охотничьей добыче, рыбной ловле.

Шаманизм возник еще в родовом обществе. В дальнейшем шаманство приобретает черты религии патриархально-феодального общества. Шаманы, выступавшие в качестве посредников между божествами и людьми, пользовались большим влиянием, обога-

щались за счет сородичей, помогали феодально-родовой верхушке угнетать народ.

Шорцы не имели письменности. Свои чаяния, горе, радость и надежды они выражали в устных песнях, легендах и сказках. Это, необычайно богатое, уходящее своими корнями в седую древность устное творчество маленькой шорской народности стало достоянием читателей, благодаря трудам дореволюционных и советских ученых: В. И. Вербицкого, Н. П. Дыренковой, писателя А. Смердова¹.

Эпические народные сказания о богатырях и их подвигах рисуют своих героев могучими защитниками народа.

У богатыря железный меч, высекающий из туч молнии, до шестидесятого тенгри (неба) достающий, его ратная одежда «тяжелее железной горы». Богатырь всегда честен, справедлив, смело защищает свой народ. Ак-Каан, возвращаясь с охоты с богатой добычей, «по стойбищам своего народа проехал, половину добычи своей богатой людям раздал». Богатырь Ай-Тола спас мальчика, похищенного разбойником Кара-Кылышем с отцовского стойбища. Мальчик обращается к богатырю с просьбой принять в знак благодарности его стадо. Ай-Тола на это отвечает:

— Чужие к себе пригоню стада,
Что скажет народ обо мне тогда?
Скажут: «Ай-Тола разбогател
От нехороших, нечестных дел».

В шорских героических поэмах богатырь всегда побеждает богачей, насильников и ханов. В поэме «Ай-Маныс» герой одолел могущественного хана Кара-Салгына, захватившего чужой скот и наложившего на народ тяжелую дань.

После победы Ай-Маныса над угнетателем и насильником Кара-Салгыном «со всех сторон народ к нему кинулся, богатыри его окружили, силу и мудрость его прославляют:

— Самый могучий из богатырей на земле живущих, самый знаменитый из всех прославленных, наш великий Ай-Маныс! Из страшной неволи, откуда выхода не было, ты нас освободил, от самого страшного на земле злодея Кара-Салгына нас всех избавил. Весь народ согласен тебе албан платить, только скажи, куда его нам принести!

К Ай-Манысу силы и чистый ум возвратились, с земли он поднялся и так ответил:

— За всю свою жизнь я чужим не пользовался, ни с кого албана не взыскивал. Тем, что мне предки в наследство оставили, что я сам честно нажил, тем и буду жить до кончины. Албана мне ни с кого не надо, чужого добра и чужой земли мне не надо: кто где ро-

дился и жил — туда и возвращайтесь, кто что имел — тем и владейте, спокойно и мирно живите... Ай-Маныса прославляя, люди по своим стойбищам разъехались, молва об Ай-Манысе по всему свету пошла».

Героические поэмы отражают умонастроения и чувства народных масс, борьбу со злом, с поработителями и угнетателями.

В сказках, в отличие от богатырских поэм, более отчетливо выражены особенности национального, бытового и хозяйственного уклада шорцев. Их героями являются не богатыри, а простые охотники и рыбаки, мужчины и женщины. В сказках находит отражение природа родной земли, взгляды шорцев на окружающий мир, их верования и предрассудки. В сказках действуют духи — «хозяева» лесов, гор, рек. В некоторых из них рассказывается о полумедведе-получеловеке, что отражало широко распространенный культ медведя.

Шорский фольклор, будучи органически связанным с трудовой деятельностью человека, в полной мере сохранил свою народность, самобытность и свежесть. В устном творчестве передавались из поколения в поколение лучшие традиции народа, восхвалялись лучшие черты народного характера: честность, доброта, любовь к родине, гостеприимство и отвага, бесстрашие и ловкость, ум и благородство, скромность и выносливость, стремление к миру, ненависть к войне. В поэмах и сказках всегда берет верх правда и добро, а осмеянными и униженными остаются насильники и жадные богачи.

По-видимому, к приходу русских в Западную Сибирь в начале XVII века население Кузбасса этнически становится более однородным. Вероятно, шорские сеоки говорили уже на весьма близких друг другу диалектах уйгурской группы тюркских языков. Они находились на одной и той же стадии социально-экономического развития, имели материальную и духовную культуру, которая при всех различиях представляла собой определенную этнографическую общность. Но шорские сеоки еще не составили единого политического целого. Это были слабо связанные друг с другом родовые группы, предки которых находились с VI—VIII веков на положении данников тюркских каганов, уйгурских ханов, хакасских и западномонгольских феодалов.

Включение Кузбасса в состав России в истории многострадальных шорцев явилось переломным моментом. Несмотря на жестокое угнетение шорского населения царизмом, общение с великим русским народом и его прогрессивной культурой оказало положительное влияние на многие стороны жизни коренного населения Кузбасса.

¹ Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой. М.—Л., 1940; Ай-Толай. Народные героические поэмы и сказки Горной Шории. Перевод, вступительная статья и примечание А. Смердова (Новосибирск), 1948.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КУЗНЕЦКОЙ ЗЕМЛИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ И ЕЕ ОСВОЕНИЕ



С глубокой древности, еще до монгольского нашествия, русские люди поддерживали связи с народами Сибири, выменивали железные и другие изделия на сибирскую пушнину.

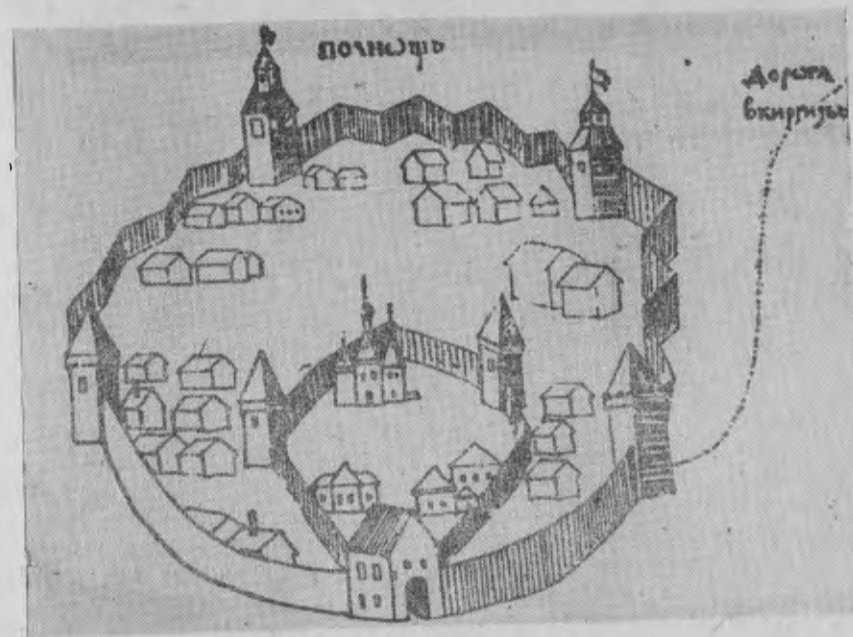
Присоединение к Московской Руси Казанского ханства в 1552 году открыло русскому народу широкую дорогу в Сибирь. Казачий отряд во главе с атаманом Ермаком в 1582 году занял Кашлык — столицу сибирского хана Кучума. Поход Ермака явился началом большого народного движения в Сибирь.

В Сибирь бежали крестьяне от помещиков, шли промышленники-звероловы, тянулись купцы, выменивавшие пушнину у коренного населения. Именно пушнина, поступавшая в виде ясака в царскую казну, стала в XVII столетии видным источником государственных доходов, одной из главных статей русского экспорта. По повелению царского правительства и по инициативе сибирских воевод и служилых людей снаряжались походы казачьих отрядов, приводивших население сибирских земель в русское подданство. За несколько десятков лет русские землепроходцы преодолели гигантские пространства Сибири и вышли к берегам Тихого океана. В 1604 году был основан Томск, в 1619 — Енисейск, в 1632 — Якутск, в 1648 — Косой острожек на берегу Охотского моря, позднее переименованный в Охотск.

1. Присоединение Кузнецкой земли к русскому государству

Распространение русских поселений в южном направлении — на Алтае и Саянах — задерживалось сопротивлением алтайских зайсанов, телеутских и киргизских князцов, вассалов могущественного джунгарского контайши. Племена Кузнецкой земли издавна платили дань пушниной и железными изделиями кочевым феодалам, и, конечно, они не желали лишаться этих доходов. Не коренное местное население, а енисейские и джунгарские феодалы, собиравшие албан в Кузнецкой земле, всячески противились присоединению к Русскому государству.

Опорным пунктом продвижения русских отрядов в Кузнецкую землю явился Томский острог. В 1607—1608 годах томские воеводы



«Град Кузнецкий» в XVII столетии (с. Ремизов)

стали посылать небольшие отряды служилых людей собирать ясак в Кузнецкие волости. Любой поход «в кузнецы» представлял немалые трудности. Томские воеводы В. Волынский и М. Новосельцев в своей отписке 1610 года, посланной в Москву, сообщали: «до кузнецких, государь, до ближних волостей ходу 7 недель, а итти, государь, все до них пусто. И многие, государь, служивые люди и томские татарове, которые ходят в подводах, помирают на дороге с голоду».

И все же год за годом русские отряды все настойчивее приближались в Кузнецкую землю за государевым ясаком. При этом царские воеводы стремились опереться на местную феодально-родовую верхушку. Уже в 1609 году абинский князек Базаяк «служил и прямил» Москве. В 1610 году атаман Иван Павлов явился в Кузнецкую землю с 40 служилыми казаками, «осекся в крепость», устроил укрепление и разослал часть людей по волостям за ясаком. Кузнецкие татары, как русские прозвали шорцев, ясак дали не со всех волостей и не сполна, но дали.

В 1611 году из Томска был послан отряд Ивана Тихонького и Сидора Саламатова, который остановился «посередь кузнецких волостей, в Обинской волости у князька Базаяка». Последний сообщил казакам, что киргизские князцы, велели известить их о прибытии русского отряда «и с кузнецкими людьми соединившись хотят побить заодно... государевых служилых людей».

Казачий отряд, собрав ясак в ближайших волостях, спешно вернулся в Томск. Киргизские князцы в 1614 году организовали поход на Томск, в котором приняли участие и кузнецкие татары. Они выжгли и потоптали хлеба, угнали лошадей и коров, побили многих служилых казаков. В ответ томские воеводы в 1615 году предприняли военный поход, привели население отложившихся волостей к шерти (присяге) и взяли заложников.

В 1618 году по царскому указу был построен Кузнецкий острог «чтоб Кузнецких и иных волостей люди были под государевою высокою рукою безотступно и государев ясак с себя государю ежегодно давали». Кузнецкий острог был поставлен отрядом томских служилых людей, которым были даны в подмогу тюменские и верхотурские служилые люди: «и в кузнецких волостях на усть Кондомы реки с томскими и с тюменскими, и с верхотурскими людьми острог поставили и крепость заделали, а кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку привели»¹.

Кузнецкий острог был поставлен в Абинской волости на земле шорского абинского рода, в названии которого отразилось господство патриархальных отношений (аба, по-шорски — отец).

И до сих пор это слово сохраняется в названиях речки Аба, поселков Абагур и Подабас.

Местное население занималось охотой, рыболовством, мотыжным земледелием, скотоводством, плавкой железных руд и производством железных изделий. На Старцевой гриве, рядом с которой в советское время вырос гигантский металлургический комбинат, краевед К. А. Евреинов находил железные наконечники стрел и остатки плавильных горнов².

Широкое развитие черной металлургии у шорцев так поразило русских, что они стали звать местное население кузнецами или кузнецкими татарами, Кузнецким называли и острог, поставленный в этой земле.

В остроге был оставлен небольшой гарнизон под начальством боярского сына Астафья Харламова, назначенного кузнецким воеводой. В Кузнецке было несколько десятков служилых людей. К городу же со всех сторон «прилегли орды многие».

На посылку отрядов и содержание гарнизона в остроге выделялись весьма ограниченные средства, а если учесть, что воеводы нередко утаивали и без того небольшое жалованье рядовых казаков и служилых людей, станет понятно, что жизнь в остроге была далеко не легкой. Не зря казаки в челобитной к царю Михаилу Федоровичу писали: «Мы, холопы твои государевы, пошедши на твою царскую службу в кузнецы, одолжались великими долгами, давали на себя кабалы, а имали в долг платье, и обуви, и харчи, и головы свои позакабалили, и животышков своих избыли, и в долгу, государь, погибли до конца, без твоего царского жалования». По отзы-

¹ Отписка томских воевод Ф. Боборыкина и Г. Хрипунова тобольскому воеводе И. Куракину, 1816; Г. Ф. Миллер, История Сибири. Т. 1, М., стр. 452—453.

² Новокузнецкий краеведческий музей. Фонд К. А. Евреинова.

ву одного сына боярского: «В Кузнецком и Красноярском острогах людишки нужные и бедные, по два, по три дня на одной лошади, а иной пеш всегда бродят и запас на себе таскают нартами; оголодают и от того голоду ратные люди всегда погибают от киргиз».

Не раз князцы и тайши киргизов, черных и белых калмыков (джунгар и телеутов) нападали на Кузнецк, уводили скот, жгли в окрестностях хлеба и заготовленное сено. Но Кузнецк, южный форпост мощного централизованного Русского государства, стоял твердо.

Коренное местное население было заинтересовано в присоединении к наиболее сильному государству, каким являлось Русское государство по сравнению с Джунгарией, державой алтын-ханов, или другими державами кочевников, не один раз возникавшими и распадавшимися в Монголии и Южной Сибири. Сбор царского ясака сопровождался бесчинствами и насилиями сборщиков. И тем не менее жизнь и собственность местного населения под охраной царской власти была несравненно более спокойной и обеспеченной, чем при непрерывных набегах и междоусобных войнах кочевых феодалов, не прекращавшихся до присоединения Кузнецкой земли к России. Коренное местное население начало сближаться с более передовым и хозяйственным отношением русским народом, перенимать пашенное земледелие, сенокосение, применять на охоте огнестрельное оружие.

Присоединение Кузнецкой земли к русскому государству, несмотря на колониальный гнет царизма, имело для ее жителей положительное значение.

2. Освоение земель Кузбасса русскими крестьянами

Освоение Сибири русскими людьми было процессом длительным и противоречивым. С одной стороны, сюда бежали из центральной России «гулящие люди», крестьяне и посадские. Бежали от невыносимого феодального гнета, в надежде укрыться от бояр и помещиков, обрести здесь вольную жизнь. С другой стороны, стремясь всемерно расширить сферу крепостнической эксплуатации, слало в Сибирь крестьян царское правительство.

Часть крестьян переселялось в Сибирь «по государеву указу», но большинство переселенцев были беглыми помещичьими и государственными крестьянами. Переселение — бегство от феодальной эксплуатации — было своеобразной формой классовой борьбы той эпохи. Оно особенно расширилось в результате усиления крепостнической эксплуатации в XVI веке и в связи с польско-шведской интервенцией в начале XVII столетия. Статистические данные о количестве беглых и крестьян, переселенных правительством в Сибирь, отсутствуют. Но советские историки В. И. Шунков, З. Я. Бояршинова, В. Н. Шерстобоев, изучавшие этот вопрос, считают, что в XVII веке преобладали самовольные переселенцы.

Освоение Сибири выдвигало перед государством много сложных задач. Огромные малозаселенные просторы, относительная малочисленность царского чиновничьего аппарата не дали упрочиться крепостническим отношениям до той степени, как в районах, издавна освоенных феодалами. Поэтому в Сибири не сложилось помещичье землевладение и лишь позже, во второй половине XVIII века, крупнейшие помещики страны — российский император сумели создать огромную горнозаводскую вотчину с жестокой феодальной эксплуатацией десятков тысяч крестьян Алтая и Кузбасса.

Кузнецкая земля, предгорья Алтая и южно-сибирские степи в XVII — начале XVIII века слыли в народе вольной стороной — Беловодьем. На степные озера, богатые рыбой и водоплавающей птицей, в горную тайгу, обильную зверем, пробирались русские охотники-промышленники, бежали от самодержавно-крепостного гнета крестьяне. Вольная крестьянская колонизация из северных районов Европейской России и Приуралья дала основную массу населения Кузнецкой земли.

Среди салаирских горняков XIX века были Тюменцовы, Колмогорозы, Тагильцовы, Мезенцевы, Устюжанины, Печерины, фамилии которых точно указывают, откуда прибыли в Кузбасс их предки. Об этом же свидетельствуют названия старых сел и деревень Кемеровской области: Чусовитино, Устюжанино, Поморцево, Колмогорово, Пермяково.

Самовольные переселенцы, прибыв в Сибирь, обычно не имели средств на обзаведение хозяйством и были вынуждены брать на кабальных условиях денежную ссуду у царских властей или монастырей или наниматься в работники к зажиточным служилым людям.

Часть переселенцев, заводивших хозяйство самостоятельно или с помощью правительственной ссуды, несла повинности непосредственно в пользу государства, обрабатывая десятинную пашню, внося в казну отсыпной хлеб или уплачивая денежный оброк.

В конце 50-х годов XVII века томские воеводы перевели часть пашенных крестьян, живших близ Томска, на земли северо-западной современной Кемеровской области по притоку Томи — р. Сосновке. Крестьяне должны были пахать государеву пашню под присмотром назначенного сюда приказчика. В 1662—1666 годах на этом государевом поле засеивалось 39—44 десятины ржи и примерно столько же овса. Для охраны государевой и собинной крестьянской пашни здесь же был поставлен Сосновский острог.

В Верхотомском остроге в 1689 году числился 41 крестьянин, каждый из них пахал по полдесятины государевой пашни¹.

Под Кузнецком в 1628 году жило 25 крестьян, пахавших 13 государевых десятин, в 1650 — 50 крестьян, в 1705 году — 96 крестьян, пахавших 52 десятины государевой пашни. Следовательно, каждо-

му крестьянину в начале XVIII века приходилось обрабатывать в среднем по полдесятины государевой пашни. Размер собинных земельных наделов крестьян, живших под Кузнецким острогом в начале XVIII века, историк В. И. Шунков определяет примерно в 180 десятин в одном поле. В 80-х годах XVII века часть пашенных крестьян северных районов была переведена с обработки десятинной пашни на сдачу отсыпного хлеба. 21 из 87 крестьян Сосновского острога в 1689 году сдавали отсыпной хлеб. Наконец, имелось известное количество оброчных людей, по определению В. И. Шункова, — гулящих людей, осевших в уезде, но не записанных ни в состав помещичьих людей, ни в состав крестьян.

В 1665 году в Кузнецком остроге числилось 238, а в 1705 году — 308 служилых и оброчных людей. Были оброчные люди и в Сосновском остроге.

Часть переселенцев закабалялась монастырями, основанными в Томском и Кузнецком уездах. Томский Алексеевский монастырь захватил во второй половине XVII века значительную территорию по Томи и ее притокам Писаной, Тайменке, Паче, Лебяжьей, Чебуру, Большому и Малому Искитиму. Эти земли принимались от служилых людей в виде вклада «на помин души», выпрашивались у местных властей, наконец, монастырь приобретал их путем покупки или заклада. Работали на монахов пришлые, гулящие люди, получившие от них скот, семена и сельскохозяйственный инвентарь и дававшие обязательство «жить за тем монастырем вечно».

Алексеевскому монастырю принадлежали село Пача, деревни Искитимская, Асанова — Лебяжья, Томилова, Тайменка и другие, где жили оброчные крестьяне, отдававшие монастырю в виде оброка пятый сноп — пятую долю урожая. В одной Паче во второй половине XVII века жило 33 семьи оброчных крестьян. Кроме того, крестьяне и наемные работники Пачи, Лебяжьей, Тайменки и других деревень обрабатывали монастырскую пашню, косили монастырские луга и выполняли иные работы под присмотром приказчиков, живших в монастырских подворьях, поставленных в каждом селении. В подворьях были жилые избы, погреба, хлебные амбары, скотные дворы. В 1699 году из Пачи было доставлено в монастырь 164 мешка ржи, 129 — ржаной муки, 26 — пшеницы, 28 — ячменя, 3 — ячменной муки, 32 — овса, 2 — толокна и 6 мешков солода. Излишки хлеба и других продуктов монастырь продавал на рынке.

В 1648 году под Кузнецком был основан Рождественский монастырь, существовавший до 1764 года. Село Прокопьевское — ныне г. Прокопьевск — раньше называлось деревней Монастырской — его крестьяне пахали пашню на монастырь¹.

Множество наемных работников трудилось в хозяйствах зажиточных служилых людей. В степной и лесостепной местности по левобережью Томи из заимок служилых людей в XVII столетии вы-

¹ В. И. Шунков. Очерки из истории земледелия Сибири (XVII век), М. 1956.

¹ И. С. Конюхов. Памятная историческая записка (или летопись) о городе Кузнецке, Л. 13. Рукописный фонд библиотеки Томского гос. университета.

росли и ныне существующие деревни Саламатова, Кулакова, Поломошняя, Зеледеева, Корчугановка, Протопопова, Моховая.

В Кузнецком районе служилыми людьми были основаны деревни Атаманово, Сидорово, Тихоново, Антоново, Бедарево, Бызово, в Прокопьевском районе — Лучшево.

В отписке кузнецкого воеводы 1673 года названы конный казак Пронка Тихонов, атаман Иван Бедарь; в отписке 1700 года упомянута казачья вдова Федосья Бызова, в документах 1722 года отмечены пятидесятники Иван Лутчев и Федор Бессонов, боярский сын Тимофей Бессонов. Перечисленные фамилии и сейчас встречаются среди местного населения.

Служилые люди вели хозяйство с помощью половников, захребетников и наемных работников, набиравшихся из неимущих гулящих людей.

Применялась наемная рабочая сила и в хозяйстве посадских людей Кузнецка, многие из которых в XVII—XVIII столетиях занимались земледелием.

Следовательно, гулящие люди, добравшиеся из Европейской России в Сибирь, «душой да телом» в значительной части закабалались царскими властями, монастырями или служилыми людьми. Но этот процесс шел намного медленнее, чем в районах, давно освоенных феодалами. Больше того, не имея возможности эксплуатировать крепостных людей в Сибири, деклассировалась и со временем перешла в другие сословия часть служилых дворян и детей боярских. Кузнецкий помещик И. С. Конюхов в своей летописи Кузнецка, составленной в 60-х годах XIX века, привел целый список фамилий дворян и детей боярских, ставших казаками, купцами и мещанами: «Сыны боярские же в последствии времени записывались в разные состояния и некоторые в гражданские службы, некоторые в казаки, иные в купцы и мещане, из рядов которых и ныне находятся фамилии, как то Годлевские, Буткеевы, Соколовы, Конюховы и прочие». В 1672 году из «изменников и клятвопреступников войска запорожского» в Кузнецк был сослан «нежинский полковник Матюшка Гвинтовка с женою Иринкою да с детьми Ефимком да с Федькою». В документах 1722 года отмечены в списке «лутчих людей из кузнецких обывателей» дети боярские Василий Гвинтовкин и Ефрем Гвинтовкин.

Бессоновы, уроженцы д. Бессоновой, находившейся на территории современного Новокузнецка, — окрестянившиеся потомки сына боярского Тимофея Бессонова; крестьяне Валишевские из с. Сосновки под Новокузнецком — потомки сына боярского Михайлы Валишевского, поименованного в документах 1722 года.

Мы не располагаем полными сведениями о количестве русских людей, переселившихся в Кузбасс за XVII и первую половину XVIII века. Но подавляющее их большинство ехало сюда самовольно. В. И. Шунков упоминает всего несколько десятков крестьян, сосланных в XVII столетии в Кузнецкий острог. Ссылались сюда и служилые люди, среди которых были даже иностранцы. В 1638 году

Кузнецкий острог был выслан из Тобольска Савва Французеин — французский дворянин, авантюрист, перешедший на царскую службу и принявший православие. В окладном списке 1655 года упоминаются пятидесятник Петрушка Есмонт и пушкар Ивашко Федотов Немчин. В деревне Митино, возникшей в начале XVIII столетия, до сих пор живет много Немчиновых.

Общая численность русского населения земли Кузнецкой была сравнительно невелика. Так, первой ревизией 1722—1724 годов в Кузнецком уезде было учтено 1511 мужских ревизских душ и в Кузнецке 1363 души. Женщин было в это время меньше мужчин, поскольку в эти далекие края ехало много одиноких, бессемейных мужчин. Кузнецкий воевода Ф. Баскаков в отписке 1652 года даже просил прислать в Кузнецкий уезд «женок и девок», чтобы «ожелить» одиноких крестьян, которые не заводят своего хозяйства, а скитаются «промеж двор».

Кузнецк до 1918 года оставался единственным городом в уезде. Современный областной центр Кемерово был небольшой деревней. Известный исследователь Сибири С. П. Крашенинников, проезжавший осенью 1734 года по Томи от Кузнецка до Томска, упоминает деревни Кемерову и Шеглакову, расположенные на правом берегу Томи в одной версте одна от другой.

В 1745 году в «Кузнецком ведомстве» числилось «на окладе» уже «4801 крестьян и посадских мужского пола», или примерно 8—9 тысяч всего населения. Следовательно, рост численности русского населения шел ускоренными темпами.

3. Отражение набегов джунгарских и киргизских феодалов

Отряды феодалов-кочевников в XVII и в начале XVIII века неоднократно нападали на Кузнецк, на русские деревни и села по Томи, на поселения шорцев и телеутов. Русских грабили, убивали, уводили в плен, а кузнецких татар, кроме того, принуждали к уплате албана.

Так... «во 130 м (1622 г.) июля в 8-й день пришли де в Кузнецкую землю киргизские люди войной и повоевали Абинскую волость»... В 1624 году на кузнецких людей напали «колмацкие люди» — джунгары или их вассалы «и тем ясачным людям от колмацких людей и стеснение великое и обиды их женам и детям, мучат и в полон емлют, а иных секут».

Через десять лет, в 1634 году, из Кузнецка снова сообщали, что «киргизские люди Талай с товарищи в государевых ясачных волостях на Мрасе живут без престани и у ясачных же мрасских людей емлют всякой живот сильно, а у иного ясачного человека жену и дочь отымет». Киргизский князь Иренак Ишеев в течение двух десятков лет разорял русские ясачные селения в Кузнецком, Томском, Красноярском и других уездах. Его отряды нападали врасплох на людей, занятых уборкой хлеба или ловлей рыбы, убивали их или

уводили в плен, угоняли лошадей и коров, жгли хлеба и сено. Кузнецкий воевода Г. Кушелев писал в Москву, что 17 сентября 1635 года «приходили под Кузнецкий острог войною наши изменники киргизские люди Ишейко с товарищи со многими людьми, и у служилых людей конское и коровье стадо отогнали и на дальних пашнях у служилых людей и у пашенных крестьян хлеба и гумна и на сенокосе сена пожгли, а у пашенных крестьян наши лошади отогнали ж, да убили де те воинские люди на нашей пашне нашего пашенного крестьянина Архипку Павлова, да у пашенного крестьянина у Артемья Павлова сына Лаврушку, да на рыбной ловли двух человек служилых людей конново казака Кирилка Тимофеева, пешево казака Вешнячка Авдеева да гулящего человека Ваську Движнянина».

Не случайно, поэтому, русские деревни того времени жались поближе к Кузнецку. Гарнизон самого острога состоял всего из нескольких десятков служивых людей. Крестьянам, жившим в округе, не раз приходилось браться за оружие и оборонять город. Об этом писали кузнецкие крестьяне в своей челобитной 1703 года: «а в приход воинских людей служили мы... службы зимние и летние и на караулах около города по башням с детишками своими и на выласки ходим и бьемся, не щадя голов своих».

Для охраны русских поселений и обеспечения связи между Кузнецком и Томском в 1657 году на Томи были поставлены остроги Мунгатский, Верхотомский и Сосновский, на месте которых сейчас расположены одноименные села. По данным археологической разведки, Сосновский острог имел форму правильного прямоугольника и был обнесен земляным валом и рвом.

Еще в начале XVIII столетия зависевшие от джунгарского контайши алтайские зайсаны и киргизские князцы продолжали собирать албан с местного нерусского населения и совершали опустошительные набеги, разоряя улусы и деревни Кузнецкого уезда. В 1700 году отряд киргизского князца Тангустая подошел к Кузнецку, разграбил и сжег Рождественский монастырь, сжег 20 дворов в близлежащих русских деревнях, разорил до основания улусы «выезжих ясачных белых калмыков» (телеутов, принявших русское подданство), увел с собой 97 телеутов, 832 лошади, до полутора тысяч голов крупного рогатого скота и овец. В сентябре этого же года отряд киргизского князца Корчинко Бренякова сжег шесть дворов и убил семь крестьян в д. Верхотомской. Несколько сот служилых людей, высланных из Томска, завязали бой с киргизами и вынудили их к бегству.

Князец Бадай в 1709 году не раз нападал на южные волости Кузнецкого уезда. Его люди сожгли деревни Калачеву, Бунгурскую и Шерапскую, увели в плен крестьян, захваченных в поле во время жатвы, сожгли хлеба и сено, убили четырех и ранили семь кузнецких служилых людей. Зайсан Духар с четырьмя тысячами черных и белых калмыков в 1710 году напал на деревни Митину, Бедареву и другие. Были сожжены 94 двора и хлеба, угнано 266 лошадей,

сотни голов крупного рогатого скота и овец. Много людей было убито и взято в плен. В 1757 году кузнецкий разночинец Никифор Брагин узнал среди холопов, приехавшего в Бийск зайсана Бурута, своего брата, который сорок семь лет назад был мальчишкой взят в плен и теперь назывался Аширом. Здесь же под именем Даулат оказалась и племянница Брагина. Поскольку Бурут не имел письменного «вида» на право владения этими холопами, по решению офицеров Бийской крепости Ашир и Даулат были отданы Брагину.

Предания о подвигах местных жителей при отражении неприятельских набегов долго сохранялись среди кузнецчан. И. С. Конюхов сообщает в своей летописи Кузнецка, что при нападении «татар» на село Ильинское дьяк, «он же чтец и певец» бился с татарским князьком, убил его из-за угла «стегом», снял с убитого кольчугу, а самого бросил в реку.

Старик — крестьянин Иван Серебрянников из д. Ашмариной рассказывал Конюхову, что его прадед «будучи одет в кольчугу, нападал на калмыков, поражал их. Они старались его убить или поймать, для сего притягивали арканы, чтобы поймать его с лошадей, но не могли. Напоследок он заперся в башне. Калмыки выслали пленного русского Андрея, знакомого Серебрянникову, с зажженным пучком лучины, поджечь башню. Для защиты Андрею дали нести перед собой доску в виде щита. Подходя к башне, Андрей закричал Серебрянникову: «Не сердись на меня, я неволю послан тебя сжечь». На то ему Серебрянников отвечал: «И ты, Андрей, не сердись на меня. Но какой ты ныне, покажись мне, хотя бы я раз на тебя взглянул». Андрей выглянул из-за доски и Серебрянников его застрелил. Так и отсиделся в башне и калмыки отступили».

Для предотвращения набегов на пограничные районы Южной Сибири царское правительство в начале XVIII века стало строить крепости по Иртышу, в верхнем течении Оби. От Иртыша до Енисея протянулась укрепленная линия. Часть ее к западу от Бийска называлась Бийской или Колыванской. Другая часть к востоку от Бийска — Кузнецкой. Гарнизоны укреплений пограничной линии были немногочисленны. Так, в 1744 году в гарнизоне д. Кузедеево числился 31 человек, в Кузнецке — 160 человек и семь пушек. Значительная часть кузнецких татар к началу XVIII столетия находилась на положении двоеданцев: платила ясак царскому правительству и албан джунгарским и киргизским феодалам.

4. Открытие руд и каменного угля

Царские чиновники, феодальная знать и купечество были чрезвычайно заинтересованы в открытиях месторождений серебра и золота. Казацкие отряды, отправлявшиеся в XVII веке на восток проводить новые земли, нередко получали предписания

искать серебряную руду. Присоединение северных отрогов Кузнецкого Алатау к Русскому государству, переход местных князцов в русское подданство и строительство Каштацкого острожка были в значительной мере связаны с открытием здесь серебряных руд. Томский сын боярский Степан Тупальский с казаками собирали в 1696 году ясак в горных порубежных волостях. Князец Шуйской волости Мышан Когодайда дал Тупальскому около фунта богатой серебром руды и рассказал, что ее плавил у калмыцкого тайши Бомутхана. Тупальский передал руду томскому воеводе Василию Ржевскому. Воевода отправил Тупальского обратно с поручением установить, где была взята руда. Мышан указал выход руды на р. Каштаке. Набрав восемь пудов руды, Тупальский и Мышан приехали в Томск, где князец бил челом, «чтоб ему, Мышану, со всеми улусными людьми перекочевать от киргизских же людей в Томское и быть под ваших великих государей великодержавною рукою в вечном холопстве и ясак давать против прежнего». Мышан был приведен к шерти — присяге, «золото и мед пил» в подтверждение того, что будет служить русским государям «верно без всякой измены» (челобитная В. Ржевского 1696 года)¹.

Образцы руд были отправлены в Москву. Оттуда затребовали дополнительные данные о рудном месторождении. Тупальский вторично ездил на р. Каштак, раскапывал рудную жилу вглубь, делал замеры, собирал образцы.

18 декабря 1696 года был издан царский указ о посылке в Томск греческого рудоплавного мастера Александра Левандиана с товарищами.

На Каштаке был построен небольшой острожек, началась добыча и плавка руды, но рудник просуществовал недолго. Он был заброшен в связи с нападениями немирных киргизов и техническими трудностями, которые не смог преодолеть Левандиан: выработки заливала вода, которую не могли откачать ручными насосами, руда пошла «жесткая, каменистая, с колчеданом», которую не знали, как плавить. Левандиан уехал в Забайкалье.

Однако томский воевода настойчиво продолжал сбор сведений о рудах. Тогда же казачий сын Ивашко Великосельский с князем Ичачелом привезли в Томск образцы серебряной руды, найденной в горе по реке Большому Китату, притоку Яи².

Поиски и разведки серебряных руд в бассейнах Кии и Яи были заброшены после открытия в 1720-х годах богатых месторождений серебряных и медных руд в северо-западных предгорьях Алтая рудоискателями Костылевыми, вместе с которыми занимался поисками руд и первооткрыватель кузнецкого каменного угля Михайло Волков.

Ликвидация зависимости России от ввоза черных и цветных

¹ Памятники сибирской истории XVIII века, кн. 1, СПб., 1882, стр. 247. В. Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937, стр. 601.

² ЦГАДА, ф. берг-коллегии, кн. 854, лл. 512—518;

металлов из-за границы требовала быстрее освоения богатых рудных месторождений Урала и Сибири.

В начале XVIII века стали усиленно строиться рудники и заводы на Урале, которые снабжали металлом армию и флот во время Северной войны. Вслед за Уралом, в 20-х годах XVIII века началось строительство первых заводов и в Западной Сибири.

В центральных районах России, где были сосредоточены металлургические заводы, потреблявшие древесный уголь, в начале XVIII века стал ощущаться недостаток топлива — значительная часть лесов была выжжена. Поэтому правительство Петра I форсировало строительство заводов на лесистом Урале и всячески поощряло поиски каменного угля. В 1722 году берг-коллегия предложила В. Геннину, ведавшему уральскими и сибирскими заводами, «иметь старание о приiske каменного угля как и в прочих европейских государствах обходятся дабы оным лесам теми угольями было подспорье»¹.

Поисками угля занималась специальная команда рудоискателей, созданная при берг-коллегии. Рудоискатель Г. Капустин в 1721 году открыл каменный уголь на Дону. Крепостной крестьянин И. Палицин и рудоискатель М. Титов в 1722 году открыли уголь в Подмоскowie. В эти же годы открыл каменный уголь на берегах Томи Михаил Волков.

Как отмечалось выше, М. Волков примкнул к группе С. Костылева, открывшей месторождения полиметаллических руд в предгорьях Алтая. А чем он занимался раньше? Когда и как стал рудоискателем?

В протоколе берг-коллегии от 26 мая 1724 года записано: «Слушали доношение вдовы Федоровской, жены Селиванова, Феклы Петровой дочери, человека ее Алексея Жирнова, поданного мая двадцать первого дня, приказали в Перяславскую провинцию Резанского послать указ и велеть показанного в вышеписанном доношении ее, Селивановой, крестьянина Михайлу Волкова в ту провинцию сыскать и взять у него подлинной данной из берг-коллегии указ и освидетельствовать за чьею оной закрепою и, списав с него копию, прислать в берг-коллегию при доношении, а подлинной ему отдать с роспискою. А ему, Волкову, и прочим рудоискателям указом объявить, чтобы они помещикам своим и прикащикам во всем были послушны и подати государевы и работу помещичью работал без всякой отговорки»².

Этот документ представляется довольно убедительным, тем не менее нельзя забывать об утверждении Г. Веймарна и В. Рожкова, что М. Волков был тобольским казачьим сыном. Г. Веймарн пишет: «...в 1720 году оный же Костылев, взяв с собой тобольского казачьего сына Михайла Волкова, и быв с ним в местах, лежащих

¹ С. В. Шухардин. Русская наука о разработке ископаемого угля в XVIII в. Глетехиздат, 1950, стр. 10.

² Открытие и начало разработки угольных месторождений в России, стр. 107.

над рекою Алеєю и между оной и рекою же Чарыша, нашли в разных тамо урочищах медные ж руды»...¹ По данным В. Рожкова, тобольский казачий сын М. Волков и С. Костылев должны были встретиться в Кунгуре в октябре 1720 года².

М. Рожков приводит список рудознатцев, которых В. Н. Татищев в 1720 году привез с собой из Москвы на Урал, — М. Волкова среди них нет. Вместе с тем Рожков и Веймарн, ссылаясь на известные им документы, сообщают, что М. Волков был тобольским казачьим сыном, а Веймарн прямо пишет, что этот казачий сын искал руды вместе с Костылевым.

Следовательно, есть больше оснований предполагать, что первооткрывателем кузнецкого угля был тобольский казачий сын Михайло Волков.

Группа С. Костылева в 1720—1721 годах вела поиски полезных ископаемых в северных предгорьях Алтая. В феврале 1722 года М. Волков сделал заявку на железную руду, найденную им в Томском уезде, и уголь, обнаруженный им в «горелой горе» в семи верстах от Верхотомского острога³, на территории современного г. Кемерово, где и сейчас видны выходы угольных пластов в обрыве правого берега реки Томи.

Когда в сентябре 1957 года отмечалось 50-летие Кемеровского рудника, горняки не забыли о первооткрывателе. У высокого обрыва воздвигнутobelisk в честь первооткрывателя кузнецкого угля Михаила Волкова.

Открытия Капустина на Дону и Волкова на Томи как никогда ствечали потребностям времени: в России развивалась металлургия, которая требовала все больше топлива.

Жителям Кузнецкой земли издавна были известны «горелые горы» со следами угольных пожаров и слоями обожженных горных пород. В такой-то горе Волков и нашел «горючий камень». Получив образцы каменного угля, в берг-коллегии постановили послать на место запрос о способах доставки угля к заводам и рудникам: «...в том реестре нумера первого показан уголь каменный из Томска доносителя Михайла Волкова, и о оном угле осведомить — невозможно ль оттуда водяным путем к заводам или рудникам каким промыслам возить, и о том репортовать».

Подразумевалась, очевидно, поставка угля на заводы Урала, так как ни на Алтае, ни в другом месте Сибири металлургических заводов тогда еще не было.

¹ ГАНО. Г. Веймарн. Историческое, критическое и наставительное изъяснение о Колывано-Воскресенских золото-и сереброплавильных заводах (копия рукописи 1766 г.); стр. 10.

² В. Рожков. Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого. Горн. журн., т. III, 1884, стр. 98.

³ Л. Малеев. Алтайский горный округ. «Русская старина», № 8, 1909, стр. 307—309; Н. Я. Нестеровский. К истории открытия каменного угля в Кузнецком угленосном бассейне... Горн. журн., № 3, 1915, стр. 79—80. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России, стр. 96—106.

Неизвестно, какой ответ получила берг-коллегия на свой запрос. Доставка кузнецкого угля к уральским заводам по Томи и Оби была явно не под силу транспорту XVIII века. Да в этом и не было особой необходимости: уральские леса в изобилии снабжали топливом местные заводы. Но стоит отметить, что использование кузнецкого угля уже при его открытии было поставлено в прямую связь со снабжением топливом уральской металлургии.

Открытие Волкова тогда, в 1720-х годах, не нашло практического применения. Сам Волков был послан на уральский Подволошный рудник и его дальнейшая судьба неизвестна. Но какой бы не была личная судьба М. Волкова, его открытие сыграло позднее выдающееся значение в судьбе земли Кузнецкой.

Между прочим, в научной литературе недалекого прошлого встречались утверждения, что первооткрывателями кузнецкого угля были ученые-путешественники Мессершмидт и Гмелин. Мессершмидт, проезжая через Кузнецк в 1721 году, действительно побывал «на горелой горе» под Кузнецком при устье р. Абашевой, но усмотрел в ней проявление вулканической деятельности. Он собрал образцы горелых пород и обломки каменного угля. О последних упоминает М. В. Ломоносов в каталоге коллекций Минерального кабинета Кунсткамеры Академии наук, который великий русский ученый редактировал в 1745 году¹.

В 1730 году помощник Мессершмидта Страленберг опубликовал в Швеции книгу «Северная и восточная часть Европы и Азии», в которой широко использовал неопубликованные материалы Мессершмидта. Он упоминает, что между Томском и Кузнецком в земле абинских татар есть место, где по временам из горы выделяется дым и пламя. Возможно, Страленберг и имел в виду горелую гору близ Кузнецка.

Ранней осенью 1734 года на той же горелой горе под Кузнецком побывал академик Гмелин. «Когда были совсем близко, — писал он позднее, — то увидели дым, выходящий в нескольких местах у подножия горы, который вблизи имел неприятный запах. Наконец, мы подошли к местам горения. После того, как мы тщательно осмотрели все кругом, мы убедились, что выделение дыма происходило впоследствии горения там смолистой земли, которая залегала неглубоко от поверхности и потому при желании ее легко можно было бы потушить».

Подобного рода беглые заметки об огнедышащих горах и смолистой земле нельзя серьезно считать открытием угольного месторождения. Честь открытия каменного угля в Кузбассе, бесспорно, принадлежит Михаилу Волкову.

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 5, Изд-во АН СССР, 1954, стр. 76, 82, 97.

5. Приписка государственных крестьян к заводам Демидова

Крупнейший уральский промышленник А. Н. Демидов, узнав об открытиях группы Костылева, заинтересовался сибирскими рудами.

В январе 1726 года он обратился в берг-коллегию с прошением разрешить ему строить медеплавильные заводы «в старых татарских пустых вотчинах» по рекам Алею и Чарышу, в местах, приисканных якобы его людьми в 1724 году. В следующем прошении Демидова говорилось о поисках не только медных, но и золотых и серебряных руд. Горнозаводчик претендовал на монополию строительства заводов и рудников: «И ежели же где приищутся впредь, медные, серебряные, золотые руды, чтобы нам копать их было не отводным же числом и заводы заводить не против привилегии, а другим в тех местах для копки руд и построению заводов мест не отдавать и не отводить».

16 февраля 1726 года берг-коллегия вынесла приговор, разрешивший Демидову строить заводы на Алтае¹. Указ от 12 ноября 1736 года разрешил А. Демидову строить медеплавильные заводы по Иртышу и Оби и запрещал другим заводчикам вести работы там, где находились рудники Демидова.

Демидов постарался наложить руку и на кузнецкий уголь. В 1739 году он представил в берг-директориум, заменивший берг-коллегию, образцы каменного угля, и просил выдать ему указ на разработки угля «подле реки Томь под городом Кузнецким», и разрешение на поиски, «в объявленных и в других местах Томского, Кузнецкого и Енисейского ведомств одного угля и других металлов и минералов».

Значительную трудность представляло обеспечение алтайских предприятий Демидова рабочей силой. Указ 31 марта 1726 года о строительстве заводов на Алтае разрешал Демидову нанимать рабочих людей с паспортами: но свободных людей, желающих наняться на работу, в крепостной России, а тем более в Сибири, было мало. Кадры рабочих алтайских рудников и заводов, как правило, формировались из беглых крестьян, из переведенных с Урала демидовских крепостных и местных крестьян, приписанных к заводам Демидова по распоряжению правительства. В августе 1727 года берг-коллегия разрешила Демидову селить при алтайских заводах «пришлых, кои живут в лесах и у калмыков, и шатающихся по селам дворцовых, и монастырских, и помещиковых людей и крестьян, кои в подушной оклад не написаны». Позднее, в 1736 году, горнозаводчик получил право оставить у себя на заводах пришлых и беглых, государственных, помещичьих и монастырских крестьян, обучившихся мастерству, «и платить за них как подуш-

ные, так и четырехгривенные деньги». Таким образом закрепощались под именем вечноотданных крестьяне, ставшие мастеровыми.

Демидов настойчиво добивался приписки к своим рудникам и заводам государственных крестьян. Так, например, по указу Сибирской губернской канцелярии в 1742 году к Барнаульскому заводу, на шесть плавильных печей было приписано 100 дворов из деревень Белоярского и Бердского острогов и Малышевской слободы Кузнецкого уезда и 100 дворов из деревень Чаусского и Сосновского острогов Томского уезда. Значительная часть крестьян, приписанных к заводам, жила от них за многие сотни верст. Время, потраченное на проезд до места работы и обратно, крестьянам не оплачивалось: «за их в пути проход и отход от заводов никакой платы и зачету не производится».

Повинности приписных крестьян делились на конные и пешие. Конные работы заключались в перевозке руд, угля, извести, камня и других материалов. Выполнялись они обычно крестьянами близлежащих к заводам деревень. Пешие повинности были довольно разнообразными. В связи с недостатком кадровых рабочих, крестьяне выполняли основные горные и плавильные работы, рубили дрова, жгли уголь.

Крестьяне отработывали на заводах подушный оклад, которым в крепостной России были обложены все мужчины, независимо от возраста и состояния здоровья. Поэтому работоспособным мужчинам приходилось отбывать повинности за малолетних, престарелых и инвалидов.

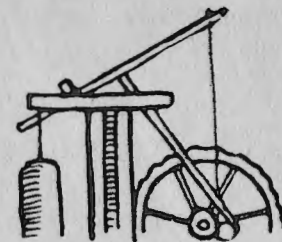
За отработку подушного оклада приписные крестьяне получали «по плакату» — по государственной таксе, установленной указом 13 января 1724 года: «за работу людям и лошадям давать во всех местах ровно, и именно: в летнее время мужику с лошадей по десяти, а без лошади по пяти копеек, а в зимнее с лошадей по шести, а без лошади по четыре копейки на день». Сумма подушной и оброчной податей составляла 1 рубль 10 копеек с человека. Следовательно, крестьянин с лошадей мог отработать подать за 11 дней летом и за 18 дней — зимой. А если был без лошади, тратил на это 22 дня летом и 28 дней зимой. Обычно же Демидов заставлял крестьян работать на себя по два месяца, что предусматривали и расценки на отработку подушного оклада, и за работу сверх него¹.

Перевод вольнонаемных мастеровых на положение вечноотданных и приписка к демидовским заводам государственных крестьян вызывали сопротивление с их стороны. Нередко уклонение от заводских работ принимало массовый характер. В 1744 году, солдат Степан Синицин был послан «для сыску и привозу нетчиков и беглых с работ прежних нарядов деревенских обывателей и приписных крестьян Василия Охрямкина с товарищи девяносто трех человек».

¹ ЦГАДА, ф. берг-коллегии, д. 854, л. 95.

¹ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 315/476, д. 47, лл. 5—9.

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ФЕОДАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА



1. Превращение Алтая и Кузбасса в царскую горнозаводскую вотчину

По указу 12 мая 1747 года Алтайские рудники и заводы были взяты у наследников А. Н. Демидова на имя императрицы Елизаветы Петровны и стали, таким образом, частными предприятиями царствующей императрицы.

Предприятий Демидова непосредственно в Кузбассе не было, но часть живших здесь крестьян была приписана к его заводам. Поэтому земли Кузбасса были включены в округ Колывано-Воскресенских, или Колыванских заводов, переименованный в 1831 году в Алтайский горный округ.

Округ Колыванских заводов был по территории больше Англии, Дании и других стран Европы. Это было своего рода государство в государстве со своей администрацией, со своеобразным хозяйственным и правовым укладом, который алтайский историк Н. Зобнин справедливо назвал военно-крепостным строем.

Переход земель Алтая и Кузбасса под «царскую руку» обеспечивал коронованным владельцам монопольное использование рудных месторождений и привлечение в качестве дешевой рабочей силы десятков тысяч крестьян, живших на этих землях. Императрица Екатерина II в 1764 году собственноручно писала, что Колывано-Воскресенские заводы есть ее вотчина, а она их помещица¹.

Так Кузбасс стал частью царской горнозаводской вотчины, а его крестьяне перешли под управление царского кабинета, ведавшего обширным дворцовым хозяйством.

Феодалы способствовали развитию производительных сил Кузбасса того времени. Богатые полезными ископаемыми земли, наличие дешевых работников в лице зависимых крестьян и мастеровых, дали возможность царскому кабинету во

¹ ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, д. 121, ч. II, л. 235 об.

Люди бежали за рубеж «в калмыки» — в Джунгарию, кое-где начались самосожжения старообрядцев. 13 октября 1743 года сгорели 18 человек в д. Лепихиной Кузнецкого ведомства, «объявля перед тем сгорением причиненном им, посланным из Кузнецка офицером с командой увещания, что они намерены гореть от того, что приписаны к Колывано-Воскресенским заводам, в работы, в коих де работать им весьма натужно».

По данным 1745 года, в Кузнецком ведомстве числилось «на окладе» 4801 крестьян и посадских мужского пола, из которых бежало 173, сгорело 124 человека.

Рабочие и приписные крестьяне, трудившиеся на предприятиях Демидова, были первыми русскими горняками и металлургами в Западной Сибири. Все они, даже и те, кто начинал работать по вольному найму, с помощью царского правительства постепенно закрепощались Демидовым.

Подобные явления наблюдались в XVIII столетии на рудниках и заводах Урала и Европейской России. Капиталистические по своему характеру крупные предприятия приспособлялись к господствующим тогда крепостным порядкам, широко использовали подневольный труд.

второй половине XVIII века двинуть вперед развитие горнозаводского дела в Кузнецком уезде. Тогда же сложилась своеобразная система кредитования заводов и рудников государственным казначейством. Кабинетские власти собирали с приписных крестьян подушную подать и вместо того, чтобы сдавать собранные суммы в казначейство, употребляли их на текущие хозяйственные расходы. Серебро, выплавленное на кабинетских заводах, отправлялось в Петербург на Монетный двор. Часть полученной монеты шла на погашение долга казначейству, а часть поступала в распоряжение кабинета.

2. Открытия руд и каменного угля

Открытие богатых рудных месторождений в Кузнецком уезде во второй половине XVIII века позволило основать здесь новые кабинетские заводы и рудники.

Как правило, первооткрывателями новых рудных месторождений были местные жители: кузнецы, плавильщики, крестьяне, мастера. Томский завод, например, возник в районе, где издавна добывали и плавил железную руду шорцы. В 1768 году они сообщили о наличии железной руды по р. Томь-Чумыш горному технику — шихтмейстеру В. С. Чулкову, который побывал в тех местах, описал месторождения и представил образцы руд в Барнауле, где находилось управление Колыванскими заводами. Кабинет в 1769 году распорядился построить на р. Томь-Чумыш железоделательный завод, названный Томским. К 1776 году в окрестностях этого завода было выявлено 17 месторождений железных руд.

Крестьянин Новиков в 1781 году заявил о находке железных руд близ д. Темировой (современный г. Кемерово), д. Мозжухиной, у горы Порывая и по р. Промышленной близ Верхотомского острога.

Партия Линденталя, искавшая поделочные камни, открыла в 1786 году выходы мраморов и порфиров в Горной Шории и попутно обнаружила железные руды по речкам Тельбесу и Узелесу.

Однако наибольший интерес царский кабинет проявлял к серебру и золоту.

Салаирские полиметаллические месторождения, открытые в 1781 году в Кузнецком уезде, наряду с алтайскими Змеиногорским, Риддерским и Зыряновским, принадлежали к крупнейшим месторождениям серебряных руд Алтайского горного округа. На том месте, где позднее возникла Верхняя Харитоновская шахта, стояла охотничья избушка «ясадного татарина» Нарышева. Он жил в д. Салаирской, а зимой уходил в тайгу промысливать соболей. Летом 1781 года в эту деревушку приехал ссыльный рудоискатель Дмитрий Попов и начал выспрашивать у местных охотников, какие и где камни встречаются в горной тайге. Нарышев дал Попову несколько кусков шпата, с которыми тот уехал в Барнаул. Вскоре он вернулся с несколькими горными служителями. Приезжие убеж-

дали Нарышева показать им месторождение шпатовых руд. Тот долго отнекивался, «но, будучи, наконец, обольщен, что все награждение с ним разделено будет пополам, получа наперед в подарок лошадь с седлом и ружье, безо всякого затруднения показал»¹.

Попов продолжал искать руды и в 1790-х годах. В Кемеровском областном архиве хранится «роспись объявленным 1797 года ноября 8-го числа рудам Дмитрия Попова приискам», в которой перечислены образцы руд, доставленные Д. Поповым в 1797 году.

Во второй половине XVIII века поступают новые сведения от местного населения о каменных углях в Кузнецком уезде. Ученым, приезжавшим в Кузнецк, показывали образцы угля и выходы угольных пластов. Академикам Фальку и Георги показали в 1771 году горелую гору в 20 верстах от Кузнецка, которую ранее осматривали Мессершмидт и Гмелин.

Фальк отмечал распространенность каменноугольных отложений в Кузнецком уезде: «Северные нижние горы, составляющие Кузнецкий... уезд... состоят из глины, мергеля и извести, а особливо из угольного шифера и угольных флецов» (пластов).

Комендант Кузнецка в 1780-х годах подарил другому ученому И. М. Ренованцу образцы каменного угля. Ренованц наблюдал выходы угольных пластов между д. Монастырской (ныне г. Прокопьевск) и с. Бачаты, где в настоящее время работают мощные шахты.

Поисковая партия Линденталя в 1786 году обнаружила выходы каменного угля по притокам Мрас-Су — Айзасу и Камзасу.

Плотинный ученик Томского завода Яков Ребров зимой 1787 года, возвращаясь из дальней поездки за хлебом, обратил внимание на черный пласт, в утесе между деревнями Боровковой и Атамановой. Ребров наломал около пуда угля и привез его домой. С 1789 года уголь Атамановского месторождения, открытого Ребровым, стал применяться на Томском заводе.

Первый управляющий Салаирских рудников П. И. Шангин во время поездки по Ине и Томи в 1791 году неоднократно наблюдал выходы каменного угля по берегам и следы угольных пожаров. И. Ф. Герман в 1790-х годах осматривал пласты каменного угля у деревень Меретской, Коноваловой, Афоной, Костенковой.

Первооткрывателями месторождений руд и каменного угля чаще всего были местные крестьяне и охотники, от которых эти сведения поступали горным инженерам и ученым.

Каменный уголь в XVIII столетии на заводах почти не использовался. Открытие же месторождений железных и полиметаллических руд в Кузнецком уезде привело к возникновению Салаирских рудников, железных копей, Томского и Гавриловского металлургических заводов.

¹ И. Герман. Сочинения о сибирских рудниках и заводах Ч. 3. СПб, 1801, стр. 43.

3. Строительство кабинетских рудников и заводов

Путешественники XVIII века писали о производстве железа у шорцев. И. Гмелин, например, сообщал, что многие мрасские и кондомские татары добывают из руды железо. По словам И. Георги, абинцы, жившие в районе Абагура, находили железные руды на поверхности гор или в болотах под дерном. Он подробно описал плавку и ковку железа у шорцев: «Плавильное их заведение едва ли может быть простее. Плавильная печь делается в зимней хижине и состоит в гемисферическом на пядень углублении глинистого пола в избе, у которого находится на одной стороне для действия двумя мехами небольшое отверстие. Яма покрывается круглою горбатою вьюшкой из глины, в которой в самом верху есть отверстие пространством дюйма в два. Когда плавят, то наполняют печь такими мелкими угольями, какие только сквозь отверстие проходить могут и оные поджигают. А как они совсем разгораются, то при непрерывном раздувании мехами бросают попеременно сквозь отверстие в печь то уголья, то по небольшому количеству истолченной мелко руды. Часа в полтора выходит руды около трех фунтов. Вскрывши печь, очищают они переплавленную руду от огарков биением оной деревянными поленьями. Из выплавленного таким образом железа куют они на каменных наковальнях железными молотами железы к стрелам и заступы».

Однако к концу XVIII столетия продукция примитивной шорской металлургии вытесняется более разнообразной, высококачественной и дешевой продукцией русских предприятий мануфактурного типа.

В Кузнецком уезде возник Томский железоделательный завод, который не только обслуживал потребности кабинетских заводов и рудников, но и сбывал на вольном рынке сошники, топоры, лопаты и другие изделия. По словам исследователя Л. П. Потапова, шорское «кузнечное железоделательное производство исчезло к концу XVIII в.».

Вторая половина XVIII века была временем усиленного развития кабинетского хозяйства, строительства новых заводов и рудников.

С 1780-х годов начали разрабатываться Салаирские полиметаллические месторождения, здесь поблизости друг от друга возникли три рудника. Первоначально руда добывалась шурфами и прорезами-канавами глубиной до сажени.

В 1782 году началась проходка Харитоновской шахты, Борисоглебской и Духовской штолен, которые вскрыли новые рудные пласты. Для подъема руд и отлива воды были построены Борисоглебская и Яковлевская шахты. В 1788 году разведочным шурфом, пробитым при устье Духовской штольни, были встречены охристые и шпатовые руды, содержащие два золотника серебра в пуде. Вначале их разрабатывали открытым разносом, а в 1789 году по-

строили Разносную шахту, пройденную по сплошным рудам на глубину 20 сажень.

По мере роста подземных выработок ухудшалась вентиляция. В то время для вентиляции использовалась естественная циркуляция воздуха в выработках, соединявших две шахты. В 1790 году для обеспечения вентиляции на Разносной шахте пришлось пробивать новую Соймоновскую шахту, здесь же была устроена конная рудоподъемная и водоотливная установка.

Для спуска шахтовых вод пришлось пробить специальную штольню длиной до 600 сажень.

В 1795 году здесь трудилось уже до 760 рабочих. За год они добыли 177 тысяч пудов руд, содержащих от трех четвертей до золотника серебра в пуде и 50 тысяч пудов руд, содержащих от одного с четвертью до четырех золотников серебра в пуде. По добыче руд Салаир в это время уступал лишь Змеиногорскому руднику. Однако сравнительно бедное содержание серебра в рудах сдерживало разработки колоссальных по запасам Салаирских полиметаллических месторождений.

В конце XVIII века салаирские руды везли на Барнаульский и другие заводы Алтая, где их добавляли к другим рудам для ускорения плавки, поскольку шпатовые салаирские руды отличались легкоплавкостью.

Первым заводом, возникшим в Кузнецком уезде, был Томский железоделательный завод. Он возник в 1771 году на р. Томь-Чумыш, в местности, изобилующей бурыми и шпатовыми железными рудами. Окрестные леса могли обеспечить предприятие древесным углем. Готовую продукцию было удобно возить на заводы и рудники Алтая речным путем и трактом. Руководителем строительства и первым начальником завода был горный чиновник — берггешворен Д. Ф. Головин. Что касается рабочих, то они были переведены сюда с бывшего кабинетского завода на р. Ирбе в бассейне Енисея. На доставке руды трудились местные приписные крестьяне.

В 1772 году на Томском заводе уже работали домна, кричные горны, три больших и три малых пятипудовых молота, печь и молот для выделки стали, проволоочная фабрика (цех), мукомольная и лесопильная водяные мельницы. Завод и дома заводской слободы были, по словам И. Фалька, построены «весьма хорошо из сибирского кедра».

К концу 1790-х годов Томский завод не только удовлетворял потребности алтайских заводов и рудников в чугунных и железных изделиях, но и продавал их на 10 тысяч рублей в год на сторону. Здесь впервые в Сибири нашел применение каменный уголь. В 1789—1790 годах на заводе успешно действовала на каменном угле печь для мелкого чугуна. Уголь доставлялся из пласта близ д. Атамановой, открытого Я. Ребровым в 1787 году¹.

Обербергмейстер Дейхман и оберберггешворен Козьмин в

¹ И. Герман, Указ. Соч., стр. 194—195.

1798 году применяли каменный уголь в заводской кузнице и в новой самодувной печи при выплавке цементованной стали¹.

Для первоначальной обработки серебряных руд недалеко от Салаирских рудников на р. Большой Талмовой был построен и в мае 1795 года пущен завод, названный в честь начальника Колыванских заводов Гавриила Симоновича Качки Гавриловским.

Этот завод имел по тому времени ряд технических новшеств: восемь его плавильных печей обслуживались четырьмя чугунными цилиндрическими воздуходувками, вода от запруженной р. Талмовой поступала по подземному каналу. Завод производил из бедных серебром салаирских руд полупродукт — штейн. Из 200 тысяч пудов руд, ежегодно потребляемых Гавриловским заводом в 1790-х годах, получалось до 10 тысяч пудов штейна, из которого на Барнаульском заводе извлекалось от 30 до 48 пудов серебра.

4. Формирование горнозаводских кадров

Рабочие кадры для заводов и рудников набирались путем крепостнического принуждения. Государственных крестьян Западной Сибири тысячами приписывали к кабинетским заводам. Так, 22 июля 1759 года вышел сенатский указ о приписке к Колыванским заводам всех еще не приписанных крестьян Томского и Кузнецкого уездов.

По данным канцелярии Колыванского горного начальства, уже в 1757 году при одном Сосновском округе числилось 430 ревизских душ приписных крестьян.

Третья ревизия 1763 года показала, что в г. Кузнецке и Бачатском селе с его округой было 5280 разночинцев и приписных крестьян. По четвертой ревизии 1783 года в Кузнецком уезде числилось уже 10 287 приписных крестьян, т. е. вдвое больше. Пятая ревизия 1796 года дала 12 136 приписных, 72 неприписных и 503 экономических крестьян. К заводам приписали также 21 кузнецкого мещанина.

Следовательно, подавляющее большинство кузнецких крестьян было приписано к царским заводам. Ревизиями учитывалось только мужское население, поэтому общая численность крестьянского населения примерно вдвое превышала данные ревизий.

На заводах отрабатывали подушный оклад и разночинцы, люди, оторвавшиеся от своего сословия, но не приписанные к другому: оставшие солдаты, отпущенные на волю дворовые. В Сибири разночинцами назывались также государственные крестьяне, не пахавшие государеву пашню. Кабинет стал использовать разночинцев и горожан — цеховых, посадских, мещан — на заводских работах, что вообще не практиковалось в России.

¹ Н. Я. Нестеровский. К истории открытия каменного угля в Кузнецком угленосном бассейне Алтайского горного округа. Горн. журн., т. III, 1915, стр. 86.

Приписные крестьяне и разночинцы должны были отрабатывать на рудниках и заводах подушную подать: выполнять такой объем работы, оплата которой равнялась бы сумме подушной подати. Оплата производилась по так называемому плакату, расценки которого были значительно меньше заработной платы вольнонаемных рабочих. По манифесту 21 мая 1779 года приписные крестьяне получали летом десять копеек, зимой — восемь копеек в день. Тем, кто перевозил на собственных лошадях руду, уголь и другие грузы, плакатная плата повышалась до 20 копеек летом и до 12 — зимой. Существовали высокие нормы выработки. Например, дроворубу полагалось вырубить семь девярых сажени дров за день. За перевозку 20 пудов груза на 30 верст начислялась поденная плата, а свыше добавлялось по деньге — полкопейки — с версты. Подушная подать с ревизской души равнялась в 1770—1780 годах 1 рублю 70 копейкам. Формально по приведенным выше расценкам пешему работнику можно было отработать подушную подать летом за 17 дней, зимой за 21 день, а конному работнику летом за восемь с половиной, зимой же — за 14 дней.

Но, во-первых, каждый работоспособный мужчина отрабатывал подать не только за себя, но и за бывших в семье малолетних, инвалидов, стариков, которые не освобождались от повинностей.

Во-вторых, далеко не всегда удавалось выполнить нормы выработки, установленные кабинетским начальством.

В-третьих, жители дальних деревень тратили многие дни, чтобы добраться до места работы, а по окончании ее вернуться домой. Крестьяне, располагавшие средствами, нанимали за себя людей отрабатывать заводские повинности, причем платили им значительно больше плакатных ставок. Так, в 1795 году на Салаир явилось 308 крестьян из дальних волостей, которые должны были отработать за себя и по найму, всего за 1200 душ.

В 1778 году на работы при Томском заводе было наряжено 1766 крестьян, которые добывали и перевозили железную руду, глину, рубили дрова, выжигали и доставляли на завод древесный уголь, поставляли на завод деготь, липовую мочалу, лыко.

По манифесту 21 мая 1779 года приписные крестьяне освобождались непосредственно от добычи руды, работы в заводских цехах и жжения древесного угля. Но за то им увеличивали объем гужевых перевозок. В начале 1790-х годов на возку салаирских руд наряжалось: на Барнаульский завод — 4124 крестьянина, на Павловский — 1784, на Сузунский — 4616, на Гавриловский — 295. На плечи приписных крестьян легла еще одна, не предусмотренная законами повинность: принудительная поставка на заводы и рудники муки, крупы и овса по ценам, ниже рыночных. Таким образом, кабинет сохранял за счет крестьян крайне низкие ставки заработной платы мастеровых.

Для обслуживания заводов и рудников, помимо приписных крестьян, требовались кадровые рабочие. С этой целью императрицей Елизаветой Петровной была произвольно использована об-

шего государственная рекрутская повинность. По указу 12 января 1761 года рекруты, набравшиеся из приписных крестьян, стали вместо армии отправляться на кабинетские заводы и рудники.

Служба кабинетских мастеровых, в отличие от солдатской, не ограничивалась никакими сроками, они освобождались от службы лишь в глубокой старости или когда становились полными инвалидами. Люди, сохранившие хотя бы частичную работоспособность, использовались на подсобных работах. Сыновья мастеровых также становились горными и заводскими рабочими. Уже с семи — десяти лет мальчиков привлекали к разбору руд и другим работам.

После издания манифеста 1779 года, освободившего приписных крестьян от жжения древесного угля, появился новый разряд мастеровых — урочники, которые выжигали уголь, перевозили грузы и выполняли другие работы. Урочники, как и остальные мастеровые, набирались из рекрутов, но не переводились в заводские поселки, а оставались в деревнях, и, отработав положенный урок, занимались своим хозяйством.

Мастеровые, за исключением урочников, насильственно отрывались от сельского хозяйства. Как известно, экспроприация мелких производителей составляла основу первоначального накопления капитала. Формирование кадров мастеровых на кабинетских заводах и рудниках было связано с происходившим в стране процессом первоначального накопления капитала, хотя и проходило в условиях крепостничества.

Кабинетские мастеровые были предпролетариатом, представляли общественную группу, объединенную феодальной зависимостью от царской фамилии. Они подвергались феодальной эксплуатации, преимущественно в форме отработочной ренты-барщины. Урочники, имевшие собственное хозяйство, посеи, рабочий скот, частично отбывали барщину, перевоза на своих лошадях заводские грузы, частично были обложены натуральным оброком, поставляя на заводы древесный уголь, деготь, смолу, камень, кирпич и другие материалы. Положение остальных кабинетских мастеровых приближалось к положению дворовых или крестьян, переведенных на месячину.

Ценные сведения о составе и положении подневольных мастеровых дают их формуляры, хранящиеся в Кемеровском областном архиве. По формулярам 1795 года среди 844 рабочих Салаирского рудника было 56% крестьянских сыновей — рекрутов и 29% сыновей мастеровых. Следовательно, кадры горняков пополнялись преимущественно за счет рекрутов из приписных крестьян.

Мастеровые владели нищенским существованием, многие даже не имели возможности завести семью. Число детей в рабочих семьях было невелико из-за высокой смертности. В 1795 году на Салаирских рудниках холостяки составляли 47% рабочих, а среднее число детей в рабочих семьях составляло всего 1,7 человека. Здесь широко использовался детский труд. Мальчики и подростки 7—15 лет составляли 9% всех рабочих, молодежь в 16—24 года и люди сред-

него возраста — 85, работники старше 45 лет — лишь 6% общего числа. Следует заметить, что среди пожилых рабочих было до трети инвалидов.

Беспощадная эксплуатация приводила к тому, что к 35 годам подавляющее большинство мастеровых было уже не в силах выполнять тяжелые подземные работы. Крестьянские сыновья — рекруты приходили на рудник взрослыми людьми и, соответственно, позже выходили из строя. Среди них прослойка работающих старше 35 лет достигала 24 процентов.

Крайне низким был культурно-технический уровень мастеровых. Среди 844 подневольных работников Салаирских рудников в 1795 году грамоту знали всего 10 человек¹.

Не материальная заинтересованность, а внеэкономическое принуждение вынуждало мастеровых работать на царских рудниках и заводах. Нарядчики, мастера, уставщики, надзиравшие за работой, не расставались с палкой. В инструкции 1770 года для строящегося Томского завода младшим служащим прямо предлагалось «за работой смотреть, и, где усмотрят леность, таковых наказывать палкою». К кабинетским предприятиям полностью применимы слова В. И. Ленина: «Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки»².

5. Организация производства на рудниках и заводах

Салаирские рудники, Томский и Гавриловский заводы представляли собой предприятия мануфактурного типа со значительным числом рабочих и разделением труда. Здесь господствовал тяжелый мускульный труд и лишь в ограниченных размерах использовалась сила падающей воды, вращавшей громоздкие тихоходные деревянные колеса, которые приводили в движение молоты, толчен и воздухоудвки.

Заводы и рудники действовали круглые сутки, мастеровые трудились в две смены по 12 часов. В отдельных случаях, при особенно тяжелой работе, например, у ручных воротов и насосов, смены уменьшались до восьми — десяти часов.

В царской России было много разного рода праздников. К воскресным дням добавлялись церковные праздники, именины членов царской фамилии. Кроме того, мастеровых приходилось освобождать для поста и причащения и на сенокос, поскольку часть их держала коров, лошадей и овец. Всего, по подсчетам Колыванского горного начальства, выходные дни составляли примерно треть года — 122 дня, а рабочих дней было около 244. Поскольку горные и

¹ ГАКО, ф. 6, оп. 3, д. 171. Обработка формуляров выполнена на электронной вычислительной машине в институте математики Сибирского отделения АН СССР под руководством В. А. Устинова.

² В. И. Ленин. Великий почин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 13.

плавильные работы не могли останавливаться, мастеровым, работавшим в воскресные и праздничные дни, приходилось выдавать двойную плату, что было невыгодно кабинету. Поэтому с 1786 года на рудниках и с 1800 года на заводах была введена так называемая трехсменная работа, при которой мастеровой одну неделю работал днем, другую ночью, а третью, гульную, неделю мог работать в своем хозяйстве или по найму.

На Салаирских рудниках существовало четкое разделение труда между бурщиками, рудокопами, горными плотниками, откатчиками, рудоразборщиками и рабочими, обслуживающими рудоподъемные и водоотливные установки. Кроме того, часть рабочих была занята на конюшне, в кузнице и на различных вспомогательных работах. Наряду с добычей руд на подготовительных участках рудников готовился новый очистной фронт: нарезались новые этажи, участки, а на поверхности производилось обогащение добытых руд.

Детальных, дорогостоящих разведок в XVIII веке не производилось. Обычно сразу начинались смешанные разведочно-добычные работы в зависимости от залегания руд открытыми разносомами — разрезами, подземными шурфами, шахтами или штольнями.

Поскольку большинство кабинетских рудников возникло на Чудских копях, первые разносы и шахты часто закладывались на древних выработках. Когда не было ориентира в виде чудских работ, место будущей шахты определялось при помощи предварительной шурфовки или проведения канав-прорезов.

Горняки XVIII века не имели мощных буровых станков и при выборе места закладки шахты подчас действовали вслепую. Наиболее богатые месторождения на Салаирском руднике, по свидетельству И. Германа, были открыты случайно: «1 Борисоглебские, открытые случайно Борисоглебскою штольнею, названы по имени генерал-поручика Миллера... Соймоновские, главные во всем Салаирском руднике работы, открыты были в 1783 году случайно разносом, почему и именовались Разносными»¹.

Если результаты разведок были благоприятными, масштабы работ расширялись. В первые годы кабинетом разрабатывались исключительно богатые руды, залегающие на небольшой глубине. Их добывали открытыми разносомами, причем выхватывали наиболее богатые участки и заваливали пустой породой остальную площадь месторождения, что затрудняло ее последующую разведку и разработку.

Руды, вскрытые в 1788 году шурфом, заложенным близ Духовской штольни Салаирского рудника, вначале добывались разносом. Поскольку руды круто уходили вглубь, в 1789 году для дальнейшей разведки и добычи их была заложена Разносная шахта.

Размах открытых работ в XVIII веке ограничивался возможностями ручной техники: переброска вручную больших масс пустой породы, покрывающей рудную залежь, превышала человечески-

силы. Поэтому при углублении разреза до десяти саженей становилось целесообразнее не убирать в сторону покрывающие породы, а выбирать руду через подземные выработки. С разрезов почвы начинали проходку шахт и штолен, от которых пробивали выработки, предназначенные для вскрытия рудной залежи, транспортировки руд, водоотлива и вентиляции.

Проходка капитальных выработок была делом весьма ответственным: требовалось точно выдерживать заданное направление, ставить надежное крепление, чтобы предупредить оседание кровли или выпирание боковых пород. Капитальное строительство велось под руководством инженеров и штейгеров. Существовало разделение труда между квалифицированными рабочими-бурщиками, забойщиками, горными плотниками и подсобными рабочими.

В мягких породах рудокопы работали кайлами и кирками, в твердых — ломami, баллами, клиньями, применяли взрывчатку.

Забой и капитальные выработки обычно крепились деревом. Это делали особые рабочие — горные плотники, крепильщики или рудокопы, попутно с добычей руд.

Для предупреждения обвалов применялась закладка выработанного пространства пустой породой или, как это часто практиковалось в XVIII веке, бедными рудами.

Доставка руды и породы от забоя к стволу производилась на тачках особыми рабочими, откатчиками или катальщиками.

Подъем руды на поверхность вели рабочие, обслуживающие ручные и конные ворота.

Большие горизонтальные и вертикальные ворота вращали по несколько человек. Эта тяжелая, тупая, монотонная работа представляла собой настоящую каторгу. Характерно, что лошади на конном вороте сменялись через каждые три-четыре часа (в противном случае они быстро выходили из строя), люди же работали на вороте по восемь-десять часов.

Конные машины ставились на больших шахтах не для того, чтобы облегчить труд крепостного рабочего, а потому, что человеку было просто не под силу поднимать руду с больших глубин. В «Описании Салаирскому серебросодержащему руднику», составленном первым его управляющим П. И. Шангиным в 1790 году, указывается, что в «1789 году над Борисоглебскою шахтою построены машины мастером Гралем — коннодействующая водоотливная и рудоподъемная машина». Машина Борисоглебской шахты приводилась в движение четверкой лошадей. В 1795 году Граль построил подобную машину на Васильепоповской шахте¹.

Исключительно тяжелым и малопродуктивным был труд рабочих, откачивающих из шахт воду при помощи рычага-очепы, прикрепленного к шесту-поршню.

Унтершихтмейстер Ваганов в 1789 году построил на одной из

¹ И. Герман. Указ. Соч., стр. 47—48.

¹ ГАКО, ф. 6, оп. 3, д. 1, лл. 5—6, 91.

новых шахт Салаирского рудника деревянную «ручную водовыливательную машину» для откачки воды с восьмисаженной глубины. Устройство этой «машины» обошлось всего в 4 рубля 36 копеек.

Администраторы-крепостники мало заботились об облегчении труда крепостных рабочих. Но сама жизнь ставила проблему механизации водоотлива: вручную было просто невозможно откачивать всю массу воды, скопившуюся на глубине нескольких десятков сажень от дневной поверхности. Поэтому в 1789 и 1795 годах на Борисоглебской и Васильепоповской шахтах были построены конные водоотливные машины.

С углублением выработок все больше усложнялось их проветривание. Приходилось пробивать сразу две соединенных между собой сбойкой шахты. В одну поступал свежий воздух, а из другой выходил шахтовый. Но и этого было мало.

Из-за недостатка воздуха на Салаирских рудниках приходилось временами вести работу только в одну смену, а из-за обилия подземных вод даже временно приостанавливать добычу руды. Так, 20 мая 1796 года П. И. Шангин сообщал начальнику заводов, что воздух в третьем лихтлоге «так стеснился, что и работать уже было невозможно», пока не устроили «очаг с воздушными трубами»: на поверхности была установлена печь, соединенная вытяжными трубами с шахтой. Когда печь топилась, устанавливалась тяга испорченного воздуха из шахты.

16 июня 1797 года Шангин писал в очередном донесении, что вода в Васильепоповской шахте, несмотря на исправную работу конной машины, почти не убывает, а в штольне «воздух не слишком хорош, а потому работа производится единственно в одну ночную смену».

Интересы производства требовали установки паровых двигателей для подъема руды, водоотлива и вентиляции. Такая попытка была предпринята в 1790-х годах. Указом Колыванской горной экспедиции от 23 апреля 1792 года предлагалось построить на Салаирском руднике «огненную» рудоподъемную и водовыливательную машину. Этим делом несколько лет занималось несколько механиков. Машинный ученик Ф. П. Борзов, задержавшийся в Барнауле проездом из Петербурга в Нерчинск, в 1792 году выполнил чертежи огненной машины. На Томском заводе в 1792—1793 годах под руководством машинного мастера Гауза и ученика А. С. Вяткина, а затем в 1796 году — механика П. М. Залесова строилась, но так и не была закончена огненная машина для Салаирского рудника.

Добыча железных руд в Кузбассе до 1779 года производилась приписными крестьянами, а после 1779 года — крепостными рабочими. Большая часть руд добывалась в окрестностях Томского железодельного завода из многочисленных мелких месторождений шпатовых и бурых железняков. Кроме того, добывались магнетитовые руды из Сухаринского месторождения в Горной Шории, расположенного в 160 верстах от завода.

Томский завод, выстроенный в 1771 году, предназначался для

удовлетворения нужд серебряных рудников и сереброплавильных заводов кабинета в железе, чугуна, инструментах и других металлических изделиях.

Первоначально мастеровых здесь было немного, и приписные крестьяне привлекались к самым различным заводским работам. Еще в 1778 году приписные крестьяне добывали для завода руду, копали глину, строили лодки для сплава железных изделий, жгли уголь, поставляли заводу деготь, черемуховые угленосные решетки, липовую мочалу и лыко. Все это делалось в порядке отработки подушной подати.

После крестьянской войны 1773—1775 годов по манифесту 21 мая 1779 года приписные крестьяне были освобождены от основных горных и заводских работ, а также от выжигания угля. Часть этих работ стала выполняться урочниками.

Квалифицированные мастеровые доменных и молотовых цехов сначала набирались на Урале. Так, в 1771 году на Томский завод были переведены мастеровые с закрытого Ирбинского завода, в их числе были и 40 уральских мастеровых, присланных на Ирбинский завод в 1760 году.

В течение десятилетий на Томском заводе сложились кадры мастеровых, обеспечившие производство металла и металлических изделий в размерах, удовлетворявших потребности кабинетского хозяйства.

Профессиональный состав рабочих определялся как общим мануфактурным типом производства (разделение труда, ученичество, ограниченность механизации, преобладание ручного труда), так и особенностями крепостного производства (элементы натурального хозяйства).

На Томском заводе, как и на других металлургических предприятиях того времени, существовало широкое разделение труда. В сентябре 1778 года, например, среди 91 работника основных цехов и отделений числились люди 34 разных специальностей и квалификаций.

В каждом цехе наряду с квалифицированными мастерами и подмастерьями были заняты ученики и работники. Например, «при доменном действии» находились мастер, два подмастерья, один ученик, три работника, два засыпщика, два рудобойщика, четыре углетаскальщика. «При фурмовом деле» числились мастер, два ученика и один работник; «при деле стали» — мастер, подмастерье и работник; «при деле уклада» — мастер, подмастерье и два ученика; «при деле проволоки» — подмастерье и ученик; «при резке и плетении железа» — подмастерье и два работника.

В горячих цехах на каждого ведущего работника приходилось один-два неквалифицированных. Так, по штатам 1778 года в горячих цехах завода числилось 102 человека, в том числе 14 мастеров, 18 подмастерьев, 12 мастеровых, 40 работников и 18 учеников. Следовательно, малоквалифицированные работники составляли больше половины общего количества.

Основным топливом на заводе служил древесный уголь. Рубили дрова и жгли уголь приписные крестьяне. После 1779 года за крестьянами остались только рубка дров и перевозка угля с куреней на заводы, а выжигом угля стали заниматься урочники-углежогги.

Рабочие Томского завода в 1789—1790 годах добывали свыше двух тысяч пудов каменного угля из месторождения близ д. Атамановой, открытого плотинным учеником Я. Ребровым. Уголь применялся в работавшей без воздуходувок печи для мелкого чугуна литья. В 1798 году на завод было доставлено свыше тысячи пудов угля, который использовался в заводской кузнице при выделке топоров и в новой печи при производстве цементной стали.

Здесь, как и на других заводах, при таких трудоемких операциях, как подача дутья в печи, обжим крицмолотом, проковка сортового железа, использовались водяные колеса.

Томский завод стоял на реке Томь-Чумыш. Плотина из глины и дерева создавала запас воды, вращавший деревянные колеса, соединенные с различными цеховыми установками. Но недостаток воды не позволял широко механизировать производство. И зимой, когда воды в пруду было мало, останавливались доменный и другие цехи.

Энергетическое хозяйство завода — плотина, шлюзы, лари, колеса, цилиндрические воздуходувные машины, обслуживалось плотинным и меховыми мастерами, подмастерьями, плотниками и другими рабочими. Число их было невелико. В 1778 году на заводе имелись плотинный мастер с учеником и меховой подмастерье с двумя учениками.

Тогда же «при доменном действии» находились 15 человек: мастер, два подмастерья, один ученик, три работника, два засыпщика, два рудобойщика, четыре углетаскальщика. Плавка велась без каких-либо приборов, на глазок; самые тяжелые работы в непосредственной близости от расплавленного металла, производились вручную.

Мастер или подмастерье, руководивший плавкой, следил за шлаком, который время от времени выпускался через переднее отверстие домны — темпель. При нормальном ходе плавки жидкий черный шлак, так называемый налим или пловун, быстро вытекал через порог из горна. Появление же густого пенистого шлака-шипца настораживало: чугун плавится плохо. Особенно внимательно мастер следил за фурмой — отверстием, через которое подавалось в печь дутье. При хорошей плавке глаз фурмы ярко светился, при плохой — темнел. В зависимости от хода плавки мастер распоряжался прибавить сыпи, усилить или уменьшить дутье или, наконец, произвести «оттряску», чтобы ускорить расплавку рудной сыпи и помешать сгущению шлака. Доменные работники «трясли в горну» так называемым ходовым ломом, весившим 10—15 пудов.

Засыпщики, задыхаясь от газов, вручную загружали в печь через открытый колошник руду, уголь, флюсы.

Чугун, более тяжелый, чем шлак, постепенно скапливался на дне печи — лещади. До четырех раз в сутки чугун выпускали из печи, для чего тяжелыми ломами пробивали отверстие в завале темпеля близ лещади. Чтобы очистить темпель и порог домны от настывшей, пускали в ход лом — сокол, длиной до двух сажень и весом до 30 пудов, который висел на цепях перед домной.

Чугун шел по дорожкам, сделанным в земляном полу и застыл в особых песчаных формах.

Железо производилось в кричных горнах и обжималось большими вододействующими молотами. В сентябре 1778 года в молотовом цехе было занято семь мастеров, девять подмастерьев и восемь работников.

После выгорания из чугуна углерода, в горнах оставалось тестообразное сварочное железо, почти свободное от таких вредных примесей, как фосфор и сера. Несколько ухудшали качество сварочного железа остатки шлака, которые не удавалось полностью устранить при обжиге крицмолотом.

Работа у горна требовала недюжинной физической силы, ловкости и опыта. В пышущий жаром горн вручную загружали тяжелые свипки — слитки чугуна, засыпали уголь, постоянно ворочали ломом вязкую массу раскаленного металла. Наконец, выворачивали из горна 4—5-пудовую крицу и, ухватив ее клещами, тащили под молот.

Железные молоты весом в 18—20 пудов, надетые на березовое, длиной до пяти аршин бревно, приводились в ход вододействующими колесами. Крицу обжимали под молотом, избавляя ее от шлака, а затем рассекали на две и более части и выковывали из полученных кусков железные полосы или болванки.

Здесь требовалось много воды, поскольку воздуходувки и молоты работали от вододействующих колес. Поэтому во время зимнего маловодья работа молотового цеха резко сокращалась.

На Томском заводе в небольших размерах получали уклад — сырцовую сталь, а также рафинированную и цементную сталь. В 1778 году «при деле уклада» находились мастер, подмастерье и два ученика, «при деле стали» — мастер, подмастерье и работник, тогда как в доменном цехе трудились 15, в молотовом — 24 человека. Это говорит о том, какое скромное место занимала выплавка стали в общем заводском производстве.

Механическая обработка железа производилась во многих цехах и отделениях завода. На колотушечной машине или молоте выделялось полосовое и прутковое железо. В 1778 году «при колотушечном деле» состояли мастер и работник.

Изготовление крупных железных поковок — молотов, наковален, якорей, кривошипов — называлось якорным делом. При нем состояли мастер, два подмастерья и шесть молотобойцев.

С первых лет существования Томского завода здесь также изготавливалась железная проволока, производились резка и плющение железа, которое затем шло на обручи и различные оковки.

Другой завод Кузбасса — Гавриловский начал действовать в самом конце XVIII столетия, тогда он еще не имел полного цикла выплавки серебра из руд, а производил лишь полупродукт — роштейн, который затем везли для получения серебра на Барнаульский завод. Поэтому на выплавке серебра мы остановимся в разделе, посвященном горнозаводской промышленности Кузбасса в первой половине XIX века.

Таким образом, кабинетские рудники и заводы Кузбасса второй половины XVIII века по уровню техники и организации производства представляли собой типичные мануфактуры. Установление императорской феодальной монополии на земли и недра Кузбасса и Алтая, обслуживание царских предприятий мастерами и приписными крестьянами в порядке выполнения феодальных повинностей в то время еще способствовали развитию производительных сил, о чем свидетельствует строительство новых рудников и заводов, рост добычи руд и выплавки металлов.

6. Классовая борьба кабинетских мастеровых и приписных крестьян против феодальной эксплуатации в XVIII веке

Классовая борьба мастеровых и приписных крестьян имела целью освобождение от феодальной эксплуатации. Этой общей конечной целью определялись требования и формы борьбы рабочих и крестьян. Кабинетские мастера еще не были пролетариями, а представляли лишь особую группу закрепощенного населения. Поэтому они, как и приписные крестьяне, стремились к освобождению от крепостного гнета.

Приписка тысяч крестьян к кабинетским заводам в середине XVIII века встретила бурное сопротивление самых широких слоев крестьянства.

Начались даже самосожжения крестьян-старообрядцев, приписанных к кабинетским заводам. В 1756 году в д. Мальцеву Ояшинской волости, на северо-западе нынешней Кемеровской области, сошлось множество старообрядцев из соседних деревень. Крестьяне потребовали «сменить начальство за то, что оно отрывало их от земли и мучило на работах, заставляя строить дощаники и возить хлеб в дальние места». Дело кончилось тем, что 172 человека из собравшихся сожглись.

Тогда же сожглось 175 человек в д. Мамуровой Чаусской волости.

В связи с этими событиями в 1765 году был издан указ императрицы Елизаветы Петровны, предлагавшей властям не допускать сибирских жителей до самосожжения.

Острой формой протеста были побеги приписных крестьян с заводов и рудников.

Мастеровые и крестьяне бежали в окрестную тайгу и дальше — за Камень, в Беловодье, в верховья Катунь, на Бухтарму, в Джунгарию, в Восточную Сибирь.

Усиление крепостнической эксплуатации во второй половине XVIII века привело в 1773—1775 годах к большой крестьянской войне под руководством Пугачева, активнейшее участие в которой приняли мастера и приписные крестьяне Уральских заводов.

Это великое народное движение нашло живой отклик и на кабинетских землях Кузбасса. Участились побеги мастеровых и крестьян и отказы от выполнения заводских повинностей. В 1773 году бежала на Саяны часть крестьян, переселенных с Енисея и приписанных к Томскому заводу. Крестьянин Мальцев, подговаривая других к побегу, звал их «исповедывать Енисейские и Тубинские вершины», говорил, «что де надо идти на Мажар-озеро, ибо там людей (беглых) много».

Только в сентябре 1775 года канцелярия Колыванского горного начальства рассмотрела два дела о массовой неявке крестьян Белоярской слободы и д. Сосновки в «кучную работу» по выжигу древесного угля и три дела о бегстве мастеровых Сузунского и Томского заводов и Змеиногорского рудника.

Широкое участие заводских крестьян Урала в крестьянской войне 1773—1775 годов вынудило царское правительство в 1779 году издать манифест, несколько ограничивший повинности приписных крестьян, в том числе крестьян, приписанных к кабинетским заводам. Тем не менее зимой 1781—1782 года поднялось движение среди приписных крестьян, которые наотрез отказывались выходить на заводские работы. От Томского уезда (преимущественно южных его волостей), было назначено 3377 душ на вывозку угля и рубку дров для Сузунского завода, расположенного в 340 верстах от границ уезда. Крестьяне резонно утверждали, что назначение их на конные работы противоречит манифесту 21 мая 1779 года, по которому на такую работу должны наряжаться крестьяне ближайших к заводам волостей, а дальние должны посылаться на пешие работы, например, на рубку дров. Соответствующая просьба была передана уездному стряпчему, а до решения вопроса крестьяне отказывались не только от конных, но и от пеших работ. Всюду проходили бурные сходы. Крестьяне отвергали требования земского исправника, судьи и коменданта о выходе на работу и добились освобождения своих выборных, которых начальство взяло под стражу. Павловский завод, на который было наряжено, но не явилось 2080 сосновских крестьян, 12 декабря 1781 года был остановлен из-за отсутствия топлива.

Волнения перебросились в Кузнецкий уезд. Из 142 местных крестьян, наряженных на Томский завод, на 29 ноября 1781 года явилось лишь три.

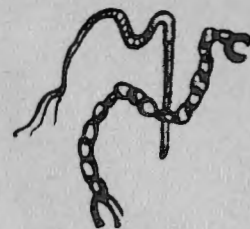
Движение 1781—1782 годов было подавлено при помощи жестоких репрессий и частичных уступок. Правительственным указом от 26 января 1782 года крестьяне наиболее отдаленных волостей

Томского и Каинского уездов были освобождены от заводских работ.

В конце XVIII века волнения приписных крестьян вспыхнули с новой силой. Крестьяне Пачинской слободы, приписанные в 1797 году к Колыванским заводам, отказывались нести заводские повинности. Павел I распорядился привести крестьян к послушанию, употребив «в случае большого сопротивления» силу оружия. Из указа канцелярии горного начальства от 19 мая 1798 года видно, что Томский пехотный полк в начале мая производил «всевозможные воинские действия» в Пачинской слободе и приписных к ней селениях.

Царским властям удавалось подавлять разрозненные выступления приписных крестьян, но они постепенно, исподволь расшатывали феодальные порядки.

УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА КРЕПОСТНОГО СТРОЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА



1. Управление кабинетскими рудниками и заводами в 1800—1860 годах

Власть кабинетского ведомства над населением горного округа еще более возросла в первой половине XIX века. По учреждению 1822 года власть томского губернатора и начальника Колыванских заводов соединилась в одном лице. Начальник заводов П. К. Фролов был назначен томским губернатором и подчинялся с одной стороны кабинету, с другой — западносибирскому генерал-губернатору.

В 1828 году было издано особое учреждение об управлении Колывано-Воскресенских горных заводов, утверждавшее сложившийся на заводах военно-феодальный строй. Главное управление заводами принадлежало петербургскому кабинету, а местное управление — начальнику заводов и горному правлению в Барнауле. Им подчинялось восемь горных контор и десять земских управителей, ведавших отделениями, куда входило по несколько волостей с приписными крестьянами. Горное правление ведало хозяйственными и судебными делами. Кабинетскими предприятиями в Кузбассе управляли Томская и Салаирская горные конторы.

Колывано-Воскресенский горный батальон был переименован в десятый линейный Сибирский батальон; он должен был нести караулы, охранять транспорты с серебром и золотом, высылать людей на работы и оказывать содействие полиции — обеспечивать выполнение повинностей и пресекать проявления недовольства крестьян и мастеровых.

С 1830 по 1855 год хозяйственное управление кабинетскими рудниками и заводами осуществлялось департаментом горных и соляных дел министерства финансов. Колыванский горный округ в 1831 году был переименован в Алтайский. Министерство финансов лишь управляло заводами и рудниками, которые оставались собственностью царской фамилии. Императорский указ 14 апреля 1830 года подчеркивал: «Заводы, как и ныне остаются частною соб-



П. К. Фролов

ственностью нашею, одно управление оными передается министру финансов».

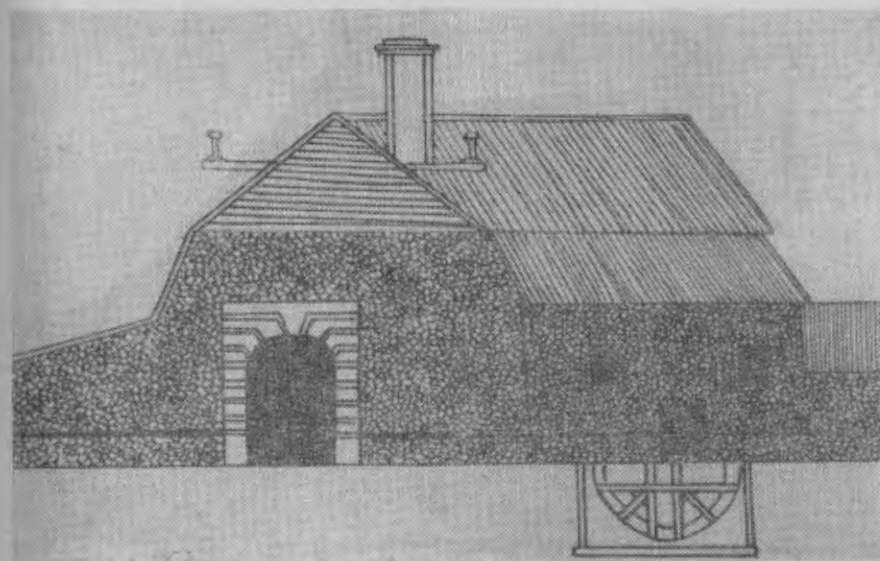
Указом 27 мая 1855 года Алтайский горный округ был снова передан под управление кабинета. Власть начальника Алтайских заводов и томского губернатора оставалась соединенной в одном лице вплоть до падения крепостного права. В 1863 году должности начальника заводов и губернатора были разделены. Кабинетское ведомство потеряло исключительную власть над населением Алтайского округа, но пережитки феодальных порядков сохранились в виде царского землевладения и оброчных платежей, которые были обязаны вносить крестьяне, жившие на кабинетских землях.

2. Открытия новых месторождений руд и каменного угля

Кабинетское начальство в XIX веке не вело организованных разведок новых месторождений железных руд. Однако ряд их был открыт в ходе поисков полиметаллических руд. В 1825 году были открыты Крутихинский, Крошловский и Потостуманский железорудные прииски, расположенные в 50—70 верстах от Томского завода. Последний прииск был открыт доменным рабочим Филатьевым. Четырьмя годами позже был открыт Березовский рудник, находившийся в 24 верстах от Томского завода.

Несколько месторождений железных руд были найдены в окрестностях Салаирских рудников. С 1807 по 1827 год началась добыча железных руд на Красном, двух Быковских, Анчешевском и других приисках. Это позволило построить на Гурьевском сереброплавильном заводе домну, а затем полностью перевести его на производство железа.

По инициативе начальника Алтайских заводов П. К. Фролова в 1820-х годах делались попытки расширить применение каменного угля на металлургических заводах. Поисковые партии в 1825—1827 годах осмотрели несколько выходов каменноугольных пластов в Кузнецком округе: на правом берегу Томи близ села Щеглова, около деревень Атамановой и Боровиковой в двух десятках верстах выше Кузнецка, ряд пластов по р. Ине, выходы угля у деревень Березовой и Афониной.



Плавильная фабрика Гурьевского завода 1820 года

В начале 40-х годов XIX столетия складывается представление о каменноугольном бассейне в целом. Стало ясно, что обнаруженные в разных местах угольные месторождения представляют часть обширного каменноугольного бассейна, занимающего котловину между Салаиром и Кузнецким Алатау. Инженер-капитан Соколовский 2-й опубликовал весной 1842 года в «Горном журнале» статью «О каменном угле, найденном близ д. Афонино и в некоторых других местах Алтайского округа». Он попытался связать воедино данные о месторождениях каменного угля в Кузнецкой котловине, первый определил границы «каменноугольной области» Алтайского горного округа и предсказал, что наличие здесь каменного угля и железных руд открывает широкие возможности для развития промышленности: «Принимая в расчет обширность каменноугольной формации Алтайского округа и мощность угольных пластов, не трудно убедиться, какой обильный запас этого горючего материала сокрыт в недрах этой части Сибири для будущей промышленности ее деятельности. Среднее расстояние от подошвы Салаирского кряжа до отклонов кряжа Алатау можно положить по меньшей мере во 100 верст; от начала каменноугольной формации, по течению рек Мрасы и Томи, или от южной ее оконечности до наносных толщ, покрывающих каменноугольную область на севере, будет до 400 верст; следовательно, каменноугольная формация заводского округа представляет площадь не менее 40 тысяч кв. верст. Прибавив к тому месторождения железных руд, сопровождающие



П. А. Чихачев

Видный русский геолог и географ, историк и этнограф Петр Александрович Чихачев (1808—1890 гг.), получивший научную командировку «для предварительного обследования в геологическом и вообще в ученом отношении юго-восточной части Алтайского края, доселе почти безвестного», собрал и обобщил сведения о месторождениях угля, начиная от берегов Кондомы, Мрас-Су и Усы на юге, кончая берегами Ини на севере. Он составил первую геологическую карту бассейна; на которой нацел площадь распространения угленосных отложений длиной в 250 и шириной в 100 километров (Соколовский был ближе к истине, принимая длину каменноугольной области в 400 верст). Именно Чихачев предложил назвать этот угольный бассейн Кузнецким: «Эта формация в частности развита на пространстве, заключающемся между цепью Алатау и реками Чумыш, Кондома, Мрасса и Уса. Я называю эту область... Кузнецким бассейном по имени города, находящегося в его южной части». Далее Чихачев указывал, что Северный Алтай является одним из крупнейших в мире резервуаров каменного угля. Скрытые здесь сокровища смогут приобрести выдающееся значение, если будут найдены крупные месторождения железных руд. Чихачев ссылаясь при этом на Англию, получившую неисчислимые выгоды от соседства железных руд с месторождениями каменного угля. Отчет о путешествии Чихачева был опубликован в Париже и получил высокую оценку Французской академии наук, которая

здесь каменный уголь, близость лесов, необходимых для горных работ и, наконец, быструю судоходную Томь, которая разрезывает каменноугольную область на две половины и представляет столь удобный путь сбыта произведений здешнего края в Томск, как центр Сибири, в Обь и далее, должно согласиться, что сама природа сосредоточила здесь все средства для развития обширного заводского производства»¹.

Статья Соколовского привлекла внимание столичных геологов. Из Петербурга на Алтай выехал чиновник по особым поручениям при штабе корпуса горных инженеров П. А. Чихачев, а через два года отправился в путь более тяжелый на подъем профессор геологии Московского университета Г. Е. Щуровский.

учредила специальную премию имени русского ученого за выдающиеся геологические открытия на территории Азии.

Профессор Г. Е. Щуровский, приехавший в Кузбасс в 1844 году, обследовал ряд угольных месторождений на берегах Мрас-Су и Томи. Маститый ученый был поражен угольными богатствами Кузнецкого бассейна и оценивал его значение почти в тех же выражениях, что и Соколовский: «Это обширнейшая каменноугольная котловина из всех известных. Какой обильный запас горючего материала сокрыт в ней для будущей промышленности! Прибавьте к этому железные руды, обширные и непочатые леса и эту величественную судоходную Томь, столь удобный путь для сбыта произведений. Кузнецкая котловина представляет столько выгод для здешнего края, что с нею в этом отношении могут соперничать только Англия, Бельгия и сама Россия своим Южно-Европейским или Донецким бассейном».

Однако на ближайшие перспективы использования кузнецких углей Щуровский смотрел довольно мрачно: «В настоящее время по обширности лесов и по ничтожно малому железнному производству древесный уголь предпочитается каменному... По всему видно, что еще долго не дойдет очередь до каменного угля. Всю деятельность поглотило золото»¹.

Следует заметить, что труды Чихачева и Щуровского хорошо известны, а работа Соколовского оказалась незаслуженно забытой, хотя этот алтайский инженер сделал не меньше для изучения Кузнецкого бассейна, чем названные ученые.

Несмотря на положительные отзывы авторитетных специалистов о Кузбассе, кабинет лишь в 1851 году снарядил две партии для поисков и разведки коксующихся углей. Партия инженер-капитана Быкова осмотрела 37 угольных месторождений, близ Томского завода по рекам Чумыш, Кондоме, Мрас-Су, Томи и ее левым притокам, выявив ряд выходов угольных пластов мощностью до двух и пяти саженей: двухсаженный пласт в 24 верстах от Томского завода, пятисаженный — по правому берегу Мрас-Су в 106 верстах от завода, десять смежных пластов на левом берегу Томи в двух верстах ниже с. Ильинского и в 53 верстах от Томского завода. Был разведен Черкасский пласт в вершине р. Абы, в районе нынешнего Киселевска. Часть из них оказалась коксующимися.

Одновременно партия управляющего Салаирским краем инженер-подполковника Фрезе обследовала месторождение, в шести верстах к северо-востоку от с. Бачатского.

В первой половине XIX века каменноугольные месторождения почти не использовались кабинетом, поэтому все дело ограничивалось лишь поисками и разведкой угля.

¹ Г. Е. Щуровский. Геологическое путешествие по Алтаю, М., 1845, стр. 143, 173, 236, 242—243.

¹ Горн. журн. № 4, 1842, стр. 42—43.

3. Строительство Гурьевского завода

В начале XIX века Томский завод уже не справлялся с обеспечением кабинетских предприятий черными металлами. Под руководством управляющего Салаирским краем П. М. Залесова на заводе велась большая работа по увеличению выплавки чугуна, железа, стали и производства проката: строились вагранки, самодельные печи, испытывался новый способ получения железа пудлингованием, устанавливались прокатные станы.

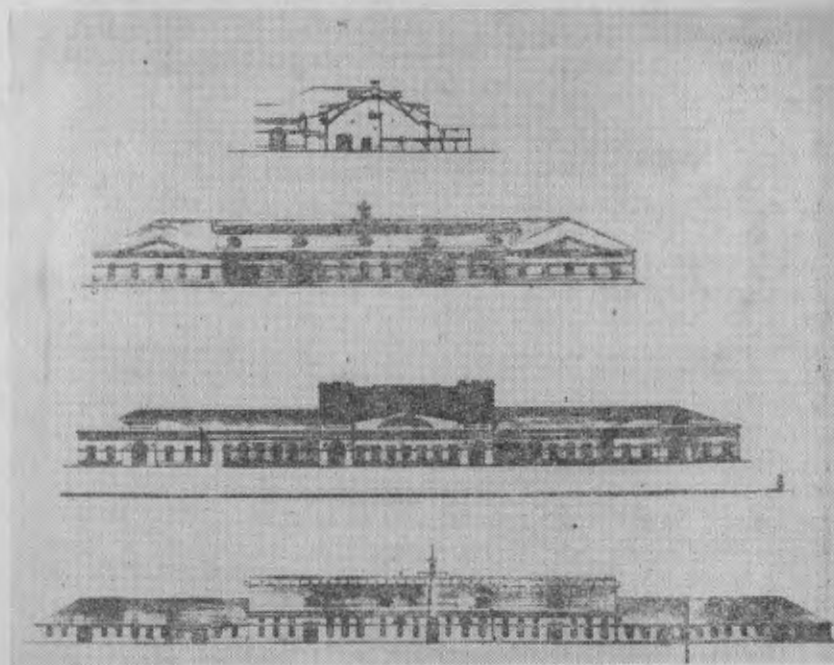
В разгар этой работы, весной 1811 года П. М. Залесов получил задание найти место для постройки и составить проект второго железоделательного завода. Но вскоре начальник Колыванских заводов Эллерс распорядился подготовить проект постройки в районе Салаирских рудников не железоделательного, а сереброплавильного завода. Однако из-за войны 1812 года постройка завода затянулась. Лишь в 1815 году Горный Совет утвердил смету строительства завода в 16950 рублей, а в марте следующего года вынес решение «приступить к построению оного завода под распоряжением тамошнего управляющего гиттенфервальтера Залесова». Для стройки первой очереди завода выделялось 500 мастеровых; по 25 человек с Барнаульского и Сузунского заводов и 450 человек с Салаирских рудников. Закончив строительство в летний сезон 1816 года, нужно было «начать и самое действие» — дать первую плавку.

В ведомостях к Горному Совету 1817 года имеется запись: «Ведомость Гурьевскому заводу общая о проплавке руд за 1816 г. 4 плавильные печи в действии обращались с 15 ноября по 1-е число января 1817 года без остановки»¹. Таким образом, пуск первой очереди Гурьевского завода, как сереброплавильного, состоялся 15—27 ноября 1816 года. Завод был назван Гурьевским в честь управляющего кабинетом Гурьева.

В 1818 году Горный Совет утверждает «Ведомость о строениях при заводах и рудниках, какие из них требуются сделать и какие поправить». Это был своеобразный план развития производства в округе Колыванских заводов, начальником которых к этому времени был уже П. К. Фролов. Отмечалось, в частности, что Томский завод «по-настоящему действию своему не может удовлетворить вполне всех надобностей прочих заводов и рудников». В связи с этим принимается решение «...дабы не упустить для снабжения заводов и рудников потребным для них железом и железными и чугунами вещами; то по достаточному количеству воды при Гурьевском заводе и по нахождению в недалёком расстоянии железных руд, устроить при оном доменный горн для плавки чугуна и два кричных молота для выковки железа, к чему приступить с открытием весны нынешнего года»².

¹ ГААК, ф. 1, оп. 9, д. 16, лл. 208—209.

² ГААК, ф. 1, оп. 9, д. 18, л. 205.



Фасады заводов XIX века (Сузунский, Гурьевский)

Однако строительство домны и кричных молотов затянулось и лишь в 1826 году печь дала первую плавку. В делах Горного Совета отмечалось, что в 1826 году Гурьевский завод дал «чугуна штыкового» (в слитках) «1052 пуда, да в отлитых вещах 497 пудов».

В двадцатых годах под руководством П. М. Залесова и Л. А. Соколовского на заводе проводились опытные плавки чугуна, железа и стали, кузнечные и другие работы с помощью каменного угля.

В 30-х годах Гурьевский завод получил первые печи для производства стали и стан для проката железных заготовок в листы.

С 1844 года Гурьевский завод вообще прекратил плавку серебряной руды и полностью стал предприятием черной металлургии.

4. Организация производства на кабинетских рудниках и заводах

В первой половине XIX века горные выработки на рудниках продолжали расширяться. К 1833 году работы на третьем Салаирском руднике велись уже на глубине 35 саженей, на первом — даже на глубине 85 саженей.

При распространенной тогда системе добычи много руды оставалось в целиках. Горный инженер Татаринов в своем описании

Салаирских рудников, относящихся к 1849—1850 годам, характеризует эту систему как хищническую.

Производительность труда рудокопа во многом зависела от твердости руд. В 30-х годах на первом Салаирском руднике дневная выработка рудокопа составляла 18—20 пудов, а на третьем — 12—14 пудов.

Выработка верхних зон месторождений и падение содержания серебра в рудах приводили к сокращению производительности труда горняков. Для выплавки прежнего количества серебра необходимо было больше руды, добыча которой в связи с углублением горных работ стала более трудоемкой.

Между тем, технический уровень Салаирских рудников не изменился. Для подъема руды имелись два конных ворота — на Соймоновской и Преображенской шахтах. Это был вертикальный вал с бочкой на верхнем конце диаметром в две сажени. Вал приводился в движение четыре лошади. При этом на бочку — вьюху, наматывался канат, на концах которого навешивались бадьи, способные вместить до 30—35 пудов руды. Пять человек, обслуживающих ворот, поднимали за десятичасовую смену до 4380 пудов. На Западном руднике третьего Салаирского рудника в 1840-х годах было установлено ступенчатое колесо. Рабочие, вращавшие колесо, поднимали за смену 600—800 пудов руды с глубины 25 саженей.

В 1805—1806 годах ежедневно откачивали из шахт Салаирского рудника по 40 тысяч ведер воды. Этой работой были заняты свыше 100 человек и 120 лошадей. В ноябре 1806 года П. М. Залесов подал рапорт начальнику Колыванских заводов, прося разрешить ему «заняться устройством паровой на место конных машин». Залесову позволили построить действующую модель задуманной им паровой турбины. Модель выдержала испытания. Залесов просил разрешения построить паровую турбину в Соймоновской шахте, но не получил поддержки у нового начальника заводов Эллерса.

Кабинетские администраторы, располагавшие дешевой крепостной рабочей силой, не были склонны к затратам на механизацию подъема и водоотлива, и ручной труд широко применялся на этих работах вплоть до падения крепостного права.

Как и в других крепостных вотчинах, на кабинетских рудниках стремились как можно меньше покупать на стороне: своими силами заготавливали лес, изготовляли канаты, инструменты, тачки и даже свечи. Например, в 1850 году десятки мастеровых Салаирских рудников были заняты заготовкой леса, плотничной и столярной работой, четыре человека трудились в швальне, четыре — на канатной фабрике, четыре — в салотопне — «у перетопки сала сырого и макая свеч» и «у приготовления свечилен». В штатах рудника числилось семь цирюльников «для бритья команды», 30 будочников, наблюдавших за порядком в рабочих поселках, 16 «деньщиков при гг. чиновниках».

Производительность труда в мелких, плохо оборудованных мастерских и кузницах была, естественно, невелика.

Десятки человек отвлекались для надзора за рабочими и обслуживания у горных офицеров.

Что касается железной руды, то добыча ее в те времена была менее сложной, чем руд, содержащих серебро. Летом она, обычно, добывалась открытыми работами — разносоми, а зимой — небольшими подземными выработками — ортами. П. А. Чихачев, наблюдавший в 1842 году добычу шпатовых руд для Томского завода, отмечал ее несложность и незначительные масштабы: глубина выработок не превышала 21 м, длина — 200 м, ширина — 62 м. Чтобы избежать затопления выработок водой, работы велись, главным образом, зимой.

Гурьевский завод в 1850-х годах получал железную руду преимущественно из Быковского месторождения. По сообщению начальника завода инженер-поручика Пирожкова, валуны бурого железняка в Быковском месторождении добывались из глины, в которой они залегают, при помощи кайлы, а при значительной величине валунов — подрывались порохом. После дробления и сортировки руды (делалось это, обычно, руками подростков), она обжигалась в кучах или в специальных печах.

С конца XVIII века делались эпизодические попытки наладить добычу каменного угля для нужд Томского завода силами своих рабочих. Но более или менее регулярная добыча угля началась с 1851 года на Бачатском месторождении в 27 верстах к северо-востоку от завода. Судя по «плану местности Бачатской каменноугольной копи 1853 года», сохранившемуся в Алтайском краевом архиве, тогда там уже имелись небольшие шахты — Николаевская и Покровская, штольня, шурф с конным воротом, казарма для рабочих и сарай¹. Бачатская копь и была первенцем угольной промышленности Кузбасса.

К началу XIX века Томский завод был уже не в силах удовлетворить возросшие потребности кабинетского хозяйства в черных металлах. Поднять производительность завода не представлялось возможным ввиду ограниченности его энергетической базы: не хватало воды в заводском пруду, быстро вырубались окрестные леса. Тогда было решено наладить выплавку чугуна и железа на новом сербродоливильном Гурьевском заводе. После его переоборудования появилась возможность частичной специализации металлургических предприятий. Производство стали было сосредоточено на Томском заводе, использовавшем высококачественные магнетитовые руды Сухаринского месторождения. «Основными рабочими положениями Алтайских горных заводов» 1849 года, утвержденными Николаем I, здесь предусматривалось ежегодное производство 1750 пудов стали.

На Томском же заводе выделялась проволока. Листовое и котельное железо производилось на Гурьевском заводе. Здесь же

¹ ГААК, ф. 50, оп. 18, л. 3947 (чертеж); О месторождении каменного угля в Томской губернии. Горн. журн. № 9, 1852, стр. 490.

был оборудован слесарый цех, ставший в 1850-х годах «механической фабрикой» по выпуску машин и частей машин для всего Алтайского округа.

Топливом служил древесный уголь. На наиболее трудоемких операциях применялись вододействующие установки.

По инициативе начальника Алтайских заводов П. К. Фролова производились опыты применения каменного угля. В 1829—1830 годах рабочие Томского завода добывали уголь открытым разрезом из месторождения близ деревни Березовой. Из него в кучах и печах выжигали кокс, который шел в вагранки и кузнечные горны, но после отставки Фролова в 1830 году опыты с каменным углем прекратились.

В 1851 году началась добыча угля из Бачатского месторождения. В незначительном количестве он употреблялся в вагранке и кузнице Гурьевского завода. Однако на основных операциях металлургического цикла — производстве чугуна, железа и стали — каменный уголь не применялся. В. И. Ленин упоминал о выплавке чугуна на древесном топливе, как одном из основных признаков технической отсталости уральской металлургии по сравнению с южной, где производство чугуна производилось на коксе¹. Заводы Кузбасса в этом отношении приближались к Уралу.

Наличие дешевого крепостного труда, техническая косность, свойственная крепостному хозяйству, послужили причинами того, что кабинетские металлургические заводы так и не были переведены на минеральное топливо. Тысячи углежогов и приписных крестьян продолжали тратить силы на рубку дров, выжиг угля и перевозку его на заводы.

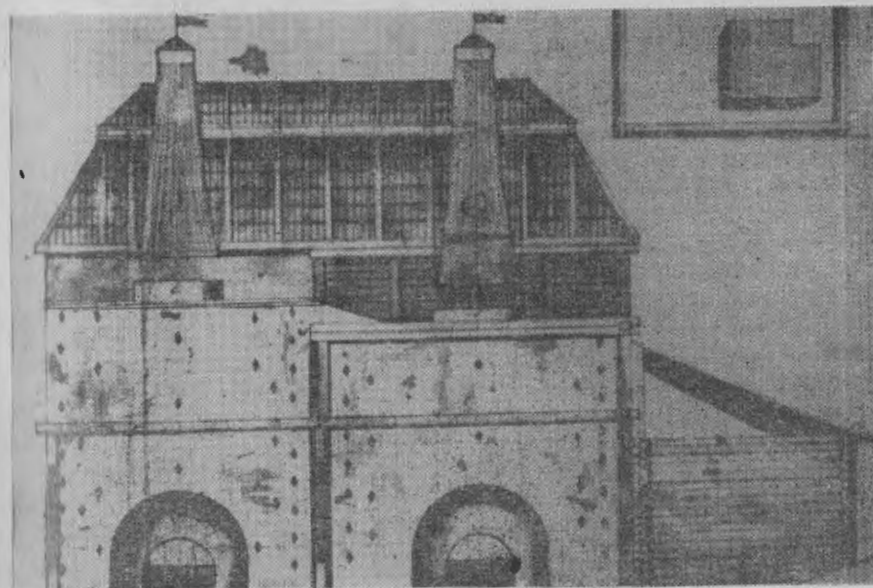
Производительность заводов, в конечном счете, определялась мощностью их гидротехнических установок и запасом воды. А запасы воды в заводских прудах были ограничены.

Дальнейшее развитие производства требовало расширения энергетической базы предприятий. Это сознавали передовые инженеры и техники. Еще в 1766 году И. И. Ползунов создал универсальный тепловой двигатель. Изобретения И. И. Ползунова и его продолжателей, конструкторов паровых машин П. М. Залесова, С. В. Литвинова, М. С. Лаулина не нашли применения в заводской практике. Только в 1859 году на Гурьевском заводе появился паровой двигатель мощностью в пять лошадиных сил.

Крепостники, располагавшие дешевой подневольной рабочей силой, избегали капитальных затрат на переоборудование предприятий. Паровые двигатели почти не вводились на кабинетских заводах вплоть до 1861 года. Поэтому много людей было занято тяжелой, малопродуктивной физической работой.

Домны Томского и Гурьевского заводов представляли собой капитальные сооружения в несколько саженей высотой. Дутье было единственной механизированной операцией при выплавке чугуна.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 490.



Доменная печь Томского завода в первой половине XIX столетия

Применение вододействующих воздуховодов, подававших дутье в небольшом количестве и под слабым давлением, не позволяло переводить домны на кокс. Применение же хрупкого древесного угля не давало возможности увеличить высоту, емкость, а следовательно, и производительность домн. Печи работали на холодном дутье, что значительно увеличивало расход топлива, в то же время доменные газы выбрасывались в атмосферу.

Гурьевскую домну в 1850 году обслуживали 24 человека. Они делились на три смены: одна работала по 12 часов днем, другая ночью, а третья отдыхала. Четыре человека постоянно были заняты у горна: один засыпал руду и уголь в печь, двое подвозили уголь, один — руду. Чугун выпускался три-четыре раза в сутки. Всего печь выдавала в сутки 400—450 пудов металла. За 1831 год Томский завод выдал 32 462 пуда чугуна в свинках и изделиях, Гурьевский завод — 39 696 пудов.

Домны действовали далеко не круглый год. Печь Томского завода не работала зимой из-за маловодья и остановки вододействующих воздуховодов. Домна Гурьевского завода в начале 1850-х годов успевала выполнить годовой наряд за четыре месяца, после чего тоже останавливалась.

Железо на обоих заводах производилось в небольших кричных горнах, вмещавших по пять-семь пудов чугуна. Операция по получению железной крицы продолжалась два с половиной часа. За сутки на Гурьевском заводе делалось 24 пуда железа, а на Том-

ском — до 18 пудов на один горн, причем угар составлял 17 фунтов на пуд чугуна, или из семи пудов чугуна выходило всего четыре пуда железа.

В начале 1850-х годов на Гурьевском заводе из 21 тысячи пудов чугуна ежегодно получали 16 тысяч пудов железа. В это время действовало пять кричных горнов и четыре молота. Мастер, подмастерье и работник, обслуживающие горн, успевали за смену сделать три крицы по четыре-пять пудов и выковать в среднем десять пудов полосового и болваночного железа.

Производство стали, как отмечалось выше, было сосредоточено на Томском заводе, где работали отделения для получения сырьевой стали с горнами и молотобойной машиной и для получения рафинированной стали — с горнами и колотушечной машиной. Здесь же находилась цементирная печь для получения цементной стали.

Производство стали на Томском заводе
(в пудах)

	1831 г.	1835 г.	1842 г.	1851 г.
Уклад	964	530	450	350
Рафинированная сталь	483	302	152	50
Цементная сталь	—	307	501	1000
Всего:	1447	1139	1103	1400

В целом производство стали за 20 лет не увеличилось, но при этом заметно сократилось производство низкосортного уклада и поднялась выработка высококачественной цементной стали путем медленного науглероживания раскаленного железа в особой печи. Поскольку процесс цементации требовал много времени, цементная сталь получалась в небольших количествах и была дорогой.

Когда в 1847 году главным начальником Алтайских заводов был назначен П. П. Аносов, он попытался организовать на Томском заводе производство литой стали. Однако это дело здесь не привилось.

Поскольку стали получали немного и она была дорогой, употреблялась она в самых ограниченных размерах для выделки и наварки наиболее ответственных инструментов. Подавляющее же большинство инструментов, проволока и части машин делались из обычного железа.

Полосовое железо производилось на плющильных и резных станках Томского и Гурьевского заводов. В сутки его прокатывалось до 250 пудов.

В XVIII и начале XIX века листовое железо проковывалось молотами, обходилось дорого и выпускалось в ничтожных размерах. В 1828 году на Гурьевском заводе была построена листоката-

тельная фабрика, точнее цех, который в 1831 году дал 1102 пуда, а в 1835 году — 2135 пудов листового железа. В начале 1850-х годов на заводе была пущена новая листокатательная фабрика, которая должна была ежегодно прокатывать 6230 пудов болваночного железа и давать 1800 пудов листового и 2260 пудов котельного железа.

На обоих заводах имелись кузнечный и слесарный цехи. Большинство машин, устанавливавшихся в XVIII веке на заводах и рудниках Сибири, делалось из дерева. В основном деревянными были и наливные колеса, и воздуходувки, и рудничные насосы, и рудоподъемники. Поэтому главными машиностроителями того времени были плотники и столяры. Однако по мере прогресса техники росла потребность в металлических машинах, увеличивалось на заводах число кузнецов и слесарей. На Гурьевском заводе в 1845—1855 годах возникла механическая фабрика, изготовлявшая машины и части к ним для заводов и рудников кабинета.

Администрация заводов всеми силами стремилась все необходимое для нужд производства делать на месте и как можно меньше покупать на стороне. Основное сырье: руду, известняк, горновой камень добывали свои мастеровые и доставляли на завод приписные крестьяне и урочники на собственных лошадях. В январе 1850 года на добыче железных руд для Томского завода был занят 161 человек, в лесосеках и возкой дров — 108 человек (без приписных крестьян). Ломкой и перевозкой камня занимались 24 мастеровых, работников и урочников. В подсобных цехах завода своими силами изготовлялось решительно все, начиная от угленосных решеток и кончая сальными свечами. Здесь обжигали известь, сушили глину, толкли дресву, дубили и выделывали кожу, приготавливали пряжу и вили веревки, делали кирпич, гнали смолу и деготь. 23 мастеровых и работника были заняты на конюшенном дворе, 56 — несли караульную службу. 13 нижних чинов из мастеровых занимались письмоводством в заводской конторе, два мастеровых и один работник состояли при церкви, четыре работника находились в денщиках у горных офицеров. Два учителя заводской школы, младший плавильный писарь, занимавший должность «лазаретного командира» и два лекарских ученика также были из нижних чинов.

Всего в подсобных цехах, не считая конторских, школьных и госпитальных работников, числилось 190 человек, тогда как в основных горячих цехах было 124 человека. Какую бы нищенскую плату не получали крепостные, содержание значительного числа работников подсобных цехов серьезно отражалось на издержках производства.

В середине XIX века на заводах широко практиковалось разделение труда и совмещение профессий. На Томском заводе, например, среди 124 работников горячих цехов были люди 39 разных специальностей и квалификаций, а среди 190 работников подсобных цехов — 37 специальностей и квалификаций.

Для предприятий мануфактурного типа, какими были Томский и Гурьевский заводы, было характерно преобладание ручного тру-

да. Вододействующие механизмы применялись лишь при отдельных трудоемких операциях. Главным двигателем в прямом смысле этого слова оставался человек.

Управление заводами было военизировано. Старшие администраторы, инженеры и техники имели офицерские чины. Нижние чины, непосредственно наблюдавшие за работами, — урядники, мастера, подмастерья, были подневольными людьми.

К малоквалифицированным относились так называемые «работники» и подростки, занимавшиеся подвозкой и подноской сырья, уборкой продукции и отходов производства, в их число попадали также ученики, инвалиды, урочники — дрововозы и камневозы.

Состав работников Томского завода на 1 февраля 1850 года¹

	По списку	Прикомандированные	Всего
Обер офицеры			
Нижние чины	9	—	9
Мастеровые	40	4	44
Работники	56	—	56
Ученики	431	18	449
Подростки	24	1	25
Инвалиды (у должности)	90	—	90
Урочники-угольщики	33	—	33
Урочники-камневозы	86	1	87
Урочники-дрововозы	13	—	13
Урочники-дегтяри	16	—	16
Всего:	799	24	823
В т. ч. квалифицированные	192	5	197
Малоквалифицированные	607	19	626

Как следует из таблицы, квалифицированные работники составляли меньше одной четверти, а три четверти — работники низкой квалификации.

Томский и Гурьевский заводы были единственными железоделательными заводами в Западной Сибири. Деревня и город повышали спрос на изделия из черных металлов. Но рутинная техника и феодальные способы обеспечения рабочей силой не позволяли кабинетским предприятиям значительно расширять производство.

Постоянный недостаток рабочей силы вынуждал кабинетскую администрацию усиленно маневрировать наличными кадрами. Рабочие постоянно перебрасывались с завода на завод, с завода на рудник и обратно. В Гурьевске, например, в 1850 году из 477 человек около половины были временно прикомандированными с Салаирского рудника, Гавриловского, Златоустовского и Томского заводов. Нужда в рабочих разнообразных специальностей приво-

дила к широкому совмещению профессий. По словам Чихачева, посетившего в 1842 году Томский завод, там совершенно не было рабочих, которые знали бы только одно дело: были, скажем, только машинистами, горняками, столярами, кузнецами или металлургами. Каждый из двенадцати сот заводских рабочих исполнял разнообразные обязанности, следуя тому или иному приказу. Переброска работников с одного предприятия на другое и совмещение профессий вызывались и преобладанием тяжелого физического труда, не требующего длительного обучения для овладения отдельными операциями.

В первой половине XIX века на Гавриловском заводе осуществлялся полный цикл выплавки серебра и, кроме того, некоторое количество полупродукта — роштейна отправлялось для обработки на Варнаульский завод. В 1840—1850 годах на заводе ежегодно проплавлялось 500 000 пудов руды, или в два с половиной раза больше, чем в 1790-х годах. Завод ежегодно выдавал до 50 пудов серебра, но издержки производства его были значительно выше, чем на других заводах Алтайского горного округа, поскольку на Гавриловском заводе перерабатывались сравнительно бедные металлом руды. Так, в 1842 году выплавка одного пуда серебра на Варнаульском заводе обходилась в 464 рубля 46 копеек, а на Гавриловском — в 880 рублей 85 копеек.

Выплавка серебра распадалась на три последовательные операции. Сначала в шахтных печах из руды получали роштейн — сернистый сплав металлов, входивших в полиметаллические руды.

Затем в извлекательных горнах роштейн обрабатывался свинцом, который способствовал извлечению серебра. И, наконец, из полученного серебристого свинца (веркблея) в разделительных горнах выделялось серебро, причем оно содержало и золото, которое позже извлекалось на монетном дворе Петербурга.

Плавка руды производилась в шахтных печах, установленных в помещении плавильни. Обычно две-три печи ставились на общий фундамент и заключались в один кирпичный корпус. С задней стороны к печам подводились воздуходувные меха, которые приводились в движение общим валом от водяного колеса.

Печи излучали нестерпимый жар. Расплавленная руда выделяла пары и газы свинца, серы, мышьяка и сурьмы, которые не успевала отводить примитивная вентиляция. В широкие, то и дело отворяющиеся двери зимой врвался морозный воздух, а летом несло пыль. Жара, сквозняки, ядовитые газы делали невыносимым труд плавильщиков. Их постоянными спутниками были бронхит, ревматизм, туберкулез.

Каждую печь обслуживал плавильщик с двумя подручными — засыпщиком и подносчиком. Плавильщик управлял огнем и дутьем, следил за количеством и качеством загружаемой шихты, указывал время загрузки, принимал меры к тому, чтобы не тратилось лишнего топлива и не уходило вместе со шлаком серебро.

Засыпщик через открытый колошник, выделявший ядовитые

¹ ГААК, ф. 2, оп. 5, д. 480, лл. 826—830.

газы и дым, засыпал в печь уголь и рудную шихту, что требовало определенного навыка: надо было, чтобы шихта попадала во все углы печи и равномерно покрывалась углем. Они же убирали шлак. Работали засыпщики и подносчик вручную и тратили много физических сил.

Второй стадией плавки было извлечение серебра из рощейна при помощи свинца в извлекаемых — гармахерских горнах.

Масса рощейна составляла всего 10—15% веса перерабатываемой руды. Поэтому для обработки рощейна требовалось меньше печей, и обслуживающих их работников.

Раскалив горн углем, рабочие загружали в него корытцами не-скольким десятков пудов рощейна. Когда он расплавлялся, в горн полуторасаженой вилкой сажали чушку свинца. Он расплавлялся и, пройдя толщу рощейна, осаждался на дно. Тогда плавильщик совал в эту массу сырой сосновый шест или «дразнилку». Обугливаясь, сырой шест выделял пары и газы. Масса жидкого металла бурно закипала, что способствовало более быстрому извлечению свинцом серебра из рощейна, затем «выдразненный» свинец, осевший на дно горна, выпускали из печи.

В результате трех-четырёхкратного обогащения получали серебряный свинец, или веркблей, содержащий 20—30 золотников серебра в пуде. При этой операции угорало до десяти и более фунтов свинца на фунт извлекаемого серебра.

Последней операцией было разделение серебра и свинца в разделительных горнах или трейбофенах, абтрейберных печах. В печь загружали по 600 пудов веркблея и примерно через двое суток получали два-три пуда золотистого серебра. В процессе разделения выгорало не менее четверти всего свинца.

Работа у трейбофена была особенно вредна для здоровья: люди постоянно находились у раскаленного горна, выделяющего свинцовые пары, вымешивали расплавленный металл, выпускали окисленный свинец. Нередко рабочие заболели мучительной «свинцовой коликой».

Путем многолетних наблюдений плавильщики установили момент, когда серебро полностью очищалось от свинца и еще не начинало выгорать. Очистившееся серебро начинало бликовать, играть радужными лучами. Это явление продолжалось не более минуты, и его нельзя было упускать во избежание угара серебра. Особые мастера специально ждали этого момента, тут же выключали дутье, заливали металл водой и вынимали из горна «блик» серебра в несколько пудов весом.

Незначительные технические усовершенствования, осуществленные в первой половине XIX века, не смогли существенно отразиться на производительности труда горняков и металлургов. Кабинетские рудники и заводы оставались предприятиями мануфактурного типа со всеми вытекающими отсюда последствиями.

5. Открытие и разработка кабинетских золотых промыслов

Россыпное золото в Кузбассе было открыто в 1820-х годах вольными старателями и местными крестьянами в Мариинской тайге по р. Кие. Вслед за вольными старателями проникли в тайгу купеческие поисковые партии: в 1828 году партия купца А. Попова открыла золотые россыпи по Кие, Берикулю, Кундату и другим речкам.

С 1830 года Алтайский округ, оставаясь царской собственностью, перешел под управление министерства финансов. Известия об открытии золота в Мариинской тайге, по соседству с кабинетскими владениями, побудили министра финансов Канкрин начать поиски золотых россыпей в Салаирском крае.

Первые золотопоисковые партии работали в 1830 году поблизости от Салаирских рудников. Партия шихтмейстера Мордвинова открыла богатую россыпь по р. Фомихе. В том же году там начал работать прииск, названный в честь министра финансов Егора Канкрина Егорьевским.

В 1831 году на поиски золотоносных россыпей было послано сразу девять партий. Было открыто еще три золотых промысла: Урский, Сухаринский и Суенгинский.

Поисковые партии все дальше и дальше углублялись в тайгу Кузнецкого Алатау и Горной Шории. Каждая из них пробивала за лето сотни шурфов. Кайлами и лопатами снималась порода, покрывающая золотоносные пласты. Работать приходилось нередко по колено в воде. Воду откачивали бадьями, которые поднимались журавлем или ручным воротом.

В 1834 году открыта была в Горной Шории богатая россыпь по речке Петропавловке, в 1836 году — россыпь по речке Федоровке. Здесь вскоре возник крупнейший прииск кабинета Царево-Николаевский. К нему была присоединена и открытая в 1842 году по соседству россыпь по речке Веселой. В 1845 году начал работать в Горной Шории Спасский промысел. В 1853 году была открыта большая россыпь по р. Андобе, вошедшая вместе с соседними россыпями в Царево-Александровский промысел.

В 1846 году уже действовали Егорьевский, Мунгатский, Пезасский, Терсинский, Царево-Николаевский, Спасский и другие промыслы. На десяти золотых промыслах было добыто более 17 миллионов пудов золотоносных песков, из которых получено 33 пуда 33 фунта золота. В том числе Царево-Николаевский промысел дал 21 пуд 35 фунтов. Всего с 1830 по 1857 год кабинет получил с промыслов 628 пудов 27 фунтов золота и 95 пудов 15 фунтов серебра (россыпное золото содержало небольшую примесь серебра). На общую сумму 9 645 386 рублей.

Добыча россыпного золота приносила больше доходов, чем производство серебра. Поэтому на золотые промысла стали переводить рабочих с заводов и рудников. Стала практиковаться посыл-

ка на золотые промыслы провинившихся мастеровых в виде наказания. Туда же стали направляться рекруты, поступавшие в распоряжение горного начальства. Число рабочих на золотых промыслах быстро росло и в 1840-х годах дошло до 3 тысяч человек.

Добыча золота производилась и летом, и зимой. Но зимние работы были менее продуктивными и особенно тяжелыми для мастеровых, которым приходилось работать в холоде и сырости, не имея непромокаемой одежды и обуви. Из-за нехватки свежих овощей, молока и мяса зимой на приисках свирепствовала цынга. На купеческих приисках зимой работы свертывались и часть рабочих получала расчет. На кабинетских же приисках, чтобы не кормить людей даром, их заставляли работать и зимой, хотя, по признанию управляющего Алтайскими золотыми промыслами инженер-подполковника Ястржембского, зимние работы были «гибельны для здоровья людей».

Большинство работ на приисках выполнялось вручную, и лишь при промывке песков применялись вододействующие машины.

Когда толщина породы, покрывающей золотоносный пласт, не превышала четырех аршин, россыпи разрабатывались открытыми разрезами. Забойщики кайлами и лопатами снимали торф и пески. При большей мощности наносных пород золотоносные пласты отрабатывались подземными ортами. И в этом случае кайла, лом и лопата служили основными орудиями труда.

Уборка породы в отвал и доставка золотоносного песка на промывку обычно производились носилками, тачками и, в лучшем случае, на таратайках, запряженных лошадьми. На особо крупных приисках, где была конная откатка, настилались железные дороги, которые делались из обычного полосового железа: железные полосы ребром врезались в деревянные шпалы, немного выступая над их поверхностью. По этим примитивным рельсам лошадь могла везти 150—200 пудов песка. Подобные железные дороги существовали на Царево-Николаевском и других крупных промыслах.

Простейшим устройством для промывки песка, применявшимся на кабинетских приисках, был ручной вашгерд, состоящий из двух деревянных плоскостей, ограниченных невысокими брусками. Рабочий деревянным гребком протирает и отмучивает пески, растирал комки породы и направлял их под струю проточной воды, которая сносила более легкие части породы и осаждала тяжелые крудинки золота. Таким образом, за смену промывалось до 90 пудов песка. На более сложных и производительных устройствах — бутарах, чашах и бочках — протирка песков нередко производилась с помощью лошадей или водяных колес. Промучивание осуществлялось другими рабочими с помощью грабель. Иногда вал с граблями вращался лошадьми или водяным колесом. На большой бочечной машине бочка и грабли приводились в движение зубчатыми колесами, работавшими от наливного колеса. Протирка песков производилась во вращающейся бочке, в которой комья, переваливаясь, рассыпались на мелкие частицы и, проваливаясь сквозь грохот, поступали

на вашгерд, где отмучивались граблями. За смену с помощью бочки трое-четверо рабочих успевали промывать до двух тысяч пудов песка. Следовательно, производительность труда на бочечной машине была в четыре-пять раз больше, чем на ручном вашгерде.

В 1846 году на кабинетских золотых промыслах работали ручные, реже конные бутары. И лишь на Царево-Николаевском, Цезаском и Терсинском промыслах были большие вододействующие машины.

В целом производительность труда на кабинетских приисках была ниже, чем на частных приисках Марининской тайги.

Золотопромышленники шире применяли конную откатку, устанавливали бочечные и другие высокопроизводительные машины. И, главное, вольнонаемные рабочие этих приисков были материально заинтересованы в повышении выработки.

Крепостные производственные отношения, царившие на кабинетских предприятиях в первой половине XIX века, стали заметно тормозить технический прогресс, сказывались на организации труда и его производительности.

6. Приписные крестьяне

Приписные крестьяне составляли подавляющую часть крестьянского населения Кузнецкого округа вплоть до падения крепостного права. В 1853 году в Кузнецком округе числилось 25 417 приписных крестьян. Плюс к этому 6185 приписных крестьян жили на северо-западе современной Кемеровской области, входившей тогда в южную часть Томского округа.

Учреждение об управлении Колывано-Воскресенских горных заводов от 16 апреля 1828 года официально утверждало закрепощение государственных крестьян, приписанных к Колыванским заводам. Приписные крестьяне подчинялись начальнику заводов и «поставляются в непрременную обязанность исправлять работы, для действия заводов необходимые». «За исправление сих работ» они получали по 1 рублю 70 копеек. Размер подушного оклада к этому времени еще больше увеличился и составлял 5 рублей 3 копейки с души.

Привлечение крестьян к заводской барщине под благовидным предлогом отработки подушного оклада потеряло юридическое основание. Положение 1828 года умалчивает об этом потерявшем силу формальном основании, а просто объявляет, что «приписные крестьяне не изъеются от платежа подушной подати и других казенных сборов».

Следовательно, теперь приписные крестьяне несли заводские повинности не вместо подушного оклада, как в первые десятилетия после приписки, а вместе с заводскими повинностями несли остальные государственные и местные повинности, денежные и натуральные. Учреждение 1828 года узаконило практиковавшийся и ранее

наем работников для отработки заводских повинностей. Правила 1830 года, составленные Алтайским горным правлением, разрешали выполнение заводских повинностей подрядным способом.

По-прежнему выполнение повинностей было особенно тяжелой обязанностью для крестьян отдаленных от заводов и рудников волостей. В 1851 году генерал-адъютант Анненков сообщил в записке об обследовании Алтайского горного округа, что «северные волости Колыванской и Томской округ, за немногими исключениями, представляют вид большею частью скудный, а некоторые и бедный: дома малы, не покрыты, дурно огорожены, одежда ветхая, нередко изорванная, на юге же от Барнаула заводские крестьяне имеют вид довольства». Причину столь резкой разницы в жизни крестьян Анненков видит не в климатических и других местных условиях, а в повинностях по горному ведомству.

Крестьяне Колыванского округа ездили на заводские работы за 250—400 верст, крестьяне Томского, Барнаульского и Кузнецкого округов — за 150—300 верст, а Бийского округа — за 30—150 верст, следовательно, тратили на дорогу меньше времени, чем крестьяне дальних волостей. Работая на заводах, крестьяне дальних волостей опаздывали на полевые работы, тратили лишние деньги на свое пропитание и на корм лошади во время пути, нередко выполняли повинности наймом через подрядчиков, что также обходилось недорого.

В конце 1840-х годов одному «бойцу», несшему повинности за две-три души, приходилось уплачивать только подрядчикам 80—100 рублей ассигнациями, а всего вместе с государственными податями 122—142 рубля ассигнациями. Анненков приходил к выводу, что «не только трудно, почти невозможно крестьянину платить ежегодно такую сумму денег: он покуда тянется, но потом, и, к сожалению в скором времени, не найдет к тому никаких средств».

Политика горного начальства по отношению к приписным крестьянам по мере углубления кризиса крепостного хозяйства становилась все более противоречивой. Начальство было заинтересовано в том, чтобы крестьяне имели исправное хозяйство, поскольку они перевозили заводские грузы на своих лошадях и должны были кормиться за свой счет, т. к. ничтожная плата, получаемая ими от заводских контор, по данным генерал-адъютанта Анненкова, не покрывала и 10 процентов их расходов.

Вместе с тем, горное начальство больше всех было повинно в том, что крестьяне не сеяли достаточно хлеба, не запасали сено и, по выражению начальника завода Соколовского, «обращались в в разных неизвестных местах».

Карл Маркс в черновике письма к Вере Засулич указывал: «Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно также нет необходимости уничтожить общую собственность посредством указа. Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукты их сельскохозяйственного труда — и, несмотря

на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям»¹. Именно такое положение складывалось в Алтайском горном округе в первой половине XIX века. Для многих крестьян, прежде всего для крестьян отдаленных волостей, объем заводских повинностей превышал меру, позволяющую поддерживать личное хозяйство.

В разорении этих крестьян наряду с заводской администрацией активно участвовало местное кулачество. Легализация подрядов расширяла поле деятельности растущей крестьянской буржуазии. Зажиточные крестьяне при содействии администрации, с которой они делились доходами, подрядались выполнять перевозку руд и угля за сотню и более душ по высоким, разорительным для крестьян ценам.

При перевозке руды подрядчики брали за душу от четырех до десяти рублей; при перевозке угля в среднем 14 рублей; за рубку дров в среднем девять рублей серебром. При этом 57 с половиной копеек серебром за душу, которые тогда конторы заводов выплачивали крестьянам, выполнившим повинности, также доставались подрядчику. Таким образом, крестьяне платили подрядчикам в десятки раз больше того, что они сами могли бы получить от заводов. Чтобы добыть эти деньги, крестьяне нанимались работать поблизости от дома, иногда к тому же подрядчику, постепенно попадали в кабалу к богатым односельчанам.

Урочники, не имевшие лошадей для выполнения своего урока, также шли на поклон к подрядчику, и, чтобы рассчитаться, нанимались к нему же в работники.

Таким образом, подрядная система, с одной стороны, способствовала росту сельской буржуазии, а с другой — росту сельского пролетариата. По данным Н. Зобнина, часть беднейших крестьян, постоянно работая на подрядчика, отставала от земледелия и обращалась в наемных рабочих. Так, в 1850 году на севере Кузбасса — в Тутальской волости 39% крестьян не занимались земледелием, а в Пачинской — 37%.

Кабинетское начальство и кулачество действовали разными методами: одни применяли внеэкономическое, другие — экономическое принуждение, но в обстановке подымающегося капитализма результаты были одни — обнищание значительной части крестьян, превращение их в полупролетариат и пролетариат. Разумеется, капиталистические отношения в деревне развивались не благодаря крепостным порядкам, а несмотря на эти порядки. Когда крепостной строй рухнул, развитие капитализма в деревне Кузбасса пошло несравненно быстрее. До 1861 года сфера капиталистической эксплуатации ограничивалась взаимоотношениями между подрядчиками, крестьянами-нанимателями и рабочими у подрядчиков. Отношения между кабинетом и крестьянами по-прежнему определялись крепостным правом. Крестьяне, которых замещали вольнонаемные рабочие, не освобождались от повинностей, а только заме-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 685.

няли барщину платой подрядчику. Практически для крестьян барщина заменялась денежным оброком. Люди, которые поступали к подрядчику вольнонаемными рабочими, отбывали на кабинетских заводах феодальные повинности. Количество и качество их работы определялось исключительно размером и характером повинностей.

Развитие с 1830-х годов за пределами кабинетских владений золотопромышленности в Марининской тайге еще более содействовало расслоению приписного крестьянства.

В 1838 году Алтайское горное правление разрешило зажиточным крестьянам доставлять купеческие грузы на собственных лошадях. Одновременно крестьянам было запрещено наниматься на частные прииски, однако земские управители доносили, что крестьяне надолго покидают дома и хозяйство, якобы, для выполнения заводских повинностей, но на заводы не являются и находятся в неизвестных местах.

Капиталистическая промышленность, развивавшаяся за пределами горного округа, оказывала все большее влияние на хозяйство приписных крестьян; одни становились подрядчиками, поставлявшими на частные прииски хлеб, фураж и различные материалы, другие работали возчиками у подрядчиков или рабочими у золотопромышленников. В конце концов кабинетское начальство было вынуждено пойти на уступки. И внутри горного округа все шире развивалась подрядная система отработки заводских повинностей путем вольного найма. Капиталистические отношения извне и изнутри подтачивали кабинетское хозяйство. В среде приписных крестьян медленно, но неуклонно складывались сельская буржуазия и сельский пролетариат — классы нового капиталистического общества.

7. Военно-феодалная система эксплуатации кабинетских мастеровых

Кадры кабинетских мастеровых, судя по сохранившимся формулярам, в первой половине XIX века по-прежнему формировались из приписных крестьян и сыновей мастеровых. В 1820—1831 годах на Салаирских рудниках 49% работающих было из крестьян, 41% из сыновей мастеровых и 10% из сыновей солдат, мещан и младших служащих; на Гурьевском заводе — 77% из крестьян, 21% из мастеровых; на Гавриловском заводе — 84% из крестьян, 15% из мастеровых.

Число детей в рабочих семьях, как и в XVIII столетии, было невелико и не обеспечивало воспроизводства рабочей силы. Так, на Салаирских рудниках среднее число детей в семье составляло 1,1 человека; на Гавриловском заводе — 1,27 и на Гурьевском — 1,3 человека.

Год от года на рудниках росла эксплуатация детского труда. Малолетние рудоразборщики 7—15 лет составляли в 1822 году —

13%, а в 1841 году — 11% общего числа рабочих Салаирских рудников. Первое место по численности на рудниках занимала молодежь, а на заводах — работники среднего и пожилого возраста. На Салаирских рудниках молодежь 16—24 лет составляла в 1822 году — 36%; а в 1841 году — 30% мастеровых и была наиболее многочисленной возрастной группой. На Гурьевском заводе в 1831 году первое место занимали 35—44-летние (44%), а в 1841 году — 45—54-летние (25%). Ввиду высокой смертности и инвалидности процент работников старше 55 лет был невелик (на Салаирских рудниках 3—9%, на Гурьевском заводе 5—7% и на Гавриловском 2—6%).

В последние десятилетия существования крепостного права численность кабинетских мастеровых в Кузнецком округе несколько уменьшилась. Так, в 1842 году их численность 5310, а в 1853 году лишь 4765. Это объяснялось, во-первых, переброской части мастеровых в Бийский округ, где в то время разворачивались работы на Зырянском руднике. И, во-вторых, исключительно тяжелыми условиями труда и быта, приводившими к тому, что смертность в семьях мастеровых превышала рождаемость. Так, в 1838 году на Салаирском руднике родилось 159, а умерло 202 человека.

Служба кабинетских мастеровых представляла для них по-прежнему не экономическую необходимость, а феодальную повинность. Верховные владельцы Алтайского округа — российские императоры широко использовали государственную рекрутскую повинность в своих интересах. Рекруты, поступавшие на горнозаводскую службу, принимая присягу, клялись «всемогущим богом пред святым его евангелием» служить верою и правдою императору, «отвращать и не допускать» «ущерба его величества интереса, вреда и убытка». Православная церковь, служители которой состояли на содержании у кабинета, освящала своим авторитетом крепостническую эксплуатацию.

Горный устав определял кабинетских мастеровых как особое сословие, обязанное «исправлять горные заводские работы».

В официальных документах термин «крепостные» в отношении кабинетских мастеровых не применялся, но по существу они представляли группу крепостных, которые как и дворовые, не имели собственных средств производства и существовали преимущественно за счет денежного жалованья и хлебного пайка. Получение заработной платы кабинетскими мастеровыми не обуславливалось вольным наймом, жалованье кабинетских мастеровых было в несколько раз меньше заработка вольнонаемных рабочих.

В 1834 году министр финансов и управляющий предприятиями кабинета Е. Канкрин выдвинул идею привлечения на кабинетские прииски поселенцев. Главный начальник Алтайских заводов в ответном донесении министру доказывал, что поселенцев нанимать на кабинетские прииски нецелесообразно, поскольку им пришлось бы платить такую же заработную плату, как и на частных приисках, или, по крайней мере, вчетверо больше того, что фактически получали кабинетские мастеровые.

И в самом деле, квалифицированные кабинетские мастера получали в то время по 10—12 рублей в год, т. е. зарабатывали за смену не более пяти копеек. Что же касается неквалифицированных рабочих, то их годовая зарплата колебалась в пределах шести—девяти рублей, или 3—4 копеек в смену. Между тем, по официальным данным, в Кузнецке в 1842 году поденная плата плотнику составляла 50—60 копеек, кузнецу — 70—80 копеек, каменщику — 60—70 копеек. Значительно меньше — от четырех до шести рублей в месяц — платили батракам, но и они могли заработать за месяц столько же, сколько платили неквалифицированному заводскому рабочему за целый год.

Принудительный труд широко применялся во всей горной и металлургической промышленности России. Своеобразие порядков сложившихся в Кузбассе, заключалось в том, что при наборе рабочих кадров для частных царских предприятий использовалась государственная воинская повинность.

Полувоенный строй на предприятиях кабинета был закреплен положением о Колывано-Воскресенских заводах 1828 года и горным уставом. Кадры мастеровых пополнялись рекрутами из приписных крестьян и сыновьями «мастеровых и рабочих людей всех нижних чинов». Мастеровые объединялись в команды, состоявшие под начальством горных офицеров, подчинялись воинскому уставу, за нарушение порядка и неповиновение судились военным судом. По горному уставу младшие служащие и мастеровые кабинетских заводов разделялись на нижние и рабочие чины. Нижние чины приравнивались к унтер-офицерам, а рабочие — к солдатам. К нижним чинам относились уставщики, межевщики, пробыщики, мастера писари, чертежники, фельдшера и аптекарские ученики. Все они назывались также урядниками. К рабочим чинам, или к «сословиям рабочих», относились мастеровые, урочники, подмастерья, писцы.

Положение 1828 года и горный устав не вводили какого-то нового порядка, а просто закрепляли установившийся на кабинетских предприятиях порядок военно-феодальной эксплуатации. Смысл военного строя на предприятиях кабинета сводился к обеспечению беспрепятственного получения императором феодальной ренты с мастеровых и крестьян, приписанных к заводам.

Обязанности кабинетских мастеровых были гораздо тяжелее повинностей крепостных крестьян. Как и военнослужащие, они подвергались страшному наказанию шпицрутенами, которого не знали крестьяне помещичьих имений. Солдатская служба продолжалась 25 лет. Служба же мастеровых вплоть до 1849 года вообще не была ограничена сроком: отставку они получали лишь по дряхлости и инвалидности. С 1849 года стали увольнять в отставку мастеровых беспорочно прослуживших 35 лет. При этом сыновья мастеровых зачитывались лишь служба, начиная с 18-летнего возраста.

По мнению генерал-адъютанта Анненкова, производившего ревизию в Западной Сибири, положение кабинетских мастеровых было хуже положения солдат и даже каторжан.

Анненков был поражен тем, что отдельные мастеровые ложно оговаривали себя в убийстве кого-либо с тем, чтобы попасть на Нерчинскую каторгу и, отбыв срок, выйти на поселение. «...В течение 1850—1851 гг. 19 мастеровых преданы военному суду за выказание на себя смертоубийств. Из истребованных по сему объяснений от Алтайского горного правления оказалось, что показания сих преступников не оправдываются, и что из них пять уже сознались в выказывании на себя смертоубийства с той целью, чтобы избавиться от заводских работ»¹.

Каждую весну сотни детей сгонялись на Салаирский рудник. Многие из них жили в казармах и годами не видели родных. Сыновья местных мастеровых жили вместе с родителями. С весны до поздней осени дети в жару и холод, под палящим солнцем и снегом, целыми днями дробили молотками камни. Измученные на работе, дети спали как убитые. Случалось, матери, жалея сыновей, на руках приносили их спящими на работу. Опоздавших к началу смены или не выполнивших урок нарядчики таскали за волосы, били палкой, пороли розгами. Девяностолетний гурьевский старожил М. Ф. Кожевников в 1936 году рассказывал собирателю фольклора А. А. Мисюреву, как в детстве его и братьев мать водила на работу с Гавриловского завода на Салаирский рудник:

«Выйдет мать на двор, на звезды посмотрит, Кычиги (созвездие Ориона) закатились — пора будить! Будит, а сама чуть не плачет... Выходим в путь... Мороз трещит, буран — сам знаешь, какие здесь бураны бывают, в поле ни зги... Идем гусем: мать впереди, за ней старший малолет за ее опояску держится, другой, поменьше, за его опояску, а меньшего, случалось, матушка на руках несла. Нарядчик встречает сердитый, сосульки на нем висят, под мышкой — палка. — Опоздали! — вопит. Ухватит, бывало, за вихор и давай таскать кругом себя... Примостимся мы под сугробом каким, а не то около скалы, чтобы снегом не так заметало, и руду на большом камне дробим. Есть захочем — костер из веток еловых разведем тут же (спичек нынешних не было, трутом да огнивом обходились) и начнем хлеб на огне оттаивать... сунуть в огонь — сгорит, близ огня поддержать — будет стылый, жесткий, ну молотком его колотили для мягкости. Потом из десен кровь шла, во рту болело»².

Рекрутов и сыновей мастеровых, достигших 18 лет, ставили к ручным воротам и насосам, на откатку и добычу руды.

В сырых и душных подземных выработках, при коптящем свете сальных свечей, забойщики кайлами и клиньями отбивали руду, а откатчики в тачках доставляли ее к шахтному стволу.

Кабинетское начальство щедро расходовало физическую силу подневольных горнорабочих, но избегало затрат на механизацию производства. Основные работы по добыче, откатке, подъему, разбору руды выполнялись вручную.

¹ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 320/481, д. 9, лл. 9—10.

² А. А. Мисюрев. Легенды и были. Изд. 2-е, Новосибирск, 1940, стр. 136—138.

Изнурительный физический труд преобладал и на металлургических заводах.

Большинству рабочих приходилось выполнять операции, не требовавшие длительной выучки и умственного напряжения, но связанные со значительной тратой физических сил. И лишь немногие поступали на выучку к плавильщикам, перенимали от них накопленный десятилетиями опыт.

Искусство выплавки серебра и железа совершенствовалось опытным путем в течение многих лет и передавалось от одного мастера к другому в результате длительной выучки.

Это было скорее искусство, чем наука. Здесь господствовали установившиеся в заводской практике приемы, смысл которых был зачастую непонятен даже мастерам.

Плавильщики не могли сменить место работы, даже если дальнейшее пребывание в горячем цеху представляло явную опасность для здоровья. В крепостное время начальство посылало сыновей мастеровых и рекрутов на завод, не спрашивая их согласия. И место работы, и профессия определялись не личными склонностями рабочего, не материальной заинтересованностью, а крепостническим принуждением.

Администрация по своему усмотрению назначала рабочих рудокопами, дроворубами, денщиками у горных офицеров, плавильщиками, конюхами и перебрасывала их с места на место помимо их желания.

Большинство мастеровых до самой отставки или смерти оставалось работниками низших разрядов. Меньшая часть после долгих лет беспорочной службы переводилась в высшие статьи. В 1817—1821 годах горнорабочие, или бергайеры, делились на девять статей. На Салаирском руднике был 1041 бергайер низших, т. е. седьмой-девятой, статей, в том числе 830 человек (80%) до 35 лет. Среди 50 бергайеров средних (четвертой-шестой) статей было всего четыре человека (8%) до 35 лет. Среди 15 бергайеров высших (первой — третьей) статей не было ни одного до 35 лет, семь человек от 36 до 45 лет, пять человек от 46 до 55 лет и у трех человек возраст в формулярах не указан.

Нередко проштрафившиеся мастеровые понижались в должности: бергайер становился рудокопом или горным работником, плавильщик — горным или доменным работником.

Бергайер С. И. Протопопов в 1837 году за побег был наказан шпицрутенами и переведен в работники третьей статьи. Салаирский кузнец Д. К. Солдатов в 1841 году за побег был наказан шпицрутенами, разжалован из кузнецов в работники третьей статьи и переведен на Павловский завод.

Материальный уровень мастеровых был крайне низким. Своими руками строили они себе избышки с глинобитными печами, с маленькими, затянутыми пузырем оконцами. Кроме лавок и стола, в избе никакой мебели не было. Спали на лавках и на печи, укрываясь старой одеждой. Основу питания составлял казенный провиант.

Выдаваемая мука была нередко затхлой, слежавшейся в комья. Из нее пекли хлеб и варили мучную похлебку «заваруху». Лишь те, кто имел огород, корову и овец, могли есть овощи, молоко и мясо.

Мужчины носили холщовые рубахи и чембары (штаны), на ногах кожаные чирки. В праздники одевали халаты из дабы или другой бумажной материи. Верхняя одежда — лопоть или латанишка летом состояла из заплатанного армяка, зимой из полушубка. Жены мастеровых шили домотканые или ситцевые платья, обувались в те же чирки, выходя из дому набрасывали на себя мужские халаты, армяки или платки.

Особенно бедно жили приисковые рабочие, редко имевшие собственное хозяйство. Рапорт главного начальника Алтайских заводов (Озерского кабинету от 22 апреля 1860 года рисует условия быта приисковых рабочих: «Находясь целую смену в сырости и холоде, рабочий по окончании смены отправляется в мокрой обуви, по приходе на квартиру он первым делом принимается за пищу. По окончании небогатой трапезы нередко состоящей, особенно во время постов, из черного хлеба и не совсем хорошего квасу, он спешит как можно скорее воспользоваться отдыхом и от утомления и более от совершенной беспечности часто, не разувшись, засыпает. Обувь в продолжении сна высыхает сколько возможно на нем. Проснувшись, он по обыкновению опять обращается к пище и в урочный час отправляется на работу в той же обуви. Заботливые о себе хотя и разуваяются и просушивают обувь и платье, но или по недостатку теплоты в избе, а чаще по тесноте жилища, одежда не всегда может высохнуть, и потому они в сырой обуви отправляются на работу. Между тем испарения от просушки платья и обуви, скопляясь в избе, и без того нередко сырой и тесной, увеличивают сырость в ней».

Заработная плата мастеровых была настолько низка, что не обеспечивала удовлетворения самых ограниченных потребностей.

Поскольку рабочим, особенно семейным, не хватало жалованья даже на покупку хлеба, кабинет с 1828 года ввел бесплатную выдачу муки. Взрослые работники получали по два, а работники-подростки — один-два пуда муки на месяц. С 1849 года кабинет был вынужден ввести бесплатную выдачу муки также женам, дочерям и малолетним сыновьям мастеровых.

Материальное положение мастеров, нарядчиков, унтерштейгеров, унтершихтмейстеров, выходивших из среды тех же мастеровых, было несравненно лучше положения рядовых рабочих, но мало кому удавалось достичь этих должностей. Далеко не многие сыновья мастеровых имели возможность получить даже начальное образование. Среднее же техническое и тем более высшее образование было исключительной привилегией сыновей горных офицеров.

Процент грамотных среди мастеровых Салаирских рудников Гавриловского и Гурьевского заводов в 1820-1831 годах колебался от 1,6 до 5, а в 1841 году от 5 до 8. Меньше всего было грамотных

среди крестьян — рекрутов, у которых в 1820—1831 годах процент грамотных колебался от нуля до 1,22, а в 1841 году от 0,1 до 1,4.

Нужда в грамотных рабочих, мастерах и техниках заставила Алтайское горное начальство открывать школы на крупнейших заводах и рудниках. Так, в 1850-х годах школы работали при Томском и Гурьевском заводах, на Салаирском руднике, Царево-Николаевском, Царево-Александровском и Егорьевском золотых приисках.

Лучшие выпускники местных школ определялись «к письменным работам» в заводские конторы, становились писцами и чертежниками, а наиболее способные попадали в Барнаульское горное училище, дававшее среднее техническое образование. Выпускники училища работали на кабинетских предприятиях унтершхтмейстерами, унтерштейгерами, унтергиттенфервальтерами. Если они были сыновьями мастеровых и солдат, то оставались в крепостной зависимости, как и писцы, лекарские ученики, мастера, учителя заводских школ. Лишь после долгих лет службы, и то не всем, удавалось получить первый классный чин шхтмейстера или кабинетского регистратора, приносивший освобождение от крепостной зависимости.

На предприятиях Кузбасса работали талантливые изобретатели, вышедшие из среды мастеровых, — Ф. С. Ваганов, П. М. Залесов, В. Е. Речкунов, П. Г. Ярославцев и другие. Но в крепостных условиях немного из задуманного ими проводилось в жизнь.

Подневольный труд подавлял инициативу и мысль рабочих.

Поскольку кабинетские мастеровые и материально, и морально были заинтересованы не в работе, а в избавлении от каторжной горнозаводской службы, заставить их работать можно было лишь путем насилия, принуждения.

Нарядчики, мастера, уставщики не расставались с палкой и избивали провинившихся прямо в цехе. Мастеровых наказывали также по распоряжению управляющего или по решению присутствия горной или заводской конторы. Наиболее серьезные проступки мастеровых рассматривались Алтайским горным управлением, Барнаульской и Салаирской военно-судными комиссиями.

Военные суды чаще всего рассматривали дела о побегах мастеровых с работы. Пойманных беглецов приговаривали к наказанию розгами, плетью, шпицрутенами, к заключению в арестный дом, оттуда заключенные в кандалах, с наполовину обритой головой, как каторжники, под конвоем выводились на работу.

Поскольку кабинету было невыгодно терять подневольных работников, лишь в исключительных случаях обвиняемые отправлялись на каторгу в Нерчинск, а затем на поселение.

Крепостническая опека и принуждение распространялись и на личную жизнь мастеровых.

Без разрешения начальства они не имели права вступать в брак. Работник третьей статьи Салаирского рудника Трофим Мозжерия, как указано в его служебном формуляре, в 1825 году «за не позво-

тельный увоз крестьянской девки Кунгуровой, якобы за себя в замужество, и за неиспрошение от начальства на женитьбу позволения, наказан батожем 25 ударов». Рудовоз Прокопий Агеев за женитьбу без разрешения начальства в 1843 году наказан шпицрутенами, переведен в работники третьей статьи и сослан на Зыряновский рудник.

Начальство считало своим долгом строго следить за проведением мастеровыми свободного времени. Начальник Алтайских заводов Фернграсс в 1852 году предписал горным конторам следить, чтобы мастеровые во время, свободное от заводских работ, занимались своим хозяйством, о тех же, кто «не будучи руководим, употребляет по зло свою свободу, буде меры убеждения не помогают к их исправлению, докладывать приставу или управляющему для принятия мер, более действительных».

Закон не предусматривал для крепостных мастеровых никаких отпусков. Даже свидание с родными зависело от милости начальства. Змеиногорская горная контора 20 августа 1848 года направила рапорт Алтайскому горному правлению, в котором сообщала, что работник Василий Недосекин двадцать лет не виделся с родными, живущими на Салаире, «почему и просит за наем в казенную работу работников уволить на два месяца в Салаирский рудник». Недосекин, как видно из рапорта, нанял вместо себя другого работника, тем не менее Змеиногорская контора затеяла по этому вопросу переписку.

Без разрешения администрации мастеровой не мог в свободное время — «гульную неделю» заняться каким-либо промыслом или временной работой, купить или обменять лошадь.

Инвалид Гавриловского завода Плотников в 1839 году «за беспозволительную покупку лошадей у служителя Гусельникова наказан розгами дачею 25 ударов с подтверждением, чтоб впредь делать этого не отваживался».

Но чем тяжелее был крепостной гнет, тем упорнее становилось сопротивление существующим порядкам со стороны рабочих и крестьян. Дети мастеровых с молоком матери впитывали ненависть к крепостному строю и господствующему классу. С завода на завод передавались рассказы о смельчаках, выступавших против горнозаводского начальства. Герои наделялись сверхъестественной силой, приобретали черты сказочных богатырей.

На Салаирском руднике, Гурьевском и Томском заводах сложились многочисленные сказы про беглеца Сороку. Сорока — собирательный образ. Одни сказители утверждали, что он с Салаира. «Его семи лет в работы сюда забрали руду крошить на конской шкуре». Другие говорили, что Сорока работал на Томском заводе, третьи — на Гурьевском. «Был он кузнец, первой статьи кузнец, наш Гурьевский, ковать умел лихо». Сорока выступал против заводского начальства. «Убил одного управляющего... из ружья в окно конторы стрельнул».

Рассказывали, что Сорока захватывал казенные караваны с

серебром и помогал заводской бедноте. «Везли раз с Гурьевского завода казенного серебра караван, а Сорока с товарищами караван отбили да себе забрали... Была вдова — Катериной, что ль, ее звали — мужа у ней заporоли. Так ей Сорока тайным способом денег дал, она дом построила. И сейчас этот дом стоит, внуки ее живут. И многим другим была помощь». Сорока надеялся сверхъестественными качествами. «За хитрость его Сорокой и прозвали... Как прыгал Сорока! Через двух коней на третьего заскакивал. Простая пуля не брала, он ее через плечо назад бросал». По утверждениям некоторых рассказчиков, Сороку убили, зарядив ружье медной пуговкой.

На масленицу на рудниках и заводах устраивали многолюдные гуляния. Ряженая молодежь разыгрывала сцены, сатирически изображавшие военно-феодальный строй. По улицам расхаживали генералы в соломенных эполетах, сопровождаемые палачами. По распоряжению генерала палачи стегали народ жгутами.

Горное начальство делало все, что было в его силах, для предупреждения открытых выступлений мастеровых против крепостных порядков. На рудниках и заводах были расквартированы военные гарнизоны. Тем не менее уклонение от выполнения заводских повинностей и другие проявления классовой борьбы усиливались,

8. Развитие капиталистической золотопромышленности

До начала XIX века добыча золота составляла монополию казны и царской фамилии. В 1812 году уральским заводчикам были разрешены поиски золота на их собственных землях. С 1826 года началась выдача разрешений отдельным крупным капиталистам на поиски золота в Сибири, а десяток лет спустя были изданы правила, разрешавшие частным лицам заниматься золотопромышленностью на государственных землях. В 1838 году выходит специальное положение о частной золотопромышленности в Сибири.

Первая половина XIX века характерна усилением процесса перехода капитала из сферы обращения в сферу производства. В золотопромышленность Урала и Сибири хлынули купеческие деньги, поскольку разработка богатейших россыпей сулила баснословные прибыли, гораздо большие, чем от исконной сибирской торговли мехами.

Переход Поповых, Рязановых, Мясникова, Баландина и других видных уральских и сибирских купцов от торговли к добыче золота, представлял собой одну из существенных особенностей первоначального накопления капитала в Сибири в 1830—1850-х годах.

Богатый екатеринбургский купец-старовер Рязанов после безуспешных поисков золота в Тобольской губернии в компании с купцами Казанцевым и Баландиным перенес поиски в Томский округ. Их поисковая партия, руководствуясь указаниями коренного населения, открыла в Мариинской тайге знаменитый Кундустуюльский

ключ, давший несколько сот пудов золота. В 1828 году партия уральского купца-миллионера А. Попова, работавшая в Мариинской тайге, пользуясь слухами о том, что вольные старатели моют золото по р. Берикюль, наткнулась на богатую золотую россыпь, которую до этого тайно разрабатывал беглый уральский крестьянин Егор Лесной. На имя А. Попова было заявлено свыше 30 участков по Берикюлю. В 1831 году были открыты золотые россыпи по рекам Шалтырь-Кожуху, Бурлевке и Тайдону.

В золотоносные районы, открытые поисковыми партиями крупных уральских капиталистов, ринулись сотни разведчиков. В Сибири началась золотая лихорадка. Забурлил и заволновался тихий купеческий и чиновничий Томск. По словам Г. Н. Потанина здесь «все бросились искать золото. Ремесленник бросал свой верстак; чиновник, не стесняясь своим званием, шел служить к мужику — золотопромышленнику; в общественном положении произошла страшная перетасовка. Вице-губернатор идет в управляющие контору к купцу, прежде занимавшемуся прасольством, а теперь ставшему золотопромышленным тузом. Золотопромышленники выдвигаются в городском обществе на первый план и вытесняют из первых рядов бюрократию. В годовые праздники сборище чиновников едет с первым визитом не к губернатору, а к золотопромышленнику Горохову»¹.

Слобода Кийская, ставшая сборным нунктом для приискателей, в 1856 году была преобразована в окружной город, который в 1857 году получил в честь императрицы Марии название Мариинска. Мариинской стали называть и расположенную вокруг тайгу.

Быстро развивающейся золотопромышленности требовались тысячи и тысячи рабочих рук. Главным их поставщиком стала сибирская ссылка.

По мере углубления кризиса крепостного строя росло число выступлений крестьян против существующих порядков. Царское правительство беспощадно расправлялось с бунтовщиками, бросало их в тюрьмы, ссылало в Сибирь. Помещики, используя право, предоставленное им еще в 1760 году государственной властью и подтвержденное указом 1822 года о высылке крепостных людей «за дурные поступки» в Сибирь, избавлялись от непокорных и неугодных крестьян. Особенно большим поток ссыльных был в первые десятилетия XIX века. В Сибири появились сотни тысяч ссыльнопоселенцев из крепостных крестьян, освобожденных таким своеобразным путем от крепостной зависимости, но одновременно лишенных средств производства и источников существования.

По подсчетам Н. М. Ядринцева, в первой половине XIX века в Сибирь было направлено до 500 000 ссыльных².

Царские власти, гнавшие в Сибирь толпы ссыльных, не сумели

¹ Г. Н. Потанин. Ближняя тайга. Живописная Россия, т. II, СПб, М., 1884, стр. 308—309.

² Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб, 1882, стр. 167.

устроить их на новом месте и бросили десятки тысяч людей на произвол судьбы. Ссылные занимались случайной работой, батрачили у местных кулаков, бродяжничали, нищенствовали, вымирали. Эта армия изголодавшихся и обездоленных поселенцев явилась настоящей манной небесной для золотопромышленников. Они быстро прибрали этих людей к рукам, стали эксплуатировать их по-новому, по-капиталистически. И уже в 1830—1850-х годах ссыльнопоселенцы составляли до 90% рабочих сибирских частных золотых приисков. На прииски Мариинской тайги в 1834 году нанялось 5927 человек, в том числе 4863 (82%) ссыльнопоселенцев.

Как ни беспощадно эксплуатировались рабочие-поселенцы на купеческих приисках, оплата их труда была все-таки в несколько раз большей, чем у подневольных кабинетских мастеровых. Одни задатки, выдаваемые приисковым рабочим при найме (25—30 рублей) вдвое превышали годовой оклад квалифицированных кабинетских мастеровых. На кабинетских приисках мастеровым отпускалось лишь по два пуда муки в месяц, нередко слежавшейся до того, что ее приходилось долбить ломом, прежде чем пустить в употребление. Рабочие частных приисков ели свежий хлеб и ежедневно получали по фунту мяса или солонины. Золотопромышленники руководствовались простым расчетом — голодный человек много не работает. А работать приходилось без выходных и, выполнив дневной урок, еще заниматься свехурочными старательскими работами, за что, правда, была установлена несколько повышенная оплата.

Жестокая эксплуатация рабочих, обшчеты и притеснения привели к тому, что уже в 1830-х годах на купеческих приисках начались волнения и забастовки. Но превосходство капиталистических методов формирования рабочих кадров над феодальными было все-таки неоспоримым.

С конца 1830-х годов центр тяжести сибирской золотопромышленности переместился в Енисейскую тайгу. Большинство приисков в Мариинской тайге было заброшено не потому, что они оказались выработанными, а потому, что уступали по содержанию золота более богатым енисейским россыпям. Добыча золота в Мариинской тайге, составлявшая в 1837 году 106 пудов, в 1841 году упала до 64 пудов, а в 1851 году — до 34 пудов.

Золотопромышленники, как землепроходцы XVII века, пробирались все дальше на восток, переходя с одной сибирской реки на другую: с Оби на Енисей, с Енисея на Лену, с Лены на Амур. Разрабатывались лишь наиболее богатые россыпи, причем разрабатывались хищнически: участки с меньшим содержанием золота заваливались пустой породой, несовершенная техника промывки песков приводила к потере почти третьей части содержащегося в них драгоценного металла. Но все это на первых порах оправдывалось, приносило миллионные прибыли без значительных капиталовложений.

Перевод сибирской золотопромышленности на стадию машинной

индустрии затянулся до конца 1890-х годов. Первые золотопромышленники, типичные представители эпохи первоначального накопления, были развращены легко доставшимися бешеными прибылями. Не имея необходимой технической культуры, да и не стремясь к ней, они оказались не в состоянии перестроить работу приисков на основе более высокой техники. Для этого в Сибири не было и объективных условий. Она не имела ни машиностроительных заводов, ни железных дорог для доставки тяжелых механизмов, ни кадров, способных управлять ими. Лишь в конце 1890-х годов, после проведения Транссибирской железной дороги, на приисках Мариинской тайги начинают появляться драги, гидравлики, паровые двигатели, открывается путь к механизации разработки россыпного и рудного золота.

9. Усиление классовой борьбы против феодальной эксплуатации

Углубляющееся несоответствие между феодальными производственными отношениями и производительными силами вело в Кузбассе, как и во всей России, к росту классовой борьбы против крепостного гнета. После Отечественной войны 1812 года повсеместно усилились крестьянские волнения.

1812—1813 годы были для Западной Сибири неурожайными. Горному начальству стали поступать сведения о том, что крестьяне Ояшинской и других волостей примешивают к хлебу белую глину. Образцы ее были переданы для исследования кабинетским медикам. Подвергнув глину лабораторному анализу, штабс-лекарь С. Шангин, доктор Геблер и аптекарь Штилке донесли рапортом, что «хотя малейшая примесь глины ко хлебу не может быть вредна, однако для отвращения вредного всякого злоупотребления в сем случае безопаснее запретить крестьянам совершенно есть оную». Со своей стороны медики рекомендовали разрешить крестьянам употреблять в пищу сосновую кору.

Хлеб имелся в запасных магазинах, но земские управители отказывались выдавать его крестьянам. Крестьяне Тутальской волости отправили к томскому губернатору ходока с просьбой о взаимовыгодной выдаче из запасного магазина по пяти пудов хлеба на душу. Губернатор вместо решения этого вопроса передал просьбу крестьян на рассмотрение земского управителя, ведавшего Тутальской волостью.

В начале апреля 1813 года отправили к томскому губернатору своего ходока крестьяне 12 деревень Чаусской волости. Ходок чаусских крестьян Мингалева по пути в Томск договорился о совместных действиях с крестьянами Ояшинской и Варюхинской волостей, расположенных на северо-западе Кузбасса.

Не получив помощи, чаусские крестьяне отказались выполнять заводские повинности, сорвали печати с магазинов и распреде-

лили между собой хлеб. Стали отказываться от заводских работ и крестьяне соседних волостей. На подавление волнения были брошены воинские силы.

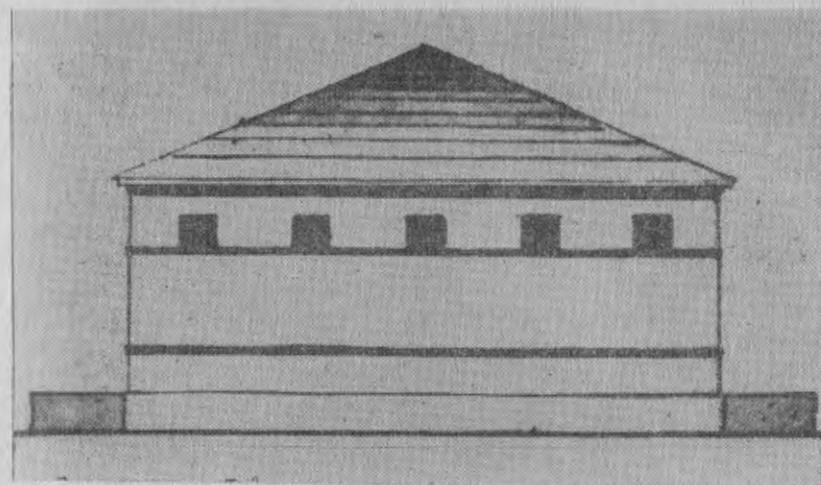
Приписные крестьяне Бачатской волости в 1816 году выступили против земского управителя Тегенцева и волостного писаря, которые за взятки освобождали зажиточных крестьян от заводских работ, а остальным назначали повышенные наряды. Крестьяне отрешили писаря — взяточника от должности и выбрали нового. Свыше 30 крестьян было арестовано. Их руки и ноги забили в колодки, а на шею надели деревянные вилы. Пятерых «зачинщиков» во время следствия жестоко избили палками. Крестьяне пожаловались управляющему Колыванскими заводами, но тот арестовал жалобщиков. Несколько человек было сдано в рекруты. Крестьянские ходоки добрались до Петербурга и подали жалобу в кабинет, затем министру юстиции и сибирскому генерал-губернатору П. К. Фролов, ставший в 1817 году начальником заводов, был вынужден отдать под суд земских управителей Тегенцева и Мархотина наряду с несколькими другими злостными взяточниками и притеснителями.

При переводе приписных крестьян Алтая и Кузбасса в 1830—1831 годах под управление министерства финансов среди них прошел слух, что теперь крестьяне получают освобождение от заводских работ.

Крестьяне Ояшинской волости отказались представить раскладные росписи на выполнение заводских повинностей, объявив, что «с поступлением Колывано-воскресенских заводов под управление министерства финансов сделались государственными крестьянами, следовательно, и не обязаны более исправлять заводские работы».

Дело дошло до томского губернатора, который послал в д. Варюхину, «где более всего было неповинующихся», солдат и кавалерию. Около 200 крестьян было загнано в этапное здание. В защиту поднялись крестьяне соседних деревень. Толпа крестьян стала требовать освобождения товарищей. Несмотря на арест еще 49 человек, увещевания священника и угрозы губернатора, крестьяне «продолжали упорствовать с ожесточением, произнося самые неприличные и грубые выражения как лично губернатору так и бригадному командиру». В окрестной тайге стали собираться толпы крестьян из соседних волостей. Тогда крестьяне, захваченные в Варюхиной, были подвергнуты жестокой порке. Воинская команда обрушилась с расправой на крестьян согнанных в этапном здании, в результате чего «неповинующиеся доведены были до совершенного раскаяния». Крестьяне были вынуждены дать подписку, что будут выполнять заводские повинности.

Нежелание крестьян отбывать барщину на заводах росло по мере развития капиталистических отношений и вольнонаемного труда, который оплачивался гораздо выше, чем крепостной труд. Массовое уклонение крестьян от заводских работ в 1832 году приве-



«Исправительная казарма» на Салаирском руднике. Первая половина XIX столетия

ло к тому, что на заводах подошли к концу запасы руды и угля. И поскольку меры принуждения со стороны администрации не дали существенных результатов, горное правление разрешило заводским конторам нанимать за нетчиков вольных возчиков, а уплаченные деньги взыскивать с крестьян, не явившихся на работу.

Военная дисциплина и суровые наказания затрудняли выступления мастеровых. Но в их формулярах все-таки встречаются сведения о неповиновении начальству. Запасной служитель из мастеровских детей Лазарь Калинин в 1826 году «за грубость и неповиновение» наказан шпицрутенами и перемещен с Сузунского на Гурьевский завод. Трижды подвергался наказаниям шпицрутенами и переводился с завода на завод Яков Чупоршнев, за побеги и угрозы лишить жизни начальников.

В 1830-х годах был убит пристав (управляющий) Терсинского золотого промысла, посягнувший на честь жены мастерового. На Царево-Николаевском золотом промысле мастеровой Пальников выстрелом через окно убил управляющего Пирожкова.

Днем и ночью в заводских селениях содержались караулы. У въезда в селение стояли рогатки и сторожевые будки. О каждом въезжающем будочники немедленно доносили начальству. И все-таки были случаи, когда дело доходило до открытых массовых выступлений мастеровых. На Салаирском руднике в 1797 и 1810 годах мастеровые выступали против начальства, поддержавшего маркигантов, повысивших цены на мясо. Бергайер В. А. Шекурин «как более против прочих дерзкий», был наказан тростью. Такому же наказанию были подвергнуты бергайеры А. Л. Черданцев, А. Я. Неупокоев, М. В. Силиванов и другие.

В 1828 году 47 мастеровых пожаловались начальству на притеснения куренного пристава, наблюдавшего за выжигом угля. Все они попали под суд «за нанесение грубостей и ложной извет», а шесть зачинщиков были наказаны бадогоми¹.

Потомственный приискатель А. Е. Колокольцев в 1938 году рассказывал А. А. Мисюреву про бунты на Тайлинском прииске, расположенном в Салаирском кряже: «А там урки были тязкие (уроки тяжелые). Землю из разреза таскали на высокую гору. Построили новые амбары, хлеб сгорел, получился комок — есть невозможно. Чтобы его приготовить, в ступах нужно толочь. Получается зелень, пыль... Повода лошадям делали на шесть вершков, никак не длиннее, чтобы рабочий от лошади не отходил на шаг, отдохнуть не присел. Делали побеги, потом начали бунтовать. Разбили полустанок (промывальную машину), по улице ходили и кричали: не хотим робить! Выезжал туда сам управляющий Фрезе. Выстроили всю команду шеренгой — через двух третьего драть. Бунтовал, не бунтовал — драть. Тут отцу и выпало счастье получить еще 500 розог по этой очереди... Прошло сколько-то времени. Дядя мой Колокольцев Илья Филиппыч был забойщиком. Повода у лошадей полагались шибко короткие — шесть вершков. Дядя прутев нарезал: нарастил, сделал вожжи. Стало подручнее. Нарядчик Жаба приехал на промывку, вожжи увидел — дядю правилкой побил. Илья Филиппыч парень был молодой, не стерпел. Поймал Жабу за ворот, хотел в машину спустить, где грабли ходили, чтобы его, гада, с песком растерло. Рабочие не дали, пожалели Илью Филиппыча, была бы ему за нарядчика смерть. В конторе дали дяде 500 с примочкой: мочили розги в соленой воде. И оставили его в конторе: будет, мол, тебе еще. На разрезе с дядей 30 человек робили, были они прикрепленные. И взбунтовались из-за Ильи. Артель была — друг за друга стояли. Пришли в контору, кто с кайлой, кто с лопатой. Кайлами гремят — выдайте нам Илью. Конторские солдат позвали — был взвод солдат. Разогнать! Стреляйте! Солдаты стрелять отказались. Они видят, что безвинно, что люди правые. Бунтовщиков потом разогнали по разным приискам, еще дальше в тайгу. И дядю усадили, Илью Филиппыча».

Рассказ Колокольцева правдиво отражает особенности рабочих бунтов крепостной эпохи: стихийность, неорганизованность, поломки машин, свирепые расправы с бунтовщиками.

Наиболее распространенной формой классовой борьбы мастеровых и в первой половине XIX века были побеги.

Наиболее полные сведения о побегах содержат обширные дела с формулярами мастеровых отдельных рудников и заводов, хранящиеся в Кемеровском государственном архиве.

Чаще всего сбегали хуже оплачиваемые горнорабочие, из рекрутов низших разрядов — горные работники, рудокопы и бергайеры седьмой-девятой статей. По данным 1817—1821 годов, свыше поло-

вины бежавших салаирских бергайеров девятой статьи (41 из 75), потерпев неудачу и перенеся жестокое наказание, больше не пытались бежать. 19 человек (около одной четвертой) совершали побеги по два раза, десять человек по три раза, четыре человека — по четыре раза и один — пять раз.

Из 47 бежавших рудокопов по одному разу бежало 13 человек по два раза — 12 человек, три раза — девять человек, от четырех до десяти раз — 13 человек.

В рудокопы и горные работники часто назначались в виде наказания. Это были, как правило, люди наиболее бунтарски настроенные, всеми доступными средствами выступавшие против эксплуатации. Шесть раз бежал крестьянский сын Михайло Козьмин Морозов. Он был бергайером, а затем дроворубом. В 1792 году его разжаловали в рудокопы, а через четыре года в горные работники. В 1804 году его вновь переводят в рудокопы. Морозов в 48 лет еще оставался холостяком, не смог завести семьи, как и многие другие мастеровые низших разрядов. За побеги он наказывался и бадогоми, и плетью, не раз его били шпицрутенами, прогоняли сквозь строй в 1000 человек. Последнее наказание было назначено Морозову за то, что он якобы убил неизвестную женщину, «дабы избавиться чрез то заводских работ и быть в ссылке».

Десять побегов совершил крестьянский сын Ермолай Иванович Беляев, переведенный в 1819 году на Салаир с Риддерского рудника с наказом «иметь со стороны начальства неослабное за ним наблюдение». Семь раз Беляева били тростью и трижды — шпицрутенами, прогоняли сквозь строй в 500 человек.

Большинство побегов бергайеров совершалось в одиночку. Рудокопы же и горные работники чаще делали коллективные побеги. Из 142 побегов рудокопов 15 (свыше 10%) — коллективные.

Продолжительность побега колебалась от нескольких дней до нескольких лет. Из бергайеров девятой статьи В. Е. Усителиев числился в бегах 20 лет, К. И. Кадошников в 1809 году пробыл в бегах один день, Я. Н. Терехин в 1814 году — четыре с половиной месяца, Г. Д. Худяков в 1818 году — 55 дней, А. Б. Молодин в 1818 году — 12 дней, Г. И. Дягилев в 1819 году — два с половиной месяца.

Мастеровые чаще бежали не в тайгу, а в жилые места.

Рудокоп Шурбин во время побега в 1817 году жил «в Боровлянской волости у крестьянина Шеманаева под именем крестьянина», Дранишников и Трубачев, бежавшие в 1818 году, производили «шатню по разным селениям», называя себя крестьянами. Мосеев в 1819 году совершал «побег из службы за границу с намерением скрыться в Киргизской степи». Пospelов в 1820 году «побег из службы, шатню по разным селениям перемену имени и прозвания своего».

Источниками существования во время побега служили работа по найму, милостыня и воровство. Надо полагать, беглые чаще, чем это указывается в формулярах, занимались работой по найму, но умалчивали об этом, не желая выдавать хозяев.

¹ ГАКО, ф. 6, д. 4, лл. 1-503.

Наказания за побеги менялись в зависимости от обстоятельств. Из учтенных 127 побегов бергайеров девятой статьи в 17 случаях беглецы были подвергнуты наказанию шпицрутенами через 500 и 1000 человек от одного до трех раз. 103 человека — по решению Салаирской горной конторы были наказаны тростями, палками, батогами, розгами.

В период общего подъема антикрепостнического движения после войны 1812 года и роста числа побегов на кабинетских рудниках все чаще и чаще стали применяться наиболее жестокие наказания — шпицрутены. Горный работник Морозов за побег, «во оном воровство разных вещей, лошадей и прочего, на себя показание в убитии якобы им неизвестно чьей женщины, дабы избавиться чрез то заводских работ и быть в ссылке, наказан шпицрутеном через 1000 человек 6 раз». Рудокоп Басалаев за побег «и несправедливое на себя показание убийства поселщика Ивана Соболева, что не доказано в настоящем существе, нанеся тем одно только начальству затруднение», наказан шпицрутеном через 1000 человек три раза и определен доменным работником на Томский завод с тем, чтобы «за поведением его со стороны начальства иметь строгое наблюдение».

Подобные судебные процессы носили своеобразный характер: судьи, не желая терять работника, требовали от обвиняемого доказательства того, что он действительно является убийцей, и если не удовлетворялись представленными доказательствами, то назначали шпицрутены, а не то наказание, которого добивался обвиняемый — Нерчинскую каторгу с отдаленной перспективой выйти на поселение.

За один и тот же побег обвиняемый мог быть одновременно подвергнут телесному наказанию, тюремному заключению, понижению в должности и переводу на другое место работы.

Несмотря на тщательный надзор и усиленные поиски, многим беглецам все-таки удавалось скрыться. Из 79 работников III статьи, совершивших побеги с Салаирского рудника, по формулярам 1841 года седьмая часть всех беглецов оставалась неразысканной.

Особенно много рабочих бежало с золотых промыслов, где условия труда и быта были особенно тяжелыми. На Касминском промысле в октябре 1834 года бежавшие составляли 8,8% общего числа рабочих. Салаирская военно-судная комиссия в 1836—1837 годах рассматривала дело партии беглых в десять человек, бежавших с золотых промыслов. Одни показали, что бежали, чтобы «сколько ни есть отбыть от казенной работы», другие хотели повидаться с родными, третьи, очевидно, переведенные с Салаира, хотели «явиться в Салаирский рудник в команду, чтобы остаться на службе».

В 1840 году бежало с Царево-Николаевского промысла четверо мастеровых. Один из них обещал довести товарищей до р. Томи, но заблудился. Вернуться на промысел он отказался, заявив, что

предпочитает умереть в тайге. Тогда один из беглецов убил его, а все трое вернулись на промысел, заранее условясь показывать, что убийство было совершено сообща, чтобы попасть на Нерчинскую каторгу.

Горное начальство особенно опасалось массовых побегов мастеровых. Когда летом 1849 года в тайге на юге Кузнецкого уезда была обнаружена группа беглых мастеровых с кабинетских заводов и частных золотых приисков, местное начальство впало в панику и сообщило западносибирскому генерал-губернатору столь преувеличенные сведения о численности беглых, что в тайгу было направлено свыше 1500 солдат.

Подавляющее большинство беглецов возвращалось обратно: или их ловили солдаты и казаки в тайге, или же они сами, обессиленные от голода, являлись к начальству. По сведениям, которые были представлены заводскими конторами начальнику заводов П. К. Фролову, к началу 1818 года было в бегах 155 человек, в 1818 году бежало еще 442 человека, а было поймано за год 377 человек. Лишь немногие из беглецов исчезали бесследно. Так, по Салаирскому краю в 1835 году было исключено из списков «по нахождению в бегах более 10 лет» 28 человек. Некоторые из них гибли в тайге, другие годами укрывались в сибирской глуши. Еще в XIX веке в горной тайге обнаруживались безвестные заимки и деревушки, десятками лет существовавшие без ведома властей. Наконец, третьи беглецы уходили за границу: в Туву и Казахстан.

В XVIII веке кабинетские крестьяне и мастеровые бежали преимущественно в необжитые места Восточной и Южной Сибири по следам первых землепроходцев и поселенцев. В первой половине XIX века беглецы чаще всего направлялись в деревни и города; занимались возчиками на купеческие прииски, работали по найму у крестьян и мещан. Эти факты свидетельствуют об антифеодальном характере движения, представлявшего собой бегство от крепостной и не от капиталистической эксплуатации. Военные гарнизоны, военные суды и тюрьмы — все это затрудняло открытые, массовые выступления против крепостного гнета. Широкое распространение побегов на кабинетских заводах и рудниках свидетельствовало об особой трудности открытых выступлений, слабой организованности и низкой сознательности крестьян, и мастеровых, — не видя возможности уничтожить крепостной гнет, бежали от него.

Несмотря на суровые репрессии кабинетскому начальству не удалось принудить крестьян и мастеровых к беспрекословному выполнению повинностей, изжить побеги и уклонения от работ. Побеги кабинетских мастеровых и крестьян были неразрывно связаны с неухаживающей борьбой всех трудящихся России, приведшей в 1861 году к падению крепостного права.

Положение вольнонаемных приисковых рабочих существенно отличалось от положения кабинетских мастеровых. Но и вольнонаемные рабочие подвергались беспощадной эксплуатации, причем

капиталистическая эксплуатация заставляла рабочего трудиться с интенсивностью, невиданной при крепостных порядках.

С первых лет существования капиталистической золотопромышленности начались столкновения рабочих с хозяевами. Сведения, которыми мы располагаем, говорят о стихийности выступлений, низком уровне сознательности рабочих и, вместе с тем, о развитом чувстве товарищества, стремлении к объединенным, массовым действиям.

Летом 1837 года произошли волнения на нескольких приисках Мариинской тайги. На Талаюльских приисках Попова рабочие потребовали, чтобы оплата за старательское золото была увеличена с трех до четырех рублей за золотник, в противном случае угрожали уйти с прииска. Рабочие Бурлевских приисков потребовали, чтобы им дали для старательских работ более богатые золотом участки. Томский губернатор Шленов, лично явившийся на прииски в сопровождении военного отряда, приказал выпороть розгами 12 «подстрекателей».

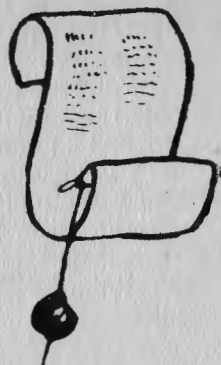
Но наибольшие размеры приняли волнения рабочих на Воскресенском прииске братьев Казанцевых. Здесь работали сотни людей, в том числе много беспаспортных, которых хозяева особенно эксплуатировали. На прииске царил обман и произвол управляющего, рабочих заставляли подписывать контракты, в которых не указывались размеры уроков; вместо обещанных 2 рублей 50 копеек за золотник старательского золота, платили 1 рубль — 1 рубль 50 копеек. Рабочий, нашедший большой самородок, не только не получил вознаграждения, но еще был наказан 100 ударами розгой якобы за то, что хотел утаить золото. Волнения начались с того, что ссыльнопоселенец Невораков потребовал от администрации дать ему для старательской работы более богатый золотом участок, но получил отказ. Остальные рабочие присоединились к требованию Неворакова, причем, по донесению губернатора Шленова, «оказали грубости и ругательства». На прииск прибыл заседатель Безрядов, который распорядился арестовать Неворакова. Но он стал защищаться от казаков ломом и звать на помощь. Рабочие отстояли Неворакова. Тогда заседатель велел наказывать розгами нескольких рабочих. Возмущение приискателей усилилось. Прибывшие в подкрепление горный ревизор и 28 казаков, были встречены градом камней. Приискатели заявили, что не выйдут на работу, пока казаки не оставят прииск. Начались аресты и расправа. На докладе министра финансов о беспорядках на приисках Николай I наложил резолюцию: «Всех виновных из каторжан судить по полемому уголовному положению, прочих военным судом и генерал-майору Шленову приговоры приводить в исполнение, кроме одной смертной казни».

В 1838 году Государственный совет по распоряжению Николая I обсудил проект Е. Канкринна об учреждении военносудных комиссий в Томской и Енисейской губерниях, которые должны были рассматривать дела о краже и скупке золота, о буйстве и неповинове-

нии властям приисковых рабочих. Было установлено, что рабочих из ссыльнопоселенцев «подвергать военному суду справедливо и нужно». Рабочие же «из свободных тамошних жителей» за выступления против властей и хозяев, подвергались обычным наказаниям. Но волнения на приисках продолжались.

Таким образом, традиции классовой борьбы подневольных крестьян и мастеровых против феодального гнета в 30—50-х годах XIX века были восприняты вольнонаемными приисковыми рабочими и использованы ими в выступлениях против капиталистической эксплуатации.

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1861—1890 годы)



1. Крестьянская реформа и крепостнические пережитки в пореформенные годы

Кризис крепостного строя в связи с развитием капиталистических отношений, поражение в Крымской войне, растущее недовольство помещичьих крестьян вынудили правительство Александра II пойти на крестьянскую реформу. Царское правительство постаралось всемерно обеспечить интересы дворян и урезать права освобожденных крестьян, в результате чего реформа, по словам В. И. Ленина, превратилась в беспрецедентное издевательство над крестьянами: «Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»¹.

После реформы Александр II должен был отказаться от использования подневольного труда работавших на него крестьян Алтайского горного округа, в состав которого входил Кузнецкий округ, в начале XX века переименованный в Кузнецкий уезд. 8 марта 1861 года Александр II подписал именной указ министру императорского двора, предлагавший «распространить на крестьян, приписанных к Алтайским горным заводам, права свободных сельских обывателей личные, по имуществу и по состоянию». Пашни, сенокосы и усадьбы крестьян оставались как и раньше царской собственностью и находились лишь в их пользовании. Объявленные свободными, крестьяне должны были еще три года работать на царя: первый год — в прежнем размере, на второй год треть обязательной работы заменялась оброком, на третий год — две трети. По истечении трех лет крестьяне полностью переводились на денежный оброк.

Таким образом, «освобождение» крестьян, приписанных к заводам Кузбасса, выражалось в том, что с барщины они переводились на оброк.

Для крестьян Алтайского горного округа размер оброка уста-

навливался в шесть рублей с каждой мужской души, независимо от возраста. Четыре рубля 50 копеек из них поступали в распоряжение царского кабинета, а один рубль 50 копеек — государственному казначейству. Шесть рублей по тем временам было не малой суммой. На них можно было купить 12 пудов хлеба.

Недовольство кузнецких крестьян реформой 1861 года проявилось в отказах от уплаты податей, особенно в неурожайные 1863—1866 годы; в волнениях, связанных с приездом в Кузнецкий округ великого князя Владимира Александровича, путешествовавшего по Сибири в конце 60-х годов.

Кабинетские мастеровые освобождались по особому положению о горнозаводском населении казенных горных заводов. Чтобы привязать мастеровых к месту и заставить за полцены работать на заводах кабинета, им дали в собственность усадьбы и разрешили пользоваться покосами до десятины на мужскую душу. Пашни мастеровые не получали.

Освобождение к ним пришло далеко не сразу. В 1861 году были освобождены от обязательных работ мастеровые, безупречно прослужившие свыше 20 лет, в 1862 году — безупречно прослужившие от 15 до 20 лет и только в 1863 — все остальные.

Тяжелое положение, в котором оказался мастеровой люд, вызвало массовые волнения. Мастеровые отказывались уплачивать подати, выполнять земские повинности: чинить дороги, давать подводы проезжающим чиновникам. В неурожайные годы они ломали хлебные амбары на заводах и рудниках. В 1868 году кабинет был вынужден издать новое положение, предоставлявшее мастеровым некоторые льготы: все, кто входил в отдельные горнозаводские общины, освобождался на шесть лет от государственных податей, земских денежных повинностей и рекрутских наборов.

После 1861 года оброк с крестьян стал главным источником дохода кабинета. Под шестирублевый оброк попали и переселенцы, и те крестьяне, которые жили на территории Алтайского округа, но до 1861 года не были приписаны к заводам.

Сохранение императорской собственности на кабинетские земли, высокие оброки с крестьян, ничтожные наделы горнозаводских мастеровых представляли собой прямые пережитки крепостничества, раздражавшие крестьян и мастеровых.

По царскому указу 8 марта 1861 года алтайские крестьяне получили занятые ими земли в пользование «впредь до приведения в известность и разграничения земель Алтайского горного округа». Разграничение же крестьянских наделов задержалось на долгие годы. Лишь в 1899 году Николаем II был издан указ, предлагавший приступить к ограничению земельных наделов крестьян Алтайского округа. Одновременно оброчная подать в пользу кабинета была заменена государственной оброчной податью, часть которой казначейство, однако, передавало кабинету.

Ликвидация кабинетского землевладения стала главным требованием аграрного движения крестьян Алтая и Кузбасса. И не слу-

¹ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция». Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 173.

чайно В. И. Ленин, составляя в 1902 году проект программы Российской социал-демократической рабочей партии, включил в него требование учреждения крестьянских комитетов, в частности «для устранения остатков крепостного строя, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и других областях государства»¹.

2. Старожилы и переселенцы в 60—80-х годах

Русские крестьяне Кузнецкого округа, получившие по указу 8 марта 1861 года права «свободных сельских обывателей», и крестьяне Мариинского округа, поселившиеся в нем до 1861 года, были старожилыми по отношению к новоселам, прибывшим сюда позднее. Старожилы и новоселы — это не классовые группы; внутри каждой из них были и кулаки, и бедняки. И тем не менее, каждая имела особенности, сложившиеся в условиях царского режима с характерным для него неравенством отдельных групп населения перед законом.

Старожилы были потомками крестьян, казаков и служилых людей, переселившихся в Сибирь самовольно или переселенных царским правительством. Они расселялись по рекам, которые служили главными путями сообщения, и вдоль трактов: по Большому Московскому, пересекавшему север Кузбасса, по тракту, соединявшему Кузнецк с Томском и проходившему вдоль плодородного, черноземного левобережья Томи, и по тракту от Кузнецка на Барнаулу. Именно здесь возникло большинство старожильческих сел и деревень. Русские крестьяне — земледельцы не углублялись в горно-таежную область юга Кузбасса и осваивали по преимуществу черноземные лесостепи к северу от Кузнецка. На протяжении двух с половиной столетий русские поселенцы смешивались с кибенным населением — шорцами и телеутами. Однако правовое положение потомков было различным. Дети русских отцов и матерей телеуток или шорок считались русскими крестьянами и несли обычные повинности горнозаводских крестьян. Дети русских женщин, выданных замуж в шорские и телеутские улусы, считались ясажными инородцами, платили ясак, но зато не выполняли обязательных работ для заводов кабинета.

В результате распространения смешанных браков к середине XIX столетия частично изменился физический тип старожильского населения Кузбасса, которое стало отличаться по местному выражению «калмыковатостью»: имело черные волосы, смуглую кожу, монгольский разрез глаз.

Шорцы и телеуты перенимали у русских крестьян приемы земледелия и скотоводства, переходили от абыла к сохе и плугу, от кочевого скотоводства к оседлости, от содержания скота круглый

год на подножном корму к заготовке сена на зиму. Они переселялись из юрт в рубленые избы с глинобитными печами и деревянным полом. Одновременно русские старожилы восприняли много полезных навыков от шорцев и телеутов: привыкли есть кандык и колбу, обильную витаминами, стали носить местную меховую обувь, употреблять лыжи, подбитые камысом, переняли некоторые приемы охоты на зверя.

По примеру телеутов русские старожилы стали разводить большие табуны лошадей, но содержали их по-своему: заготавливали им на зиму сено, подкармливали овсом. Так постепенно была выведена новая, приспособленная к тяжелой длительной работе порода лошадей. Кузнецкие лошади прославились на всю Сибирь своей силой и выносливостью, их охотно покупали для приисков, для перевозки грузов по Московскому тракту. Заслугой русских старожилов Кузнецкого округа является распространение в нем земледелия и усовершенствование приемов скотоводства. Но хозяйственные приемы русских старожилов, складывавшиеся веками, отличались рутинной.

Публицист-демократ В. В. Берви-Флеровский писал в 1866 году о противоречии между богатой природой и нищенским существованием населения Кузнецкого округа: «Первое, что меня поражает, — это обилие природных источников богатства; почва плодородная, покрытая богатой растительностью, душистые луга, доставляющие самый изобильный корм для скота; посевы дают прекрасные урожаи... В такой-то обстановке живет несчастное и бедствующее население. Жилище крестьянина, в огромном большинстве, весьма посредственное, и убогая изба без крыши весьма частое явление... весь скот живет на открытом воздухе, без всякой защиты от морозов и непогоды, кроме забора и самого скудного навеса... Несмотря на незначительное количество скота, у крестьян часто для него недостает сена, корм соломою в большом употреблении и нередко скот по недостатку кормов или гибнет от голоду или продается за бесценок»¹.

Развитие хозяйства кузнецких старожилов задерживалось феодальными пережитками, сохранившимися после реформы 1861 года. Еще более низким был жизненный уровень шорцев.. По «Уставу об инородцах» 1822 года они причислялись к «кочевым инородцам». Занимаемая шорцами территория считалась находящейся в их владении, а пользоваться ею предоставлялось право им, как и другим «кочевым инородцам», на началах их обычного права. Шорцы издавна владели охотничьими угодьями на родовых началах. Члены каждого рода охотились в определенном месте — долине реки или на какой-то горе, не допуская сюда членов чужого рода. Охотились артелями, состоявшими из родственников, и всю добычу обычно делили. Во главе артели

¹ В. И. Ленин. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 209.

¹ Н. Флеровский (В. Берви). Положение рабочего класса в России. М.—Л., 1938, стр. 41—42.

стоял опытный старый охотник, который указывал, где, кому и как промыслить зверя. Эти исконные обычаи пользования охотничьими угодьями и способы охоты с проникновением капиталистических отношений в Шорию, начали отходить в прошлое. На смену родовой общине пришла большая семья — толь, или территориальная община. Жители одного места, независимо от принадлежности их к тому или иному роду, промыслили на общей территории. Но и там, где охотничьи угодья формально оставались во владении всего рода, в действительности распоряжался ими волостной старшина — паштык. Местные жители все больше закабалились паштыками, русскими и шорскими скупщиками пушнины и кедрового ореха.

На кабальных условиях, под высокие проценты скупщики давали охотникам в долг продовольствие, боеприпасы, ружья, лошадей, постепенно ставя в зависимость от себя шорские айлы. Наряду с такими исконными промыслами, как охота и сбор кедрового ореха, среди шорцев, особенно в северных волостях, под влиянием русских крестьян все больше распространялись пашенное земледелие и скотоводство со стойловым содержанием скота зимой. Среди шорцев появились свои кулаки, которые, захватив богатые земельные угодья, пользовались теми же приемами, что их русские собратья: устраивали помочи (момыш), заставляли работать должников, нанимали батраков.

Сказочные земельные просторы Сибири, подобно магниту, влекли переселенцев из Европейской России. Основными районами выхода переселенцев были Украина и центральные черноземные губернии, где не хватало земель и наиболее цепко держались крепостнические пережитки.

Царское правительство в 60—80-х годах стремилось приостановить переселение, представлявшее по сути бегство крестьян от помещиков Европейской России. Изданное 30 июля 1865 года разрешение крестьянам внутренних губерний переселяться в Алтайский горный округ было вызвано личными интересами царской фамилии, стремившейся заполнить на свои земли побольше крестьян-плательщиков оброка. Но одновременно правительство, по настоянию помещиков, издавало правила и положения, фактически запрещавшие переселение крестьян в Сибирь. И все-таки ежегодно с наступлением весны тысячи телег, набитых домашним скарбом и ребятами, тянулись по пыльным дорогам на большой Сибирский тракт и растекались по азиатским просторам.

Переселение представляло собой форму классовой борьбы крестьянства против помещиков, против пережитков крепостничества, за возможность свободно хозяйничать на вольных землях, за ускоренный путь развития капитализма в сельском хозяйстве, который Ленин условно называл американским.

Только в Мариинский и Кузнецкий округа в 60—80-х годах переселилось примерно 50 тысяч человек, хотя соседство с тайгой, конечно, меньше привлекало переселенцев, чем привольные степи Барнаульского и Бийского округов. По переписи 1897 года, плот-

ность населения Кузнецкого и Мариинского округов составляла два человека на квадратную версту, тогда как плотность населения Барнаульского округа — свыше пяти человек, Змеиногорского — четыре человека, Бийского — три человека на квадратную версту.

Свободной земли в Сибири было много. Но, чтобы легально занять участок, надо было приписаться к какому-нибудь старожильческому обществу или получить участок от управления Алтайского горного округа. По положению 30 июля 1865 года, переселенцы могли поселяться в селениях старожилов только с их согласия, если селяне выносили так называемый приемный приговор. Переселенцы, естественно, стремились обосноваться в старожильческих селах, рассчитывая иметь на первое время приют, заработок, возможность засеять клочок «мягкой пашни». В свою очередь старожилы, нуждаясь в рабочих руках на время полевых работ, разрешали пришлым людям селиться у себя. Но как только заканчивались полевые работы и тем более, когда переселенцы обзаводились скотом, пашней, домом, отношение к ним со стороны верховодивших в селах зажиточных старожилов резко менялось. Переселенцам отказывались дать приемный приговор, начинали выживать их, разрушали их постройки, привлекали суд и полицию к выселению «пришлых». В свою очередь помогали зажиточным старожилам преследовать переселенцев и кабинетские власти.

По мере усиления притока переселенцев старожилы все более повышали плату за приемные приговоры. С 5—10 рублей с души они подняли ее до 50—100 рублей. Многим семьям переселенцев такая сумма была не по карману. Не меньше трудностей встречали переселенцы, решившие основать новые поселки в степи или тайге. Управление Алтайского горного округа на годы затягивало отвод наделов. Переселенцы же, самовольно осевшие на земле, постоянно жили под страхом выселения и разорения.

Многие переселенцы бросали родные места, не отчислившись из сельского общества, к которому были приписаны. Им надо было платить деньги и за отчисление со старого места жительства и за причисление к новому. Если учесть, что новоселы должны были, кроме того, нести обычные крестьянские подати и повинности и тратиться на обзаведение хозяйством, не трудно представить их положение на новом месте. Сложный бюрократический порядок причисления приводил к тому, что переселенец, даже при наличии средств на оплату увольнительного и приемного приговора, подачу прошений, взятки волостным писарям, вынужден был годами жить на птичьих правах.

3. Сельское хозяйство в 60—80-х годах. Развитие капиталистических отношений

Земли Кузнецкого округа были собственностью царского кабинета, а Мариинского округа — государственной собственностью. Но свободных земель было еще много, межевые работы почти не велись, и в 60—80-х годах еще преобладало заимочное и захватное землепользование. Отдельные крестьяне ставили в приглянувшихся местах заимки, пользовались, как собственными, окрестными пашнями, сенокосами, выгонами. По мере роста населения и сокращения земельных просторов заимочное землепользование сменялось вольнозахватным, при котором отдельный хозяин или сельская община пользовались участком, пока его обрабатывали. Заброшенный участок мог занять любой другой хозяин. Зажиточные крестьяне по многу лет использовали приглянувшиеся им елани, гривки, лога.

Постепенно под давлением крестьянского большинства начиналась уравнительная разверстка сенокосов, единоличные выгоны сменялись общими покотинами. Однако пашни все еще оставались в вольнозахватном пользовании. Лишь в отдельных, особенно мало-земельных, селах Мариинского округа в конце XIX столетия стали проводить пределы пахотных земель.

Многоземелье и вольнозахватное землепользование способствовали сохранению экстенсивной залежной системы земледелия, когда плодородие почвы восстанавливалось путем длительного оставления ее в залежь. По мере же сокращения свободных земель начинался переход к двухполью и трехполью.

Посевная площадь в 1865 году составляла в Мариинском округе 67 тыс. десятин, а в Кузнецком — 93 тысячи. С них в конце 50 — начале 60-х годов собирали по 5712 тысяч пудов хлеба, или где-то по 35 пудов с десятины. Но уже в 90-е годы сбор хлеба в этих округах вырос почти вдвое. Сеяли почти исключительно зерновые: рожь, пшеницу, овес и немного ячменя.

Пахали землю сохами-рогалихами на одной лошади или сабанами-колясками на двух-трех лошадях. Боронили деревянными боронами с железными зубьями. Хлеб убирали серпами, только овес косили косами-литовками. Молотили хлеб цепями, веяли лопатами.

Экстенсивный характер сохраняло и скотоводство. Первое место по поголовью занимали лошади. Много лошадей держали крестьяне, занимавшиеся перевозкой грузов и пассажиров по Большому Сибирскому тракту, возившие грузы на золотые прииски и заводы. Разводили на продажу знаменитых кузнецких лошадей.

Скотоводство имело мясное направление, хотя рогатый скот и был невысокой породы. Скот сбывался на прииски и в города. Молочное скотоводство и маслоделие стало развиваться лишь после постройки Транссибирской железной дороги, открывшей выход местной продукции на рынки Европейской России и Западной Европы.

Публицисты В. В. Берви-Флеровский, Н. М. Ядринцев, хорошо знавшие кузнецкую деревню 60—80-х годов, отмечали распространность натурального хозяйства. Крестьянин мало что покупал на рынке: одевался в домашний холст и овчины, обувался в самодельные чирки, для освещения пользовался лучиной, употреблял вместо мыла квашеные кишки, вставлял в окна бычий пузырь.

Тем не менее после крестьянской реформы в Кузнецком округе, как и в других областях России, рост товарного хозяйства значительно ускоряется. Старое, патриархальное, натуральное крестьян-

Рост поголовья скота в тыс. голов

Округ	Годы	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Свиньи	Всего
Кузнецкий	среднее за 1857—1864 гг.	78	55	76	42	251
	среднее за 1890—1891 гг.	129	83	115	31	358
Мариинский	среднее за 1857—1864 гг.	39	26	32	1	114
	среднее за 1890—1891 гг.	110	48	75	29	256

ское хозяйство вовлекается во всероссийский и даже международный торговый оборот.

Крестьянство, бывшее раньше единым классом феодального общества, после реформы 1861 года стало быстро расслаиваться с одной стороны на кулачество и с другой — на пролетарские и полупролетарские элементы. Благодаря многоземелью прослойка зажиточных хозяйств в Сибири была более многочисленной, чем в центральных районах Европейской России. Но многоземелье, способствуя ускоренному росту зажиточных хозяйств, не могло спасти старожильческую и новосельческую бедноту от кулацкой кабалы, поскольку земля хотя и была главным, но далеко не единственным средством производства, необходимым для ведения хозяйства. Приобретение рабочего скота, орудий и семян требовало затрат, которые были непосильны для бедноты. С некоторыми особенностями в Кузбассе осуществлялся тот же процесс раскрестьянивания, который охарактеризован В. И. Лениным на материале Европейской России. Одна из таких местных особенностей заключалась в том, что ряды бедноты в Кузбассе постоянно пополнялись за счет новоселов, которые закабалались кулаками или шли работать на прииски, шахты, лесозаготовки, поставляя кадры формируемому рабочему классу. Разложение патриархального крестьянства и перестройка натурального хозяйства в интересах рынка подталкивались развитием золотопромышленности. Крестьянская беднота потянулась работать на прииски. Зажиточные крестьяне доставляли на прииски грузы, сбывали хлеб, мясо, овес, сено. Верхушка при- таежных сел наживалась, спайвая и обирая рабочих, выходивших с приисков с заработанными деньгами. Особенно быстро развива-

лось товарное хозяйство в северных районах Кузбасса, прилегавших к Большому Сибирскому тракту. Жители притрактовых сел издавна «гоняли ямщину», ходили с обозами, принимали на постой проходящих обозников, торговали кормом для лошадей:

На кулацких полях и покосах работали батраки или закабаленные крестьяне-должники. Кулаки вносили подати за неимущих плательщиков, получая право распоряжаться их трудом и имуществом. Эта форма эксплуатации бедноты, по словам Н. И. Наумова, была распространена в Кузнецком округе: «Часто половина населения деревни или села отдается в полную зависимость людей зажиточных, против которых бедняки лишены всякого права протеста».

Кулаки держали лавки, скупали по деревням сельскохозяйственные продукты, ссужали крестьян деньгами под будущий урожай или охотничью добычу.

Натуральное хозяйство было наиболее распространено в Горной Шории. Здесь сохранялись родовые пережитки, которые уже исчезли в русских деревнях. Но общее направление экономического развития было одно: от натурального хозяйства к товарному, от патриархального полуродового-полуфеодалного строя — к капиталистическому. Этот процесс ускорялся с проникновением в шорские волости русских купцов и кулаков. Одновременно в Горной Шории складывалась своя шорская торговая буржуазия, снабжавшая местное население фабричными товарами, скупавшая пушнину и кедровый орех.

4. Положение рабочих на кабинетских предприятиях

Главным тормозом развития промышленности Кузбасса в 60—80-х годах XIX века оставалось сохранение собственности на землю за царской фамилией. Кабинет, управлявший этими землями, запрещал здесь всякую частную промышленность, основанную на «огнедействующих машинах». На предприятиях кабинета по-прежнему бытовали отсталая техника, тяжелый ручной и малопроизводительный труд, хищническое использование природных ресурсов.

Кабинет не сумел использовать огромные запасы угля Кузнецкого бассейна. Незначительные поиски и разведки коксующихся углей производились геологами кабинета на юго-западной окраине бассейна, поблизости от Гурьевского и Томского заводов. Немного угля добывалось на старейшей Бачатской копи, Афонинском, Сосновском и Шестаковском месторождениях и на Кольчугинской копи, где с 1883 года начала работать шахта «Успех». На заводы уголь доставлялся лошадьми. Добыча угля велась вручную, подъем — ручными и конными воротами.

В 1860 году, накануне отмены крепостного права, копи Кузбасса давали немногим более 0,3% угля, добытого в России. Это почти

в 110 раз меньше, чем в Донбассе. Через 30 лет, после отмены крепостного права, в 1890 году добыча угля в Кузбассе увеличилась почти в 20 раз. Однако удельный вес Кузбасса в общероссийской добыче не вырос, а упал. Кузбасс (имеются в виду Кольчугинская и Бачатская копи, поскольку Анжерские и Судженские начали работать лишь в конце 90-х годов) еще более отстал от Донбасса. Кузбасс в 1890 году давал 0,28% угля России, или в 174 раза меньше, чем Донбасс.

Добыча каменного угля в России, Донбассе и Кузбассе
(тыс. пудов)

Г о д ы	Всего в России	Донбасс	Кузбасс
1860	18 302	60 009	55
1865	23 331	9 829	267
1870	42 416	15 647	350
1875	104 348	51 437	256
1880	200 784	86 347	485
1885	260 575	114 946	795
1890	367 203	183 249	1051

На шахтах Донбасса в 1880 году было занято 25 667 человек, или 69% всех горняков России, и добывалась половина всего угля. В Кузбассе работало всего 438 человек, или 1% шахтеров России, которые давали лишь около 0,3% общероссийской угледобычи.

Кабинетские металлургические заводы после реформы, лишившись дешевой подневольной рабочей силы, оказались в трудном положении. В 1864 году из-за нерентабельности был закрыт Томский железоделательный завод. Продолжал действовать Гурьевский завод. Кроме металлургических цехов, он объединял также Ариничевские и Юрманские рудники, Бачатские и Кольчугинские угольные копи и несколько куреней, снабжавших завод древесным углем.

Большинство этих предприятий не было механизировано и застыло на мануфактурной стадии. Каменный уголь добывался в ничтожных количествах и употреблялся лишь в литейном деле, на механической фабрике. Домна же продолжала работать на древесном угле. Ближайшие леса были вырублены, и древесный уголь приходилось возить на лошадях за многие десятки верст от завода. Не было поблизости и достаточных запасов железной руды.

В 1880-х годах на заводе работал небольшой локомотиль и две турбины, приводившие в действие паровой молот, обжимной и сортовой станы. В это же время вошла в строй и новая домна.

С 1873 года малопроизводительная выплавка железа в кричных горнах на древесном угле была окончательно заменена более про-

изводительным и дешевым способом выплавки металла в пудлинговых печах на каменноугольном коксе.

Стали завод по-прежнему почти не делал. Кроме доменного и пудлингового цехов, здесь работали литейное и прокатное производства, а также механическая фабрика.

Таким образом, несмотря на отдельные технические усовершенствования, сырьевая и техническая база Гурьевского завода в 60—90-х годах не подвергалась сколько-нибудь коренной перестройке, объем выпускаемой им продукции оставался ограниченным, а издержки производства сравнительно высокими.

До реформы Гурьевский завод снабжал своими изделиями почти исключительно кабинетские рудники и заводы. С упадком предприятий кабинета после 1861 года их потребности в продукции завода сократились. Кабинетские чиновники, со свойственной им медлительностью и неповоротливостью, стали перестраивать предприятие на выпуск продукции для вольного рынка. Результаты этой перестройки начали сказываться лишь во второй половине 80-х годов.

На Гурьевском заводе выплавлялось (в пудах):

Г о д ы	Ч у г у н	Ж е л е з о
1865	38 117	16 424
1870	20 670	12 049
1875	30 000	17 794
1880	6 000	19 850
1885	102 285	53 223
1890	107 320	60 128

В конце 80-х годов лишь четверть продукции завода шла на кабинетские предприятия, а три четверти — на вольный рынок, преимущественно в Кузнецкий, Бийский и Барнаульский округа. Отчасти его изделия шли в Бердск, Колывань, Томск, Мариинск. Главную массу чугунного литья составляли части молотилок, веялок и мельниц. Поковки без механической обработки шли в деревню (плуги, сошники, цепи к сохам, зубья для борон, топоры, подковы), на золотые прииски (кайлы, лопаты, ломы, балды, подковы), а также для пароходов и барж (цепи, якоря, шпильки, болты). Довольно широким по тем временам был ассортимент продукции механического цеха завода. Он делал насосы, бутарные доски, бочки и толчеи для приисков, части передаточных механизмов и паровых машин, машины для пароходов и мельниц, маслоструйные валки, прессы для мыла, формы для бутылок и другое оборудование для местной обрабатывающей промышленности.

Однако не за всякий заказ брались гурьевские мастера. В

1890 году Томское губернское правление заказало 700 кандалов и 500 замков к ним. На заводе не нашлось мастеров, которые смогли бы выполнить этот заказ.

Гурьевский завод был единственным предприятием черной металлургии на всю Западную Сибирь. Перевозка металлических изделий с Урала до проведения Транссибирской магистрали обходилась очень дорого. Поэтому завод в Гурьевске стал поистине универсальным поставщиком оборудования для промышленности и сельского хозяйства огромного края. Монопольное положение на западносибирском рынке обеспечивало заводу на некоторое время возможность работы без общей технической реконструкции. Несмотря на освобождение крестьян от заводских повинностей, администрации удавалось с помощью нажима и содействия местных властей заставлять крестьян на кабальных условиях возить руду, рубить дрова, выжигать и доставлять уголь.

Еще в 1883 году томский губернатор обязывал особых чиновников по крестьянским делам «принять энергичные меры к понуждению волостных начальств к высылке крестьян для выполнения их обязательств перед заводоуправлениями по поставке угля».

Постоянные кадровые рабочие набирались на Гурьевский завод, как и на другие предприятия кабинета, по контрактам. В контракте определялся размер заработной платы, обязанности нанимавшегося и права нанимателя. Заводоуправление выплачивало новичку задаток, который затем высчитывался из жалованья. Жалованье выдавалось ежемесячно, частью деньгами, частью провиантом из казенного магазина. Контракт заключался, как правило, на год. Предусматривалась возможность расторжения контракта по инициативе той или другой стороны. Типичны контракты, заключенные в 1864 году заводоуправлением с кузнецом Василием Пушкаревым и молотобойцем Иваном Мартыновым. Заводоуправление могло в любое время уволить рабочего. Рабочий же мог отказаться «от исполнения своих обязанностей» до истечения договорного срока, лишь возвратив задаток, и был обязан «поставить вместо себя такого же ответственного и знающего дело мастерового».

На заводе работало много бывших крепостных мастеровых, их сыновей и внуков. Сюда же перешла часть рабочих с закрытого Томского завода. Становились рабочими и некоторые крестьяне окрестных деревень.

В ведомости за 1892 год о количестве «горнозаводских или мастеровых» указывалось: плавильщиков, учеников и рабочих при печах — 13, засыпщиков и литейщиков с учениками — 25, пудлингов, варовщиков, обжимщиков, гладильщиков — 81, кузнецов и молотобойцев — 120, слесарей, токарей и учеников, столяров, плотников и модельщиков — 47, машинистов и кочегаров — 11, рабочих — 26, мастеров и подмастерьев — 6. Кроме того на заводе трудилось много временных, вспомогательных рабочих: землекопцы, печники, каменщики, штукатуры, пильщики, дроворубы, возчики. Как правило, каждый из них сохранял прочную связь с землей.

и личным хозяйством. Это, с одной стороны, давало администрации возможность держать на низком уровне заработную плату, но, с другой стороны, заставляло свертывать на летнее время производство. Так, в 1885 году литейный цех не действовал с 6 июля по 7 августа, «по случаю страдного времени» рабочих.

Наряду с мужчинами на заводе трудились дети и женщины.

Особыми «правилами для малолетних, работающих в плавильном и литейном цехах» детям от 12 до 15 лет разрешалось работать только четыре часа. Но несмотря на это, дети работали наравне со взрослыми по 10—12 часов.

Около 50 женщин были заняты на подвозке руды и откатке шихты.

Заработная плата рабочих оставалась крайне низкой. За март 1880 года десять кузнецов заработали в среднем по шесть-семь рублей в месяц, в литейном цехе рабочие получили от пяти до девяти рублей.

На Гурьевском заводе, как и на других предприятиях царской России, существовала жесткая система штрафов, взимавшихся за брак в работе, за «оскорбление должностных лиц» и т. п.

Управление Алтайского горного округа могло назначить пенсии рабочим кабинетских предприятий. Обычно рабочие обращались за пенсией, проработав 30—35 лет. Перед тем как решить вопрос о пенсии, администрация завода собирала массу справок: об имущественном положении рабочего (есть ли у него дом, корова), о его политической благонадежности, о состоянии его здоровья (может быть, он еще может работать). Пенсия устанавливалась в размере 30—40 рублей в год. Иногда вместо нее выдавали единовременное пособие в размере десяти рублей, а часто и совсем отказывали в каком-либо пособии. Гурьевский рабочий Афанасий Шумилов обратился к начальству с просьбой о выдаче десятирублевого единовременного пособия. Его просьба прошла множество инстанций и, наконец, дошла до министра императорского двора. Министр просьбу отклонил. Однако Афанасия Шумилова это уже не могло огорчить, так как к тому времени он скончался.

Антисанитарные условия труда и быта, пренебрежение администрации к технике безопасности приводили к частым травмам и массовым заболеваниям. Несчастные случаи не считались чрезвычайным происшествием. В штате завода был фельдшер и имелся небольшой госпиталь на 10—12 коек. За каждые сутки, проведенные в госпитале, с больного взималось 40 копеек — больше, чем могли заработать за день многие рабочие.

Подавляющее большинство рабочих совершенно не знало грамоты. При получении заработной платы каждый мастеровой должен был расписываться в ведомости. Для этого приходилось нанимать за особую плату грамотных. Во время массовой перевозки руд, угля и некоторых других работ, когда одновременно выплачивали деньги нескольким сотням человек, нередко среди получавших плату не оказывалось ни одного грамотного. С 1874 года рабочим

разрешили вместо подписи ставить кресты. Была на заводе и своя начальная школа, но в ней обучались лишь немногие дети школьного возраста. В 1885 году в школе занималось 109 учеников. В связи с большой нуждой родителей ученики часто из-за отсутствия одежды, обуви и по другим причинам неделями не посещали занятий.

«Общественные места» в рабочем поселке завода ограничивались кабаками и церковью. Внешне поселок напоминал обыкновенное село: маленькие избышки, пыльные и грязные улицы.

Салаирские рудники после 1861 года продолжали снабжать рудой Гавриловский сереброплавильный завод. В 1880 году они дали 460 тысяч пудов руды. Постоянных работников, с которыми заключались контракты, на руднике было немного. В марте 1872 года их, например, числилось всего 93 человека. Контракты по цехам заключались с вахмистрами, кузнецами, молотобойцами, слесарями, каменщиками, сторожами, конюхами; по горному производству — с мастером, нарядчиками, пробирщиком, рассыльными, караульщиками, кузнецами, подъемщиками руд. Основную же массу рабочих составляли «вольноприходящие рабочие люди», занимавшиеся добычей руд, доставкой их к шахтным стволам, подъемом на поверхность при помощи ручного или конного ворота, креплением и закладкой выработок, сортировкой и «скидкой руд в груды». На эти работы нанимались артели от трех до десяти человек в каждой.

Выплавка серебра в Алтайском горном округе в первой половине XIX века держалась на уровне 1000 пудов. После реформы производство серебра резко сократилось. Так, в 1881 году было выплавлено 463 пуда, в 1885 году — 535 пудов.

На Гавриловском заводе в 60—80-х годах было занято несколько десятков рабочих, выплавлявших в год до 60 пудов серебра. Завод постепенно ветшал и в 1897 году был окончательно закрыт, превратившись со временем в объект исследований археологов.

Стали пустеть и Салаирские рудники. В 1858 году здесь жило 3430 человек, а три десятка лет спустя осталось лишь 810.

Из года в год падала добыча золота и на приисках кабинета. Если в 1871 году они дали 20 пудов 15 фунтов золота, то в 1875 году — 12 пудов 35 фунтов, а в 1885 году — лишь 4 пуда 16 фунтов. Первые богатые россыпи были в основном выработаны, а переход к разработке более бедных россыпей и рудного золота требовал машин и механизмов. На столь коренную перестройку системы работ администрация кабинета не шла.

Хозяйство кабинета подрывалось казнокрадством управляющих заводами и кастой горных инженеров и чиновников. Злоупотребления и хищения особенно расцвели при управляющем Алтайского горного округа Ю. И. Эйхвальде. Лучшие золотоносные площади на реках Кондома, Мрас-Су, Лебедь были отданы в аренду частным предпринимателям. Прибывшая из Петербурга в 1882 году ревизионная комиссия выгнала со службы Эйхвальда и многих других воров, но и при новом начальстве положение в общем мало изменилось.

5. Развитие частной золотопромышленности

Кабинетское хозяйство в пореформенное время неуклонно катилось вниз. Заводы и рудники хирели. Прииски закрывались, дарились придворным сановникам или сдавались для разработки артелям старателей. Ламсдорф, Дуббельт, Адлерберг и другие именитые владельцы приисков, получив их в подарок, предпочитали сдавать прииски в аренду купцам или, в крайнем случае, разрабатывали их в компании с толстосумами.

Несмотря на старания Александра II и Александра III насадить в Кузнецкой тайге хозяев-аристократов, купец, а не дворянин завладел золотопромышленностью. Богатейшие прииски Кузнецкой и Мариинской тайги захватили крупные золотопромышленники, начавшие действовать еще в дореформенные годы: Асташевы, Мальцевы, Поповы, Кузнецовы. Не брезгуя никакими средствами, они приобрели самые богатые места, закрытые для частной золотопромышленности. Купцы установили контакты и с привилегированными владельцами приисков. Асташев, например, арендовал прииск Николаевский у великого князя Николая Николаевича. Россыпи, разрабатывавшиеся в 60-х годах частными предпринимателями во владениях кабинета, отличались высоким содержанием золота. В 100 пудах песка здесь нередко содержалось более золотника золота. Поэтому их разработка приносила значительные доходы без каких-либо хлопот о механизации производства. И если частные прииски Алтайского округа в 1863 году давали всего 15 фунтов золота, то в 1890 году — уже 98 пудов 29 фунтов. Что же касается добычи золота на приисках кабинета, то она сократилась с 25 пудов 26 фунтов в 1860 году до 6 пудов 16 фунтов в 1890 году. Добыча золота на приисках Мариинского округа в этот период оставалась примерно на одном уровне и составляла в 1861 году 31 пуд 1 фунт, а в 1890 году — 33 пуда 24 фунта. На кабинетских и частных приисках в 1861 году трудилось 4428 рабочих. В 1865 году в связи с сокращением работ на кабинетских приисках, лишившихся подневольной рабочей силы, число рабочих упало до 2765, а затем, благодаря быстрому росту частной золотопромышленности в 80-х годах поднялось до 5,5 тысячи человек. Выработка золота на одного рабочего повысилась с 0,5 фунта до 0,97 фунта в год. Этому, прежде всего, содействовало освобождение кабинетских мастеровых от обязательных работ и переход на вольнонаемный труд.

Производительность труда, конечно, зависела и от содержания золота в россыпи. Так, за 1865 год на одного рабочего в Мариинском округе при среднем содержании золота 29 долей в 100 пудах песка было добыто 0,6 фунта золота, а на частных приисках Алтайского округа, где среднее содержание металла составляло 1 золотник 24 доли на 100 пудов песка на каждого рабочего приходилось 2,3 фунта золота.

Из таблицы следует, что концентрация производства на приисках в рассматриваемое время не наблюдалась: среднее число ра-

бочих на частных приисках Алтайского округа оставалась примерно на одном уровне, что же касается приисков Мариинского округа и особенно приисков кабинета, то число рабочих здесь сократилось.

Средняя численность рабочих на одном прииске

Г о д	Мариинский округ	Алтайский округ		По Кузбассу	Примечание
		частн. пр.	кабинетн. пр.		
1861	25	—	426	54	
1865	21	41	—	24	Без кабинет. приисков.
1870	23	55	—	31	То же
1876	—	—	—	41	То же
1881	—	—	—	40	То же
1886	21	53	254	34	
1890	18	44	216	31	

В пореформенные годы приходила в упадок горная промышленность кабинета. Но одновременно развивалась частная золотопромышленность. Еще в 20-х годах XIX столетия возникли частные прииски в Мариинской тайге, не входившей во владения кабинета, в 1862 году частная добыча золота была разрешена на кабинетских землях. На заброшенных или разведанных, но не эксплуатируемых приисках кабинета появились вольные старатели из крестьян ближайших деревень и оставшиеся без работы мастеровые. Кабинет запрещал крестьянам разрабатывать золотоносные россыпи, предпочитая иметь дело с купцами. Возникли частные прииски на кабинетских землях в бассейнах рек Тайдона, Верхней, Средней и Нижней Терсей, Балык-Су, Кондомы, Мрас-Су, Лебеда.

В практике золотодобычи преобладала разработка россыпей. Лишь в 1879—1881 годах была сделана первая, и то неудачная, попытка разработки рудного золота на Дмитриевском прииске в Мариинской тайге. Заложенные здесь две неглубокие шахты для отработки кварцевой жилы оказались бедными по содержанию металла и были закрыты за невыгодностью. В Мариинской и Кузнецкой тайге золотопромышленники предпочитали без больших затрат разрабатывать новые богатые россыпи. Постепенно центр сибирской золотопромышленности перемещался на восток — на Енисей, Лену, Амур. В 60-х годах преобладающая роль от Енисейской тайги перешла к Олекминско-Витимскому округу. В 70-х годах рост золотодобычи шел за счет нового Бодайбинского района, в 80-х годах особенно выросла добыча золота на Амуре.

Известный сибирский публицист Н. М. Ядринцев писал: «В пятидесятых и шестидесятых годах слышатся уже жалобы на истощение золота; оказалось, что приемы нашей разработки золотых руд

были такие же хищнические, как и в других отраслях промышленности. Гонимая за фунтом лишнего содержания, мы снимали золото только сверху, а остальное погребали в отвалах. Золотопромышленность прошла каким-то мертвящим ураганом по Томской и Енисейской губерниям и теперь совершает последние подвиги на Олекме, за Байкалом и на Амуре... На местах брошенных приисков шумят леса и нет даже признаков человеческого жилья». Н. М. Ядринцев правильно отметил кризис «мускульного способа» золотодобычи в Мариинской тайге, но преувеличил его размеры. Закрылся ряд приисков, на которых содержание золота в песках оказывалось слишком низким при добыче его вручную. Но одновременно росли новые прииски, где опять-таки вручную успешно разрабатывались богатые россыпи. Именно наличие множества богатейших месторождений золота в Кузбассе и особенно на востоке Сибири задерживало переход к механизированной добыче металла.

Золотопромышленник был центральной фигурой среди немногочисленной буржуазии Кузбасса того времени. Прииски в тайге заводили томские купцы, уральские промышленники, петербургские вельможи, местные и приезжие чиновники.

Некоторые из крупных золотопромышленников Кузбасса, например, Асташевы и Мальцевы, были обуржуазившимися дворянами. Еще в 30-х годах коммерции советник Попов в компании с надворным советником Асташевым завели прииски в Мариинской тайге. В 1840 году здесь действовали уже компания наследников Поповых, компания Асташева и коммерции советника Степана Попова. Отдельно держали прииски усть-каменогорские купцы Андрей и Христофор Поповы. В 1844 году разрабатывались прииски компании наследников коммерции советника Попова и отдельные прииски коллежского советника Асташева, превратившегося из чиновника в крупного золотопромышленника. Тогда же преуспевающие купцы-золотопромышленники Поповы получают чины коммерции советников и звание почетных граждан.

Во второй половине XIX века в среде ведущих золотопромышленников произошли значительные изменения. Из старых фирм продолжала играть видную роль лишь компания Асташева. Захирело дело Поповых, и почетный гражданин Кузнецка Степан Попов остался владельцем лишь небольшого Бельсинского прииска. Зато появились новые имена: купцы Кузнецовы, генерал-майор и одновременно крупный заводчик С. И. Мальцев. В 80-х годах образовались две крупные компании: «Алтайское золотопромышленное дело» В. И. Асташева и К^о и «Южноалтайское золотопромышленное дело» С. И. Мальцева и К^о. Асташев заключил контракт с кабинетом, по которому в его руки попали обширные золотоносные площади на Кондоме, Мрас-Су и Лебеде — в районах, еще недавно запретных для частной промышленности. Начальник Алтайских заводов Эйхвальд был снят с должности за непомерное взяточничество и злоупотребления, но законтрактованные площади остались за компанией Асташева.

Она разрабатывала несколько приисков в бассейне Кондомы и арендовала у Струговщикова Александровский прииск, который только в 1882 году дал компании около двух пудов золота. В бассейне Мрас-Су эта компания арендовала у графа Баранова Аннинский и богатый Царево-Николаевский прииск. Всего же в 1889 году Асташев и К^о хозяйничали на 17 приисках, где трудились свыше 700 рабочих, дававших ежегодно по полтора десятка пудов золота.

«Южно-Алтайское золотопромышленное дело» Мальцева и компании возникло в 1881 году. Мальцев также получил по контракту золотосодержащие площади на землях кабинета, закрытых для частных золотопромышленников. Компания Мальцева разрабатывала расположенные в бассейне реки Лебедь бывшие кабинетские прииски Царево-Александровский и Андабинский. Первый из них давал свыше четырех пудов золота в год, а второй — до семи. В бассейне реки Балык-Су Мальцев, кроме старого кабинетского прииска Веселого, разрабатывал новые богатые прииски Магызынский, Пророко-Ильинский, Неожиданный, Харлампиевский и Большой Камзасский. Всего в 1889 году у «Южно-Алтайского золотопромышленного дела» действовало девять приисков, на которых числилось 1552 рабочих, добывших до 40 пудов драгоценного металла.

«Асташевская тайга» и «Мальцевская тайга» — занимали значительную часть Горной Шории. Эти компании являлись крупнейшими в Алтайском горном округе. Из 95,5 пудов золота, добытого частными предпринимателями округа в 1889 году, на их долю пришлось свыше половины.

И все-таки золотопромышленность Мариинской и Кузнецкой тайги еще топталась на мануфактурной стадии, не зная сложных дорогостоящих механизмов, драг, гидравлик, позволяющих с прибылью разрабатывать россыпи с низким содержанием золота. Ростки капитализма пробивались сквозь крепостнические пережитки. Сохранилась феодальная собственность царской фамилии на кабинетские земли. Предпринимателям приходилось делиться прибылями с аристократами, вносить высокие отчисления с добычи в пользу кабинета и арендную плату именитым вельможам — владельцам приисков.

Весь добытый металл надо было сдавать по твердой цене в казенные золотосплавочные лаборатории. Но золотопромышленники обходили эти правила: утаивали часть добычи, скупали краденое золото у рабочих соседних приисков, а затем пудами сбывали его в Китай или тайно продавали на Ирбитской ярмарке.

На приисках работали преимущественно местные крестьяне и приписанные к ближним волостям ссыльнопоселенцы. Рабочие, прибывшие из Европейской России, составляли в 1876 и 1879 годах на приисках Мариинского и Алтайского округов 4,5% всех рабочих. На прииски шли крестьяне-бедняки из местных старожилов с тем, чтобы заработать на уплату податей, на покупку скота; шли крестьяне — переселенцы, чтобы скопить денег на обзаведение хозяйст-

вом. Значительная часть этих людей, попав на прииски, уже не возвращались в деревню и не потому, что на приисках жилось лучше чем в деревне, а потому, что накопить деньги на поправку личного хозяйства обычно не удавалось. Шел год за годом, человек втягивался в приисковый быт, из крестьянина становился кадровым рабочим. Ссылнопоселенцы также обычно не имели личного хозяйства, хотя и были приписаны к сельским общинам.

Почти круглый год по Томской и соседним губерниям шныряли вербовщики-приказчики золотопромышленников.

Некоторые города и села Кузнецкого, Мариинского, Бийского и Минусинского округов стали традиционными пунктами найма и сбора будущих приискателей. Так, в Бийске собирались рабочие, нанятые на прииски «Южно-Алтайского золотопромышленного дела», в Кузнецке и селе Таштыпском Минусинского округа — на прииски «Алтайского золотопромышленного дела», в Мариинском округе такими сборными пунктами были деревни Баннова, Кедровка, Тамбар и Тисуль.

Доверенные золотопромышленников заключали с приискателями контракты либо на сезон, либо на целый год. При этом приисковое управление оговаривало за собой право делать все «по усмотрению», обязывая рабочего беспрекословно повиноваться. Управляющий мог ставить людей на любое место, переводить их со сдельной на поденную работу, в любое время рассчитать или передать их на прииск другого владельца. Рабочий же, в противоположность нанимателю, был связан контрактом по рукам и ногам. За невыход и опоздание на работу и за различные нарушения контракта он облагался штрафом. Рабочий не мог досрочно покинуть прииск, а если бежал и был пойман, то подвергался наказанию розгами, должен был отрабатывать все дни отлучки, уплатить расходы по его поимке и премию в пользу поимщика. Только с разрешения администрации рабочие могли приводить на прииск своих жен, которые обязывались работать за пониженную плату. Лишь горькая нужда заставляла людей подписывать столь кабальные контракты. Первым средством закабаления приискателей был задаток, получаемый на руки рабочим при заключении контракта. Обычный его размер на приисках Мариинского и Алтайского округов в 60-х годах составлял 10—30 рублей, а в 1889—1890 годах 25—40 рублей.

Большая часть задатка уходила на уплату податей и недоимок, на взятки писарю при засвидетельствовании контракта в волостном правлении и получении паспорта, без которого крестьянин, приписанный к сельскому обществу, не мог отлучиться на заработки.

В результате от задатка у рабочего нередко не оставалось ни копейки. Если он был семейный, то оставлял семью в деревне на произвол судьбы.

По мере того, как формировались постоянные кадры приисковых рабочих, доверенным золотопромышленников все меньше приходилось разъезжать по отдаленным округам для вербовки людей.

Часть рабочих, привыкнув к месту или будучи не в силах выпутаться из долгов, надолго оседала на приисках. Другие, выйдя из тайги и прожив полученные на руки деньги в ближайших селах, снова нанимались к прежнему или новому хозяину.

На приисках рабочие разбивались на артели, в которых существовало несложное разделение труда. Забойщики снимали торфа, как тогда называли породу, прикрывающую золотоносный пласт. Они же или особые рабочие — свальщики возили торфа на лошадях в отвал. На телегах, по деревянным настилам везли золотоносный песок к промывательным установкам. Иногда пробивали орты — небольшие шахты или штольни, которые из-за плохого крепления нередко заваливались. В 1884 году, например, на прииске Васильева неподалеку от Кузнецка в завал попало сразу 24 человека, из которых двое умерли, а остальные получили тяжелые увечья. Темный и неграмотный рабочий люд считал, что обвалы устраивает хозяин гор — Горный, когда его кто-либо прогневит. Чтобы умиловать хозяина гор, приносили ему жертвы водкой и табаком.

Рабочим, занятым на вскрыше торфов, добыче и промывке золотоносных песков, устанавливались твердые нормы выработки — уроки.

По сообщению горного исправника Алтайского горного округа, обычными уроками были: на вскрыше торфа в зимнее время с конной откаткой — одна кубическая сажень на два человека и полторы сажени — летом; на добыче и промывке песков с конной откаткой — две с третьей кубических сажени на трех рабочих. По договорам 1885—1888 годов в Мариинском и Алтайском округах летом на приисках Миллера, Путникова, Иванова, компании Иваницкого, Жилля и Потапова двое рабочих при конной откатке были обязаны выработать за день одну и три четверти кубической сажени. За невыполнение урока управление приисков могло задержать приискателей на работе после восьми часов вечера, присоединить недоработку к уроку следующего дня или, наконец, произвести вычет из заработной платы.

Драг и гидравлик на приисках в 60—80-х годах не было. Использовались лишь наиболее богатые россыпи. Высокое содержание золота в песках позволяло с прибылью разрабатывать их без больших капитальных затрат. Забрасывались, заваливались породой участки с пониженным содержанием золота, разработка которых была бы вполне рентабельной при механизации. На приисках не знали ни паровых ни, тем более, электрических двигателей. Зато везде, где это было возможно, старались использовать силу падающей воды. На горных речках устраивались деревянные плотки, по которым вода поступала в золотопромывательные устройства.

Весной — в разгар работ люди трудились по 13 часов — с 5 утра до 8 вечера с получасовым перерывом на завтрак и полуторачасовым на обед. Иногда рабочий день увеличивался до 14—15 часов. За работу в праздники рабочие получали в компании Мальцева удвоенную плату, а в компании Асташева — полуторную. Работы

в летнее время производились без выходных дней. По контрактам 80-х годов рабочим предоставлялось от 9 до 13 праздничных дней в году.

Зимой работы свертывались, значительная часть рабочих увольнялась. Хозяева, пользуясь сезонной безработицей, платили зимой приискателям меньше, чем летом, хотя условия труда в морозы и метели куда хуже: ветер, снежные заносы, работа с мерзлым грунтом. По договору с золотопромышленником Даниловым (Маринский округ) в 1877 году рабочий на вскрыше торфов получал за выполненный урок зимой 27, летом 35 коп. в будни и 45 коп. в праздники; на песках летом в будни платили по 40, а в праздники — по 60 коп.

В компании Мальцева в 80-х годах в зимний сезон, с первого октября по первое марта, забойщики получали 35 коп. в день, возчики, отвальные и поденщики — 30 коп. С марта по май забойщикам платили на гривенник больше, а возчикам и отвальным — на пятак. Когда начинался основной сезон (с мая по октябрь) дневная плата забойщикам, занятым вскрышей и конной отвозкой, возрастала до 60 коп., а у тех, кто промывал золотоносные пески и вел разведку россыпей, — до 70 коп. Возчики и свальщики получали по 40 коп. в день. Рабочие, не занятые непосредственно на добыче золота: плотники, кузнецы, шорники, молотобойцы, повара, получали месячную плату — 9—12 руб. зимой и 10—18 руб. весной и летом. Женщины получали от 3 до 4 руб. 50 коп. в месяц.

Была разработана строгая система штрафов, которая из средства поддержания дисциплины фактически стала дополнительным источником дохода золотопромышленников. Рабочего, получавшего 30—40 копеек в день штрафовали на 30 копеек только за опоздание на работу. За драку и буйство высчитывали из заработка от одного до трех рублей.

Помимо денежной платы, рабочие получали продовольственный паек. Нормы отпуска продуктов рабочим были сравнительно велики по объему, но далеко не высоки по качеству: не хватало жиров, совсем отсутствовали молочные продукты и овощи. Рабочий получал на месяц до двух с половиной пудов хлеба, до восьми фунтов круп, до полутора фунтов в день свежего мяса или солонины, или же фунт вяленого мяса. Так, по договору 1870 года с золотопромышленником Триполитовым (Маринский округ), рабочие получали в месяц по два с половиной пуда ржаной муки, 35 фунтов свежей или соленой говядины, 7,5 фунта ячневой крупы, 2 фунта соли и фунт топленого масла или сала. По договору 1871 года с Хотимским (Маринский округ) рабочим давалось печеного хлеба «сколько кто может употребить в пищу», фунт свежего или соленого мяса и четверть фунта крупы в день. Кроме того, на некоторых приисках рабочим выдавали один-два раза в неделю или по праздникам винные порции. Сахар, чай, масло и другие продукты, а также одежду и обувь рабочие могли купить лишь в приисковых лавках: посторонних торговцев на прииски не пускали. Прибыли про-

мышленников от наценок на товары и приисковых лавках в 1880—1881 годах достигали 180%.

Питались приискатели, как и работавшие, — артелями. Артели имели свою кухарку или кашевара. Изюм в день рабочие ели кислые щи, кашу или крупяную похлебку из солонины. На некоторых приисках по праздникам пекли хлеб, в будни же его заменяли ржаными сухарями.

Жили приискатели в бараках с земляным полом, спали на нарах. Здесь же сушилась сырая одежда и обувь. Семейные строили свои избышки, в которые пускали еще постояльцев.

Непосильная работа, однообразная пища, сырость и холод способствовали распространению на приисках тифа и цинги. Больные валялись на нарах попеременно со здоровыми, получали ту же пищу. Лишь на крупных приисках были больнички и фельдшера, но постоянно не хватало самых необходимых лекарств.

Приискатели не знали оплачиваемых отпусков и обычно отдыхали по нескольку дней лишь глубокой осенью, когда получали окончательный расчет за работу летом.

Оборванные и истощенные таежники выходили с приисков с запасом сухарей в заплечных мешках и тщательно спрятанными несколькими десятками рублей. Шли группами, так как среди крестьян притаежных сел были и такие, кому ничего не стоило ограбить и даже убить одинокого приискателя.

Стоило приисковым рабочим появиться в селах, как они попадали в цепкие руки содержателей постоянных дворов и многочисленных кабаков.

В очерке Н. И. Наумова «Паутина» описываются кутежи приискателей в Тисуле, превратившемся благодаря открытию в округе приисков из захудалой деревушки в обширное село с базарной площадью и гостиним рядом. В местных лавках продавались ситцевые и шелковые рубахи, плисовые шаровары, жилеты, расшитые азиями, зипуны, полущубки, бродни, поярковые шляпы и котиковые шапки, картузы, яркие шали. Бакалейные лавки ломились от водки, вин и разнообразных закусок и сластей вплоть до сардинок и засахаренных фруктов. На этикетках бутылок значилось: «Мужичьи слезы», «Бабын желчь», «Пей с горя и с радости для большей сладости» и тому подобное.

Осенью село наполняли толпы оборванных приискателей. Они размещались по домам местных хозяев и начинался пир: щи со свиной, гуси, поросята, утопавшие в масле блины и оладьи не сходили со стола. Изголодавшиеся таежники требовали лучшей еды и расплачивались, не торгуясь. На смену выдавшим виды лохмотьям шел плис и атлас. Тисуль оглашался людским гомоном, звуками гармошек и балалаек. «Попадавшие мне рабочие, — пишет Наумов, — были щеголевато одеты, иные в новых белых зипунах, грудь, рукава и оконечности пол у которых были узорно расшиты разноцветными шелками, в новых котиковых шапках на голове или в картузах, сшитых из треугольного синего и черного сукна. Попада-

лись и щеголи, одетые в красные и синие шелковые рубахи, в синие или черные с золотыми разводами и пуговицами жилетки и в плисовые безрукавки. В руках у большинства были гармоники, балалайки, встречались гитары, а иногда и скрипки. Порою по улице проносилась, как вихрь, лихая тройка, вся убранный лентами, неистово звеня колокольчиками и бубенцами, и в телеге среди расфранченных рабочих, в обнимку с ними, сидели не менее разряженные женщины, заливаясь звонкой, хотя и нескладной песней. Встречные провожали подобные тройки хохотом, свистом и криками. Песни звенели на каждом перекрестке. Иногда по улице шла с песней густая, пестрая толпа рабочих и среди них опять виднелись разодетые во все радужные цвета женщины, звонкие голоса которых резко отличались от сильных мужских басовых нот.

Впереди толпы шел непременно какой-нибудь франт весь в плесе, окутанный крест-накрест шальями, в поярковой шляпе, перевязанной широкой алой или пестрой лентой; это «князь» со своей свитой. Князьями называют на языке таежников тех из рабочих, которые вынесли слишком крупный заработок или которым посчастливилось найти золотую самородку и получить плату по весу найденному в ней золота. В руках князя бутылка с вином, бутылки с вином и в руках безотлучно сопровождающих его ассистентов, или, вернее, адъютантов, беспрекословно исполняющих все его приказания. Каждая песня оканчивается, например, «славой честному князю Маркелу Савичу» и его спутникам, и после каждого словословия князь и его адъютанты угощают толпу вином, пряниками, орехами и конфетами. Иногда они одевают не только сопутствующих князю, но и всех встречных алыми и пестрыми платками, кусками ситца, шальями.

Чаще всего князь гуляет впереди толпы, обнявшись с избранной им подругой, которая покидает его только с последним рублем. В этих случаях вместе с князем славославят и честную княгиню его».

Проходила неделя, другая, и Тисуль затихал. Рабочие, прогуляв последний рубль, спустив праздничную одежду, возвращались на прииски, а тисульские кулаки подсчитывали выручку и запирали свои лавки.

Будучи хорошим наблюдателем, Наумов писал о необычайно развитом чувстве товарищества среди таежников, об их постоянной готовности помочь в беде товарищу, о том, как дружно они стояли за себя в столкновениях с властями и администрацией. Таежные коноводы выделялись знанием приискательского дела, силой, смелостью, умом. Но не только за это уважали своих вожаков рабочие, а за то, что видели в них смелых защитников своих интересов. Наумов рассказывает о рабочем по прозвищу Еж, который пользовался большим уважением товарищей за постоянную готовность вступить за обиженных. Надсмотрщик сбил с ног безответного старика. Еж помог ему подняться и тихо спросил обидчика «Кого ты бьешь? Есть ли в тебе душа? Одумайся!» Надсмотрщик накинудся на непрощенного защитника, но тут же покатылся кубарем. «Заде-

ру, задеру насмерть!» — кричал управляющий, когда ему доложили о проступке Ежа. Но, вероятно, и по фигуре Ежа, и по тому, как он произнес: «Дери! Я здесь», — управляющий понял, с кем имеет дело, и молча ушел в свой дом. В тот же день Ежа перевели в дальний разрез на тяжелую работу, куда посылали опальных рабочих.

Через некоторое время тот же Еж потребовал вызвать управляющего и повел с ним переговоры от имени возмущенных обсчетами рабочих.

Обычными поводами столкновений рабочих с хозяевами являлось увеличение уроков сверх положения, плохая пища, обсчеты при выдаче денег, грубое обращение. Так, осенью 1872 года произошли волнения на ряде приисков из-за того, что хозяева затянули сезон промывки золотоносных песков. Тогда же рабочие начали самовольно уходить с приисков. В августе 1885 года забастовало около 30 рабочих на прииске Чеснокова, протестуя против произвольного увеличения уроков, плохого питания и бесчеловечного обращения управляющего. Приискатели послали делегатов в Томск к хозяину, а сами бросили работу. Чесноков встретил делегатов бранью и угрозами, а одного из них жестоко избил управляющий.

В том же году в Томск пришло 26 ходоков с прииска Батурина жаловаться хозяину и властям на притеснения управляющего, который назначил непосильные уроки, безудержно штрафовал и плохо кормил рабочих.

На прииске Ненашева и Чернядевой в Алтайском округе в мае 1887 года произошли волнения из-за грубого обращения управляющего и стражника с рабочими. 25 сентября 1887 года рабочие Магизинского прииска Южно-Алтайской компании, протестуя против увольнения товарища, не вышли на работу, избили управляющего и нарядчика. В 1891 году было волнение на прииске Неожиданном Южно-Алтайской компании из-за того, что фельдшер отказался лечить нескольких больных приискателей. В 1891 году из-за притеснений управляющего бежало до 40 рабочих с прииска Шамотина.

Отличительными чертами подобных выступлений были стихийность, неорганизованность, попытки найти защиту от притеснений администрации у хозяев или местных властей. До коллективных выступлений дело доходило редко. Не надеясь добиться улучшения условий труда или отработать долги, чаще рабочие в одиночку или небольшими группами бежали с приисков. Рабочие приисков Цыбульского в Мариинском округе по несколько лет не могли рассчитаться с долгами и вырваться с приисков, поскольку хозяин не отдавал им паспортов. Единственным выходом был побег. Но Цыбульский учел и это. Он заключил соглашение с татарами, жившими поблизости от приисков, чтобы те ловили в тайге беглых и за особое вознаграждение возвращали на прииски.

Всего с приисков Томской губернии в 70-х годах бежало до 9 процентов общего числа рабочих, а в 80-х годах — до 6 процентов. Каждый второй беглец обычно попадал в руки стражников, подвергался строгому наказанию и снова ставился на работу. На

приисках шла непрекращающаяся глухая борьба между хозяевами и рабочими. На стороне первых были горные исправники, подкармливаемые золотопромышленниками, казацкие отряды, стражники, тюрьмы, царские законы; рабочие же могли рассчитывать только на собственную силу, выдержку и стойкость.

6. Города Кузбасса в 60—80-х годах

Города Кузбасса — Кузнецк и Мариинск были обычными захолустными городками Российской империи. Кузнецк, административный центр Кузнецкого округа Томской губернии, находился в стороне от Большого Сибирского тракта, заводов и рудников. Развитие промышленности и торговли в 60—80-х годах не затронуло городка. Население его росло медленно. В 1858 году в Кузнецке числилось 1655 жителей, а в 1897 году — 3117. Большинство населения города занималось сельским хозяйством. Рабочих почти не было. Публицист-демократ В. В. Берви-Флеровский, будучи в 1864—1865 гг. ссыльным в Кузнецке, в своей книге «Положение рабочего класса в России» дал обстоятельную характеристику хозяйства и культуры города того времени. Он отметил отсталость промышленности и полунатуральный характер хозяйства жителей города, мало отличавшихся по роду занятий и уровню жизни от окрестных крестьян. «Они занимаются кое-чем, лишь бы прожить кое-как: держат скот, имеют пчел, сами для себя косят сено, а затем кто во что горазд: кто землю пашет, кто ямщину правит или с обозами ходит, а кому нечем жить, тот табак садит.

Кроме людей, занятых сбытом крестьянского хлеба, мяса, меда и воска, в городе существует лишь самая незначительная торговля предметами промышленности, привозимыми с Ирбитской ярмарки: весь оборот этой торговли едва ли достигнет пяти тысяч рублей; почти единственная обработка сырых произведений состоит в обращении сала в свечи и мыло; доход всех производителей этого продукта нельзя считать на тысячи, а только на сотни рублей. Прибавьте к этому пряников на сто или полтора рубля в год и вы будете иметь приблизительное понятие о том, чем снабжает Кузнецк окрестные села. Самая значительная торговля — торговля вином, которого продается в округе с лишком на пятьдесят тысяч рублей из Кузнецких складов».

Кузнецк не знал промышленных рабочих. За хлеб держали помощников трое местных кузнецов. Не платил денег своим подмастерьям и ученику и портной. В лучшем случае наниматели платили работникам от трех до пяти рублей в месяц. Помимо работы в мастерских наемные работники выполняли разнообразные обязанности и в домашнем хозяйстве богатых горожан: рубили дрова, убрали двор, косили сено, пахали пашню.

Дома, обстановка и одежда большинства жителей города не отличались от крестьянской.

В Кузнецке того времени существовали уездное, приходское и женское училища, в которых получали начальное образование дети местных чиновников и купцов. Подавляющее большинство населения грамоты не знало.

До 1861 года гражданское управление Кузнецким округом в основном находилось в руках администрации Алтайского горного округа, которая управляла не только заводами и рудниками, но ведала и полицией, и судом, и школами. Из ведения кабинетской администрации были изъяты лишь наиболее серьезные уголовные дела. Томский губернатор одновременно был начальником Алтайских горных заводов и располагал административной властью в горном округе. Реформы 60—70-х годов не уничтожили совершенно, но значительно ограничили элементы феодализма в хозяйстве и управлении. В 1863 году должность томского губернатора была отделена от звания начальника заводов Алтайского округа. Высшим представителем государственной власти на территории Кузнецкого округа в 60—80-х годах стал живший в Кузнецке окружной исправник с подчиненными ему участковыми приставами и земскими заседателями.

Судебная реформа в Сибири была проведена лишь в 1897 году, а земство так и не было введено вплоть до 1917 года. Полиция в Сибири занималась многими вопросами, которыми в Европейской России давно ведали земства и судебные органы. Так, она ведала устройством и ремонтом дорог, принимала меры против эпидемий, занималась прививкой оспы и другими земскими делами. Полиция же производила следствия, разбирала на месте всякого рода ссоры, выполняя, таким образом, некоторые функции судебных органов.

В приисковых районах существовала особая горная полиция, находившаяся на иждивении золотопромышленников и, естественно, защищавшая их интересы.

Городское самоуправление Кузнецка строилось на основе «городового положения» 1870 года, отдавшего всю полноту власти в руки местной буржуазии. В малолюдном Кузнецке, как и в других небольших уездных городах Сибири, городская дума не собиралась. Сход домохозяев выбирал собрание уполномоченных из 12—15 человек, которое избирало городского старосту, с одним-двумя помощниками. Староста и его помощники, выбираемые из наиболее богатых купцов, и вершили под присмотром окружного исправника все городские дела.

Сельское и волостное управление строилось на основе положений 19 февраля 1861 года. Общие сходы домохозяев сел и деревень выбирали старост, волостные сходы — волостных старшин и членов волостного суда. Делопроизводство в волостных правлениях вели наемные писари, которые широко использовали служебное положение для личной наживы: ни паспорта, ни справки крестьянин не мог получить у них без соответствующей взятки. Сельские и волостные выборные власти находились в полной зависимости от жившего в Кузнецке мирового посредника. Он утверждал состав крестьянско-

го управления, отменял постановления сельских сходов, наказывал выборных лиц.

Волости Горной Шории возглавлялись паштыками, которых выбирали волостные сходы. Паштык ведал раскладкой и сбором ясака, разбираал мелкие судебные дела, выделял людей для перевозки чиновников и миссионеров, налагал штрафы и наказывал розгами местных жителей.

Должность паштыка была средством эксплуатации сородичей, источником нелегальных доходов от суда, сбора ясака, выдачи билетов на право охоты и сбор орехов.

Яркие характеристики чиновничьей верхушки Кузнецкого округа — исправника, мирового посредника, городничего даны В. В. Флеровским и Н. И. Наумовым. В рассказе Наумова «Гонимые», например, повествуется о Катанаеве, который 22 года был исправником в Кузнецке. Шорцы так уверовали в его могущество, что когда Катанаева отрешили от должности, долго не признавали нового исправника и по-прежнему везли ему ежегодную дань. Катанаев брал с охотников-шорцев взятки, выменивал на водку или скупал за фальшивые деньги меха. Для ограждения шорцев от пьянства законом запрещалось открывать в улусах кабаки. Исправник же и другие чиновники ведрами везли спирт в тайгу. Катанаев скупал у русских крестьян хлеб и через подставных лиц раздавал его на кабальных условиях шорцам в долг, собирая затем долги шурами и скотом. Беличьи, соболи и лисьи меха агенты исправника на десятки тысяч рублей сбывали на ярмарках в Нижнем Новгороде. Катанаев сам хвалился, что нажил более двухсот тысяч рублей. Приятель Катанаева, городничий Андреев содержал шайку, которая грабила обозы и почту.

Большим влиянием в 60-х годах пользовался мировой посредник. Один из них — Шлепфельд, описанный Н. И. Наумовым в очерке «Крестьянские выборы», жил в единственном двухэтажном каменном доме Кузнецка и стоял во главе бюрократического общества городка. Его, как огня, боялись местные чиновники.

Мариинск был преобразован в город в 1856—1857 годах из села Кийского, основанного в первой половине XVIII века. С этого же времени город стал центром вновь образованного Мариинского округа Томской губернии. Своим ростом город был обязан развитию золотопромышленности: в XIX веке он стал центром найма рабочих и снабжения приисков продовольствием и различными товарами. Приисковый район, охвативший бассейны рек Кии, Яи и Урюпа и экономически тяготевавший к Мариинску, стал называться Мариинской тайгой. Развитию Мариинска способствовало и то обстоятельство, что через него проходил Большой Сибирский тракт, и в 90-х годах была проложена Транссибирская железнодорожная магистраль. Мариинск стал быстро обгонять Кузнецк. Уже в 1858 году в нем жило 3347 человек — вдвое больше, чем в Кузнецке.

По переписи 1897 года Мариинск насчитывал 8125 жителей, а Кузнецк только 3117.

Население Мариинска росло за счет причисляемых к мещанам ссыльнопоселенцев и переселявшихся сюда крестьян Томской и других губерний Сибири и Европейской России.

В самом городе развитие промышленности ограничивалось несколькими небольшими кожевенными, кирпичными, мыловаренными заведениями, в которых трудилось несколько десятков рабочих. Зато, словно грибы после дождя, появлялись лавки, постоянные дворы, гостиницы, харчевни для приискателей, агентов по найму рабочей силы, ямщиков. Особенно процветала торговля спиртными напитками. В 1869 году город имел 31 «питейное заведение». Спиртным торговали также в 17 постоянных дворах, трактире, гостинице и харчевнях. Публичный дом появился в Мариинске раньше, чем приходское училище.

Заметную прослойку городского населения составляли купцы: в 1876 году из 6547 жителей города 453 принадлежали к купечеству второй гильдии и трое — первой гильдии. Здесь жило сравнительно много евреев — 401 человек. Часть их занималась торговлей или золотопромышленностью. Мещане, преобладавшие в городе, работали у купцов и других зажиточных горожан, нанимались на прииски, содержали харчевни, лавки, ремесленные мастерские.

7. Культура Кузбасса в 60—80-х годах

До крестьянской реформы немногие имевшиеся на территории Кузбасса школы находились в ведении кабинета. После отмены крепостного права горнозаводские школы стали закрываться. К 1889 году их в Кузнецком округе осталось всего две — в Гурьевске и Салаире и учились в них всего полтора десятка детей. В 1888—1889 учебном году Гурьевскую школу кончили четыре мальчика, а Салаирскую — пять. Кое-где зажиточные крестьяне нанимали для детей частных учителей, которым платили от 50 копеек до рубля в месяц за ученика. Кроме того, каждый из родителей по неделе кормил учителя. В 80-х годах так учили детей наиболее зажиточных крестьян в Лучшевой, Сафоновой, Смышляевой, Подчае, Березовой, Кокуе и других деревнях Кузнецкого округа. В 60—70-х годах тяга крестьян к обучению своих детей заметно возросла. Одно за другим крестьянские общества выносят приговоры о постройке в деревнях и селах школ, выделяют средства на их содержание. В 1867 году крестьяне села Атаманово Кузнецкой волости постановили собирать ежегодно на школу по 50 копеек с взрослого работника. Дом под школу был построен в селе Локти Уксунайской волости. Здесь собирали по 20 копеек с работника. В 1869 году открылась школа в селе Яминском этой же волости, которая содержалась на 25-копеечный сбор с души. Всего к 1889 году в Кузнецком округе было уже 11 сельских школ, в каждой из которых обучалось от 25 до 65 ребят, преимущественно мальчиков. Однако кончали школу

немногие. В 1887 году, например, 11 сельских школ окончили всего 25 мальчиков и 5 девочек.

Правительство Александра III передало начальную школу под опеку духовенства. В 1884 году церковно-приходские школы были официально переданы синоду, увеличились и средства на их содержание. К 1888 году в Кузнецком округе открылись 23 церковно-приходские школы. В большинстве из них обучалось всего по несколько человек, занятия велись малограмотными служителями церкви.

В Горной Шории школы открывались Алтайской духовной миссией, которая использовала обучение для воспитания шорских детей в духе преданности самодержавию и православию. В 1858 году такая миссионерская школа была открыта в Кузедеево, в 1879 — в Усть-Анзасе. В 1885 г. приняла детей Матурская, в 1886 — Кондомская, миссионерские школы. В каждой из таких школ училось не более трех десятков ребят.

Кузнецкий и Мариинский округа того времени не имели ни средних учебных заведений, ни библиотек. В 1889 году на весь Кузнецкий округ выписывалось 305 газет и журналов. Причем, был характерен спрос на либерально-народнические газеты и журналы, что говорит о наличии здесь людей, оппозиционно настроенных к царскому режиму. Флеровский упоминает о небольшом кружке интеллигенции, объединявшемся вокруг учителя уездного училища в Кузнецке.

Н. И. Наумов в очерке «Горная идиллия» сообщает о писаре Еремине, с увлечением читавшем статьи Белинского и Чернышевского; за выступления в защиту шорцев он был уволен со службы.

В 80-х годах существовали кружки местной интеллигенции в Салаире. Члены кружков сообща выписывали журналы и газеты, устраивали библиотеки.

В 60-х годах в Кузбассе в разное время жили и работали два известных русских демократа В. В. Берви-Флеровский и Н. И. Наумов. С 1886 по 1870 год в Кузнецком округе жил в ссылке литератор Блюммер.

Василий Васильевич Берви (Флеровский) был выслан в Кузнецк в январе 1864 года и жил здесь почти полтора года до перевода в Томск, а затем в Вологду, где и закончил книгу «Положение рабочего класса в России». В ней он наряду с другими вопросами осветил противоречие между богатейшей природой и нищенским существованием населения Кузнецкого округа, охарактеризовал хозяйство и быт кузнецов, бесправие немногочисленных рабочих, пустоту и тупоумие местных чиновников. В 1869 году под псевдонимом Н. Флеровский-Берви издает книгу в Петербурге. Написанная на большом фактическом материале, проникнутая горячим сочувствием к рабочему люду России, эта книга оказала большое влияние на русских революционеров-разночинцев и получила высокую оценку К. Маркса.

Несколько позднее в Кузбассе находился в ссылке революционный демократ Леонид Петрович Блюммер. Работая на золотых

приисках Кузнецкой тайги, он хорошо изучил быт приискателей, нравы местных промышленников и чиновников. Вернувшись из ссылки, Блюммер в 1871 году опубликовал в журнале «Заря» роман «Около золота» — первое в России произведение о жизни сибирских золотоприискателей.

В 60—80-х годах в Кузнецком и Мариинском округах жил и работал писатель Н. И. Наумов. Рассказы и очерки талантливого писателя доносят до нас дыхание прошлого, мастерски показывают звериный облик кулака-миroeда, которого Наумов считал инородным телом в крестьянской общине. В этих тенденциях Наумова сказывались народническая идеализация общины и непонимание закономерностей развития капитализма в пореформенной деревне.

Наумов тщательно изучал и описывал попытки выступлений бедняцко-середняцкого крестьянства против кулаков и царских чиновников. Творчество Н. И. Наумова имело большое общественное значение, его произведения приобрели всероссийскую известность.

Бывал в Кузбассе и друг Н. И. Наумова, известный публицист Н. М. Ядринцев. Его отчет о поездке в 1878 году по Горному Алтаю и Кузнецкому округу был опубликован в Записках Западно-Сибирского отдела Российского Географического общества. В книге «Сибирь как колония» Ядринцев характеризует историю заселения Кузбасса русскими и взаимоотношения их с коренным местным населением, описывает физический тип, хозяйство и культуру русского населения и «кузнецких татар» — шорцев и телеутов.

В Мариинском округе был видный ученый географ и путешественник Г. Н. Потанин. Он опубликовал в № 6 журнала «Русское слово» за 1861 год статью «О рабочем классе в Ближней тайге». Позднее, в многотомнике «Живописная Россия» в статьях «Завоевание и колонизация Сибири» и «Ближняя тайга», Потанин дает сведения по истории Кузбасса и развитию здесь золотопромышленности.

Потанин, Ядринцев, Наумов были сибирскими областниками. Раннее сибирское областничество складывалось под воздействием идеологии русских революционных демократов и было своеобразной формой проявления революционного народничества 60—70-х годов в Сибири. Его нельзя отождествлять с либерально-эсеровским областничеством 1900-х годов и контрреволюционным эсеровским областничеством 1917—1919 годов, как нельзя отождествлять революционных народников 60—70-х годов с позднейшими либеральными народниками и эсерами. Теоретические основы раннего областничества не выдерживают критики с точки зрения марксизма-ленинизма. Сибирское областничество было одной из разновидностей утопического ненаучного социализма, но вместе с тем оно отражало революционный демократизм крестьянства, боровшегося против пережитков крепостничества в пореформенной Сибири. В этом заключалось его положительное общественное значение.

В 60—80-х годах Кузбасс посетили ряд ученых и путешественников. Проводя этнографические и лингвистические исследования

Алтая, был в Кузбассе известный ученый В. В. Радлов. В 1881—1883 годах две экспедиции ученого А. В. Адрианова занимались этнографическими и геологическими изысканиями в Кузнецком округе. В экспедиции Адрианова участвовал и ссыльный земледелец Д. А. Клеменц, ставший позже крупным ученым-этнографом и геологом.

С начала 60-х годов сократились кабинетские разведки золотых площадей. Но одновременно с этим расширились поиски каменноугольных и железорудных месторождений. Геологические исследования вели Нестеровский, Адрианов, Клеменц, Богданов, Брусицын. Их работы публиковались в Известиях Российского Географического общества, записках Петербургского Минералогического общества и других изданиях.

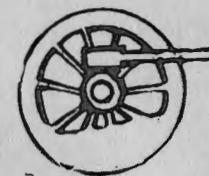
В 1889 году совершает первую поездку по Кузбассу хранитель минералогического кабинета Томского университета А. Н. Державин. Он изучал строение берегов Томи и местность по тракту Томск — Барнаул — Кузнецк.

Горные инженеры, связанные по работе с Кузбассом: Пранг 2-й, Ярославцев, Носов 1-й, Маляревский, Иосса уделяют много внимания изучению экономики и техники горного дела.

Среди активных исследователей Кузбасса появляется все больше имен местных интеллигентов-разночинцев — служащих золотопромышленных компаний, учителей, чиновников, политических ссыльных. Под влиянием Флеровского, Наумова, Блюммера, Клеменца и других политических ссыльных, культура Кузбасса начинает все более окрашиваться в демократические тона. Ленинская «Искра» отмечала: «Всем решительно в Сибири... известно, что добрая половина (если не больше) научного материала о Сибири собрана именно поднадзорными. Оторванные от любимого, живого и дорогого им дела борьбы за счастье своей родины, эти «поднадзорные» свою жажду деятельности перенесли на окружающий их мир неисследованных областей, в которые их забросил господствующий у нас произвол. Достаточно указать на ценные научные труды Ядринцева, Потанина, Клеменца, Богораза, Пекарского и других известных и неизвестных тружеников. А ведь это все были «поднадзорные».

В Кузбассе, как и во всей Сибири, не было почвы для развития реакционной дворянской культуры. Была власть дворянского государства, но не было местного дворянства, как не было и помещичьего землевладения. Хотя в присутственных местах высшие должности и занимали дворяне, но это были, как двусмысленно выражались сибиряки, «навозные» люди, приехавшие в Сибирь за чинами, постоянно мечтавшие о возвращении в Европейскую Россию свысока относящиеся к Сибири и сибирякам. Мало заботилось о развитии культуры в Сибири и полуграмотное местное купечество. Не эти люди, далекие от народа и враждебные ему, определяли культурное развитие Сибири.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ПОСТРОЙКИ СИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ. ПРОНИКНОВЕНИЕ В КУЗБАСС МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА (1890—1904 годы)



В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин подчеркивал, что развитие капитализма вширь, то есть распространение господства капитализма на новые территории, с громадной силой проявилось в России после 1861 года. Кузбасс был одним из районов, в которых широкое развитие капиталистических отношений началось именно в пореформенное время. Могучий толчок этому дала постройка Сибирской железнодорожной магистрали, которая открыла в Кузбасс путь русскому и зарубежному капиталу.

1. Постройка Сибирской магистрали и ее значение

Вопрос о постройке Сибирской железной дороги возник еще в 50-х годах XIX века, когда усилилось освоение Приамурья и Приморья. Но только в 90-х годах царское правительство, встревоженное проникновением американских и английских капиталистов в районы Маньчжурии, прилегающие к русским дальневосточным границам, решило строить Сибирскую магистраль, соединяющую Сибирь и Дальний Восток с Европейской Россией.

В 1891 году были отпущены кредиты на постройку Уссурийской и изыскания Западно-Сибирской линий. На следующий год для руководства стройкой был утвержден Комитет Сибирской железной дороги. В 1893 году было образовано Управление по сооружению дороги. 10 февраля 1893 года Комитет Сибирской железной дороги определил направление, магистрали от Оби на Мариинск вдоль северных окраин Кузбасса. Предложения о прокладке дороги через Кузбасс по отрогам Алтая были отвергнуты: это затрудняло работы и увеличивало их стоимость.

Дорога строилась с лихорадочной быстротой. Уже в 1894 году началось движение поездов на Западно-Сибирской линии. Форсированными темпами сооружалась Средне-Сибирская линия. Постройка Обь-Красноярского участка дороги по северной окраине



Строительство Сибирской железной дороги.

Кузбасса была разрешена до представления в центральные учреждения общего проекта магистрали.

Летом 1893 года строители двинулись на восток от Оби. Это были: крестьянская беднота, выгнанная нуждой из деревни, ссылки-нопоселенцы, вчерашние приискатели Мариинской и Кузнецкой тайги, коренные сибиряки и люди, завербованные на стройку в Европейской России. И все же рабочих не хватало. Тогда на стройку дороги царское правительство бросило около полутора тысяч каторжан Александровской тюрьмы. В 1895 году число рабочих-строителей достигло уже почти 30 тысяч человек. В пределах Кузбасса перед строителями стеной встала вековая тайга. Одну из станций так и назвали Тайгой. В чаще, где были лишь охотничьи тропы, километр за километром ложилось широкое полотно со сверкающими рельсами.

Все металлические изделия, начиная от рельсов и кончая последним гвоздем, доставлялись из Европейской России. Стройка не знала ни машин, ни механизмов. Тысячи и тысячи рабочих лопатами копали грунт, кайлами долбили скалы, тачками вывозили землю, под «дубинушку» забивали сваи мостов.

Множество больших и малых хищников слеталось на эту стройку. Поставка продовольствия, леса, кирпича, бутового камня, подряды на земляные работы, постройка мостов, станционных зданий приносили поставщикам и подрядчикам сказочные прибыли. Не даром В. И. Ленин в статье «Уроки кризиса» писал, что Трансси-

бирская магистраль была великой «не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих»¹. Это же подчеркивал в корреспонденции, опубликованной в газете «Искра», Г. М. Кржижановский, работавший в период ссылки машинистом и помощником начальника депо станции Тайга.

15 февраля 1897 года было открыто временное движение от Оби до Красноярска. А на следующий год по Средне-Сибирской магистрали началось регулярное движение поездов. Таким образом, всего за десять лет, с 1891 по 1900 год — Великая Сибирская железнодорожная магистраль была построена и вступила в эксплуатацию.

Постройка Транссибирской магистрали явилась событием мирового значения. Правительство США выпустило тогда официальное издание «Российская империя и Транссибирский рельсовый путь», в котором развивались соображения о значении Сибирской дороги для увеличения американского экспорта в Сибирь. Газеты и журналы Америки начали широкую публикацию сведений для экспортеров об условиях сбыта товаров в Сибири.

С энтузиазмом встретила постройку Великого Сибирского пути печать буржуазной Франции, заключившей в 1891—1893 годах военный союз с царизмом. Один французский автор сравнивал проведение Сибирской магистрали с открытием Америки. Французские банкиры и промышленники рассчитывали на приложение своих капиталов и вывоз своих товаров в Сибирь.

Строительство Сибирской магистрали отражало существенные изменения, произошедшие в характере мирового и российского капитализма. Новая дорога открывала перед российским и зарубежным капитализмом широкие перспективы приложения капиталов и извлечения прибылей из Сибири.

2. Рост переселения в Сибирь

В конце XIX столетия продолжали обостряться противоречия между развивающимся капитализмом и пережитками крепостничества в сельском хозяйстве. Помещичий гнет, непомерные подати, политическая и гражданская неправомерность крестьян, в частности ограничение свободы переселения, тормозили развитие сельского хозяйства. Часть крестьян, стремясь избавиться от помещичьей кабалы, переселялась в Сибирь. Этому во многом способствовала новая железнодорожная магистраль. В. И. Ленин в статье «Значение переселенческого дела» приводит общие данные о переселении в Сибирь до и после проведения железной дороги: «С 1861 г. по 1885 г. переселилось около 300 000, то есть 12 тысяч в год; с 1886 г. по 1905 г. переселилось около 1 520 000, то есть около 76 тысяч в год...»².

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 5, стр. 82.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 23, стр. 103.

Таежный Кузнецкий округ заселялся медленнее, чем степные пространства. Его заселение отставало даже от Мариинского округа, прилегавшего к Сибирской магистрали.

Вот соответствующие данные о росте населения за 40 лет.

	1858 г.	1897 г.	Процент прироста
Кузнецкий округ	89 551 чел.	161 276	+ 80
Мариинский округ	48 728 »	131 124	+ 169
Барнаульский округ	144 974 »	555 815	+ 284

Царское правительство в интересах помещиков, не желавших лишаться дешевых рабочих рук, всячески тормозило переселение крестьянской бедноты в Сибирь. К тому же, созданное в 1897 году переселенческое управление и администрация Алтайского горного округа были не готовы к размещению массы прибывающих переселенцев.

С начала 90-х годов переселение крестьян на Алтай стало ограничиваться и, наконец, было совсем запрещено. В 1891 году кабинет предписал управлению Алтайского горного округа, в который входила большая часть Кузбасса, не выдавать разрешений на водворение переселенцев, не получив предварительного согласия губернаторов тех губерний, откуда они приехали. К 1896 году в Алтайском округе скопилось до 100 тысяч непричисленных переселенцев. Законом 27 апреля 1896 года предлагалось переселившихся в Алтайский округ причислить к местам нового водворения, а в будущем новоселов размещать в Алтайском округе — с разрешения министра внутренних дел и министра императорского двора. Наконец, в 1898 году дальнейшее образование переселенческих участков в Алтайском округе было вообще запрещено.

В. И. Ленин в своей брошюре «К деревенской бедноте» рассматривал стеснение свободы переселения крестьян как один из пережитков крепостничества и требовал отмены ограничений переселения наряду с ликвидацией всех пережитков крепостничества в пореформенной деревне.

Переселенцы ехали на восток в товарных вагонах. На узловых станциях, особенно в Челябинске, в связи с ограниченной пропускной способностью дороги скапливались в ожидании поездов десятки тысяч человек. После долгих мытарств переселенцы прибывали на станции Обь (современный Новосибирск), Томск, Болотная, Тайга, Мариинск. Им еще предстояло перенести немало мучений, пока, наконец, удавалось обосноваться на определенных участках. Переселенческие участки отводились в тех волостях, где на каждую наличную мужскую душу приходилось свыше 15 десятин удобной земли. Такие участки выделялись или в таежных районах, не освоенных земледельцами, или за счет отрезков у старожилов излишков земли. Наделы давались в постоянное пользование и тут же облагались государственной оброчной податью.

В 1898 году, как отмечалось выше, отвод новых переселенческих участков на Алтае был запрещен, а в 1899 году вышел указ Николая II об ограничении земельных наделов крестьян Алтайского округа. Под напором стихийного переселенческого движения царь вынужден был уступить казне свои вотчинные права на земли, которые отводились старожилам и причисленным уже переселенцам (непричисленные наделы не получали). Все сборы с крестьян, получивших земельные наделы, шли государственному казначейству, от которого кабинет получал соответствующее вознаграждение. Всего до 1906 года крестьянам перешло 21,5 млн. десятин из 41 млн. десятин Алтайского округа. С 1884 по 1906 год здесь было устроено 403 770 переселенцев мужского пола, которые получили до 6 млн. десятин земли. Причем две трети переселенцев были устроены на землях старожилов и лишь одна треть — на отдельных участках.

С 1898 года в Сибири введен институт крестьянских начальников, соответствовавших земским начальникам в Европейской России. Они осуществляли государственное дворянское руководство и надзор за деятельностью волостного и сельского управления и, кроме того, ведали устройством переселенцев. Таким образом крестьянин, с величайшим трудом добравшийся до Сибири с расчетом получить землю, которой его лишили помещики в Европейской России, снова встречал здесь помещика, на этот раз в мундире крестьянского начальника. После образования переселенческих участков и утверждения их особыми междудементальными комиссиями, участки поступали в ведение крестьянских начальников, они же разрешали вступление новоселов в общества старожилов.

По положению 25 июня 1903 года крестьянские начальники стали распоряжаться выдачей ссуд переселенцам.

Наряду с переселением крестьян из Европейской России в Сибирь проходило также, хотя в несравненно меньших размерах, внутреннее переселение старожилов. Часть их, особенно сектанты и староверы, продолжала уходить в наиболее глухие, таежные места. Так, в начале XX века из 145 644 жителей Кузнецкого уезда (без Кузнецка) 2270 были сектантами и старообрядцами; а из 160 795 жителей Мариинского уезда (без Мариинска) — 2041.

Старообрядцы и сектанты, осевшие на Алтае, выработали особые хозяйственные навыки, своеобразный хозяйственный уклад, в котором наряду с земледелием и скотоводством видное место занимали таежные промыслы — охота, рыбная ловля, сбор орехов, пчеловодство, тайная добыча золота. Эти занятия требовали значительных земельных просторов и с наплывом на Алтай переселенцев, часть старожилов стала переселяться в горные долины юга Кузнецкого уезда и Мариинскую тайгу. В их среде росло расслоение. Более зажиточные хозяева усиливали эксплуатацию бедных единоверцев, а также шорцев и телеутов.

Одновременно с этим шел процесс переселения части шорцев в Минусинскую степь, где они начали заниматься скотоводством и земледелием.

3. Рост товарности сельского хозяйства

По данным переписи 1897 года в Кузбассе жило 288 239 крестьян: 155 682 в Кузнецком округе и 129 557 — в Мариинском, что соответственно, составляло 71,3 и 79,6 процента всего населения этих округов. В то же время неземледельческие промыслы были развиты здесь шире, чем в других округах Томской губернии. Так, в Кузнецком округе неземледельческими промыслами занималось 10 процентов крестьян, в Мариинском — 9,6, а в целом по Томской губернии лишь 7,7 процента.

В конце XIX столетия на 75 013 мужских душ Мариинского округа было 1 092 710 десятин, или по 14,5 десятины на душу. В большинстве волостей Кузнецкого округа приходилось свыше 20 десятин на душу, а в Бачатской и Тарсминской волостях даже 30—40 десятин. В это же время стали подвергаться уравнильной мировой разверстке лучшие сенокосы, появляются общие покотины.

Землепользование, как и прежде, оставалось в основном захватомозаимочным. 95,5 процента посевов занимали зерновые.

Мариинский и Кузнецкий округа, вместе взятые, производили в 90-х годах в среднем 11 с небольшим миллионов пудов зерна ежегодно.

Ржи, пшенице, овсу принадлежало 97 процентов валового сбора зерновых и 92 процента посевных площадей.

Наибольший удельный вес в севообороте принадлежал озимой ржи (28 проц. всех посевов), так как эта культура давала наиболее устойчивые урожаи в лесистых местностях, занимавших в то время основную территорию области.

Сеялось также много овса, находившего большой спрос на рынке вследствие развитого извоза. Овес культивировался главным образом в местах, прилегающих к Главному Сибирскому тракту.

Третье в севообороте, а по валовому сбору второе место занимала пшеница, посевы которой расширялись по мере продвижения на юг и смены болотистых и лесных мест более теплыми и открытыми равнинами. В Кузнецком же округе получили распространение посевы яровой ржи, дававшие наиболее высокие урожаи.

В конце 90-х годов свыше 10 процентов зерновых вывозилось за пределы Кузбасса. Наиболее товарной культурой была пшеница, за ней следовали овес и рожь.

Что касается скотоводства, то оно носило экстенсивный характер. Усиленно разводились лошади и овцы. Особенно много лошадей держали крестьяне притрактовых сел. Население более отдаленных мест разводило лошадей для нужд своих хозяйств и продажи в притрактовые селения и Восточную Сибирь. Рогатый скот сбывался «на ногах», живьем, из-за отсутствия местного спроса на мясо-молочные продукты.

В горных волостях преобладала лошадь кузнецкой или калмыцкой породы, менее рослая, чем киргизская, но зато более сильная и привычная к езде по горам. На тракте была распространена ло-

Скотоводство в Мариинском и Кузнецком округах (среднее поголовье в 1890—1897 годах)

	Всего скота, тысяч голов				Количество скота на двор			
	лошадей	рогатого	овец	свиней	лошадей	рогатого	овец	свиней
Мариинский округ . . .	98	67	112	38	5,5	3,8	6,4	2,1
Кузнецкий округ . . .	144	107	149	37	6,2	4,6	6,5	1,6

шадь простой сибирской породы из Барабы, отличающаяся силой и выносливостью.

Рогатый скот был мелким и малопродуктивным. В степях и лесостепных районах разводилась порода киргизских и калмыцких коров. Наиболее известной породой свиней являлась обыкновенная русская — небольшая, со стоячими ушами. В 70-х годах переселенцами были завезены так называемые «вислоухие», или «чухонские» свиньи, далеко превосходившие весом и ростом местных свиней. Овцы принадлежали к мелкой «сибирской» породе и продуктивность их была крайне мала.

Проведение железной дороги нанесло серьезный удар по извозному промыслу. Стадо крупного рогатого скота начинает расти быстрее, чем число лошадей.

Росту товарности сельского хозяйства способствовал и приток переселенцев в Кузбасс. И не только потому, что новоселы, остро нуждающиеся в деньгах на обустройство хозяйства, больше выбрасывали на рынок хлеба и других продуктов, но также потому, что часть их, особенно в первые после приезда в Сибирь годы, покупала хлеб.

Происходит переворот в патриархальном быте крестьян северных волостей Кузбасса. Корреспондент журнала «Сибирские вопросы», описывая в 1908 году жизнь крестьян Кемерово, Пачинского и других старожилов сел, отмечал, что раньше у зажиточных крестьян «хлеб годами лежал в кладях необмолоченным, так как амбары были полны зерном и его некуда было ссыпать. Мед годами стоял в бадьях по амбарам... Деньги, как и хлеб, копились и складывались по горшкам в подпольях и в калаушах (узелках) по сундукам... Мужик решительно ничего не знал за пределами своей околицы, ничего не слышал о том, что делается на белом свете... Прошла железная дорога и вихрем ворвалась в деревню, требуя от нее рабочих рук, поставок хлеба, скота, разных продуктов, выбрасывая в деревню густые массы новых пришлых людей, ищущих земли и требующих потесниться; та же дорога стала развозить по деревням бойких людей, что-то разыскивающих, что-то высматривающих, вовлекающих в какие-то дела. И втянутый в эту полосу мужик завертелся, ничего не понимая»¹.

¹ А-в. Сибирские негативы. — «Сибирские вопросы», 1908, № 19—20, стр. 59—60.

В Кузбасс, как и в другие районы Западной Сибири, нахлынули скупщики сельскохозяйственного сырья, агенты русских и иностранных торговых фирм. За пять лет, с 1895 по 1900 год, перевозки хлеба по Сибирской магистрали поднялись с 603 тысяч до 18 млн. 145 тысяч пудов. Быстро росли села, прилегающие к магистрали: Поломошное в начале нового века уже насчитывало 500 жителей, Ижморское — 650, Бериккуль — 950, Суслово — 1900, Тяжин — 1200, а Итат — свыше 2,5 тысяч жителей. На одноименных станциях ежегодно грузились десятки тысяч пудов овса, ржаной и пшеничной муки. До 300 тысяч пудов хлебных грузов ежегодно отправлял Мариинск. В селах Брюханове, Коураке, Салаирском, Искитимском и других, расположенных сравнительно далеко от магистрали, открывались ярмарки, где сбывались мед, пушнина, кедровый орех и другие продукты, выдерживающие дальнюю гужевую перевозку.

Расширялась регулярная торговля. В конце XIX столетия в шести волостях Мариинского уезда насчитывалось 193 торговых заведений, в том числе три винных склада, 46 питейных заведений, 54 мануфактурных и 84 мелочные лавки. Их владельцами были томские и местные купцы, мещане и богатые крестьяне. Завоз более дешевых фабричных товаров по железной дороге подрывал некоторые отрасли мелкотоварного производства, развитые в отдельных селах Мариинского уезда. Здесь упал извозный промысел, сократилось производство саней, телег, дегтя, сбури; стало меньше заготавливаться сена, исчезло «дворничество» — содержание постоянных дворов для обозников.

Товарность сельского хозяйства Кузбасса после проведения железной дороги значительно выросла, но львиная доля денег, выручаемых от продажи сельхозпродуктов, попадала в руки скупщиков, а не тех, кто непосредственно производил эти продукты. Вереница мелких, средних и крупных торговцев выстроилась между производителями хлеба, масла, меда и потребителями этих продуктов. Скупщики орудовали в селах, деревнях, на базарах и ярмарках, отправляя десятки тысяч пудов хлеба на внутренний и мировой рынки.

Скупкой хлеба и других продуктов нередко занимались зажиточные крестьяне, получая при этом свою долю торговой прибыли.

Вместе с тем и здесь, в хлеботорговле, российский помещик вставал поперек дороги сибирскому мужику. Наплыв дешевого сибирского хлеба грозил снижением цен на зерно в Европейской России. В 1896 году российские помещики добились установления так называемого челябинского тарифного перелома, благодаря которому стоимость провоза каждого пуда хлеба из Западной Сибири до балтийских портов повышалась на восемь-десять копеек. Таким образом новый железнодорожный тариф закрывал сибирскому хлебу выход в Европейскую Россию.

Рост товарности сельского хозяйства способствовал дальнейшему расслоению крестьянства.

Зажиточные крестьяне стали заводить машины, расширяли за-

пашку, нанимали батраков и сбывали на рынок все больше хлеба, мяса, масла. Наличие рабочей силы в лице ищущих заработка переселенцев особенно благоприятствовало росту кулацких хозяйств.

Эксплуатация кулацкой верхушкой переселенческой и старожильской бедноты приводила к углублению антагонизма между этими группами сельского населения. Но в канун нового века наиболее острой оставалась общая борьба крестьян против кабинетского землевладения и налогового гнета. Продолжался захват крестьянами пустующих кабинетских и казенных земель. Крестьяне отказывались от уплаты податей. Распространялись слухи об отмене налогов.

Бесчисленные пережитки крепостничества, гнет царских чиновников, русских и иностранных скупщиков сельскохозяйственного сырья, рост противоречий между кулачеством и беднотой, все это накопило в деревне Кузбасса массу горючего материала, ярким пламенем вспыхнувшего в годы первой русской революции.

4. Проникновение монополистического капитала в промышленность

В связи с постройкой Сибирской железной дороги горные чиновники кабинета начали разрабатывать проекты добычи угля для нужд транспорта. Были приняты меры для устранения возможных конкурентов в виде мелких промышленников, добывавших уголь по берегам Томи и сплавлявших его в Томск. В 1893 году кабинет предложил местному начальству прекратить отводы угольных месторождений частным лицам и отобрать прежние отводы под предлогом невыполнения промышленниками требований о правилах разработки угольных месторождений. Действительно, мелкие промышленники, добывали уголь хищнически, но кабинетское начальство стало придавать этому значение, лишь когда задумало само взяться за добычу угля. Кабинет организовал разведку расположенных у магистрали известных угольных месторождений по речкам Балахонке и Выдрихе и в окрестностях старой Кольчугинской копи. Были выявлены большие залежи угля по Выдрихе и Балахонке, но кабинет не решился браться за их разработку вследствие технических трудностей. Громадные, легко доступные запасы прекрасного угля были обнаружены у Кольчугина. Но для вывоза угля надо было строить железнодорожную ветку. Опасаясь хлопот и расходов, кабинетское начальство дальше разведок угля не пошло. На первых порах железная дорога нанесла удар и по местной промышленности. Гурьевский завод утратил былое монопольное положение на западно-сибирском рынке и не мог конкурировать с предприятиями Европейской России, изделия которых хлынули в Сибирь. В связи с нерентабельностью в 1897 году закрылись Салаирские рудники и Гавриловский сереброплавильный завод. Гурьевский завод

и Кольчугинские копи были сданы в аренду «Обществу Восточно-Сибирских чугуноплавильных, железоделательных и механических заводов». У кабинета остались лишь Егорьевские и Салаирские золотые прииски.

Крупнейшие золотопромышленные компании на кабинетских землях Кузбасса — «Алтайское золотопромышленное дело» (К^о Асташева) и «Южно-Алтайское золотопромышленное дело» (К^о Мальцева) стал прибирать к рукам барон Г. Гинцбург, тесно связанный с английскими банками, пайщик известной компании «Лена-Гольдфильдс». Через Гинцбурга английский капитал получил косвенное влияние на дела крупнейших золотопромышленных компаний Южного Кузбасса.

Ранее пожалованные царским придворным прииски один за другим возвращались кабинету, как выработанные. На некоторых из них еще можно было с успехом вести механизированную добычу золота, но тратить средства на разведку и заниматься хлопотным, малоприбыльным делом у именитых господ не было желания. Другие прииски уступались купцам-золотопромышленникам. Так, богатый Аннинский прииск, в 1880 году подаренный Александром II графу Баранову, в 1904 году уже принадлежал К^о Даниловых. Владимировский прииск, отведенный в 1881 году генерал-адъютанту Паткулю, в 1898 году был возвращен кабинету и сдавался последним в аренду разным лицам. Свято-Духовский прииск, подаренный в 1864 году графу Адлербергу, в 1904 году уже принадлежал томскому купцу И. М. Миллеру. Ольгинский прииск, подаренный в 1869 году Дуббельту, в 1904 году принадлежал товариществу «Зауралье».

К этому времени относится появление в Кузбассе и ученых, разведчиков иностранного монополистического капитала. В немецких, французских, английских, американских журналах и сборниках стали появляться статьи о богатствах недр Кузнецкого и Мариинского округов.

В 1893 году французское «Сибирское металлургическое и горное общество» получило разрешение царского кабинета на проведение осмотра и разведок железорудных месторождений в Кузнецком округе. Общество пыталось вести переговоры с кабинетом о предоставлении в концессию железорудных месторождений.

Бельгийский инженер А. П. Качка, доверенный генерала Мальчевского, образовавшего компанию бельгийских капиталистов, в 1895 году интересовался золотыми месторождениями в Мариинском округе. Французский инженер Дегей, представитель компаний французских горнопромышленников, летом 1898 года осматривал Гурьевский завод, копи Михельсона и Лебедянского товарищества. Французский горный инженер де Маре в 1899 году побывал на Судженских копиях Михельсона, на Анжерской копи, на Гурьевском заводе и в Салаире.

Видный железнодорожный делец С. И. Мамонтов, рассчитывая наладить в Сибири производство рельсов и добычу угля для желез-

ной дороги, создал «Общество Восточносибирских чугуноплавильных, железоделательных и механических заводов» с основным капиталом в три миллиона рублей.

В 1897 году Общество заключило с кабинетом два договора. По одному из них кабинет предоставлял в аренду Обществу Кольчугинские каменноугольные копи и железорудные месторождения в бассейнах рек Тельбеса, Сухаринки и Одры. По второму договору Общество брало в аренду на 24 года Гурьевский завод, Бачатскую каменноугольную копи, Юрманский, Ариничевский и Вагановский железные рудники. За аренду завода Общество обязалось уплачивать кабинету по 14 тысяч рублей в год и, кроме того, по три копейки за каждый пуд выплавленного чугуна и по четверти копейки за каждый пуд добытого для нужд завода угля. Общество предполагало проложить от Кольчугина до Томска железную дорогу. Оно составило проект постройки в Гурьевске нового большого металлургического завода. Однако мировой экономический кризис, начавшийся в 1899 году и захвативший Россию, перепутал все эти планы. Мамонтов обанкротился, а созданное им общество развалилось. Гурьевский завод снова перешел в ведение кабинета и влячил жалкое существование вплоть до консервации в 1908 году. Если в 1895 году выплавка чугуна на заводе составила 170 тысяч пудов, то в 1905 году она упала до 49 тысяч пудов.

Единственная домна стояла по несколько месяцев в году. С завода были вывезены паровые двигатели. Зато продолжали работать вододействующий молот и воздуходувки, которым давно было пора на слом. В 1904 году на заводе было занято всего 270 рабочих.

Печальное зрелище представляли железные рудники и каменноугольные копи завода. Все имущество и оборудование Бачатской угольной копи в 1897 году было оценено в 445 рублей 96 копеек. Здесь был один дом с баней, переделанной в кузницу, конный и три ручных ворота, семь бадей, 20 кайл, четыре лопаты, 12 молотов, шесть клиньев и четверо носилок.

На Кольчугинской копи в 1900-х годах действовали шахты «Успех» и «Николаевская», оборудованные конными воротами. На шахте «Успех» работал паровой насос мощностью в пять лошадиных сил. Имелись эстакады, сортировочные устройства, шесть примитивных коксовых печей. В 1906 году на копи трудилось 50 подземных и 40 поверхностных рабочих, которые добыли 474 920 пудов угля и приготовили 5400 пудов кокса.

Небольшие по размерам, технически отсталые, удаленные от железной дороги предприятия кабинета не могли конкурировать с более мощными и современными предприятиями Урала и Центральной России.

Ведущие города современного Кузбасса в начале 1900-х годов были неизвестными селами и деревнями. Так, деревня Кемерово насчитывала 41 двор и 212 жителей, село Прокопьевское — 114 дворов и 628 жителей, улус Осинковский — 85 дворов и 390 жителей, село Кольчугинское — 108 дворов и 394 жителя.

Предприниматели, стремившиеся к максимальным прибылям, пренебрегали богатейшими месторождениями каменного угля в центре и на юге Кузбасса, так как эксплуатация их была невозможна без строительства железнодорожной ветки. Зато они спешили сделать заявку на угольные месторождения, расположенные в непосредственной близости от Сибирской магистрали.

«Южно-Уральское металлургическое общество», работавшее на бельгийские капиталы, взяло отвод к югу от Анжерских копей, рассчитывая получать здесь кокс и отправлять его на Урал, но оказалось, что уголь Анжеро-Судженского месторождения не поддается коксованию.

В 1894—1895 годах управление Томского горного округа представило отводы для разведок каменного угля по берегам Мазаловского Китата и Алчедата чиновникам Средне-Сибирской дороги Зелинскому и Корвин-Сакевичу. С помощью томского купца-винокура Андроновского, последний организовал «Лебедянское товарищество», которое было ликвидировано в 1902 году из-за недостатка средств.

В 1896 году Зелинский продал свой отвод — Алчедатскую копию — товариществу Перфильева, Ремейникова и Михельсона. Перфильев был чиновником, коллежским секретарем. Ремейников — купцом из Омска, Михельсон — предприимчивым петербургским адвокатом, потомком небезызвестного Михельсона, руководившего военными операциями против Е. И. Пугачева. Потомка жестокого карателя давно привлекало сибирское золото. Он приобрел восемь приисков, а в 1897—1898 годах его служащие занялись разведкой железных руд на севере Кузбасса. Но вскоре Михельсон решил, что наибольшие прибыли ему сулят разработки каменного угля. В 1897 году он скупил пай у Перфильева и Ремейникова и стал единственным владельцем Судженских копей. Михельсон сумел обогнать конкурентов, захватив в свои руки подряды на поставку угля для железной дороги. Агенты Михельсона не брезговали подкупом машинистов и кочегаров, чтобы те давали хорошие отзывы о качестве угля.

Обеспечив рынок сбыта, Михельсон принялся развешивать угледобычу. Он не строил больших шахт, сооружение которых требовало значительных капиталов и времени. Одна за другой закладывались неглубокие шахты небольшого поперечного сечения. Шахтеры долбили уголь кайлой, вручную катали вагонетки с углем к стволу шахты, конным воротом поднимали уголь на-гора.

Когда шахта углублялась саженей до 25, приходилось ставить паровые машины для подъема угля, устраивать паровые насосы для откачивания воды, заливавшей выработки. В 1900 году на копиях Михельсона действовало девять паровых котлов, две паровые лебедки по восемь и десять лошадиных сил, подъемная машина в 25 сил, пять насосов Вортингтона. Для доставки угля на магистраль была проложена ветка от копей к станции Судженка.

Почти одновременно с Судженскими копиями, поблизости от них в 1898 году возникли казенные Анжерские копи, являвшиеся вспомогательным предприятием Сибирской дороги. На Анжерских, как и на Судженских, копиях уголь выхватывался хищнически. Забойщики вручную кайлой рубили уголь в узких забоях-заходках. В санках-корытках он доставлялся к откаточным штрекам, где были настланы рельсы. Вагонетки, вмещавшие по 25 пудов угля откатывались опять-таки вручную. На Анжерских копиях имелась электростанция, подъемники. Водоотлив и вентиляторы приводились в движение электричеством, но подземные выработки освещались исключительно переносными лампочками «бог в помощь» или бензиновыми лампочками Вольфа.

Ограниченность рынка сбыта, недостаточная разведанность угольных месторождений, нежелание предпринимателей тратить большие средства на разведку и проведение веток к магистрали привели к тому, что большинство русских и иностранных капиталистов, которые начали было расхватывать угленосные участки на севере Кузбасса, отказались от их разработки. Действовали лишь Анжерские и Судженские копи, снабжавшие топливом железную дорогу.

Как и раньше, более простым и прибыльным делом для капиталистов представлялась эксплуатация золотых россыпей и жил. Прокладка железной дороги позволила завозить на прииски импортное оборудование для механизированной добычи золота — драги, гидравлики, моторы. С 1900 годов в Мариинском округе по речке Шалтырь-Кожух на приисках товарищества, а позднее акционерного общества «Драга», стали работать две драги, которые были привезены из Новой Зеландии. Такая же драга действовала на прииске Асташева в бассейне Кии. В 1898 году был разрешен десятилетний беспошлинный ввоз драг, гидравлик и других механизмов для золотых приисков Сибири и Урала.

Технические конторы и склады И. Эмери, А. В. Бари, С. Брей и Г. Гильберт, обосновавшиеся в Томске, снабжали золотые прииски и угольные рудники Кузбасса американскими паровыми котлами, паровыми насосами и другими импортными механизмами.

Оборудование для Богомдарованного рудника Иваницкого, расположенного в отрогах Кузнецкого Алатау, было приобретено в Германии и США.

Мелкий золотопромышленник Кузнецкого округа Е. А. Черкасов в 1899—1900 годах изобрел и с успехом применил гидравлическую установку «водобой» для размыва золотоносных пластов. Водобой Черкасова переняли Кузнецовы и другие золотопромышленники.

Таким образом, в начале XX века золотопромышленность Мариинского и Кузнецкого округов начала частично переходить из мануфактурной стадии на стадию машинной индустрии. За 11 лет, с 1893 по 1904 год, число водяных двигателей на приисках Западной Сибири сократилось с 56 до 8, а число паровых двигателей и локо-

мобилей выросло с 1 до 14. Однако успехов механизации золотодобычи не следует преувеличивать: как и раньше золотодобыча велась хищнически, на наиболее богатых участках, путем нещадной эксплуатации приискателей. Возможность завоза механизмов на прииски позволяла использовать и площади с небольшим содержанием золота. Капиталисты, особенно иностранные, быстро оценили выгоды механизированной разработки россыпей и месторождений рудного золота, начатой на рудниках Иваницкого и других русских предпринимателей.

В 1898—1899 годах мелких русских золотопромышленников Мариинского округа охватила спекулятивная горячка: они наперебой подавали заявки на золотоносные площади, с тем, чтобы затем не без выгоды для себя перепродать их иностранцам.

В 1901 году учреждается акционерное общество «Драга», куда, кроме Н. В. Асташева и других русских золотопромышленников, вошли иностранцы И. А. Хейн, Е. К. Кнорре и Ф. Жилье. Основной капитал общества составлял 500 тысяч рублей. Общество было учреждено «для добычи золота, платины и других сопровождающих их металлов на принадлежащих т-ву «Драга» приисках в Томской и Енисейской губерниях». Тогда же в Мариинской тайге начало действовать английское акционерное общество под названием «Сибирское золотопромышленное общество с ограниченной ответственностью».

Сюда же проникает крупная немецкая фирма Вогау, которая стояла у колыбели «Общества для обследования и устройства предприятий в России», раскинувшего свою сеть во многих районах Европейской и Азиатской России. В долине реки Кии компания Вогау купила за 600 тысяч рублей группу приисков, содержащих богатое россыпное и рудное золото.

Царское правительство и буржуазия угодливо предоставляли все условия для проникновения иностранного капитала в Сибирь. Открыто стояли за это и либеральные сибирские областники 90-х годов. Так, например, в передовой томского журнала «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще» за 1899 год можно было прочесть такие строки: «Ничего нет особенно исключительного в том, что неученую Россию нужно учить... А раз это так, необходимо, обратиться к иностранцам с челобитной: «Приходите княжити и володети нами».

И только Октябрьская революция избавила Сибирь от угрозы превращения ее в полуколонию зарубежного империализма.

5. Формирование пролетариата в 1890—1904 годах

Иностранный и русский капитал, развертывая свои операции в Кузбассе, невольно способствовал росту своего могильщика — рабочего класса. В конце XIX столетия здесь начинает складываться прослойка кадровых рабочих: железнодорожники Томской дороги,

шахтеры Анжерских и Судженских угольных копей, рабочие золотых приисков.

Формирование рабочих кадров Кузбасса происходило в обстановке перехода от домонополистического к монополистическому капитализму, от капиталистической мануфактуры к крупной машинной индустрии. Последний процесс проходил в Кузбассе несколько позже, чем в старых промышленных центрах России, и это накладывало свой отпечаток.

Своеобразие условий Кузбасса заключалось в том, что кадры рабочих росли не столько за счет местной старожильческой, сколько за счет переселенческой бедноты. Безысходная нужда гнала ее на стройку железной дороги, на шахты и прииски, заставляла браться за самую тяжелую и плохооплачиваемую работу.

В Кузбасс прибывали рабочие, набранные во всех концах страны. На шахтах Михельсона работали татары-приискатели с Урала. На строительстве и эксплуатации железной дороги трудились машинисты, слесари и рабочие других специальностей из Центральной России. Часть рабочих приходила на новые предприятия с угасавших металлургических заводов и рудников царского кабинета, кабинетских и частных приисков.

Развитие капиталистической угольной промышленности с самого начала сопровождалось более высокой концентрацией рабочих, чем на золотых приисках. Крупнейшими угольными предприятиями Кузбасса того времени были расположенные у Сибирской магистрали Анжерские и Судженские копи. Уже в 1900 году на Судженских копиях было занято 600, а на Анжерских до 1500 рабочих. Это были вчерашние крестьяне-старожилы окрестных деревень, переселенцы из Европейской России, ссыльнопоселенцы. На копиях трудилось немало тобольских, тюменских и казанских татар. После закрытия Салаирских серебряных рудников кабинета сюда перебрались горняки с семьями.

Работа велась артелями от 50 до 200 человек. Нередко такую артель составляли земляки или люди одной национальности, например, татары. Во главе стоял артельщик — мелкий подрядчик, немало наживавшийся на приеме и всяческих притеснениях рабочих. И все же артель не являлась случайным сборищем людей, набранных лишь по усмотрению артельщика и всецело от него зависящих. Независимо от воли и желания администрации артель скоро становилась объединением рабочих, защищавшим и отстаивавшим их кровные интересы.

На копиях Михельсона работа велась в три смены по восемь часов. Горняк, отработав смену, через восемь часов снова должен был идти в забой. Зарабатывал шахтер до полутора рублей в день, но часть этих денег уходила на штрафы или оказывалась в кармане артельщика.

Почетный шахтер с Анжерской шахты № 5-7 И. Великосельский, вспоминая о работе на копиях Михельсона, рассказывает: «Вместе с односельчанами несколько зим я приходил на шахту, мечтая о за-

работке. В 1904 году пришел сюда совсем, потому что отцовское хозяйство вконец разорилось. Выпив немало водки, михельсоновский артельщик Ермолай Попов принял меня откатчиком... Мне нужно было откатывать по 23 вагончика на 600 сажень, а в каждом вагончике по 35 пудов угля. Катали не по рельсам, а по деревянному настилу. Помню, целую неделю я успевал откатывать только по 15—18 вагонов. У меня все браковали и ни копейки не платили. Вот я и катал бесплатно, все боялся, что выгонят. Видя мои страдания, забойщик Афанасий Лаптев помогал мне. Он же посоветовал настлать железо. Пришлось продать шубу и купить лист железа.

Еще два листа взял под заклад у купца... Чтобы попасть в забойщики, опять пришлось поставить самогонку артельщику... Меня направили в породный забой и сказали: «Пройди сажень». Сколько ни старался, а обушок, словно горох, от стены отскакивает. Приходит артельщик, ругается, на вторую упряжку оставил. Больше суток я долбил, а порода не поддавалась. А артельщик после смеется: «Молодец, Великосельский. Ты устоял, хоть зря долбил. Мы просто проверяли тебя. Старательный мужик». — У меня сердце замерло, обидно стало за насмешку.

Потом поставили на проходку вентиляционной печи. Я должен был вынимать из нее уголь и отгребать на расстояние 30 метров. Все это, конечно, вручную. Измучаешься, вылезешь из шахты (тогда не клетью выезжали, а лезли ходком), а мыться негде, бани нет. Грязные, намокшие, бежим по морозу за несколько верст домой. Мало того, что работать приходилось не по силам, а тут еще из своего заработка надо купить масло и фитиль к лампе «бог в помощь», тратиться на спецодежду, инвентарь».

Новичкам обычно поручали таскать корытку с углем от забоя до откаточного штрека. Корытки, или как их еще называли, санки, представляли собой ящик, вмещавший 15—16 пудов угля. Люди на четвереньках тянули их за цепь до штрека. Много силы и сноровки требовала профессия забойщика. Согнувшись в три погибели, работал он кайлой при слабом свете свечи или лампочки-коптилки «бог в помощь» в пыльном и душном забое. Спецодежды не полагалось. Брезентовые шахтерки и сапоги горняки приобретали за свой счет. Масло для лампочек и свечи тоже покупали сами. Даже стоимость инструмента администрация высчитывала с шахтеров.

Артельщики и штейгеры занимались приписками, получая от конторы деньги на оплату фактически не произведенных работ. При этом артельщик не забывал поделиться с начальником шахты, который за это покрывал его плутни. С согласия администрации артельщики практиковали запрещенную законом расплату с рабочими талонами на получение товаров в частных лавках. Это ставило горняков в безвыходное положение, заставляя их брать у лавочников товары, невзирая на повышенные цены и низкое качество. На копейках ютилось множество шинкаров, торговавших водкой. Каждая получ-

ка у горняков сопровождалась массовым пьянством, драками и даже убийствами. Это объяснялось не какой-то особой склонностью шахтеров к разгулу и буйству, а беспросветными условиями их жизни. Тяжелой и опасной была их работа, мало хорошего видели они и в короткие часы отдыха.

Вокруг Судженских и Анжерских копей, как грибы после дождя, росли бараки и землянки. Приходилось пить грязную шахтовую воду. Не хватало бань. Тротуаров не было — в дождь и распутицу люди вязли в грязи. Не имели представления жители поселков ни о клубах, ни о кино, ни о библиотеках.

Значительный и наиболее рано сложившийся отряд рабочих Кузбасса представляли приискатели. В последнем десятилетии XIX века на золотых приисках Мариинского и Кузнецкого округов было занято 5—5,5 тысячи рабочих. Но они были, как правило, разбросаны по многим мелким, затерянным в тайге, приискам. Например, в 1892 году в Мариинском округе действовал 71 прииск. На каждом прииске было занято в среднем по 17 рабочих. Даже на приисках таких крупных компаний, как «Алтайское дело» и «Южно-Алтайское дело», число рабочих не превышало в среднем ста человек.

Среди приискателей сложилась значительная прослойка кадровых рабочих, порвавших с сельским хозяйством и связавших свою жизнь с приисками. Они уже не отправлялись в тайгу на сезонные заработки, а окончательно бросив деревню, с семьями перебирались в приисковые поселки.

Приисковые рабочие делились на хозяйских, отрядных, золотничников и летучку. Хозяйские рабочие, составлявшие в 1892 году четыре пятых общего числа приискателей, были заняты на работах, проводимых администрацией прииска, — добыче песка в разрезах и ортах или золотоносных руд в штольнях и шахтах, промывкой песков, обработкой руды на толчеях и бегунах. Рабочие занятые на вскрыше, выполняли определенные уроки. Например, артель из трех забойщиков и возчика с двумя лошадьми была обязана выдать за день три кубических сажени песков, а артель из двух забойщиков и возчика на одной лошади — две кубических сажени. Выполнив дневной урок, рабочие, если не падали от усталости, спешили заняться старательскими работами: промывали вручную пески в бортах, отвалах и других местах, разрешенных администрацией. Это давало дополнительный заработок и ради него приискатели лишали себя последних часов отдыха. Таким образом, крупные хозяйские работы сочетались с мелкими старательскими, имевшими вспомогательное значение. Так, в 1892 году рабочий «Южно-Алтайского дела» получал в среднем 218 рублей в год, в том числе 20—30 рублей за старательское золото и 14 рублей — за подъемное. На остальных приисках Кузнецкой тайги рабочие получали в среднем по 140 рублей за летнюю операцию, в том числе 14 рублей за старательское и подъемное золото. Хозяйские рабочие зарабатывали больше отрядных и золотничников и находились в несколько лучших бытовых условиях.

Отрядные рабочие работали у подрядчиков. Крупные золотопромышленники давали на разработку подрядчикам участки, на которых было невозможно или рискованно вести хозяйские работы. Отрядный рабочий находился под двойным гнетом — владельца прииска и подрядчика. Его заработок был значительно меньше, чем хозяйского, а бытовые условия — хуже.

Еще тяжелее приходилось золотничникам. Их артели копались на выработанных приисках, невыгодных для хозяйских разработок.

Обычно золотопромышленники сдавали такие прииски в аренду мелким промышленникам, которые в свою очередь нанимали для работы артели приискателей. Иногда мелкие предприниматели брали на себя выработанные прииски, от которых отказались крупные компании, и открывали их для золотничников. Последние на свой риск и страх разрабатывали борта, отвалы, оставшиеся целики. Все добытое золото артель была обязана сдавать хозяину по определенной цене. Большие доходы хищники-золотопромышленники получали от торговли, так как владели монопольным правом продажи товаров, продовольствия и, главное, водки своим рабочим. Нередко эти мелкие хозяйчики занимались тайной скупкой краденого золота от приискателей соседних приисков.

Рост числа золотничников свидетельствовал о частичной деградации золотопромышленности.

Приисковые рабочие легко переходили из одного разряда в другой. Тот, кому не удавалось наняться на хозяйские работы, шел к подрядчику, становился золотничником или занимался вольной добычей золота, постоянно рискуя быть схваченным горной стражей.

В необычайно теплую зиму 1898—1899 годов безработные приискатели и крестьяне деревень по берегам Кии поголовно занялись нелегальной добычей золота в долине реки. Золото сбывалось скупщикам в Тисуле, Чумае, Шестакове. За многие годы промысла вольными приискателями было открыто большинство золотоносных месторождений Мариинской и Кузнецкой тайги.

Как отмечалось, хозяйские рабочие составляли большинство приискателей. В связи с начинающейся механизацией золотопромышленности на приисках появились рабочие, обслуживающие паровые двигатели, локомобили, драги, гидравлики, толчейные и бегунные установки. Но кайла, лом и лопата все еще оставались основными орудиями труда. Работа наиболее квалифицированной и высокооплачиваемой категории приисковых рабочих — забойщиков требовала не только определенных навыков, но прежде всего незаурядной физической силы и выносливости.

Рабочий день на приисках продолжался в летнее время 10—12 часов. Наиболее сильные и выносливые забойщики и те не выдерживали столь изнурительной работы более десяти лет.

Вот что пишет один из очевидцев о труде приискателей того времени: «В душных, сырых коридорах, еле освещенных во время работы свечами, слышатся только глухие удары кайла, ломов и лопат о землю; земля сваливается в тачки и по «выкатам», продол-

ным доскам, посланным на сырой земле, иногда покрытой водой, вывозится откатчиками к выходу из орты, где складывается в таратайки и отвозится на золотопромысловую машину... В дождливые, холодные дни, столь нередкие в тайге и летом, вид разреза в рабочее время малопривлекателен: по грязной дороге в разрезе плетутся усталые лошади. Утопая в грязи, из отверстий орты выползают бледные изнуренные люди в лохмотьях, выкатывая тачки с песком».

Казармы для рабочих строились из тонкого, сырого леса, плохо конопатились. Просыхая, лес трескался, через щели в помещение проникал ветер. Небольшие окна не имели створок и никогда не открывались. Дверь отворялась прямо на улицу. Через нее в помещение врывался холодный воздух. Полы делались одинарными. В казармах, выстроенных на болотистой почве, летом под половицами стояла вода. Зимой температура на полу опускалась ниже нуля. Отапливались бараки железными печами. По вечерам после усиленной топки было нестерпимо жарко, а утром люди дрожали от холода. Мужчины, женщины, дети спали перемешку на общих нарах, головой к холодной стене, ногами к печке. Здесь же готовилась пища, сушилась одежда и обувь. Люди жили в страшной скученности — на человека не приходилось и кубической сажени воздуха. Летом рабочие предпочитали ютиться в балаганах, покрытых древесной корой. Отхожих мест и помойных ям на приисках, как правило, не было: отбросы валялись около казарм.

Деньги выдавались на руки приискателям лишь дважды в год — по окончании летней и зимней операций. В остальное время пищевого довольствия получали в хозяйских амбарах.

В пайке рабочих преобладали мука и мясо, но не хватало жиров и совсем не было сахара, молока и овощей. По несколько месяцев в году вместо свежего мяса выдавалась солонина, далеко не высокого качества. Остальные продукты и товары можно было приобрести в хозяйском амбаре за деньги или в долг. На некоторых приисках семейные рабочие держали коров, кур, уток. Недостаток овощей частично возмещался усиленным употреблением колбы и ягод.

Систематическое переутомление, сырость, грязь, скученность, однообразная, бедная витаминами пища приводили к высокой заболеваемости рабочих и их семей. Что касается медицинской службы, то она ограничивалась наличием, да и то далеко не на всех приисках, полуграмотных фельдшеров.

Заработная плата приисковых рабочих оставалась крайне низкой. В Мариинском округе наиболее высокооплачиваемый рабочий — забойщик — зимой зарабатывал шесть-семь рублей в месяц, летом — 12 рублей. Зарплата возчиков, откатчиков, отвальных и других была еще ниже. Когда дело доходило до расчета, у рабочего вычитался полученный при найме задаток, высчитывались долги за товары и продовольствие, взятые в амбаре, удерживались подати. И нередко приискатель, проработав несколько месяцев, еще

оставался в долгу у хозяина. В 1902 году, например, в «Алтайском золотопромышленном деле» при окончательном расчете четвертая часть рабочих не только ничего не получила на руки, но еще осталась в долгу; а остальные получили в среднем по 33 рубля на человека.

Гнет и жестокая эксплуатация со стороны золотопромышленников и царской администрации вызывали со стороны рабочих непримиримую ненависть к хозяевам и их подручным. Окружной инженер Томского горного округа В. Реутовский с сокрушением отмечал рост классовой вражды между предпринимателями и рабочими: «Отношения между служащими или хозяевами и рабочими в высшей степени ненормальны.... Золотопромышленники и служащие требуют возврата к временам невозвратимым, когда лучшим возмездием грубых ошибок рабочего служило грубое изуверское наказание... Рабочие, озлобленные часто вполне несправедливыми требованиями, нередко непосильным трудом и отсутствием вполне нормальных условий жизни, высказывают столько ненависти, столько злобы, что они переходят все границы».

Царское правительство, идя навстречу требованиям золотопромышленников, еще в первой половине XIX века установило особо суровые наказания для приискателей. 18-я статья уложения о наказаниях приравнивала всякую стачку, всякие выступления приисковых рабочих из ссыльнопоселенцев к бунту против царской власти, что каралось каторжными работами. Этот драконовский закон был отменен лишь в 1906 году в результате революции 1905 года. 8 мая 1900 года, в дополнение к исключительным законам против забастовок, на приисках Западной Сибири была учреждена горно-полицейская стража «для охраны порядка и безопасности». Специальная инструкция разъясняла, какой именно порядок и чью безопасность должны были охранять горные стражники: «Чины горнополицейской стражи обязаны в участках, им вверенных, охранять общественное спокойствие и следить за проявлением каких бы то ни было действий и толков, направленных против правительства, законных властей и общественного порядка, равно к подрыву в обществе доброй нравственности и прав собственности. В сих видах горнополицейская стража наблюдает: а) чтобы не распространялись вообще среди народа злонамеренные суждения и слухи; б) чтобы не были распространяемы посредством рассылки, раздачи, подбрасывания или каким-либо иным способом листки, книги и т. п. издания преступного содержания; в) чтобы не происходило сходбищ и собраний для совещания и действий, противных тишине и спокойствию». Горные стражники должны были принимать меры к возобновлению работ при забастовках на приисках, следить «за неблагонадежными и подозрительными лицами».

Благодаря особым мерам, принятым царским правительством против приисковых рабочих, организация их выступлений против хозяев и создание подпольных революционных организаций на приисках встречали исключительные трудности.

Простейшей и наиболее распространенной формой борьбы рабочих за свои интересы был по-прежнему побег с прииска. Побег особенно усилился в 1894—1895 годах в связи со стройкой Транссибирской железной дороги. Если в 1893 году с приисков Мариинского округа бежало 25 человек, то в 1894 году уже 150 человек.

Начало нового века ознаменовалось быстрым ростом числа рабочих на железнодорожном транспорте. Так, на станции Тайга, Мариинск, Анжерская и в депо при станции Тайга было уже занято около тысячи рабочих. Условия их труда были тоже тяжелыми. Железнодорожники не получали спецодежды и не имели оплачиваемых отпусков. Женщины-работницы получали меньшую зарплату, чем мужчины, за выполнение той же работы. Рабочие Тайгинского депо трудились при свете факелов и керосиновых ламп, в дыму и пыли. На все депо имелось несколько токарных и один строгальный станок. Главными орудиями труда оставались кувалды и зубила. Даже паровозы поднимались вручную домкратами.

До 1905 года рабочий день в депо длился по десять часов. Были распространены сверхурочные работы, так называемые вечеровки. Депо не имело мойки. После смены люди кое-как вытирали руки керосином и в грязной одежде шли по домам.

В то же время именно среди железнодорожников был сравнительно высокий процент квалифицированных рабочих. Как и шахтеры, они отличались сплоченностью и политической активностью.

КУЗБАСС В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907)



1. Назревание революционной ситуации

Сочетание капиталистического гнета с крепостническими пережитками придавало особую остроту социальным противоречиям в царской России. В начале XX века в России назревала революционная ситуация. Усиливалось забастовочное движение рабочих, положение которых еще более ухудшалось в связи с промышленным кризисом. Ширилась борьба крестьян против помещиков. Рабочий класс был кровно заинтересован в уничтожении капиталистической эксплуатации. Но в первую очередь рабочие и крестьяне стремились к уничтожению самодержавного строя и помещичьего землевладения. В России приближалась буржуазно-демократическая революция, гегемоном которой, в отличие от прежних буржуазных революций, стал пролетариат, а его союзником — крестьянство. В обстановке нарастающей революционной ситуации в России создается боевая пролетарская партия, идейные и организационные принципы которой были разработаны В. И. Лениным и приняты II съездом РСДРП в 1903 году. Росту революционной социал-демократии в Сибири прежде всего способствовала активная борьба железнодорожников: забастовки строителей магистрали в 90-х годах, забастовки железнодорожников на участках дороги между Омском и Иркутском в 1899 году, успешная стачка рабочих Омских и Красноярских железнодорожных мастерских в 1902 году и другие. Один из участников первых социал-демократических групп в Сибири, видный советский ученый Н. Н. Баранский вспоминал, что железнодорожники были народом, особо предприимчивым, сплошь и рядом принимавшим активное участие в революционном движении в Европейской России, занесенным в черные списки и поэтому не находившим себе работы нигде, кроме Сибири.

В это же время стали складываться социал-демократические рабочие кружки в Томске. По заданию возникшего в 1896 году

кружка печатников и металлистов печатник Николай Дробышев поступил ремонтным рабочим на ст. Предтеченскую и создал здесь социал-демократическую группу, установившую связь с Тайгинским депо. Другой участник томского кружка металлист Егор Решетов устроился непосредственно в депо и завязал тесную связь с местными рабочими. Тогда же среди железнодорожников начал работу Глеб Максимилианович Кржижановский, арестованный вместе с В. И. Лениным по делу Петербургского Союза рабочих. Кржижановский отбывал ссылку вначале в селе Тесь, затем работал в Нижнеудинске и в Тайге — машинистом и помощником начальника депо. В 1901 году Кржижановский уехал в Мюнхен для свидания с Лениным и установления связей с редакцией «Искры». Есть данные, что Г. М. Кржижановский был инициатором создания в Тайге общественной библиотеки. Основали ее в 1900—1901 годах рабочие депо на свои средства. Первоначально она находилась в помещении паровозных бригад. Книги приобретались за счет небольшой платы, бравшейся за чтение, пожертвований и сборов за спектакли. В 1901 году библиотека имела 105 читателей, в 1903 году — 171, в 1905 году — 206.

С 1898 года начались попытки объединения социал-демократических групп Томска и других городов Сибири. Весной 1901 года в Томске возник Сибирский социал-демократический Союз, к которому примкнули социал-демократические группы Тайги, Омска, Иланской, Красноярска и Иркутска. Прокламации этого Союза, призывавшие весной 1902 года к празднованию 1 Мая, распространялись по Сибирской железной дороге.

В январе 1903 года Сибирский Союз выступает с программным воззванием, заявляя о своем вступлении в РСДРП в качестве партийного комитета. Под руководством Союза 18 апреля (1 мая) 1903 года состоялась демонстрация рабочих и студентов в Томске. Он выпускал прокламации, переиздавал номера «Искры» и отдельные работы В. И. Ленина.

Летом 1903 года в Иркутске состоялась первая конференция Сибирского Союза РСДРП. Она выразила единодушную солидарность с принципами «Искры» и работой В. И. Ленина «Что делать?»

Сибирский Союз стремился охватить своим влиянием крупнейшие рабочие центры Сибири — Омск, Красноярск, Иркутск, Читу, а также ближайшие к Томску рабочие районы — станцию Тайгу, поселки горняков Анжерских и Судженских копей.

В 1904 году грянула русско-японская война. Начали ее японские империалисты. Но в развязывании этой бойни было повинно и царское правительство, которое видело в ней средство предупреждения революции в России. Однако война ускорила наступление революции. Возросли нищета и недовольство трудящихся. Военные поражения самодержавия показали народу, насколько прогнил и стал непрочным царский строй. С августа 1904 года повсеместно усилилось стачечное движение. Развертывалась подпольная работа большевиков в Европейской России и в Сибири. С. М. Киров,

приехавший в Томск в 1904 году, вошел в большевистскую группу Томского комитета РСДРП, которая повела борьбу с меньшевиками, преобладавшими в комитете после ареста наиболее деятельных членов партийной организации. Через железнодорожников станции Тайга томские большевики начали агитацию против войны и самодержавия среди солдат, отправляемых на Маньчжурский фронт. Подпольные типографии Сибирского Союза РСДРП и Томского комитета только в 1904 году напечатали около полумиллиона листовок. Часть их через Тайгу распространялась по Сибирской магистрали, объявленной царским указом с начала войны на военном положении, среди солдат и гражданского населения.

2. События в Кузбассе в начале 1905 года

Кровавое воскресенье 9 января 1905 года явилось началом первой революции в России. Когда до Сибири дошла весть о расстреле мирной рабочей демонстрации в Петербурге, во многих городах произошли забастовки и демонстрации протеста. В Томске 18 января 1905 года состоялась организованная С. М. Кировым и другими большевиками вооруженная демонстрация, закончившаяся схваткой с полицией.

Сибирский Союз РСДРП призывал железнодорожников ко всеобщей политической забастовке: «Ведь в наших руках судьба движения по Сибирской дороге!.. Всеобщая стачка по линии Сибирской дороги, сознательно устроенная против войны, — это первый шаг восстания народа против монархии!..»

После 9 января пламя революционного пожара начинает разгораться и в Кузбассе, поднимается массовое движение среди железнодорожников и шахтеров Анжерских и Судженских копей.

Митингом протеста и подготовкой к забастовке ответили на события 9 января тайгинцы. В поселке появились прокламации. Проводилась агитация среди рабочих соседних станций. 27 января на станции Тайга была проведена однодневная политическая забастовка. Следующая забастовка произошла 19 февраля, в годовщину отмены крепостного права.

Царское правительство, напуганное забастовками сибирских железнодорожников, ставивших под угрозу снабжение Маньчжурского фронта, пыталось задобрить их второстепенными уступками и обмануть посулами. В начале февраля 1905 года Управление Сибирской дороги в Томске получило циркулярную телеграмму министра путей сообщения Хилкова, объявлявшую о «высочайшей милости»: сокращении рабочего дня и повышении зарплаты рабочим железнодорожных мастерских и депо.

Сибирский Союз РСДРП в своей листовке писал: «Царская уступка — это выкуп за кровь сотен и тысяч наших братьев, расстрелянных в Петербурге и других городах. Если мы в Сибири получили эту подачку, так это только потому, что царское прави-

тельство испугалось нашей всеобщей стачки против войны и царской монархии». Союз РСДРП призывал железнодорожников не удовлетворяться царскими подачками, а готовиться к всеобщей политической забастовке и всенародному восстанию.

Этот призыв большевиков нашел живой отклик у железнодорожников Кузбасса. Весной 1905 года министру Хилкову, проезжавшему по Сибирской магистрали, на станции Тайга было вручено письмо «от всех мастеровых и рабочих депо». В нем тайгинцы потребовали на 30 процентов повысить поденную плату, выдавать полный заработок за время болезни, обеспечивать семьи умерших или изувеченных рабочих, давать рабочим казенные квартиры или квартирные деньги, открыть казенную баню, предоставлять двухмесячный оплачиваемый отпуск, за каждые два года службы, «вменить в обязанность всем начальствующим лицам обращаться вежливо и корректно со своими мастерами и рабочими и выслушивать все их заявления и просьбы».

Машинисты депо, кроме того, отправили «петицию» начальнику Сибирской дороги, в которой, повторив большую часть общих требований, выдвинули дополнительные: выплачивать зарплату за вынужденный простой, выдавать обмундирование и топливо, открыть на больших станциях четырехклассные школы, учредить товарищеский суд, разрешить собрания рабочих по вопросам труда и быта.

Весной 1905 года произошли волнения анжерских шахтеров. Поводом послужило оскорбление, нанесенное женщине приказчиком местного торговца.

Шахтеры предъявили приехавшему из Мариинска жандармскому штабс-ротмистру Татарину ряд справедливых требований, которые тот обещал удовлетворить. Позже начальник Анжерских копей Шейнцвит в телеграмме Татарину жаловался, что ему пришлось «вести бесконечные разговоры с разными рабочими, которые ссылались на ваши обещания... Брожение вполне возможно, так как много из обещанного не всегда возможно исполнить».

Встревоженное за судьбу поставок топлива царское правительство в апреле 1905 года объявило Анжерские и Судженские копи на военном положении.



С. М. Киров

3. Участие рабочих Кузбасса в Октябрьской политической забастовке

Революционный подъем в стране нарастал. III съезд партии, собравшийся в Лондоне весной 1905 года, разработал стратегию и тактику большевистской партии в буржуазно-демократической революции, определил задачи пролетариата, как вождя революции, указал, что крестьянство является его союзником, поставил задачу подготовки вооруженного восстания.

Томские большевики, ведя борьбу с меньшевиками, укрепляют связи с железнодорожниками Тайги и шахтерами Анжерских и Судженских копей. 15 июня 1905 года в Томск, на открытие памятника рабочему большевику Е. Кононову, убитому полицией на демонстрации 18 января, прибыла делегация железнодорожников со станции Тайга. Тогда же она обратилась к Томскому социал-демократическому комитету с просьбой прислать в Тайгу партийного работника. К железнодорожникам приехал С. М. Киров с томскими большевиками И. В. Писаревым и М. А. Поповым. В депо, среди дымящихся паровозов, состоялся большой митинг, на котором со страстной речью выступил Сергей Миронович. Об этом событии и сейчас в депо напоминает мемориальная доска.

После митинга, на более узком собрании, была создана большевистская группа рабочих-железнодорожников Тайги.

Большевистская группа станции Тайга руководила забастовками во второй половине 1905 года и была костяком забастовочного комитета, выполнявшего функции Совета рабочих депутатов. С. М. Киров не раз приезжал в Тайгу.

Будучи сам умелым конспиратором, Сергей Миронович настойчиво учил тайгинских рабочих искусству обманывать полицейских ищек. Массовки проводились в лесу. На них собирались поодиночке. Место сбора охраняли пикетчики из проверенных рабочих и подростков.

С. М. Киров и П. В. Писарев вели активную работу и среди шахтеров Анжерских и Судженских копей. Тогда здесь преобладали сезонные рабочие, еще сохранявшие связь с деревней. Но среди горняков и рабочих механических мастерских имелись и кадровые рабочие. С ними-то, в первую очередь, и связались томские большевики, с их помощью вели среди шахтеров политическую работу. Они и стали ядром первой большевистской группы на коях.

В Анжеро-Судженске до сих пор есть ветераны-шахтеры, которые хорошо помнят о встречах с С. М. Кировым в 1905—1906 годах. Так, почетный шахтер А. Ведянин вспоминает: «В 1905 году мне довелось впервые быть на маевке. Незадолго до 1 мая ко мне пришел Михаил Пуганцев — наш шахтер из ссыльных, и сказал: передал Андрей Кузнецов, что 1 мая будем собираться в лесу за Алчедатом. Только об этом — никому. Приехал товарищ из Томска — будет выступать. Это сообщение мне крепко засело в голову — все время думал о нем. Ждал того дня с большим нетерпением.

Наконец, он наступил. Нас собралось сначала человек пять. Пошли мы, конечно, не прямо к назначенному месту. Сперва махнули по направлению к деревне Лебедянка, а затем уже свернули в лес. Здесь, на тропах, нас встречали люди, с которыми мы обменивались условными словами и уже затем проходили на лесную поляну. Собралось много горняков. Пришли и из Судженки — с шахт Михельсона. Вскоре мы стояли большим кольцом и слушали выступления товарищей. Особенно хорошо запомнились слова одного из них. Его называли товарищ Сергей — невысокий, крепкого телосложения, с веселыми, смелыми глазами. Только много позже мы узнали, что перед нами выступал Сергей Миронович Киров».

Летом 1905 года продолжался подъем революционного движения. Делегаты 20 дорог, собравшиеся в июле на второй Всероссийский съезд железнодорожников в Москве, решили начать агитацию за проведение всероссийской политической стачки железнодорожников. Начал подготовку к ней и Сибирский Союз РСДРП. В июле всеобщей стачки организовать не удалось, но забастовочное движение усилилось. В первой половине июля забастовали томские рабочие. 13 июля забастовали рабочие-железнодорожники Тайги, к которым примкнули служащие и приказчики. В августе поднялись железнодорожники Красноярска, Иркутска и других станций.

Красноярцы прислали в Тайгу делегацию. На митинге договорились о совместном прекращении работ. 14 августа на сходке рабочих депо выступал С. М. Киров, направленный Томским комитетом РСДРП в Тайгу для организации стачки. Первыми прекратили работу мастерские депо. Полиция вызвала подкрепление с ближайших станций. У депо и вокзала появилась усиленная охрана. После того, как 18 августа полиция Красноярска учинила кровавую расправу над бастующими железнодорожниками, Томский комитет выпустил листовку к рабочим города Томска и станции Тайга с призывом не прекращать борьбу: «За нами дело, товарищи!.. Кровь красноярских рабочих зовет вас к борьбе.»

Августовские стачки 1905 года на Сибирской дороге не переросли во всеобщую политическую стачку. Начинались они в разное время и проводились недостаточно организованно. Однако накопленный опыт классовой борьбы пригодился в октябрьские дни.

С 7—8 октября стали прекращать работу железнодорожники Московского узла и других дорог Европейской России. Движение товарных поездов на Сибирской магистрали прекратилось с 12 октября. Телеграфисты управления Сибирской дороги в Томске забастовали 13 октября, а на следующий день к ним присоединились остальные служащие управления. 16 октября прекратили работу рабочие ст. Тайга. Движение на дороге прекратилось. Был создан стачечный комитет под председательством томского студента — большевика И. В. Писарева. В комитет вошли машинист Александров, слесари Реут, Сургант и другие. Активно участвовал в работе комитета С. М. Киров. Стачечный комитет взял в свои руки власть на станции и прилегающих участках дороги, выполняя функции

Совета рабочих депутатов. Он разбирал жалобы рабочих, оказывал им помощь, выплачивал зарплату из конфискованных средств управления дороги. Без разрешения стачечного комитета не отправлялось ни одного поезда. По его указанию была открыта дорога только эшелонам с солдатами, возвращавшимися с Маньчжурского фронта.

Жизнь подсказывала необходимость вооружения рабочих. Большевики создали боевую дружину, в которую вошло несколько десятков деповских рабочих. Дружинники были вооружены револьверами, отобранными у местных полицейских и жандармов, охотничьими ружьями. Холодное оружие рабочие депо изготавливали сами и даже снабжали им томичей.

Всероссийская Октябрьская забастовка вынудила царя выпустить манифест 17 октября. По словам В. И. Ленина, налицо было известное равновесие сил: пролетариат и крестьянство вырвали у царя уступку, но еще были не в силах сбросить царизм, а последний уже не мог управлять страной прежними средствами и вынужден был обещать на словах свободу.

Ночью 17 октября царский манифест был получен на станции Тайга. Администрация решила использовать его для срыва забастовки. Рабочих собрали в депо. Начальник участка тяги зачитал манифест, призвал железнодорожников возобновить работу и огласил заранее написанный текст «благодарности рабочих царю». Но дело приняло неожиданный оборот. Местный телеграфист передал копию манифеста С. М. Кирову, который подготовил «ответ тайгинских рабочих монарху». Выступив на митинге, С. М. Киров разоблачил царский манифест, как обман народа и призвал рабочих к вооруженному восстанию.

Митинг был в самом разгаре, когда депо окружили тобольские ратники ополчения. В помещение ворвались жандармы. Кто-то из рабочих набросил на С. М. Кирова свою куртку, другой передал ему свою шапку. Вместе с толпой рабочих Сергей Миронович вышел из депо. Но жандармам удалось схватить одного из ораторов — молодого рабочего депо. По предложению Кирова тысячная толпа двинулась к вокзалу, заставила жандармов освободить арестованного рабочего. Здесь же, у вокзала, железнодорожники приняли решение продолжать забастовку.

Уездный исправник доносил губернатору об этих событиях: «В 12 часов ночи на 18 число вызваны мастеровые свистком паровозов в депо и, выслушав всемиловейший манифест, ни к какому заключению не пришли, настаивая на продолжении забастовки ввиду неудовлетворения их требований».

По указанию соглашательского руководства Всероссийского Союза железнодорожников с 18 октября начало восстанавливаться движение на дорогах Европейской России. Меньшевики, приехавшие в Тайгу из Томска, выступали перед рабочими, стремясь сорвать забастовку. Но железнодорожники держались твердо. Когда они узнали, что столяр-модельщик Монсеев доносит на рабочих,

жандармам, его схватили, посадили в тачку, вывезли из депо и свалили в канаву.

20 октября большевики организовали демонстрацию. Рабочие под красным знаменем прошли по улицам Тайги с пением «Марсельезы» и возгласами «Долой царя».

Администрация объявила об увольнении ряда тайгинских рабочих, заявив, что на их место будут присланы рабочие из Боготола. В ответ стачечный комитет отправил свои делегации в Боготол и на станцию Обь. С первой из них для разъяснения провокационных действий тайгинской администрации в Боготол выехал С. М. Киров. Боготолцы поддержали товарищей и отказались выполнять роль штрейкбрехеров.

Министерство путей сообщения для срыва забастовки пошло на новые уступки. В телеграмме от 21 октября начальникам дорог предлагалось объявить рабочим и служащим, что, если 24 октября они выйдут на работу, им будет уплачено жалованье за все время забастовки. Министерство подтвердило, что никто не подвергнется репрессиям и обещало принять безотлагательные меры к улучшению материального положения железнодорожников.

23 октября на Сибирской магистрали частично возобновилось движение поездов. Забастовка на станции Тайга продолжалась до 24 октября, а в Мариинске — до 26 октября.

В Октябрьской забастовке участвовали также анжерские горняки. 26 сентября управление Анжерских копей объявило, что с 10 октября на шестой шахте вводятся пониженные зимние расценки и новый порядок учета работ. Зимой, когда свертывались работы на золотых приисках и освобождались от полевой страды крестьяне, приток рабочих на шахты резко возрастал. Пользуясь этим, администрация приисков и угольных копей снижала на зиму расценки.

30 сентября горняки шестой шахты не вышли на работу, требуя отмены решения администрации. 2 октября объявили забастовку рабочие остальных шахт. В Томск к начальству направилось четверо выборных с коллективным прошением горняков. Чтобы справиться с волнениями рабочих, управляющему копиями Шейнцвиту пришлось вызывать в Анжерку воинское подкрепление.

Десять дней — с 14 по 23 ноября — бастовали шахтеры Судженских копей Михельсона, требовавшие наполовину поднять заработную плату. Забастовка проходила организованно и прекратилась лишь после того, как администрация удовлетворила часть требований шахтеров.

Вести о революционных событиях доходили и до рабочих Салаирского рудника. Когда управляющий рудником И. Буштетт остановил работы, горняки и их семьи остались без хлеба. Положение крайне обострилось. Рабочие встали на защиту своих прав. Дело дошло до царя, верховного владельца Алтайского округа. Из Петербурга пришло «высочайшее соизволение» продолжать работы.

Таким образом, летом и осенью 1905 года в забастовочном движении на территории Кузбасса был замечен большой подъем. На-

ряду с экономическими требованиями рабочие выдвигали политические, причем последние начали приобретать преобладающее значение. Развернувшаяся борьба подвигала рабочих к пониманию необходимости вооруженного восстания и создания новой революционной власти.

4. Кузбасс в период наивысшего подъема революции

Октябрьская политическая забастовка не привела к свержению царизма, но серьезно расшатала его устои. Большевистская оценка манифеста 17 октября, как маневра, рассчитанного на обман трудящихся, оправдалась. В стране начался черносотенный разгул. Докатился он и до Сибири. 20 октября в Томске черносотенцы с благословения архиерея подожгли театр и здание управления Сибирской железной дороги, где собирались на митинг рабочие. На следующий день произошло вооруженное столкновение между черносотенцами и рабочими во время митинга в Рабочем доме Красноярска.

Хотя после октябрьских событий работа на транспорте и угольных копях возобновилась, но положение было уже иным. Родившиеся в ходе стачечной борьбы выборные рабочие комитеты сохранились, набирали силу.

При их участии повсеместно вводился восьмичасовой рабочий день. Железнодорожники Тайги, Омска, Оби (современного Новосибирска), Красноярска и других станций в ноябре 1905 года организовано отказались работать больше восьми часов. 13 ноября, требуя восьмичасового рабочего дня, забастовали железнодорожники Тайги. Администрация угрожала рабочим локаутом. Здание депо было окружено солдатами. Однако на третий день администрация приняла требования рабочих: был установлен восьмичасовой рабочий день и уволен помощник начальника депо, грубо обращавшийся с рабочими.

В начале ноября 1905 года в Тайге собрался первый делегатский съезд рабочих и служащих Сибирской дороги. Представителем большевистской группы Тайги на съезде был С. М. Киров.

Опираясь на решения Всероссийского съезда железнодорожных служащих (он проходил в Петербурге с 20 сентября по 25 октября), представители сибирских железнодорожников потребовали повсеместного введения восьмичасового рабочего дня, выплаты пособий по болезни, равной оплаты женщин и мужчин за равный труд, отмены ограничений в приеме женщин на службу, введения льгот по беременности, устройства детей рабочих и служащих в ясли.

Съезд высказался за запрещение труда детей и подростков до 16 лет и введение обязательного общего и профессионального образования молодежи за счет дороги.

Съезд потребовал принять на работу всех лиц, уволенных со

службы дороги за политические убеждения и за участие в предыдущих забастовках, отменить военную и политическую охрану на дороге, обеспечить право сходов и собраний, неприкосновенность личности, уравнивать в правах рабочих, независимо от национальности и вероисповедания и, наконец, создать постоянную комиссию из представителей рабочих и администрации для решения трудовых конфликтов и иных вопросов.

Однако под влиянием меньшевиков съезд взял курс не на подготовку к вооруженному восстанию, а на переговоры с администрацией дороги об улучшении положения служащих и рабочих. Когда начальник дороги отказался приехать в Тайгу для переговоров, около 100 делегатов сами приехали в Томск и здесь съезд еще несколько дней продолжал работу. Он передал начальнику дороги все выставленные требования и принял решение об организации профсоюзов. По вине соглашательского руководства съезд закончил работу, не попытавшись возглавить нарастающий революционный подъем и борьбу железнодорожников Сибири против самодержавия.

Забастовочные комитеты, действовавшие на станциях Сибирской дороги под руководством центрального стачечного комитета, находившегося в Томске, стали явочным порядком проводить в жизнь требования, выдвинутые делегатским съездом.

В Тайгу, как важный железнодорожный узел и место активных выступлений рабочих, были стянуты войска из Томска, Мариинска и Тобольска. Большевики развернули работу среди солдат, разъясняя им программу социал-демократической партии.

О результатах этой агитации свидетельствует рапорт уездного исправника томскому губернатору: «... предполагается забастовка. Находящиеся в поселке Тайга на охране нижние чины примут сторону беспорядков. Некоторые сами ходят по работам и находящимся в депо рабочим людям, предлагают бросить работу. Вообще, на солдат нет никакой надежды».

Вместе со всем российским пролетариатом тайгинские железнодорожники смело шли навстречу декабрьским боям, знаменовавшим собой высший этап первой русской революции.

Телеграфисты Томска, Тайги и других станций во второй половине ноября примкнули к всероссийской почтово-телеграфной забастовке.

Конференция депутатов 29 железных дорог совместно с Центральным бюро Всероссийского железнодорожного Союза, присоединившись к Советам рабочих депутатов Москвы и Петербурга, объявила с 7 декабря 1905 года всеобщую политическую забастовку. А днем раньше началась забастовка на станции Тайга. Рабочие депо вывесили на здании красный фонарь, на станции появились красные флаги. На следующий день до 50 железнодорожников явились в почтово-телеграфную контору и предложили начальнику конторы прекратить работу. Ремонтники, отрубив гужи у хомутов лошадей, заставили зажиточных возчиков вернуться домой. К вечеру 7 декабря забастовка охватила всю станцию.

Политическая стачка, начатая по призыву Московского Совета рабочих депутатов, возглавляемого большевиками, вскоре переросла в вооруженное восстание. Взялись за оружие железнодорожники Читы и Красноярска. Командующий войсками Сибирского военного круга Н. Н. Сухотин 17 декабря доносил министру внутренних дел: «К западу от Красноярска митинги на всех станциях. Управление дорогой в руках комитетов, постановления которых строго исполняются, как, например, не прием шифрованных телеграмм, исключение из графика скорых, почтовых, пассажирских поездов по их назначению». И. о. начальника дороги А. А. Штукенберг в телеграмме министру путей сообщения подчеркивал, что одним из главных центров революционного движения на дороге является Тайга.

В декабре весь участок магистрали, проходящей через Кузбасс, фактически находился в руках местных комитетов железнодорожников, выполнявших директивы Томского центрального стачечного комитета.

Железнодорожные комитеты ведали всем движением. Им подчинялся железнодорожный телеграф. Со станций были удалены жандармы и полиция. Вооруженная милиция и боевые дружины поддерживали порядок на станциях и охраняли рабочие митинги. Появились товарищеские суды, выносившие постановления о бойкоте реакционных служащих.

Комитеты действовали через голову начальника дороги. Роль наблюдателя играл и томский губернатор, поскольку он не имел достаточных воинских сил, чтобы разогнать организации рабочих и служащих. Не мог ему помочь и командующий военным округом Сухотин.

К 19 декабря царизму удалось подавить вооруженное восстание в Москве. 23 декабря появился указ Николая II о введении военного положения в уездах, по которым проходила Сибирская железная дорога. Несмотря на это большевики Тайги 31 декабря 1905 года созывают митинг в поддержку восставших красноярцев. Было решено послать в Красноярск делегацию рабочих, помочь оружием и продуктами.

Не доехав до Боготола, делегация узнала, что рабочие и солдаты Красноярска вынуждены были прекратить восстание.

В это же время на Сибирскую дорогу были направлены две карательные экспедиции. Одна из Москвы, под командованием барона Меллер-Закомельского, другая из Харбина, под начальством генерала Ренненкампа.

Отряд Меллер-Закомельского, вооруженный артиллерией, пулеметами и винтовками, в отдельном поезде мчался на восток. По пути на станциях каратели хватали и жестоко расправлялись с революционно настроенными рабочими и солдатами.

Железнодорожники Кузбасса под разными предлогами пытались задерживать поезд карателей, за что Меллер-Закомельский предложил начальнику дороги уволить со службы начальника

станции Чебула Лобачевского и начальника разъезда Зеленый Кузина. Позже Меллер-Закомельский в докладе царю подчеркивал, что «такие города, как Иркутск, Красноярск, Чита и такие центры ж. д. линии, как Каинск, Иннокентьевская, Обь, Зима, Тайга, требуют серьезного и постоянного наблюдения и решительных мер со стороны администрации».

Одновременно, в начале января из Омска по линии железной дороги двинулись отряды жандармского полковника Сыропотова. Под защитой жандармов осмелел и начальник дороги Ивановский. Осуществляя директиву министра путей сообщения, он распорядился об отмене установленного на местах комитетами железнодорожников восьмичасового рабочего дня.

Железная дорога оставалась на военном положении. По ней постоянно курсировали «особые летучие отряды» карателей. На крупных станциях, в том числе в Тайге, Анжерской и Мариинске разместились специальные «охранные гарнизоны».

И все-таки, несмотря на поражение, декабрьское восстание в России явилось серьезной школой для пролетариата. Впервые вооруженное восстание сочеталось с политической стачкой. По словам В. И. Ленина, этот опыт рабочих России имел всемирно-историческое значение для всех пролетарских революций.

5. Массовое движение рабочих и крестьян Кузбасса в 1906—1907 годах

После поражения декабрьского вооруженного восстания начался спад революции. Экспедиции карателей и черносотенные банды истребили тысячи рабочих и крестьян.

В тяжелых условиях спада и отступления революции, большевики перешли к тактике соединения легальной и нелегальной работы. В начале 1906 года многие партийные работники и члены стачечных комитетов Сибирской железной дороги были арестованы или уволены. Большевистские организации ушли в подполье, стали налаживать конспиративную работу. Не прекратила своей деятельности партийная организация станции Тайга. Ее представители были на конференции партийных организаций Томского района, состоявшейся весной 1906 года в Томске, и на втором съезде Сибирского союза, проходившем в конце мая в Красноярске.

В конце 1906 года Тайгинская партийная организация имела 65 членов, Анжерская — 30. Делегат от Тайги был и на третьей конференции Сибирского Союза, собравшейся в Красноярске в конце 1906 года.

В сентябре 1906 и июне 1907 года станция Тайга была охвачена забастовками. В последнем случае администрация была вынуждена перегнать неисправные паровозы в депо станции Обь. Но и там мастеровые отказались ремонтировать локомотивы.

Тайгинцам удалось сохранить старые связи с томскими больше-



В. В. Куйбышев.

виками. В 1906 году нелегальная большевистская типография Томска издает для Тайги листовки — «Таежный листок», «Корреспонденции из Омска, Новониколаевска, Барнаула и Тайги».

Несмотря на усиление репрессий царского правительства, осенью 1906 года снова произошли забастовки на Анжерских и Судженских копях. Администрация удовлетворила отдельные требования рабочих, но активные участники забастовки были уволены и занесены в черные списки.

Новый начальник Анжерских копей Нехлюдов снизил заработную плату, грозил шахтерам, что заставит их ходить в лаптях. После того, как рабочие сожгли контору, где хранились списки неблагонадежных, некоторым из уволенных удалось снова поступить на работу.

Еще в 1907 году по инициативе подпольной партийной группы была сделана попытка создать профсоюз на Анжерских копях. С. М. Киров был в это время уже арестован и находился в Томской тюрьме. В апреле 1907 года в Томск нелегально приехал другой видный партийный деятель В. В. Куйбышев. По поручению томского комитета он бывал на станции Тайга, Анжерских и Судженских копях, где вел работу среди железнодорожников и шахтеров. Куйбышев приехал в Кузбасс — в Кузнецк, где жили его родители еще летом 1906 года после исключения из Петербургской медицинской академии. Валериан Владимирович был уже большевиком и имел некоторый опыт подпольной работы. На квартире Куйбышевых стали собираться молодые рабочие, с которыми Валериан Владимирович и его сестра Надежда якобы занимались математикой. Вскоре Куйбышеву удалось создать подпольную типографию. Усиленно разыскивали ее жандармы, но им и в голову не приходило, что она находится в доме местного купца. Пристав Пушкарев сообщил по секрету воинскому начальнику — отцу Валериана Владимировича, что выпуск листовок, связывается с появлением в Кузнецке его сына. После беседы с глазу на глаз с отцом Валериан Владимирович уехал из Кузнецка.

Листовки, печатавшиеся в Кузнецке, активно обсуждались и в деревнях. Множество листовок, издаваемых социал-демократами, привозили крестьяне из Бийска. В рапорте заведующего лесной частью Алтайского округа кабинета от 7 марта 1906 года сообща-

лось: «Циркулировавшие в деревнях в неограниченном количестве печатные листовки социал-демократического содержания, издававшиеся в бийских типографиях и свободно продававшиеся на базаре и в магазинах Бийска, поддерживали и усиливали слухи, давая для них почву в печатном слове, к которому в деревне относятся с особым уважением. Деревня читала эти листовки и утверждалась в своем понятии о «свободе».

А понятие свободы крестьяне связывали, прежде всего, со свободой пользования кабинетскими землями.

Солдаты, которые с конца 1905 года начали возвращаться с Маньчжурского фронта, рассказывали односельчанам о забастовках железнодорожников на Сибирской магистрали, о восстании в Чите и Красноярске, везли с собой большевистские листовки.

И. д. томского губернатора барон Нолькен в своем обращении «к сельскому населению Кузнецкого уезда» 17 августа 1908 года писал: «До сведения моего дошло, что в некоторых крестьянских и инородческих селениях созываются самовольно волостные и сельские сходы для обсуждения вопросов, не подлежащих их ведению, и при том созываются не должностными лицами, имеющими по закону на это исключительное право, а совершенно посторонними сельскому населению. Лица эти не только присутствуют на сходах, но даже руководят таковыми, сочиняют от имени населения общественные приговоры, которые старшины и старосты свидетельствуют».

Разными путями большевистская пропаганда доходила до крестьян. Доходила через листовки, через солдат, встречавшихся на фронте или по пути домой с большевистскими агитаторами, через отдельных партийных работников, приезжавших в Кузнецкий уезд. Но в целом идеология крестьянского движения в Кузбассе в эти годы носила печать наивной веры в то, что Государственная Дума даст крестьянам все, что им нужно. Сохранились еще остатки мужицкой веры в царя и царские манифесты.

Волнения крестьян в Кузбассе были непосредственно связаны с событиями в стране, но их эхо докатилось до этих отдаленных районов позже, когда революция в целом шла уже на убыль.

В начале января 1906 года в Бачатской волости произошли волнения солдат, вернувшихся с фронта. Запасные, возмущенные тем, что их женам в годы войны не выдавали положенного пособия, потребовали к ответу волостное начальство в такой внушительной форме, что волостной старшина и писарь поспешили скрыться.

С весны 1906 года в Кузнецком уезде, как и во всем Алтайском округе, начались массовые порубки крестьянами кабинетских лесов или «лесные бунты». В некоторых случаях порубщики считали, что они действуют по закону, что в манифесте 17 октября якобы разрешено бесплатное пользование лесами и землями.

Во второй половине года, в связи с начавшимся сбором податей, крестьяне стали массами отказываться от их уплаты. Особенно широкие размеры это движение приняло в Бачатской и Ильинской

волостях, где властям пришлось обращаться в Томск за военной помощью.

В деревнях Бачатской волости жило немало потомков крепостных мастеровых. Беднота этих мест постоянно тянулась на заработки на соседние угольные копи, Гурьевский завод и рудники Салаира. И не случайно крестьяне этой волости выделялись своими боевыми настроениями.

Когда в августе-сентябре 1906 года начался сбор податей, крестьяне волости решительно отказались от их уплаты. Жители с. Бачатского, а вслед за ними и остальных 29 сельских обществ волости даже не стали производить раскладку податей среди малоплательщиков. По постановлению крестьянского начальника все старосты Бачатской волости в разное время оказывались под арестом, но подати по-прежнему не поступали. В селах, где пристава пытался назначить распродажу имущества неплательщиков, крестьяне никого не допускали к торгам, выгоняли кулаков, приезжавших для скупки крестьянского добра.

Крестьяне с. Бачаты помешали попытке крестьянского начальника перенести волостное правление в другое село. 9 декабря крестьянский начальник телеграфировал в Томск: «Бачатский старшина донес: перевести правление, открыть его действия невозможно, крестьяне грозят убить волостных начальников, меня, командированного писаря Иванова заставили угрозами отказаться от службы».

Другим центром крестьянского движения в Южном Кузбассе было большое село Ильинское, расположенное на берегу Томи в 15 километрах ниже Кузнецка. Часть крестьян села занималась извозом, бывала в Томске, Бийске, Барнауле. По Томи шли плоты и баржи. Поэтому ильинцы были лучше осведомлены о происходящих в городах событиях, чем жители деревень, лежавших в стороне от большой дороги. Крестьяне села тоже наотрез отказались платить налоги. Их примеру последовали крестьяне остальных деревень Ильинской волости. Меры воздействия, принятые уездным начальством, и здесь оказались безрезультатными. Ни к чему не привели аресты сельских старост, не увенчалась успехом и попытка станового пристава продать скот и домашнее имущество неплательщиков. На сходе крестьяне единодушно заявили, что платить недоимку не будут, не допустят и продажи имущества, поскольку «все сборы взыскиваются с них неправильно, так как платить сборы, по их мнению, не следует и они не будут, впредь до разрешения этого вопроса Государственной Думой». На торги никто не явился. Назначенный к продаже скот был выгнан хозяевами в поле. Торги не состоялись.

Отказ от уплаты податей стал повсеместным явлением также для деревень Мариинского уезда.

Это движение имело несомненную связь с происходящими в стране революционными событиями и развивалось под непосредственным воздействием социал-демократических групп Барнаула и

Бийска, в которых видную роль играли большевики. На Кузнецком уездном съезде крестьянских начальников 12 октября 1906 года отмечалось, что причиной массовой неуплаты податей является «единственно упорное нежелание платить податные сборы под влиянием революционных идей, распространяемых по уезду злонамеренными лицами путем рассылки печатных воззваний, которые были уже обнаружены во многих селениях уезда».

Выполняя просьбу участников съезда, томский губернатор направил в Бачатскую и Ильинскую волости роту солдат и старшего чиновника особых поручений — подполковника Потылицына.

Утром 17 декабря солдаты прибыли в с. Бачаты. Был созван сельский сход, на который пришло 180 человек. Тут же по распоряжению Потылицына были арестованы «зачинщики беспорядков» — крестьяне Иван и Василий Аксеновы, Дмитрий Седельников, Гавриил Кулебакин и Михаил Вологин. Подполковник объявил, что за невыдачу остальных крестьян, участвовавших 20 ноября «в противодействии и нападении» на представителей власти, на Бачатское сельское общество налагается штраф в размере 500 рублей. Потылицын потребовал, чтобы бачатцы немедленно вернули и 439 рублей общественных денег, которые были тогда отобраны у крестьянского начальника.

Под угрозой солдатских штыков бачатцы вынуждены были подчиниться, и на следующий день сельский староста внес в кассу волостного правления штраф и общественные деньги. Начали поступать подати.

Затем воинская команда во главе с подполковником нагрянула на села Ильинской волости. Всюду производились следствия, арестовывались так называемые «зачинщики». Крестьяне, запуганные угрозами применения воинской силы, понуждаемые полицейскими урядниками, продавали имущество, занимали на кабальных условиях деньги у кулаков, но вносили подати.

Исправник Донорский слал томскому губернатору победные телеграммы. Третьего января 1907 года он телеграфировал: «Дополнение телеграммы 26 декабря доношу: крестьян Бачатской волости еще взыскано десять тысяч, осталось пять, взыскание коих продолжается. 29 переехали ротою Ильинскую волость, взыскание попутных волостях идет успешно».

И все-таки массовые выступления крестьян Алтая и Кузбасса в годы первой революции вынудили верховного владельца Кузбасса — Николая II пойти на урезку своих феодальных прав. 19 сентября 1906 года был издан закон «О передаче кабинетских земель в алтайском округе в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия для образования переселенческих участков».

Согласно закона все пригодные к заселению земли Алтайского округа передавались, по мере образования на них переселенческих участков, в собственность казны и поступали в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия для передачи

переселенцам. Права на недра этих земель сохранялись за кабинетом. И в этом случае царь прогадал немного: государственное казначейство было обязано платить кабинету в течение 49 лет по 22 копейки вознаграждения за каждую десятину полученной удобной земли.

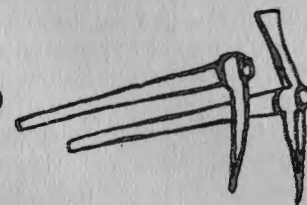
Крестьяне, селившиеся на отведенных участках, получали их лишь в пользование, хотя деньги за землю — поземельный оброк — выплачивали именно крестьяне, а не собственник этих земель — казна. В конечном итоге царский кабинет продолжал ежегодно получать миллионы рублей с крестьян Алтая, только эти деньги теперь взыскивались с крестьян государственным казначейством.

При помощи военной силы правительство Николая II сумело временно подавить движение рабочих и крестьян Кузбасса в 1905—1907 годах. Мариинский и Томский уезды до мая 1908 года находились на военном положении, а затем были объявлены в состоянии чрезвычайной охраны. Сибирская железная дорога до февраля 1912 года оставалась на военном положении, после чего была переведена на положение усиленной охраны.

Требования рабочих и крестьян, выдвинутые ими в период первой буржуазно-демократической революции, остались неудовлетворенными. Они оставались на повестке дня. В то же время трудящиеся Кузбасса приобрели значительный политический опыт, который с успехом был использован в 1917 году.

ГЛАВА VIII

КУЗБАСС ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ (1907—1914 годах)



Первые годы после поражения революции 1905 года были во всех отношениях тяжелыми для рабочих и крестьян России. Общее расстройство хозяйства, порожденное русско-японской войной, усугубил в 1908—1909 годах мировой экономический кризис. Усилилось разорение крестьянских хозяйств, выросла безработица, ухудшилось положение рабочих.

Военное положение, полицейские преследования, столыпинская аграрная политика — все это имело место и в Кузбассе. Но аграрная политика Столыпина проявлялась здесь несколько по-другому, чем в Европейской России, откуда правительство выселяло крестьянскую бедноту в Сибирь.

1. Рост переселения в Кузбасс. Крах переселенческой политики Столыпина

Столыпин пытался опереться на кулачество, в котором он видел основную силу существующего строя. Чтобы предоставить больший простор развитию кулацкого хозяйства, не затрагивая при этом помещичьих владений, Столыпин стремился разрушить общинное землевладение. Царский указ от 9 ноября 1906 года и закон 14 июня 1910 года давали кулакам возможность превратить в собственность имеющиеся наделы и расширить хозяйство за счет скупки наделов обедневших соседей. Правительство предоставляло кулакам ссуды для устройства хуторов и покупки земли. Разоренным и обезземеленным бедняцким массам представлялась возможность переселиться в Сибирь.

Правительство мобилизовало главное управление земледелия и землеустройства, переселенческое управление, земства, губернаторов, земских начальников, чтобы выселить из центральной России как можно больше беднейших крестьян, подальше от соблазнительного соседства с дворянскими имениями.

Затянутый петлей безысходной нужды крестьянин, по словам

Ленина, тогда готов был бежать не только в Сибирь, но и на край света. После подавления массового движения 1905—1906 годов сотни тысяч крестьян хлынули в Сибирь. Значительное число переселенцев направлялась и в Томскую губернию, в которую тогда входил Кузбасс.

О темпах этого переселения с 1907 по 1913 год говорят следующие данные:

Год	Число переселенцев
1907	242 950
1908	311 944
1909	220 759
1910	98 308
1911	69 305
1912	106 641
1913	100 131

А вот данные о росте населения Кузнецкого и Мариинского уездов за 1903—1914 годы согласно ежегодных «обзоров Томской губернии».

Г о д	Всего населения	% к 1903 г.
1903	355 515	100
1904	361 501	101
1905	345 628	97
1906	377 306	106
1907	400 826	112
1908	423 494	119
1909	493 807	139
1910	492 698	138
1911	545 685	153
1914	630 890	177

(на 1.1)

Характерно, что основной прирост населения в Кузбассе приходится на 1909—1911 годы, хотя в целом по губернии приток переселенцев в это время был не столь значительным. Дело в том, что поскольку основные степные районы Алтая были уже заняты, значительная масса переселенцев повернула на свободные земли Кузбасса.

Как и раньше, переселенцев везли из Центральной России в товарных вагонах-теплушках. Питались они в долгом и далеком пути сухарями и другими продуктами, взятыми из дому.

Прибыв на станцию назначения, переселенцы неделями и месяцами жили в переполненных бараках, ожидая выделения земельного участка.

Старший врач Сибирской дороги Попов в связи со вспышками холеры среди переселенцев, в октябре 1907 года обследовал положение переселенцев на станции Болотная. Ежедневно сюда прибывало не менее ста человек. Люди ютились в маленьком здании вокзала и трех вагонах-теплушках. Начиная с 25 сентября на вокзале не отпускалась пища. Приходилось питаться кто чем может: сухарями, гнилой капустой, прогорклым салом.

Но самое страшное было еще впереди. Царское правительство, переселяя в Сибирь крестьянскую бедноту, почти не заботилось об ее устройстве. Сотни тысяч человек вообще не могли получить земли. По признанию самого Столыпина, в июне 1910 года в Сибири скопилось до 700 тысяч неустroенных переселенцев, которые арендовали землю, батрачили у местных кулаков-старожилов или просто бедствовали. Большая масса неустroенных переселенцев скопилась на Алтае, где новых земельных участков не хватало и для десятой части желающих.

В связи с этим приобретает острую форму борьба переселенцев против феодальной царской собственности на землю. Переселенцы зачастую самовольно захватывают пустующие кабинетские земли и участки, предназначенные для продажи зажиточным крестьянам. И кабинетскому начальству ничего не оставалось делать, как заключать с переселенцами арендные договоры на захваченную ими землю.

Жители многих переселенческих поселков отказывались от внесения арендной платы. Так, по донесению кузнецкого исправника, в 1914 году отказались платить за аренду земли все новые поселки близ Кузнецка. По заниженным официальным данным в 1913 году в бесплатном пользовании крестьян находилось свыше 50 тысяч десятин кабинетских земель.

Несмотря на жесткие меры со стороны кабинетских властей и судебных органов, невиданные масштабы приняла порубка переселенцами кабинетских лесов.

По мере того, как заселялась лесостепь на северо-западе Кузбасса, все больше переселенцев селилось в Кузнецкой и Мариинской тайге. Бездорожье, отдаленность от населенных пунктов, вековая чаща — все это осложняло освоение Кузнецкой тайги. Пароходы доходили лишь до Кузнецка, да и то в большую воду. Дальше сообщением служили грунтовые дороги и тропы, по которым могли пройти лишь выючные лошади. На пути вставали порожистые горные реки. Кругом по хребтам и долинам поднималась мощная чернь, заваленная буреломом, заросшая высокими травами.

Не менее трудной для освоения была Мариинская тайга с ее болотистыми трясиными и глухими зарослями.

В журнале «Сибирские вопросы» за 1909 год приведено описание Романовского и Сиротольского переселенческих поселков Ма-



Село Щеглово 1913 г.

рийского уезда. «От жилых мест эти поселки в 20 верстах; сообщение с ними возможно только верхом, а в распутицу всякое сообщение прерывается на 2—3 месяца. Беднота ужасная. В одной конуре живут по несколько семей вместе с курами, телятами и свиньями. За 5 лет оба поселка разработали 100 десятин земли, считая огороды и усадьбную землю, так что на душу приходится земли меньше, чем в России. Смертность ужасная; лица у всех испытые от недоедания и чрезмерной работы. Кто мог, бежал, а остальные вымирают».

Бедняки-переселенцы, преимущественно чуваша, основали в Мариинском уезде поселок Усть-Кайсас, переименованный в 1912 году в Кучум. По воспоминаниям стариков, записанным учителем И. П. Красновым, в 1904 году здесь поселилось четыре семьи, на следующий год приехала еще одна семья, а в 1907—1908 годах — 17 семей.

Поселились в тайге. Чтобы поставить избу, расчистить участок для огорода или пашни, приходилось валить лес. Первые годы только этим и занимались. Некоторые охотились, заводили пчел, заготавливали кедровые орехи. Дорог не было. Выбирались из тайги пешком, верхом или на волокушах. Заготовленную продукцию: тес, бочки, пушнину, дичь, мед, воск вывозили по санному пути в Кемерово или в степные села, где меняли на хлеб. На время уборки многие нанимались за хлеб батрачить к зажиточным крестьянам степных районов.

Материальный уровень жителей поселка был крайне низким. Зимой и лето ходили в лыковых лаптях и одежде из грубого самодельного холста. Женщины и девушки ночи напролет просиживали у коптящей лучины за прялкой. Люди не знали ни врача, ни школы.

Не многим лучше было положение переселенцев, попавших в старожильческие села. В 1909 году в д. Бороденково (ныне Артышта) Бачатской волости приехали 40 семей из Курской губернии. Один из переселенцев С. П. Чурсин вспоминает: «Местное население приняло нас недружелюбно. Нам долго не отводили земли, не давали покосов и выгонов. Многие, разочаровавшись, оставляли земельные участки, отведенные в неудобных местах и, окончательно разорившись, возвращались на старые места. Я решил остаться. Меня не принимало общество, водили в Бачаты к приставу, который велел оставить нас в деревне. Пришлось поставить обществу ведро вина. Но и после этого, когда я купил избенку, ее хотели разломать. Был работником у чужих людей и лишь в 1914 году перед тем, как забрать в армию, меня наделили землей».

А вот описание мытарств переселенцев в с. Мохово. Чтобы приписаться к общине, переселенцам нужно было подкупить деревенскую верхушку, заготовить несколько ведер самогона для односельчан. Сделать это могли немногие. Основная масса прибывших в село по несколько лет должна была добиваться приписки к общине. Без этого же не давалось ни земли, ни леса. Переселенцу оставалось одно — батрачить на кулаков. Старый житель села Мохово Андрей Чударов рассказывал, как он пять лет добивался приписки, работая у кулаков со всей своей семьей.

Каждый неурожай был катастрофой для маломощного, неустойчивого переселенческого хозяйства. В 1910 году переселенцы Кузнецкого и Мариинского уездов не собрали ни хлеба, ни сена. Чтобы не умереть с голоду, новоселы в округе с. Щеглово были вынуждены продавать последних лошадей по 8—12 рублей, хотя весной они стоили 35—40 рублей. В переселенческих поселках Судженской волости питались смесью из калины, рябины, гнилушек и муки.

Поскольку голодающие крестьяне не платили налогов, власти начали взыскивать их принудительным путем, продавая скот и имущество крестьян с торгов. Лошадь, стоящая 30 рублей, на торгах спускалась за 5 рублей. В ряде сел осталась без лошадей половина хозяйств.

Надо было иметь нечеловеческое терпение и выносливость, чтобы в одиночку, без помощи, вести в подобных условиях хозяйство. Вот история переселенца Чучелина из деревни Иткара, документы о которой ныне хранятся в Томском областном архиве. В 1909 году Чучелин подал прошение о ссуде, приложив к нему удостоверение сельского старосты и хозяйственной благонадежности переселенца. В удостоверении говорилось, что Чучелин своими руками построил дом «11 аршин на 9 аршин» и амбар для хлеба, имеет коня и корову. Однако нужда заставляет его бросить землю и семью, жить на станции Тайга, чтобы хоть немного заработать на ремонте железнодорожных путей.

Ссуда Чучелину была выдана. Проходит еще три года. Чучелин по-прежнему, как рыба об лед, бьется на своем участке. Прибавляя на стороне, он покупает в кредит плуг и, наконец, семена

пшеницы. Но они оказались невсхожими и в 1913 году его хозяйство описывают за долги. Чучелин обращается к томскому губернатору с отчаянной просьбой отсрочить продажу его имущества. Неизвестно, какое решение вынес губернатор, но вскоре иткарский староста в ответ на запрос переселенческого чиновника сообщил, что «Николая Чучелина во вверенном мне обществе не находится».

Куда делся Чучелин с семьей? — вернулся ли в Вятскую губернию, пошел ли работать на железную дорогу или на шахту, ясно одно — его мечта стать самостоятельным хозяином рухнула.

В 1910 году премьер-министр Столыпин совершал поездку по Сибири. Встретился он и с переселенцами, изнемогавшими в непосильной борьбе с Мариинской тайгой. Этот холеный барин внимательно присматривался к ободренным мужикам, прикидывая в уме, как заставить их больше и интенсивнее работать на благо правящего класса. Свои соображения Столыпин изложил в записке, опубликованной в печати. «В Мариинской тайге, — писал премьер-министр — даже в поселках сравнительно близких к ж. д. (30—40 верст), мы могли убедиться в беспомощности переселенцев в борьбе с лесом: они пользуются почти одними только гарями и еланями, образовавшимися от лесных пожаров». «И земля не плоха, да вот — не сила наша: лес одолел», — говорят переселенцы на целом ряде участков, нами виденных».

Решение вопроса Столыпин видел не в механизации работ: «Корчевальные машины дороги, корчевка вручную обойдется дешевле при существующих низких ценах на рабочие руки». Он считал, что в Сибири надо насадить кулацкие хутора, передать в собственность старожилов их наделы, продать земельные участки переселенцам и дело пойдет на лад — пусть надрывается батрак, корчуя вековые кедры на кулацких делянках!

Крестьяне-бедняки бежали от помещичьей кабалы в Сибирь, а Столыпин готовил им такую же кабалу на новых местах. Но планы помещичьего правительства были опрокинуты год от года возрастающей волной обратного переселения.

«Этот громадный поток вконец разоренных обратных переселенцев с неопровержимой наглядностью говорит нам о полном крахе правительственной переселенческой политики»¹, — писал В. И. Ленин. В потоке обратных переселенцев были и люди, безуспешно пытавшиеся завести хозяйство на землях Кузбасса.

2. Сельское хозяйство Кузбасса в 1907—1913 годах

Обнаруживалась несостоятельность не только переселенческой политики царизма. После 1906 года обостряется проблема сбыта сибирского хлеба. Как ни медленно становились на ноги переселенцы, все же часть их начала поставлять хлеб на рынок. Развитие

производительных сил сельского хозяйства Сибири пугало помещиков и крупных хлеботорговцев, кровно заинтересованных в поддержании высоких цен на хлеб.

Профессор Томского технологического института, депутат Государственной Думы, кадет Некрасов говорил в 1913 году с трибуны Думы: «Для Западной Сибири вопрос о рынках сбыта для хлеба является вопросом жизни и смерти». По его словам, создавалось «трагическое положение обширнейшего края, которому уже сейчас некуда девать свой хлеб, а перспективы ближайшего будущего угрожают формальным кризисом перепроизводства».

Все идеологи господствующего класса, вплоть до премьер-министра Столыпина, полагали, что Сибирь останется колонией, производящей сельскохозяйственное сырье и потребляющей привозные фабрично-заводские товары. По мнению Столыпина, «Сибири еще много лет предстоит быть страной, главным образом сельскохозяйственной, добывающей и поставляющей на мировой рынок сырье».

Московские фабриканты и томские купцы, правительственные чиновники и сибирские областники не видели для Сибири иного пути, как превращение ее в аграрный придаток Западной Европы.

С 1910 года, когда хозяйственный кризис в России начал сменяться промышленным подъемом, в Сибири снова активизируется иностранный капитал. Расширяется ввоз американских сельскохозяйственных машин, усиливается вывоз иностранными экспортерами продукции сельского хозяйства.

«Международная компания жатвенных машин в России», объединявшая крупнейшие американские заводы сельскохозяйственных машин, открыла в Сибири до 200 пунктов продажи машин, в том числе в городах и селах Кузбасса. Продажу своих изделий компания вела также через Переселенческое управление и частных торговых агентов. Так, торговец с. Коурак Кузнецкого уезда Вахов открыл на комиссионных началах склад сельскохозяйственных машин. Три торговца завели склады сельских машин в Кузнецке. В Мариинске имелись такие же склады переселенческого управления и местных купцов.

Обычно крестьяне приобретали машины в кредит. Но если крестьянин не вносил своевременно очередной платеж, он терял и машину, и уже выплаченные деньги. Мало того, что машины были устаревших систем, делались они далеко некачественно, и на продаже запасных частей американские фирмы наживали большие прибыли.

Крестьянин эксплуатировался монополиями и как покупатель, и как продавец. Сбывая по вздутым ценам устаревшие сельскохозяйственные машины и запасные части, иностранные компании по дешевке скупали у сибиряков хлеб, масло, пушнину. Местные кулаки и барышники, купцы и агенты иностранных торговых фирм создали обширную разветвленную сеть, по которой сельскохозяйственные продукты из сел и деревень Сибири перекачивались на всероссийский и мировой рынки. Этот процесс не мог уже задер-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 23, стр. 266.

жать ни пресловутый челябинский тарифный перелом, ни слабо развитая сеть железных дорог.

Большую роль в экспорте сельхозпродуктов и сырья играли иностранные банки, отделения которых одно за другим открывались в Сибири.

Кузнецкий и Мариинский уезды не относились к крупным хлебопроизводящим районам Сибири, но с притоком переселенцев и здесь довольно быстро растет площадь посевов и сбор зерна. Так, с 1908 по 1914 год посевная площадь с 261 тысячи увеличилась до 443 тысяч десятин, а общий сбор зерновых в 1914 году достиг 30,5 млн. пудов. Осенью, сразу после уборки урожая, в деревнях появлялись агенты хлеботорговцев. Крестьяне, нуждаясь в деньгах, были вынуждены отдавать хлеб за полцены.

Корреспондент журнала «Сибирские вопросы» описывал развернувшуюся зимой 1908 года хлебную спекуляцию в деревне Поломошная, расположенной в двух верстах от станции Тутальской: «В Поломошную понаехали агенты от разных фирм, а за ними, как шакалы, появились перекупщики, перехватывающие воза с хлебом по дорогам к станции. Самое лихорадочное участие в этом принимают местные крестьяне; они сдают свои амбары под ссыпку хлеба, они свозят его на станцию, провеивают и грузят в вагоны... По домам квартируют разные «агенты», по дворам торчат весы, по улицам стоят сельскохозяйственные орудия, днем и ночью толпятся по улицам люди, раздаются звуки гармонии, ругань, а в окнах домов за полночь виден свет и возня пьяных гостей».

Львиная доля прибылей от хлеботорговли оседала в карманах крупных скупщиков, которые внимательно следили за уровнем цен на международном рынке и в зависимости от них увеличивали или свертывали объем закупок хлеба. Меньше всех зарабатывали на хлебе те, кто его производил, — крестьяне.

Еще более быстрыми темпами росли закупки, и, в первую очередь, иностранными фирмами, таких ценных и легче выдерживающих большие транспортные расходы продуктов, как масло, яйца, шетина, кожа. Достаточно сказать, что масло вывозилось на сумму в три — четыре раза больше, чем хлеба.

Этому способствовало и относительно широко развитое скотоводство Западной Сибири. На 100 душ населения в 1914 году здесь приходилось 61,7 головы крупного рогатого скота — в два с лишним раза больше, чем в среднем по России.

Только за пять лет, с 1905 по 1910 год, количество крупного рогатого скота в Кузбассе со 120 тысяч увеличилось до 176 тысяч голов.

Скотоводство, как и раньше, носило отсталый экстенсивный характер. Коровы получали исключительно грубые корма, зимой и весной недоедали, поэтому, как правило, давали мало молока. Даже в наиболее благоприятных для животноводства районах среднегодовые удои на корову составляли от 800 до 1100 кг. В остальных районах они были еще ниже — от 400 до 700 кг.

Однако несмотря на это, производство товарного масла круто шло в гору, благодаря чему Сибирь вышла в число крупнейших в мире экспортеров сливочного масла. За 1909—1913 годы ежегодный экспорт масла в среднем составлял: из Дании — 88,7 тыс. тонн, Сибири — 62,1, Австралии — 35,1, Голландии — 34,1 и Швеции — 20,8 тыс. тонн. При этом значительная часть масла, вывозимого из Дании и Голландии, имела сибирское происхождение и под маркой своего перепродавалась датскими и голландскими фирмами по повышенным ценам.

Иностранные фирмы получали высокие прибыли не только от продажи масла в Западной Европе, но и от продажи промышленных товаров крестьянам, сдававшим молоко и масло. При маслодельных заводах и скупочных пунктах открывались магазины со всеми необходимыми крестьянину товарами, начиная от ситца и посуды, кончая сельхозмашинами и сепараторами. Товары отпускались в кредит по повышенным ценам, и крестьяне, задолжавшие фирме, уже не могли сдавать молоко и масло другому скупщику, хотя бы он и предлагал более высокую цену.

Поначалу экспортные фирмы открывали в селах свои маслодельные и сыроваренные заводы, но вскоре отказались от непосредственного производства, предпочитая иметь дело с мелкими местными заводчиками или маслодельными артелями, объединявшими кулацкую часть деревни.

В Кузнецком и Мариинском уездах маслоделие развивалось медленнее, чем в соседних степных уездах Томской губернии.

Основными районами производства масла были села Брюханово и Усть-Сосновское, а также железнодорожные станции Болотная, Юрга и Топки, откуда удобнее было вывозить масло. Всего в 1913 году в Кузнецком и Мариинском уездах было 323 мелких маслодельных заводов с 507 рабочими. Они производили около 127 тысяч пудов масла на полтора с лишним миллиона рублей.

Исконный сибирский промысел — охота отошла на задний план по ценности товарной продукции, хотя ею еще занимались многие жители Мариинского и особенно Кузнецкого уездов.

В 1913 году, например, охотниками, преимущественно шорцами Кузнецкого уезда, было заготовлено 9130 шкурок белки, 7670 — зайца, 5022 — колонка, 2770 — горностая, 1415 — хорька, 73 — медведя, 66 — лисы, всего на 26 599 рублей. Кроме того, было забито много дичи — на 29 562 рубля. Значительную часть дохода от промысла получал не рядовой охотник, а русские и шорские торговцы пушниной. В Мысках, Осинниках и других селах юга Кузнецкого уезда жили богатые шорские торговцы, нещадно эксплуатировавшие местных охотников и сборщиков кедрового ореха.

Положение крестьян Кузбасса в эпоху империализма свидетельствует о том, что для большинства крестьян беспомощный, американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве означал замену помещичьей кабалы гнетом монополистического капитала и местных мироедов.

3. Промышленность Кузбасса в предвоенные годы

Положение промышленности Кузбасса определялось общими закономерностями развития промышленности России: длительная депрессия с 1909—1910 годов сменяется промышленным подъемом. Вместе с тем здесь наблюдаются и особенности, характерные для окраин российской империи.

Остановимся прежде всего на состоянии угольной промышленности. После прокладки Сибирской магистрали потребность в угле резко возросла. Это сразу сказалось на темпах угледобычи. С 1901 по 1913 год добыча угля в Кузбассе поднялась почти в шесть раз, с 8 до 47,2 миллионов пудов в год. В 1913 году вся Сибирь дала 1 265 тыс. тонн угля, из них свыше половины — 773 тысячи тонн падало на долю Кузнецкого бассейна. Но в целом угольные ресурсы бассейна использовались в ничтожной степени, и во всероссийском масштабе на долю Кузбасса приходилось всего около трех процентов добычи.

Несмотря на примитивную механизацию, разработка мощных угольных пластов, залегающих неглубоко от поверхности, позволила достичь на коях Кузбасса относительно высокой производительности труда. Так, годовая выработка на одного рабочего с 1901 по 1910 год, повысилась с 7 300 до 11 500 пудов. Для сравнения укажем, что в 1910 году средняя выработка на горнорабочего по России составляла 9 500 пудов, а по Донбассу — 8 500 пудов.

13 февраля 1913 года состоялось межведомственное совещание, в котором участвовали представители советов съездов горнопромышленников юга России, Урала и Польши, представители углепромышленников Черемховского бассейна, Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей (Копикуз), Анжерских и Судженских копей, представители железных дорог и заинтересованных ведомств. Было объявлено, что в связи с недостатком донецкого угля для удовлетворения потребностей страны казенные железные дороги готовы значительно снизить тарифы для провоза сибирских углей и распространить действие сниженных тарифов вплоть до Москвы. Однако сибирские углепромышленники не отважились конкурировать с Продуглем и заявили, что они готовы снабжать своим углем Урал и Заволжье и не претендуют на переход через Волгу, а поэтому просят считать конечными пунктами действия пониженных тарифов станции Батраки и Самару.

Так Копикуз и синдикат Черемховских углепромышленников разделили сферы влияния с Продуглем, обязавшись ограничиться завозом сибирских углей и кокса на Урал и в Заволжье.

Осенью департамент железнодорожных дел опубликовал новые, сниженные тарифы на перевозку сибирского угля. Действие их распространялось до ст. Батраки. Как указывалось в «Журнале общества сибирских инженеров», «это и есть граница, дальше которой сибирский уголь не должен идти, чтобы не подрывать как продукт более дешевый, рынка для дорогого донецкого угля».

Предприниматели Кузбасса использовали рост спроса на уголь в период предвоенного промышленного подъема и сумели отстоять для себя уральский рынок. Добыча угля в Кузбассе в 1913 году поднялась почти на 44 процента по сравнению с 1912 годом. Владелец Судженских копей Михельсон в этот год продал около 50 миллионов пудов топлива Тюменско-Омской, Самаро-Златоустовской и Волго-Бугульминской железным дорогам. Но дальнейшему росту вывоза мешала ограниченная пропускная способность Сибирской магистрали.

В связи с ростом спроса на кузнецкий уголь, цена на него поднялась на две копейки с пуда, что принесло новые прибыли промышленникам.

Угольные предприятия сосредоточились на северной окраине бассейна, вблизи от Сибирской магистрали. В то же время колоссальные месторождения коксующихся и энергетических углей юга и центра бассейна почти не разрабатывались. Северный Анжеро-Судженский район в 1913 году дал 46 591 тысячу пудов или 99 процентов всего добытого в Кузбассе угля. Кабинет предпринимал малоуспешные попытки организовать угледобычу в своих владениях на Кольчугинском и Кемеровском месторождениях. Кольчугинские копи снабжали углем и коксом Гурьевский завод. Но после того, как в 1908 году завод был законсервирован, сошла на нет и работа копей.

В 1906 году правление Алтайского округа предложило управляющему кольчугинским рудником Н. С. Бьюкову произвести разведку в районе д. Кемеровой. Весной следующего года на Лысую гору близ деревни пришла группа кольчугинских шахтеров во главе с десятником Н. Чарухиным. Они начали проходку шурфов для закладки шахт и штолен по пластам, названным Промежуточным и Андреевским. Позже управляющий Кемеровским рудником инженер Мамонтов переименовал их в Волковский (по имени первого открывателя кузнецкого угля) и Кемеровский. 28 августа (10 сентября по новому стилю) 1907 года была заложена шахта № 1. Вскоре были заложены еще одна небольшая шахта и штольня. В 1909 году на новом руднике было добыто 93 тысячи пудов, а в 1911 году — 150 тысяч пудов угля.

В 1912—1914 годах усилился интерес к кузнецкому углю. Угольный голод, созданный в России усилиями Продугля, и повышение цен на уголь сулили большие прибыли предпринимателям. Около Кемеровы открылись копи уральского «Богословского горнозаводского акционерного общества», уральским заводам которого был нужен коксующийся уголь.

По поручению известной французской оружейной фирмы Шнейдер-Крезо в бассейне побывали инженеры Громье и Барильон. В 1912 году они опубликовали в Париже отчет о своей поездке «в частные владения его величества императора России». Далекий вояж иноземных специалистов был связан с организацией Акционерного общества каменноугольных копей (Копикуза), в котором

не последнее слово принадлежало французскому капиталу. Инициатором создания нового общества был тайный советник В. Ф. Трепов, брат петербургского градоначальника, известного своими расправами с рабочими в 1905 году. Этот делец, пользуясь связями при дворе, сумел заключить выгодный договор с кабинетом. По его предложению несколько парижских банков создали в начале 1912 года Алтайско-Сибирской консорциум для организации крупного акционерного общества в Кузбассе. К консорциуму примкнули русские Международный коммерческий и Русско-Азиатский банки. Официальными учредителями Копикуза стали В. Ф. Трепов и председатель правления Международного коммерческого банка С. С. Хрулев.

По договору, заключенному 19 октября 1912 года учредителями общества с кабинетом, «за каждый пуд добытого и извлеченного на поверхность угля учредители общества обязаны уплачивать кабинету по полкопейки». 10 ноября 1912 года Николай II утвердил устав Акционерного общества кузнецких каменноугольных копей.

Трепов возглавил правление общества, общее же руководство осуществляли парижские и петербургские банки; владевшие большинством акций. Непосредственно делами общества руководил директор-распорядитель инженер И. И. Федорович.

Копикуз получил монопольное право производить до 1 января 1917 года разведки и строить шахты во всем Кузнецком бассейне. Предусматривалось, что эти права могли быть продлены до 1 января 1920 года, если общество в 1913—1914 годах оборудует Кольчугинские каменноугольные копи для добычи угля «в размере свыше десяти миллионов пудов» и построит железную дорогу от Кольчугина до станции Юрга. По шестому пункту договора угольные месторождения отводились обществу на 60 лет. Таким образом Кузбасс, один из крупнейших каменноугольных бассейнов мира, с 1912 года отдавался в полное распоряжение монополистического капитала за полкопейки с пуда угля, поступавшие в личную казну российского императора.

В 1913 году Копикуз заключил с кабинетом дополнительный договор, по которому получил право разведки железорудных месторождений в Горной Шории и на Салаирском кряже с обязательством ежегодного вложения в это дело не менее 40 тысяч рублей. При выполнении этого условия Копикуз заключал договор на эксплуатацию железорудных месторождений. Предусматривалось, что акционерное общество будет уплачивать кабинету по 2,5 копейки с пуда выплавленного чугуна, что в 1918 году выплавка чугуна должна достигнуть не менее двух с половиной миллионов пудов.

От станции Юрга началась прокладка ветки на Кольчугино с ответвлением на Кемерово. В тайгу двинулись разведочные партии. Близ Кемерово и Кольчугина форсировалась проходка штолен и шахт.

Особенно энергично велось строительство Капитальной и Нико-

лаевской шахт на Кольчугинском руднике: возводились временные деревянные копры, машинные и котельные здания, устанавливались подъемные машины, строились землянки и казармы для рабочих, особняк для управляющего рудником.

Было начато переоборудование приобретенного Копикузом у кабинета Гурьевского завода. Акционерное общество вынашивало планы строительства на юге Кузбасса нового металлургического завода.

Копикуз быстро складывался в высшую форму капиталистической монополии — концерн, производственное объединение различных, но экономически связанных предприятий.

Пока же большинство шахтеров было сосредоточено на казенных Анжерских и частных Судженских угольных копях. С 1901 по 1910 год число рабочих здесь выросло в два с лишним раза и достигло 2 340 человек. На угольные копи, как и на золотые прииски, тянулось не мало бедных крестьян, переселенцев и старожилов. Многие из них не порывали связи с сельским хозяйством. Поэтому зимой число рабочих на копях было больше, чем летом.

Горняки объединялись в артели численностью до 200 человек. Артель добывала уголь, крепила выработки и доставляла уголь к шахтному стволу. На Судженских копях шахтеры работали по восемь часов, через восемь часов отдыха. Рабочий день на поверхности продолжался 10 с половиной часов. На Анжерских копях все работало по 11 часов.

В погоне за прибылями администрация шахт пренебрегала элементарными правилами техники безопасности. В 1910 году на Анжерских копях произошло 435 несчастных случаев, в 1911 — 338, в 1912 — 696. Виновники аварий отделялись лишь церковным покаянием.

29 февраля 1908 года произошла катастрофа на Судженских копях. На шахте № 7 возник подземный пожар. Часть шахтеров оказалась отрезанными в дальних выработках. Администрация растерялась и действовала вразброд. Лишь к вечеру следующего дня спасателям удалось добраться до штрека, где остались рабочие. Но помощь опоздала: 12 горняков были уже мертвыми.

Рабочие, ставшие инвалидами, получали жалкое пособие, да и то далеко не все.

Шахтер трудился каждый день, рискуя жизнью, но никогда не получал полностью заработанных денег. Часть заработка уходила на приобретение инструмента, спецодежды и масла для лампочек. Разными путями обирали рабочих артельщики, которые учитывали выработку каждого члена артели, вели расчеты с которой и выдавали заработную плату рабочим. Помимо законных пяти процентов артельщики присваивали часть шахтерских денег, обчитывая горняков. Часто вместо денег рабочим выдавались талоны на получение продуктов в местных лавках. При этом артельщики вступали в сделки с лавочниками, получали от них коммиссионные.

На угольных копях, как и на золотых приисках, торговля вином официально запрещалась. Но артельщики и шинкарки при попустительстве полиции спаивали шахтеров, причем продавали водку дороже казенной цены. Только винная лавка небольшого села Листвянка, расположенного в четырех верстах от Судженских копей, ежегодно продавала свыше 10 тысяч ведер водки.

Отделение общества потребителей Сибирской дороги, открытое на Анжерских копях работало скверно. Доверенный магазина и приказчики назначались правлением, находившемся в Томске, и местные пайщики не могли их контролировать. Наконец общество потребителей Сибирской дороги потерпело крах, и его магазин на Анжерских копях закрылся. С 1906 года существовало общество потребителей на Судженских копях, но оно объединяло сравнительно немногих рабочих.

Вокруг Анжерских копей выросли поселки: Теребиловка, Порываевка, Сахалинка и Новая деревня или Иннокентьевка. Кроме того, существовало пять «колоний» с казенными бараками и домами, где жило около 1 800 человек. Служащие жили в привилегированной первой колонии. Даже простое появление здесь рабочего, играющего на гармонии, рассматривалось как непростительная дерзость — стражник немедленно отправлял нарушителя спокойствия в каталажку. Рабочие жили в четырех колониях. Здесь были 12 казарм для холостяков и 152 дома для семейных. В каждой однокомнатной квартире жило по две семьи.

На Анжерских копях имелась электростанция, но рабочие бараки не освещались.

До 1906 года население Анжерских копей пользовалось водой из колодцев и речки Анжеры. По мере расширения подземных выработок и вырубки окрестных лесов колодцы и речки стали высыхать. Рабочие были вынуждены брать грязную, пропахшую смазочными маслами воду из затопленной шахты № 7. Осенью 1906 года была проведена вода из речки Алчедат, но и эта вода не отличалась хорошим качеством. Годную для питья воду давал лишь колодец, прорытый в колонии служащих. Судженские шахтеры пили воду из грязной речки, берега которой были завалены навозом.

Выйдя из шахты, рабочие даже не могли смыть с себя угольную пыль. Казенная баня на Анжерских копях была мала, грязна и работала не каждый день.

В больнице Судженских копей в 1910 году было всего 12 коек. Женщины рожали в бараках и землянках, причем лишь треть родов принимала акушерка.

Большинство детей школьного возраста не могло посещать школу. На Судженских копях имелась одноклассная школа, в 1909 году занимались 62 мальчика и 40 девочек.

Две одноклассные школы имелись на десяти тысячное население Анжерских копей. В 1913 году в них обучалось 296 учеников.

В 1910 году на Анжерских копях открылся клуб служащих.

Рабочие допускались в него с ограничениями — в зрительном зале они могли занимать только задние ряды.

В связи с разворотом работ, предпринятых Копикузом, армия горняков и строителей начала быстро увеличиваться. В 1914 году на Кольчугинском руднике было уже полторы тысячи рабочих. Многие сотни рабочих были заняты на строительстве Кемеровского рудника и вели разведку руды и угля в разных местах Кузбасса.

Проходку шахт и постройку зданий Копикуз отдавал на откуп подрядчикам, которые укрывали свою долю прибыли от эксплуатации рабочих. Основным строительным материалом был лес, а главным строительным рабочим — плотник. Им-то и становился, как правило, вчерашний бедняк-крестьянин Кузнецкого или Мариинского уездов.

Наряду с угледобычей к наиболее развитым отраслям промышленности Кузбасса того времени все еще относилась и добыча золота. Правда ее удельный вес в общей стоимости продукции из года в год падал. Если в 1901 году стоимость всего добытого угля оценивалась в 482,5 тысячи рублей, то золота — в 2,8 млн. рублей. В 1910 году угля было добыто на 2,1 млн. рублей, а золота — на 2,6 млн. В 1913 году — угля на 4,7 млн., золота же — на 2,3 млн. рублей.

Добыча угля за эти годы выросла в шесть раз, а добыча золота сократилась со 132 до 108,5 пудов. При этом особенно большой упадок добычи золота наблюдался в 1906—1908 годах, когда она снижалась до 53—60 пудов.

Если угольная промышленность Кузбасса в предвоенные годы занимала первое место по Сибири, то золота Кузнецкий и Мариинский уезды давали в 14 раз меньше, чем Восточная Сибирь.

Постепенное сокращение добычи благородного металла в Кузбассе отражало углубляющийся кризис немеханизированной, «мускульной» золотопромышленности.

Общее число частных приисков Кузнецкого и Мариинского уездов сократилось со 148 в 1901 году до 60 в 1910 году, то есть в два с половиной раза. Но параллельно с этим шел и процесс концентрации и механизации производства. Каждый прииск 1901 года давал в среднем по 32 фунта золота, а в 1910 году по пуду и 27 фунтов. Из 83,5 пуда золота, добытого за 1910 год в Мариинском горном округе, 44 пуда 37 фунтов пришлось на три прииска компании Иваницких, 32,5 пуда — на три прииска компании Родюкова и Малышева. В то же время 19 приисков мелких предпринимателей дали всего два пуда 27 фунтов, или в среднем по пять фунтов золота на прииск. Аналогичное положение было и в Кузнецком уезде. В 1910 году по уровню механизации золотодобычи Томский и Алтайский горные округа принадлежали к передовым в Сибири.

Вот данные о добыче в Сибири золота в 1910 году.

	Россыпн.		Дражное		Гидравлич.		Ручное			
	пуд.	фунт.	пуд.	фунт.	пуд.	фунт.	механич. путем		химич. путем	
							пуд.	фунт.	пуд.	фунт.
Томский	1	18	3	15	—	—	50	12	26	35
Алтайский	19	5	—	—	7	31	8	23	—	—
Всего в Западной Сибири	50	32	87	24	8	16	127	18	29	19
Всего в Восточной Сибири	1768	5	—	1	—	—	—	27	—	11

Бросается в глаза заметная разница в уровне механизации приисковых работ в Мариинском и Кузнецком уездах. На темпах механизации золотодобычи в Мариинском уезде сказывались близость железной дороги, облегчавшая доставку машин, и более льготные условия отвода золотоносных площадей: арендаторы приисков в Кузнецком уезде платили кабинету более высокую арендную плату. В годы предвоенного промышленного подъема в Кузнецкой и, особенно, в Мариинской тайге свертывается ручная добыча россыпного золота, расширяются механизированные работы, главным образом по добыче рудного золота.

На крупных приисках Мариинской тайги — Центральном, Лотерейном, Богомдарованном (теперь Коммунар), Берикольском появились свои электростанции. Было введено перфораторное бурение. Руда дробилась на бегунных фабриках. Для извлечения металла из шлама и ила стал применяться метод цианирования.

Шла дальнейшая концентрация производства. В 1911 году «Российское золотопромышленное общество» арендовало у кабинета Егорьевские прииски и купило у промышленников Иваницких наиболее богатые рудники: Богомдарованный, Центральный, Лотерейный и другие. У компании Родюкова и Малышева был приобретен рудник Шестая Берикольская площадь. В свою очередь «Российское золотопромышленное общество», оказавшись без средств на переоборудование рудников, попало в руки Петербургского Международного банка, связанного с обществом Лена-Гольдфильдс, который скупил упавшие в цене акции Российского золотопромышленного общества и стал его фактическим владельцем. Была произведена реорганизация управления золотыми рудниками Кузнецкого Алатау. В 1912 году появилось «золотопромышленное общество Мариинских приисков», принадлежавших ранее Иваницким, которое было дочерним предприятием Российского золотопромышленного общества. Позднее и оно стало ответвлением общества Лена-Гольдфильдс. Таким образом, крупнейшая английская монополия установила свой контроль над золотыми рудниками Кузбасса.

Каждую весну в Сибирь из Европейской России артелями и в одиночку ехали землекопы, плотники, каменщики. Часть из них оседала на приисках. Но большинство приискателей были из мест-

ных крестьян и городской бедноты. В Кузнецкой тайге в 1910 году из 1904 приисковых рабочих только 396 человек являлись выходцами из Центральной России или соседних губерний.

На приисках Томского горного округа в Мариинской тайге, в 1910 году было 687 годовых рабочих (без золотничников), через два года, в связи с расширением работ, их число достигло трех тысяч.

На приисках Алтайского горного округа, в Кузнецкой тайге, в 1910 году было занято 1904 рабочих, в том числе 939 золотничников. В 1913 году здесь трудилось также более трех тысяч хозяйских рабочих и 510 отрядных и золотничников.

Быстрый рост числа хозяйских рабочих и сокращение численности золотничников отражали коренную техническую и организационную перестройку золотопромышленности. Механизация золотодобычи сопровождалась появлением новых профессий рабочих, обслуживающих механизмы: бурильщиков, машинистов, слесарей, кочегаров, масленщиков. Квалифицированные рабочие на электростанциях, иловых заводах и бегунных фабриках получали повышенную зарплату, поэтому средний заработок рабочих на рудниках был выше, чем на приисках. Так в 1910—1911 годах заработок рабочего на добыче россыпного золота в Томском округе составлял 150—200 рублей в год, а на золотых рудниках — 200—300 рублей. Зимой зарплата резко падала.

Приисковые рабочие жили в общих казармах. Спали на нарах. Здесь же готовили пищу, сушили одежду и обувь. Продукты брали в кредит из хозяйского амбара. Ни один посторонний торговец не смел появиться на прииске. Пользуясь этой монополией, золотопромышленники назначали на товары свои цены.

Среди промышленных отраслей дореволюционной Сибири в стоимостном выражении производимой продукции пальма первенства, безусловно, принадлежала пищевой промышленности. И только в Кузбассе она уступала свое почетное место тяжелой промышленности.

Приводим соответствующие данные:

	Стоимость произведенной продукции (в рублях)		
	угольная промышленность	золотопромышленность	обрабатывающая промышленность
1901 год	482 500	2 824 000	219 758
1910 год	2 160 500	2 675 000	1 214 340

На первое место в обрабатывающей промышленности в предвоенный период вышло маслоделие: в 1910 году маслодельные заводы Кузнецкого и Мариинского уездов произвели сливочного масла на 808 тысяч рублей, что составило две трети стоимости продукции всей обрабатывающей промышленности. Характерной ее особенностью были мелкие размеры предприятий. На 1435 масло-

дельных заводах, кирпичных, пивоваренных, мыловаренных заводах, кузницах, мельницах, кожевенных и гончарных мастерских, в 1910 году трудилось всего 2320 рабочих. Средняя же стоимость продукции, производимой таким предприятием, составляла несколько сотен рублей в год. Производство на многих из этих примитивных заводиков и мастерских носило сезонный характер.

4. Рабочее движение в годы революционного подъема

По имеющимся данным, число промышленных и железнодорожных рабочих Кузбасса выросло за первое десятилетие двадцатого века с 15 до 17 тысяч человек, а к 1913 году достигло уже 20—22 тысяч человек. Численность рабочих вместе с членами их семей составляла в это время не менее 60 тысяч человек, или примерно десятую часть всего населения Кузбасса, насчитывавшего на первое января 1914 года 630 890 человек.

В революции 1905—1907 гг. приискатели не проявляли такой активности, как железнодорожники и шахтеры. В предвоенные годы положение меняется. В 1911 году состоялись первомайские забастовки на Центральном и Лотерейном золотых рудниках Российского золотопромышленного общества. В июне произошла четырехдневная забастовка на Богомдарованном руднике. Осенью рабочие Лотерейного и Центрального рудников потребовали от администрации повысить заработную плату в зимнее время, снизить цены на продукты в приисковых амбарах и улучшить жилищные условия. Единодушные и организованность рабочих заставили администрацию пойти на уступки.

В феврале 1912 года рабочие Центрального и Лотерейного рудников потребовали установить восьмичасовой рабочий день на всех работах. Из Мариинска прибыл отряд солдат. Были арестованы члены стачечного комитета Синкин, Вагин и Гусев. Но и на этот раз победа осталась за приискателями: администрация удовлетворила требования забастовщиков. С четвертого по шестое марта бастовали 420 рабочих Мариинских медных и золотых рудников. Пятого марта к ним присоединились около 100 рабочих Богомдарованного рудника.

В феврале же потребовали поднять зарплату рабочие Уксунайского прииска, арендованного у кабинета Везириным и Стенлеем. Бастовали они в марте. Арендаторы вынуждены были удовлетворить требования рабочих.

Бурю протеста и новую волну забастовочного движения по всей России вызвала весть о кровавой расправе над рабочими Ленских приисков. Часть ленских приискателей позднее работала на шахтах Кузбасса. На Кольчугинском руднике, например, поселился бывший ленский шахтер Семен Проскаков, герой одноименной поэмы Н. Асеева.

На ленские события откликнулись забастовкой железнодорожники Тайги, митинги протеста прошли на шахтах Анжерки и Судженки. В мае произошла крупная забастовка на Бериккульском руднике, принадлежавшем Российскому золотопромышленному обществу. Администрация гарантировала рабочим поденный заработок в размере одного рубля, а вырабатывали они по 30—40 копеек. Рабочие депутаты предъявили свои требования управляющему. Тот предложил запросить центральное правление общества. Рабочие согласились подождать три дня, не приступая к работам. Приехавший в тот же день на рудник горный исправник потребовал прекратить забастовку. Шахтеры заявили, что в случае отказа правления удовлетворить их требования, они потребуют поголовного расчета. Управляющий, получив от правления право действовать по своему усмотрению, объявил о 15-процентном повышении зарплаты в летние месяцы. Шахтеры снова отказались приступать к работе на таких условиях. Тогда управляющий, стремясь внести раскол в среду рабочих, объявил об увольнении недовольных. Часть шахтеров дрогнула и заявила о согласии выйти на работу. Однако 46 рабочих потребовали расчета. Забастовка бериккульских шахтеров настолько напугала губернскую администрацию, что 24 мая на рудник приезжал сам томский губернатор. Широко освещала забастовку на Бериккульском руднике большевистская печать. В «Правде» и «Невской звезде» было напечатано о ней несколько корреспонденций.

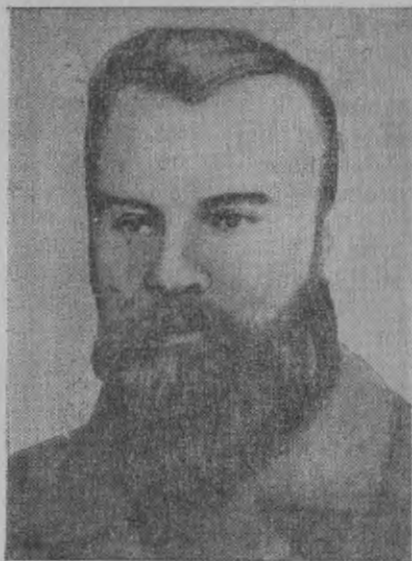
С 16 по 19 октября 1912 года вспыхнула новая забастовка на Лотерейном и Центральном рудниках. Стаечный комитет добился удовлетворения значительной части требований рабочих. В начале 1913 года произошли забастовки на Салаирских приисках, Судженских коях и станции Тайга.

Когда в феврале 1913 года в России отмечалось 300-летие династии Романовых, в ряде городов Сибири, в том числе в Тайге, рабочие провели собрания и митинги протеста. 1 мая 1913 года в Тайге, на Анжерских и Судженских коях состоялись нелегальные собрания. В мае 1914 года бастовало 100 рабочих Покровской и Воскресенской шахт Центрального рудника. Седьмого июня забастовали строители кольчугинской железной дороги. Два дня бастовали анжерские шахтеры и вышли на работу, лишь получив заверения администрации о прибавке заработка. В забастовочную борьбу включились даже приказчики торговой фирмы Второва, отделения которой были разбросаны по многим городам Сибири.

Более широкому развешиванию рабочего движения мешала текучесть рабочих, сохранение связи с деревней, большой процент сезонников.

Простейшей традиционной формой организации шахтеров были артели, защищавшие своих членов, расправлявшиеся по-своему с доносчиками и предателями.

Прослойка политически сознательных, имевших опыт классовой борьбы рабочих, была сравнительно небольшой. В годы предвоен-



В. П. Обнорский, выдающийся деятель революционного рабочего движения 70-х годов.

ного революционного подъема эти люди становятся первыми подписчиками на «Правду», организуют подписку на нее среди товарищей, проводят сборы в помощь газете. Старый коммунист Е. Д. Вдовин, работавший в 1913—1914 годах плотником на Кемеровском руднике, сообщает о десятнике С. Ф. Голкине, распространявшем «Правду»: «Голкин рассказал мне, что есть такая рабочая газета «Правда» и посоветовал выписать ее. Я бывал у него на квартире, смотрел «Правду», сам написал эту газету осенью 1913 года и был подписчиком до ее закрытия в 1914 году. В «Правде» я читал острые статьи о штрафах и забастовках. Ясного понятия о большевиках у меня не было, понимал лишь, что рабочий класс борется за свои права. Голкин проводил сборы на газету «Правда». Один раз он пригласил

меня с собой. Вечером пошли по поселку. Голкин заходил на квартиры к знакомым рабочим и беседовал с ними, говорил, что полиция штрафует рабочую газету, внеси, сколько можешь, на уплату штрафов. Давали кто 20 копеек, кто больше, кто меньше. Обошли домов с десяток, набрали два-три рубля».

В Кузнецке с 1909 года жил под надзором полиции один из зачинателей рабочего движения в России Виктор Павлович Обнорский. Вместе с Халтуриным в 1878 году он основал в Петербурге Северный Союз русских рабочих. Вскоре Обнорский был арестован и приговорен к десяти годам каторги, которую отбывал на Каре в Забайкалье. После каторги Обнорский вышел на поселение, работал механиком в Верхне-Амурской золотопромышленной компании, а затем переехал в Кузнецк. Ремонтируя часы, швейные машины, гармоники, ружья, Обнорский быстро завоевал уважение горожан своим мастерством и бескорыстностью.

Исподволь Обнорский сколачивал вокруг себя кружок единомышленников. В него входили фельдшер Р. М. Борисенко, политссылный А. И. Васильев, бухгалтер Н. Н. Станкеев, слесарь К. А. Кобелев, И. С. Коковин. О политических взглядах Обнорского позволяют судить наставления, которые он давал в 1915 году призванному в армию учителю В. С. Станкееву: «Воевать надо... только не с немцами, а с царским самодержавием. Представьте, что получилось бы, если бы миллионы солдат, брошенных на фронт,

обратили свои штыки против царя. Ведь это была бы небывалая огромная победа рабочего класса».

Есть данные, что в 1912—1913 годах большевистские группы существовали на станции Тайга, Анжеро-Судженских коях. В Мариинске большевики и меньшевики входили в одну группу. Осенью 1912 года были арестованы некоторые члены Тайгинского комитета РСДРП, в начале 1913 года полиция произвела здесь новые аресты.

Таким образом, общероссийский революционный подъем нашел отклик среди рабочих Кузбасса. Политическая обстановка в России все более обострялась. В стране стала складываться революционная ситуация. Но тут грянула первая мировая война.

5. Города Кузбасса в период империализма

Начало нового столетия характерно быстрым ростом рабочих поселков вокруг угольных шахт, золотых рудников и железнодорожных станций. Старые города — Кузнецк и Мариинск — явно отстают в своем развитии. И не случайно: рабочие и их семьи концентрируются вокруг быстроразвивающихся промышленных центров. По данным переписи 1917 года население поселений городского типа составляло:

Населенный пункт	Число жителей
Кузнецк	3154
Мариинск (со станцией Мариинск)	10801
Тайга (со станцией Тайга и пристанционным поселком Новый)	9916
Щеглово-Кемерово (Щеглово, поселок химического завода, станция Кемерово, Кемеровские копи)	5710
Анжерские копи	9656
Судженские копи	6703
Кольчугино (Кольчугинские копи, поселок Пеньки, станция Кольчугино, шахта «Журинская»)	4907

Официально было три города: Кузнецк, Мариинск и Тайга, ставшая городом в 1911 году.

Население Кузнецка в 1897 году составляло 3117 человек, таким оно осталось и два десятка лет спустя. Значительная часть жителей города занималась земледелием, скотоводством, пчеловодством. В 1913 году здесь имелось 29 промышленных заведений с 57 рабочими, выработавших на 24,5 тыс. рублей различной продукции. По уровню развития промышленности Кузнецк находился на последнем месте среди уездных городов Томской губернии.

В Кузнецке того времени было 27 торговцев, занимавшихся продажей мануфактуры, бакалеи, вина, пива — два из них имели свои пивоваренные заводи. Три торговца держали склады сельхозмашин, двое торговали хлебом, пятеро — скупали в округе сало и меха.

Каждую девятую пятницу после пасхи в городе проходила ярмарка, на которой крестьяне ближайших волостей сбывали продукты своего хозяйства, покупали промышленные товары и сельскохозяйственного инвентаря. Обороты ярмарки в лучшие годы достигали 30 тысяч рублей.

Перед войной Кузнецк имел четырехклассное городское училище, двухклассное женское училище, две церковно-приходские школы, воскресную школу, одну библиотеку. По городскому бюджету в 1913 году на народное образование было истрчено 1546 рублей. В штате участковой лечебницы и военного лазарета числился один врач и два фельдшера.

Кузнецк был уездным городом. В нем находилось уездное полицейское управление, уездное казначейство, податной инспектор, камера мирового судьи, уездное воинское присутствие, управление уездного воинского начальника, воинская команда, тюрьма, помещавшаяся в старой крепости. В городе собирались уездные съезды крестьянских начальников и жил крестьянский начальник, ведавший пригородными волостями.

В связи с малочисленностью населения в Кузнецке действовало упрощенное городское общественное управление. Сход домохозяев выбирал собрание из 12—15 уполномоченных, которые, в свою очередь, выбирали из своей среды городского старосту с одним-двумя помощниками. В уполномоченные обычно попадали купцы и зажиточные мещане.

Монотонная жизнь городских обывателей нарушалась лишь проводами очередной арестантской партии, приходом по вешней воде первого парохода, ярмаркой, да крестным ходом. Уходили, гремя кандалами, арестанты, отваливал от пристани пароход, снимались ярмарочные балаганы, и кузнецкий обыватель опять погружался в дремотное существование.

Несколько десятков рабочих были разбросаны по одному-два человека на мелких предприятиях. Малочисленность и разобщенность мешали им сообща защищать свои интересы, как это делали шахтеры и приискатели.

Приезжим людям Кузнецк напоминал большое село. Это подчеркивал и известный ученый В. А. Обручев, побывавший весной 1914 года в Кузнецке. Но постепенно и сюда проникал дух времени, появлялись новые люди. В одном из лучших домов города разместилась контора Копикуза. В 1916 году открылось отделение Русско-Азиатского банка, а в 1917 году — отделение Петроградского Международного банка.

После прокладки Сибирской магистрали дыхание жизни коснулось и Мариинска. Население города с 8125 человек в 1897 году выросло до 10 800 человек в 1917 году (с поселком при станции).

Как и в Кузнецке, часть жителей Мариинска занималась сельскохозяйственным хозяйством, но мелкая промышленность здесь была развита несколько шире. В 1913 году здесь было 105 рабочих, занятых в 55 промышленных заведениях.

Со станции Мариинск ежегодно отправлялось до 3 миллионов пудов хлебных грузов. В городе действовало несколько хлебозакупочных контор, агенты которых скупали хлеб по деревням. Отсюда вывозилось мясо и дичь. Годовой оборот торговых предприятий превышал миллион рублей. С 16 октября по 15 ноября в городе проходила многолюдная Казанская ярмарка.

Через Мариинск шло снабжение продовольствием и промышленными товарами приисков Мариинской тайги. Здесь же происходил наем рабочих на прииски.

В Мариинске существовала Городская Дума. Бюджет города значительно превышал бюджет Кузнецка. В 1910 году его расходная часть составляла 46 999 рублей (в Кузнецке 12 741 рубль). Но это не спасало обывателей от грязи и темноты.

В Мариинске были женская гимназия — первое среднее учебное заведение Кузбасса, высшее начальное училище, еврейское училище, железнодорожное училище, несколько церковно-приходских школ, три библиотеки. В городе имелось три лечебных заведения, три врача, семь фельдшеров.

Мариинск являлся административным центром уезда, и в нем были те же уездные учреждения, что и в Кузнецке.

Кузнецкий и Мариинский уезды, как и вся Сибирь, серьезно отставали в культурном отношении от Европейской России. Если по данным 1908 года процент грамотного населения в Московской губернии достигал 49, то в Сибири он не превышал 30 процентов. Даже в крупных селах Кузбасса в лучшем случае имелись начальные школы.

Школ явно не хватало. В 1914 году в Мариинске было до полутора тысяч ребят школьного возраста, а основы грамоты учила лишь одна треть. В четырехклассное городское училище держало вступительные экзамены свыше 80 человек, но по недостатку мест было принято лишь 35 человек. В женской гимназии было всего 270 учениц. Особенно были переполнены младшие классы.

В середине 90-х годов на 15 тысяч населения приисков Кузнецкого и Мариинского уездов было только пять школ, в которых обучалось 150 ребят.

На десяти тысячное население Анжерского рудника в 1913 году было всего две начальные школы, в которых обучалось 296 учеников.

Рабочие Кузбасса настойчиво требовали расширения школьной сети, введения доступного для всех образования. Делегатский съезд рабочих и служащих Сибирской дороги, состоявшийся в Тайге в 1905 году, выставил в числе других требований: введения за счет дороги обязательного, общего и профессионального образования для всех детей железнодорожников и открытия для этого необходимых школ с общежитиями.

Царское министерство просвещения не открыло в Кузбассе ни одной библиотеки. Небольшие библиотеки, которые были, создавались на общественные средства. Так, в 1901 году в Мариинске

возникло библиотечное общество, создавшее на свои средства городскую библиотеку. Библиотеку в Кузнецке основало общество попечения о народной трезвости. На станции Тайга книги приобрели на свои средства рабочие депо и первоначально библиотека находилась в помещении паровозных бригад. С 1902 года библиотека, которой было присвоено имя А. С. Пушкина, перешла в отдельное помещение с небольшим читальным залом. В 1905—1906 годах силами рабочих была создана библиотека в механических мастерских Анжерских копей.

Первый самодеятельный театр Кузбасса возник в 1895 году на крупном прииске Неожиданном. Это была обычная жилая казарма без перегородок и нар. Любители сценического искусства, в основном учащиеся, дети служащих поставили в бараке 12 рядов скамей. На примитивной сцене повесили ситцевый занавес. И зал, и сцену украсили гирляндами искусственных цветов и ветками пихты. 22 октября состоялось открытие театра. Зал был битком набит рабочими, служащими и членами их семей. Читали историческое повествование об Ермаке Тимофеевиче и показывали при помощи проекционного фонаря картины о походе Ермака. С осени до весны, пока на прииске не началась золотая страда, почти каждое воскресенье в театре устраивались чтения, ставился спектакль, выступал хор или играл свой оркестр. Для постановок выбирались главным образом пьесы Островского. Артистами были учащиеся, служащие и рабочие.

В 1905—1906 годах были построены народные дома в Кузнецке, Мариинске, на Анжерском руднике. Но в годы реакции они пришли в запустение. В Кузнецке он просто пустовал, в Мариинске сдавался в аренду заезжим фокусникам, а на Анжерском руднике был занят под контору. В так называемые общественные собрания Мариинска и Кузнецка и собрание служащих в Тайге и Анжерке пускали только избранную публику, вход рабочим был туда запрещен.

В конце XIX и первое десятилетие XX века отмечается заметное усиление внимания к геологическим и другим исследованиям Кузбасса, обусловленным потребностями развивающейся экономики. Эта работа проводилась, основанном в 1882 году Геологическим комитетом, Геологической частью кабинета, открытым в 1888 году Томским университетом, Томским технологическим институтом, Переселенческим управлением, Обществом сибирских инженеров.

Предпринимаются почвенные, гидрогеологические, ботанические и статистические исследования, связанные с устройством переселенцев на новых местах. Первоначально эти работы велись по почину Комитета Сибирской железной дороги, а с 1905 года их возглавляло Переселенческое управление. Изучению подвергались обширные территории, включавшие и Кузбасс. Гидрогеологические и гидротехнические исследования велись под руководством Г. Оссовского и Н. И. Бернадского, исследования почв — под руководством К. Д. Глинка, ботанические экспедиции возглавлялись профессором Томского университета П. Н. Крыловым. В работах

С. Швецова, В. Михайлова, Сушинского и других исследователей освещалось экономическое положение старожилов и новоселов, анализировались возможности дальнейшего заселения Алтая и Кузбасса.

Постройка Сибирской магистрали дала новый толчок научному изучению природных ресурсов Кузбасса. Под руководством Геологического комитета были предприняты обширные геологические исследования по трассе дороги и в прилегающей полосе. Велись поиски каменного угля, руд и строительных материалов, изучались условия водоснабжения будущих станций, проводились исследования грунтов. В работе Западно-Сибирской партии на севере Кузбасса участвовали научные сотрудники Томского университета и Технологического института А. Н. Державин и А. М. Зайцев. Работник Геологического комитета Краснополский в 1893—1897 годах исследовал местность вдоль железной дороги, северные отроги Кузнецкого Алатау, Анжеро-Судженское месторождение угля.

Сотрудник Средне-Сибирской партии Яворский в 1895 году исследовал Урюпо-Кийский буроугольный бассейн, а затем вел разведку в Анжеро-Судженском районе.

Геологическая служба кабинета, возглавляемая профессором Иностранцевым, сделала попытку составления геологической карты Алтайского горного округа, включавшей и Кузбасс.

В предвоенные годы были начаты геологические исследования для прокладки проектируемой Южно-Сибирской магистрали. В работе И. П. Толмачева, Н. Н. Тихонович и В. Н. Мамонтова «Геологическое описание и полезные ископаемые района проектируемой Южно-Сибирской ж. д.» освещалась история исследования, давался общий геологический очерк, характеристика угольных, железорудных и золотых месторождений юга Кузбасса.

В связи с интересом русских и иностранных капиталистов к месторождениям золота, Геологический комитет провел специальное геологическое, техническое и экономическое изучение золотоносных районов и золотопромышленности Сибири. Золотопромышленности Кузбасса посвящены обширные работы окружных инженеров Томского и Алтайского горных округов И. П. Бересневича и Э. К. Фреймана.

Новый этап в геологических изысканиях Кузбасса был открыт неутомимой деятельностью виднейшего в России специалиста по геологии угля профессора Л. И. Лутугина.

Приглашенный Копикузом лишь для определения наиболее выгодных мест закладки шахт, Леонид Иванович Лутугин выдвинул программу широкого геологического исследования Кузбасса. Он потребовал, чтобы результаты исследований были опубликованы для общего сведения. И Копикуз был вынужден принять эти условия. С весны 1914 года группа Л. И. Лутугина, в которую входили А. А. Гапеев, П. И. Бутов, В. М. Козловский, В. С. Панкратов, А. А. Снятков, В. И. Яворский, И. С. Яговкин, начала геологическую съемку Кузнецкого бассейна. Опыт и методика исследований,

выработанные Лутугиным еще в Донбассе, позволили в короткие сроки достигнуть выдающихся результатов. Однако 17 августа 1915 года на Кольчугинском руднике жизнь Л. И. Лутугина внезапно оборвалась. Хоронили ученого в Петербурге. По воспоминаниям профессора Гапеева, это была настоящая демонстрация, в которой приняло участие около 10 тысяч человек.

Комитет по увековечению памяти Л. И. Лутугина, в который входили А. М. Горький, В. Г. Короленко и другие писатели, ученые и общественные деятели, предпринял сбор средств на народный университет имени Л. И. Лутугина.

Имя Л. И. Лутугина в Кузбассе было увековечено в названии Лутугинского пласта на Кемеровском руднике.

Дело, начатое в Кузбассе Л. И. Лутугиным, продолжили его ученики, геологи В. И. Яворский, С. В. Кумпан и другие.

С 1901 года в Томском технологическом институте под руководством будущего академика В. А. Обручева начала складываться сибирская школа геологов, которая много сделала для изучения месторождений железа, угля и золота в Кузбассе.

В. А. Обручев, с 1901 по 1912 год возглавлявший кафедру геологии института, внес неоценимый вклад в геологические исследования Кузнецкого бассейна. Под его руководством выросли такие видные геологи, как академик М. А. Усов, профессор П. П. Гудков, А. П. Козлов, Н. Н. Павлов, также много сделавшие для изучения Кузбасса.

Обручев составил «Геологический обзор золотопромышленных районов Сибири», в котором дал сводный очерк геологического строения Алатау и Салаира и характеристику месторождений золота. Вместе с М. А. Усовым в 1910 году он провел экспертизу Богомдарованного золотого рудника на восточном склоне Кузнецкого Алатау, а в 1912 году участвовал в обследовании золотых рудников Берикульского района.

П. П. Гудков по поручению Копикуза в 1913—1916 годах руководил поисками железных руд в Горной Шории и разведками месторождений в районе Тельбеса, Темир-Тау, Одрабаша, Сухаринки и др.

Горячим сторонником создания мощной базы черной металлургии в Сибири был выдающийся ученый металлург, профессор Томского технологического института Н. В. Гутовский. В докладе «Железодельная промышленность Сибири», прочитанном на собрании Общества сибирских инженеров в мае 1916 года, он подчеркнул, что перед русской промышленностью стоит задача «отражения нашествия на русский рынок иностранных фабрикантов», доказывал, что «исходные материалы — уголь и руда имеются в Кузнецком уезде в таком количестве, которое достаточно для осуществления в нем металлургического предприятия крупного масштаба».

По поручению Копикуза профессор Гутовский вел изыскания площадки для крупного металлургического завода. Летом 1915 го-

да он побывал в Кузнецком уезде и первым выдвинул предложение строить новый завод в окрестностях Кузнецка, там, где он и был несколько позднее построен советскими людьми.

Гутовский не только выбрал строительную площадку для Кузнецкого металлургического завода, но и вместе с М. К. Курако руководил его проектированием. После изгнания из Сибири интервентов и колчаковцев, Н. В. Гутовский активно участвовал в разработке и осуществлении планов социалистической индустриализации Западной Сибири в качестве члена Сибирского крайисполкома, председателя научно-технической комиссии Сибирского крайисполкома и председателя научно-технической комиссии Сибирского крайплана. В 1926 году он был назначен заместителем управляющего специально созданного бюро по проектированию Кузнецкого металлургического комбината, а с 1930 года, вплоть до смерти в 1933 году, был директором Сибирского научно-исследовательского института металлов в Томске.

Результаты кропотливых исследований и проектных работ, проводившихся в Кузбассе геологами, горняками и металлургами, в большей части остались неиспользованными капиталистами, но они сослужили неоценимую услугу нашему народу после победоносной Октябрьской социалистической революции.

КУЗБАСС В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ



1. Начало войны. Волнения мобилизованных в Кузнецком и Мариинском уездах

Неравномерность развития капиталистических стран при империализме, обостренная борьба между ними за мировое господство, рынки сбыта, сферы приложения капитала, сырье и рабочую силу привели к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма. В 1914 году разразилась война между двумя группировками империалистических государств, распространившаяся на значительную часть планеты. Начался общий кризис мирового капитализма.

Шовинистический угар, охвативший господствующие классы, не мог заслонить недовольства трудящихся масс. В июле 1914 года, после объявления военной мобилизации, во многих местах России произошли стихийные выступления крестьян — запасных солдат, призванных в армию. Выступления запасных протекали крайне неорганизованно, без предъявления определенных политических требований. Тем не менее они имели определенную политическую основу, отражали недовольство крестьян внешней и внутренней политикой царизма. На Алтае и в Кузбассе выступления запасных были, кроме того, проявлением протеста против царского кабинетского землевладения, стихийно выражали одно из требований большевистской партии — передачи крестьянам без выкупа всей помещичьей, царской и монастырской земли.

С 14 июля 1914 года в Омском военном округе, в который входили Кузнецкий и Мариинский уезды, было введено «положение о подготовительном к войне периоде». Полиции и жандармерии было предписано «особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок». 18 июля в России началась первая мобилизация, по которой были призваны все запасные, с 22 июля начался призыв ратников государственного ополчения, а уже 24 июля во всех губерниях вводится положение чрезвычайной охраны в связи с произошедшими в ряде мест волнениями запасных. В Ново-

николаевске запасные разгромили вокзал, захватили оружейный магазин и вступили в перестрелку с полицией, причем с обеих сторон были убиты и ранены.

По сообщению томского губернатора от 23 июля «В Кузнецком уезде запасные по пути следования кроме винных лавок разбивают и волостные правления, бьют волостных, сотских, десятских». Волнения призванных запасных отмечены в селах Кольчугино, Бачатское, Тутальское Кузнецкого уезда, в селе Анисимово Мариинского уезда, в селе Поломошном Томского уезда и в других. В Мариинске запасные избили полицейских, разгромили воинское присутствие и уничтожили все дела. Волнения были подавлены лишь при помощи воинской команды.

В Кузнецке переполнившие город мобилизованные и присоединившиеся к ним горожане и крестьяне окрестных деревень разбили двери винного склада. Началось повальное пьянство. Полиция попряталась. Властям пришлось срочно посылать сюда из Томска роту солдат. Министр внутренних дел Маклаков в ответ на тревожное сообщение томского губернатора о волнениях запасных послал ему выразительную телеграмму: «В случае беспорядков и необходимости надо стрелять не по звездам, бесчинства должны быть раздавлены».

Всего в Томской губернии, по данным министерства внутренних дел, было привлечено к суду до 1400 человек; ранено и избито 33, убито 136 участников волнений. При всей его стихийности и неорганизованности движение запасных в Кузнецком и Мариинском уездах отражало горячую ненависть крестьянства к самодержавным порядкам.

2. Сельское хозяйство и положение крестьян

Война привела к резкому сокращению посевных площадей, сбора хлеба, поголовья скота. По данным Западно-Сибирского общества сельского хозяйства, в 1915 году по сравнению с 1914 годом сбор хлеба в Томской губернии упал на 57 процентов. Поголовье скота в 1916 году против 1910—1912 годов уменьшилось на 20 процентов. Вывоз масла из Сибири сократился больше чем на миллион пудов, или примерно на 25 процентов.

Война вырвала из деревни значительную часть мужского населения. Сельскохозяйственной переписью 1916 года в Кузнецком уезде было учтено 89 364 женщины и лишь 67 998 мужчин рабочего возраста, в Мариинском уезде 65 128 женщин и 47 902 мужчин рабочего возраста. В шинели было одето от четверти до трети всех мужчин-работников. Крестьянские хозяйства были вынуждены сокращать посевы, а часть их вообще забросила пашню. Процент беспосевных хозяйств в Мариинском уезде вырос за годы войны вдвое.

Посевная площадь под зерновыми по Кузнецкому и Мариин-

скому уездам за один год сократилась почти на 53 тысячи десятин, а урожай зерновых упал с 30,6 млн. пудов в 1914 году до 9,9 млн. пудов в неурожайном 1915 году.

С началом войны закрылась западная граница, через которую в основном шел вывоз сибирского хлеба, масла, пушнины, яиц, дичи и другого сырья на рынки Западной Европы. Отныне этот поток пошел в восточном направлении, через Владивосток.

Царское правительство с 15 октября 1915 года запретило заготовку сливочного масла в Сибири всем иностранным фирмам. Артели и частные заводчики обязывались сдавать продукцию на склады Сибирского союза маслодельных артелей.

Резко уменьшился ввоз в Сибирь сельхозмашин. Машино-торгующие фирмы усиленно взыскивают долги, продажу машин ведут исключительно за наличный расчет по значительно повышенным ценам.

Трудностями, вызванными войной, не замедлили воспользоваться американские капиталисты. На обесценивающиеся бумажные деньги они начали усиленно скупать сибирскую пушнину, став ее главным экспортером. И если меха, добытые русскими и шорскими охотниками Кузбасса, раньше шли в основном на немецкий рынок, то теперь они стали вывозиться в Америку.

Активизировали спекуляцию сибирским сырьем банки. В 1916 году в Кузнецке открывается отделение Русско-Азиатского банка, работавшего преимущественно на французские капиталы. В 1915 году в Томске, а в 1917 году в Кузнецке появились отделения Петроградского Международного банка. Все это свидетельствовало об усиленном проникновении русского и зарубежного финансового капитала в глубь Кузбасса.

По городам, поселкам и деревням Кузбасса раскинули свою паутину агентства, конторы, отделения банков, закупочные пункты, которые поглощали промышленную и сельскохозяйственную продукцию, превращали ее в предмет спекуляции, источник наживы могущественных монополий. Мобилизация в армию лучшей рабочей силы, рост налогов, различного рода реквизиции и усиленная эксплуатация крестьянства монополиями — все это вело к упадку крестьянского хозяйства, накаляло обстановку в деревне. Особенно трудно приходилось семьям переселенцев.

Мариинский исправник сообщал томскому губернатору 6 января 1917 года, что крестьянство недовольно взысканием недоимок по налогам, «в особенности недовольно продолжительностью войны и постоянными мобилизациями».

Крайне решительно были настроены возвращавшиеся с фронта солдаты-инвалиды. По словам того же исправника они убеждали односельчан, что «после войны жизнь крестьянства изменится к лучшему» и «солдаты возьмут свое».

Крестьяне начинали открыто сопротивляться требованиям властей: отказывались платить налоги, сдавать хлеб. Солдатки, по сообщению кузнецкого исправника, «в большинстве случаев укло-

няются» от уплаты податей. Стычки крестьян с полицейскими при сборе налогов наводили исправника на мрачные воспоминания о революции 1905 года.

В начале 1917 года по всей Томской губернии, в частности в Кузнецком уезде, происходили столкновения крестьян с полицией в связи с реквизицией хлеба.

3. Промышленность Кузбасса

Война по-разному отразилась на отдельных отраслях промышленности Кузбасса. Добыча золота в Алтайском горном округе сократилась с 50 пудов 29 фунтов в 1914 году до 37 пудов 36 фунтов в 1915 году, а в Томском горном округе с 75 пудов 12 фунтов до 70 пудов 4 фунтов. Мобилизация в армию рабочих, возросшие затруднения с приобретением оборудования и другие трудности военного времени особенно тяжело сказались на мелких приисках.

Военная обстановка вызвала рост перевозок на транспорте. Из-за ограниченной провозоспособности Сибирской магистрали и недостатка вагонов начались перебои со снабжением топливом городов Сибири. Между тем, владелец крупнейших угольных копей Кузбасса Михельсон, используя военные трудности и возросший спрос, повышал цены на уголь. Дело дошло до того, что Омский биржевой комитет в октябре 1914 года был вынужден заявить, что «затруднения в доставке каменного угля в Омск грозят вызвать остановку работ предприятий, работающих углем, оставить с наступившими холодами многие дома без отопления».

Как никогда остро ощущалась необходимость в Южно-Сибирской магистрали, которая дала бы дополнительный выход на запад сибирскому хлебу, углю, лесу и другому сырью. В конце 1914 года Николай утвердил устав общества Южно-Сибирской железной дороги от Семипалатинска на Акмолинск и Орск. Учредителями общества выступили известные петербургские дельцы, связанные с Копикузом, В. Ф. Трепов и С. С. Хрулев.

Строились Алтайская, Кольчугинская, Кулундинская и Мидусинская железные дороги для вывоза сельскохозяйственной и промышленной продукции на магистраль. Акционерное общество Кольчугинской железной дороги являлось дочерним предприятием Копикуза. Предусматривалась прокладка дороги от станции Юрга до Кузнецка. В 1913 году началась стройка 186-верстной дороги от Юрги до Кольчугина с веткой от станции Топки до Кемерово. Основные работы развернулись в годы войны, велись торопливо, на живую нитку. Землю копали вручную, возили к насыпи на лошадях и тачках. В ряде мест полотно укладывалось прямо на землю без всякой планировки. Временная насыпь делалась как попало, рельсы крепились через шпалу.

В сентябре 1915 года началось временное грузовое движение, а в декабре временное пассажирское сообщение от Кольчугина и

Кемеровова. Выход угля Кольчугинского и Кемеровского рудников Копикуза на магистраль был открыт.

Возрастающий спрос на уголь железнодорожного транспорта и уральской металлургии стимулировал дальнейшее развитие угольной промышленности.

Уральские леса были уже в значительной степени сведены. На доставку кокса из Донбасса рассчитывать не приходилось: его не хватало на удовлетворение потребностей южных заводов. В поисках топлива уральские заводчики настойчиво обращались на восток. Богословский и Верхне-Исетский заводы с 1915 года стали вести разведки, затем, хотя и в незначительных размерах, добычу и коксование угля в стойловых печах на севере Кузбасса близ селений Крохалевки, Романовского и Бирюлинского.

Широкий рынок сбыта и высокие военные цены на уголь обеспечивали углепромышленникам Кузбасса большие прибыли. Но хотя добыча угля росла довольно быстро — с 47 миллионов пудов в 1913 году до 72 миллионов в 1916 году — Кузбасс по-прежнему оставался одним из третьестепенных углепромышленных районов. Достаточно сказать, что в том же 1916 году Донбасс уже давал 1738 млн. пудов или в 24 раза больше, чем Кузбасс.

Подавляющую часть угля, как и раньше, поставлял Анжеро-Судженский район и в частности копи Михельсона. Сам владелец копей жил в Москве, там же находилась и главная контора. Угольные склады фирмы имелись в Омске, Ново-Каменске, Барнауле, Бийске. В Судженке действовали Южная (№№ 5, 7) и Северная группы шахт (№№ 8, 9, 10), а также Дальняя Северная шахта № 11. Все они были оборудованы старыми, изношенными машинами. Добыча и подземная транспортировка угля велась вручную и лишь на седьмой и девятой шахтах применялась конная тяга.

В погоне за прибылями Михельсон брал обязательства по поставке угля, явно превышавшие реальные возможности копей. Так, в 1916 году железным дорогам, заводам Урала и другим предприятиям было продано 40,8 млн. пудов и еще 5 млн. пудов — особому совещанию по топливу. Фактически же было добыто на десять млн. пудов меньше.

Лихорадочной погоней за прибылями определялась в годы войны и деятельность Копикуза. Русские и зарубежные дельцы рассчитывали полностью использовать благоприятную рыночную конъюнктуру и, не ограничиваясь добычей угля, стремились захватить в свои руки строительство железных дорог, производство черных металлов, кокса и различных химических продуктов.

В октябре 1915 года Копикузу удалось получить крупный заказ от Главного артиллерийского управления на бензол и толуол и двухмиллионный аванс на постройку коксовых батарей и химического завода в Кемерове.

Следом большой заказ на рельсы Копикузу передало Министерство путей сообщения. Для выполнения этого выгодного заказа Копикуз окончательно решил взяться за постройку металлурги-

ческого завода в Южном Кузбассе. Его строительство требовало больших капиталовложений, тем более, что в 1916 году Государственная Дума провалила законопроект о правительственной ссуде акционерному обществу. В январе 1917 года был выпущен и реализован новый выпуск акций, давший Копикузу 6 миллионов рублей. Но, как показала жизнь, этих денег оказалось недостаточно и финансовое положение Копикуза постоянно оставалось крайне напряженным.

Капитальные вложения продолжали быстро расти. Например, расходы на строительство и оборудование Кольчугинского рудника увеличились с 365 тыс. рублей в 1913 году до 1644 тысяч в 1916 году. По Кемеровскому руднику затраты соответственно выросли с 28 тысяч до 1216 тысяч рублей.

Велись большие работы на шахтах Кольчугинского рудника «Капитальная», «Вентиляционная», «Николаевская», «Журинская». В 1916 году на руднике было занято уже 2432 рабочих, причем половина из них являлась военнопленными. Что касается добычи угля, то она достигла 7661 тысячи пудов.

Работы на Кемеровском руднике оживились в 1915 году, когда Копикуз получил крупный аванс от артиллерийского ведомства на постройку химического завода. Стала форсироваться проходка кемеровских штолен и шахт, которые должны были дать сырье для коксовых печей и химического завода. Состоялась закладка крупнейшей по тем временам шахты «Центральная». В ноябре 1917 года она вступила в строй. Тогда же была сооружена подвесная канатная дорога через Томь для доставки угля от шахты к коксовым печам. Число горнорабочих на Кемеровском руднике за годы войны увеличилось с 195 человек в 1914 году до 850 в 1917 году. Всего же на руднике к этому времени было занято свыше двух тысяч рабочих.

С октября 1915 года на левом берегу реки Томи началось строительство коксовых батарей и химического завода. В 1916 году на это было затрачено свыше 4 миллионов рублей, или больше половины годовых капитальных затрат Копикуза.

Первые попытки получения кокса из углей Кемеровского месторождения делались еще царским кабинетом. Была выстроена примитивная открытая печь, работавшая на углях Волковской и Кемеровской штолен. Коксование угля длилось 10—15 дней, затем в течение десятка дней печь остывала и еще несколько дней стояла на ремонте. Таким образом удавалось получать не более 50 тонн кокса в месяц. Эта печь действовала до тех пор, пока Копикуз не построил на территории будущего химзавода новую, более производительную печь.

Качество кокса резко возросло, когда к кемеровскому углю стали примешивать до 30 процентов кольчугинского. 26 ноября 1913 года директор-распорядитель Копикуза Федорович сообщал в Петербург правлению общества о положительных результатах коксования, а в декабре сделал специальный доклад правлению по этому вопросу. Последовало решение немедленно начать постройку

на Кемеровском руднике коксовых печей с утилизацией побочных продуктов. В поисках денежных средств общество вступило в переговоры с рядом иностранных фирм, но война мешала планам. Завод пришлось строить собственными средствами. Но в техническом отношении без помощи иностранцев все-таки не обошлось. Проект был приобретен у бельгийской фирмы Оливье Пьет. По специальному контракту эта же фирма должна была посылать в Сибирь своих специалистов-строителей. Заказы на машины и огнеупорный кирпич были размещены на заводах юга России. Средства на строительство изыскивали путем выпуска новых акций и получения аванса от Главного артиллерийского управления.

На первых порах работы развернулись довольно широким фронтом. Состоялась закладка фундаментов коксовых печей, готовились котлованы под рекуперационный, сульфатный, бензольный и ректификационный цехи, а также для двух котельных и электрической станции. Строились подъездная железнодорожная ветка и жилые дома.

Но вскоре работы застопорились: не хватало средств, задерживалась поставка кирпича, чугуна, литых и другого оборудования. В результате к весне 1917 года оказались готовыми лишь котельная и несколько объектов вспомогательного характера. Обязательство, данное Копикузом Главному артиллерийскому управлению о пуске завода к концу 1915 года, осталось невыполненным. Химзавод был достроен и введен в строй только после Октябрьской революции.

За годы войны выросли расходы на переоборудование Гурьевского завода. Копикуз стремился создать здесь свою металлургическую и отчасти машиностроительную базу для оборудования строящихся рудников, коксовых батарей и химического завода в городе Кемерове и запроектированного металлургического завода на юге Кузбасса.

Копикузовское строительство велось стихийно, непланово, в зависимости от складывающейся рыночной конъюнктуры. Дельцы Копикуза стремились урвать как можно больше прибыли. Добыча угля росла главным образом за счет мелких шахт и штолен с примитивным оборудованием и отсталой техникой добычи. Работа велась вручную. Так было и на коксовых печах. Лопатой рабочий нагружал уголь в вагонетку, выкатывал ее на верх печи к люкам. Каждая печь вмещала 100 пудов и, чтобы загрузить ее, рабочему приходилось выматываться до седьмого пота. Когда через сутки кокс поспевал, четверо начинали крутить ручную лебедку, с помощью которой коксовый «пирог» выталкивался из печи. Особые рабочие-крючники растаскивали железными крючьями раскаленный кокс, а залишки поливали его водой. Остывший кокс носилками таскали на эстакаду, откуда он сыпался в железнодорожные вагоны. Тяжесть и опасность работы у коксовых печей мало смущала хозяев Копикуза.

4. Рабочие Кузбасса в годы войны

С первых дней войны царское правительство мобилизовало на фронт много кадровых шахтеров. Приток сезонников на рудники также резко сократился. Угольная промышленность начала ощущать недостаток рабочей силы. Вербовщики шныряли по всей Сибири, забирались в Среднюю Азию и на Урал. Находили женщин и подростков, вербовали китайцев из Маньчжурии, добывались от властей присылки военнопленных.

После того, как угольные рудники были признаны предприятиями, работающими на оборону, шахтеры стали освобождаться от призыва в армию. Укрываясь от мобилизации, зажиточные крестьяне, лавочники, служащие потянулись на шахты. Кадровые рабочие презрительно называли таких людей «штатниками». Большинство «штатников» материально не было заинтересовано в тяжелой, низкооплачиваемой работе и всячески уклонялось от нее. Угрозы администрации мало действовали. Уволенный прогульщик уходил с копей, но паспорт оставлял в конторе, чтобы числиться в штате предприятия.

На шахтах и приисках росло число работающих женщин и подростков. Так, среди 11 860 горнорабочих Кузбасса начала 1917 года было уже 545 женщин и 315 подростков. На приисках Мариинского золотопромышленного общества женщины составляли 19, а подростки 13 процентов всех рабочих. Администрация Судженских копей заставляла жен шахтеров, ушедших на фронт, выходить на работу три-четыре раза в неделю.

На рудниках появились сотни на вербованных китайцев и казахов. Но особенно настойчиво владельцы предприятий требовали присылки военнопленных. Им и платили меньше, чем вольнонаемным, и работать заставляли, где хотели. В конце 1916 — начале 1917 года в горной промышленности Кузбасса было занято 2399 военнопленных. На Кольчугинском руднике они составляли больше половины всех горнорабочих.

Благодаря поддержке со стороны царских властей владельцы угольных рудников сумели преодолеть кризис с рабочей силой. Рабочее население Кузбасса продолжало расти. По переписи 1917 года в поселках при угольных рудниках жило 24 524 человека, в том числе на Анжерском руднике — 9656, на Судженском — 6703, на Кольчугинском (с поселком Пеньки, железнодорожной станцией и Журиной шахтой) — 4907 и на Кемеровском руднике (с с. Щеголовым) — 5710.

Кроме того 2824 человека жило на приисках Мариинской тайги, 20 176 человек — в поселках и станциях железной дороги.

Если к этому добавить население Кузнецка (3154 человека) и Мариинска (10 400), то окажется, что население городов и рабочих поселков Кузбасса составляло 67 055 человек. В сельской же местности числилось 522 261 жителей.

Отсутствие полных статистических данных затрудняет опреде-

ление числа рабочих Кузбасса по отдельным отраслям промышленности и на транспорте. По приблизительным подсчетам их численность в 1916—1917 годах составляла:

Угольная промышленность	15 000 человек
Золотопромышленность	3 000 »
Гурьевский завод	619 »
Строительство коксовых печей и химзавода	852 »
Железные дороги	5 000 »
Мелкая обрабатывающая, пищевая, лесная промышленность и строительство	5 000 »
Всего	29 471 человек

Итак, численность промышленных, транспортных и строительных рабочих Кузбасса перед Октябрьской революцией составляла около 30 тысяч человек. Во всей Сибири тогда было не более 150 тысяч рабочих. Следовательно, рабочие Кузбасса по тем временам составляли значительный отряд пролетариата Сибири.

Значительно ухудшилось в годы войны материально-бытовое положение рабочих. Заработная плата отставала от роста цен на продукты. Особенно мало платили женщинам и подросткам. В 1916 году на Кольчугинском руднике средняя поденная плата мужчины составляла 1 рубль 80 копеек, женщины — 70 копеек и подростка — 60 копеек. Зарплата подземных и поверхностных вспомогательных рабочих была в несколько раз меньше заработка забойщиков.

Значительная часть рабочих, особенно из новичков, жила где попало и как попало. Газовщик Кемеровского коксохимического завода А. Нестеров вспоминает, что когда в 1916 году он нанялся грузчиком на Кемеровский рудник, жить ему с семьей пришлось в сарае, построенном для хранения лодок: «Особенно тяжело было зимой. Придешь с работы мокрый, усталый, ни обогреться, ни обсушиться негде. На двухъярусных нарах с трудом размещались две сотни жильцов. Тут же ютились и семейные с детьми. Моя первая дочь Василиса долго не могла научиться ходить: негде было. Заболеть в таких условиях ничего не стоило. А заболел — пропал. Случилось мне как-то несколько недель проваляться на нарах, так моя семья чуть с голоду не погибла. Никто копейки не дал в помощь. Наоборот, пришел управляющий и приказал выбросить меня на улицу: «От него сейчас пользы никакой, только место зря занимает». Спасибо, товарищи, заступились, отстояли».

Рабочие селились на чердаках, в кладовых, балаганах, землянках, железнодорожных вагонах, стоявших на запасных путях. Некоторые снимали углы у крестьян в окрестных деревнях. В лучшем случае доставалось место в бараке, разделенном на каморки дощатыми перегородками. По-прежнему плохо было поставлено медицинское обслуживание.

На разросшемся за годы войны Кемеровском руднике с шестью тысячами населения была лишь одна одноклассная школа. Большинство детей не заканчивало школу из-за тяжелого материального положения родителей. На Судженских копях в 1915 году в одноклассное училище поступили 161 мальчик и 130 девочек, окончило же школу лишь девять мальчиков и двенадцать девочек.

5. Рабочее движение в годы войны

Борьба рабочих за свои права в годы войны крайне затруднена. Администрация угрожала забастовщикам увольнением и отправкой на фронт. Тем не менее забастовки не прекращались. 24 октября 1914 года забастовали рабочие всех шахт Судженского рудника. Поводом забастовки явилось распоряжение управляющего о большом повышении квартирной платы и введение особой платы за доставку воды, угля и дров. Работы возобновились с 28 октября, после того, как управляющий отменил свое распоряжение.

Зимой 1914—1915 годов произошла забастовка рабочих Центрального рудника. Ее организатором был московский рабочий Пущенко. Рабочие шахт, штолен, фабрики и илового завода, прекратив работу, направились на Юбилейный рудник. Здесь состоялось общее собрание. Выбрали депутатов для переговоров с администрацией и выработали требования: установление восьмичасового рабочего дня, увеличение заработной платы, улучшение квартирных условий и снабжения продовольствием.

По пути на Центральный рудник тысячная колонна рабочих была встречена полицией, но разогнать демонстрантов не удалось. Депутаты рабочих вручили администрации рудника свои требования. Рабочие действовали дружно и организованно. Их не пугали и вызванные из Тисуля исправник со стражниками. Администрация была вынуждена удовлетворить часть требований рабочих. А когда работа возобновилась, полиция арестовала Пущенко и других руководителей забастовки.

Летом 1915 года потребовали увеличения заработной платы анжерские шахтеры. Возле шахт и шурфов появились пикеты забастовщиков. На рудник прибыли жандармы, явился даже томский губернатор. Начальник рудника издевательски заявил шахтерам, что прибавляет к заработной плате колбу, которую разрешает собирать в тайге, и потребовал немедленного прекращения забастовки. Шахтеры отказались выходить на работу. Начались аресты и обыски. Соппротивление горняков было сломлено.

Осенью того же года бастовали шахтеры Андреевского и Федоровского угольных рудников. Через своих делегатов они потребовали сократить рабочий день, повысить заработную плату, уволить хама-десятника. Хозяевам пришлось пойти на уступки. В конце 1915 года снова произошла забастовка на этих рудниках, перекинувшаяся и на Судженские копи. Администрация призвала на по-

мощь жандармов и солдат. Тогда рабочие стали выводить из строя оборудование. Хозяева были вынуждены несколько увеличить заработную плату и восстановить на работе уволенных забастовщиков.

18 апреля 1916 года снова забастовали судженские шахтеры, потребовав наполовину поднять заработную плату. В стачке участвовало свыше двух тысяч человек. Администрация согласилась повысить зарплату на 25 процентов.

Весной 1916 года на строительство коксовых печей в Щеглово приехали из Енакиева (Донбасс) 65 квалифицированных каменщиков. Это были умевшие постоять за себя кадровые рабочие. По договору с Конкузом каменщики должны были работать девять с половиной часов. Здесь же от них потребовали, чтобы каменщики работали, как и остальные рабочие, десять с половиной часов. Каменщики отказались выходить на работу. Забастовка длилась 18 дней. Наконец администрация сдалась, удовлетворив требования каменщиков. Но вскоре, придравшись к пустяку, администрация уволила четырех каменщиков. Их товарищи снова забастовали. Администрация грозила им отправкой на фронт, но рабочие стояли на своем и добились возвращения на работу уволенных товарищей.

Несмотря на трудности военного времени, на крупных предприятиях не прекращалась политическая работа, создавались подпольные большевистские группы. С апреля 1915 года среди кольчугинских шахтеров вел нелегальную работу большевик Михайл Иванович Сычев, носивший партийную кличку Франца Суховерхова. Сохранилась анкета, которую Суховерхов заполнил в 1917 году, когда был выдвинут кандидатом от большевиков в Учредительное собрание: «Украинец Черниговской губернии, Ново-зыбковского уезда, посада Злынка. По профессии — рабочий, каменщик, 34 лет от роду. Читать выучился самоучкой, писать — таким же путем. Был арестован 13 раз. Судился (судебной палатой) — 2 раза. Пробыл в тюрьме около 4-лет, бежал из-под ареста и тюрьмы 4 раза, прожил нелегально около 9 лет, получил от царского правительства: вечную ссылку в Енисейскую губернию, астраханскую ссылку на 5 лет, нарымскую ссылку на 3 года».

Франц Суховерхов был одним из профессиональных революционеров, для которых жить — значило бороться за дело рабочего класса. Весной 1915 года Суховерхов после очередного ареста бежал на Кольчугинские копи, откуда установил тесные связи с томскими большевиками.

Одновременно в Кольчугине вел работу среди шахтеров и железнодорожников Петр Федорович Сухов, перебравшийся сюда с Ашанинских угольных копей близ Челябинска.

На Гурьевском заводе сложилась группа революционно настроенных рабочих во главе с бывшим уральским приискателем Егоровым.

На станции Тайга большую роль в первых шагах подпольной большевистской группы сыграл П. Я. Волков, прибывший сюда в

1908 году. Ранее он участвовал в революционном движении на Урале, за что неоднократно подвергался арестам. На золотых рудниках Мариинской тайги вели работу большевики — политссылные Митин и Цыбульский и прибывший из Москвы рабочий Пущенко. В Щеглове еще до войны сложился кружок С. Ф. Голкина, в Кузнецке — кружок В. П. Обнорского.

Так исподволь, незаметно в промышленных центрах Кузбасса складывались группы большевистски настроенных рабочих, подготавливалась почва для развертывания революционной деятельности.

6. Кузбасс в Февральской буржуазно-демократической революции

27 февраля 1917 года в России пало царское самодержавие. Решающую роль в свержении царизма сыграли многомиллионные массы пролетариев, солдат и крестьян, руководимые Коммунистической партией. Гегемоном революции являлся героический рабочий класс, его союзником — крестьянство.

По своему характеру Февральская революция, как и революция 1905—1907 годов, была буржуазно-демократической. Начавшись в Петрограде, она быстро распространилась по всей стране. Всюду образовывались Советы. Но большинство в них на первых порах захватили соглашательские партии — эсеры и меньшевики. Засилье меньшевиков и эсеров в Советах В. И. Ленин объяснял прежде всего тем, что проснулись и потянулись к политике миллионы людей, не искушенных в ней. Второй причиной эсеро-меньшевистского засилья в Советах явилась недостаточная сознательность и организованность рабочего класса. Его состав в годы войны изменился. Около 40 процентов кадровых рабочих было мобилизовано в армию. Их место на фабриках и заводах заняли мелкобуржуазные элементы. Выразитель чаяний трудящихся — партия большевиков — подвергалась наибольшим репрессиям, ее легальные печатные органы были закрыты, а виднейшие деятели находились в тюрьмах и ссылке.

Соглашательские элементы Петроградского Совета помогли буржуазии образовать Временное правительство.

Так в России установилось двоевластие: Временное правительство — власть буржуазии и Советы — органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Трудящиеся Кузбасса восторженно приветствовали революционный почин петроградских рабочих и на митингах выразили готовность всемерно поддержать их.

По предложению большевиков рабочие Кольчугинских копей послали телеграмму Временному правительству с требованием предать царя гласному суду. С красными знаменами пришли на митинг приискатели Центрального рудника.



И. Н. Кудрявцев

В Гурьевске о митинге возвестил заводской гудок. Рабочие бросили работу. У заводских ворот дорогу им пытались преградить стражники, но были оттеснены толпой. На площади появилась наскоро сколоченная трибуна. На ней развевалось красное знамя. Выступившие большевики сообщили о свержении царизма. Взволнованную речь произнес старый подпольщик Ц. К. Шатило.

Слухи о свержении самодержавия на Анжерский рудник проникли от железнодорожников ст. Тайга. Для проверки этой важной вести подполья организация послала в Томск Петра Лапшина. Но еще до его возвращения пришла телеграмма, сообщающая о падении царского трона. Это было третьего марта.

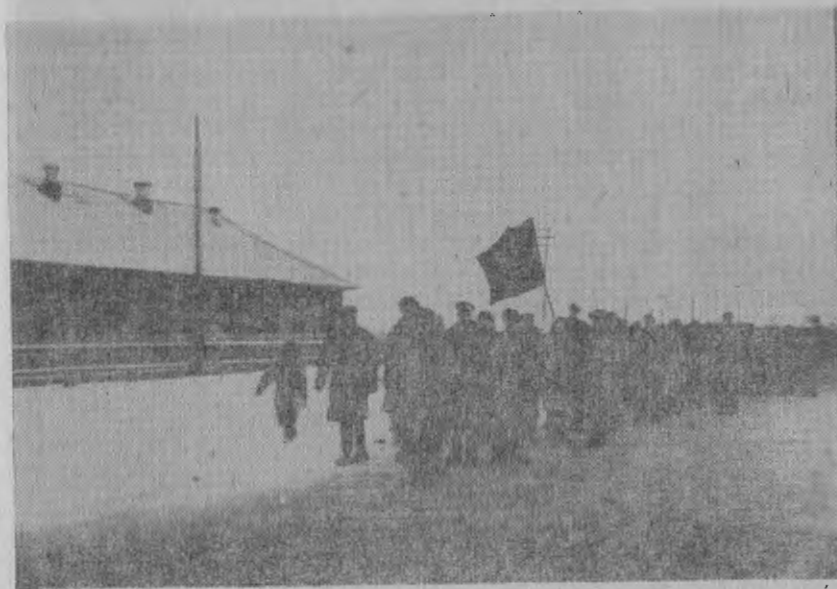
Узнав об этом, шахтеры бросили работу и направились на базарную площадь. Митинг открыл большевик, участник Ленских событий, Иван Кудрявцев.

Митинги прошли на соседнем Судженском руднике. 5 марта сюда пришли шахтеры Анжерских копей с флагами, знаменами и оркестром. На Красной горке состоялся объединенный митинг.

Свержение самодержавия отметили также рабочие Кемеровского рудника и химзавода. Здесь меньшевик Калинин предложил послать приветственную телеграмму Государственной думе. Большевики выступили против и рабочие их поддержали.

Иначе встретили весть о Февральской революции буржуазия и чиновники Щеглова, Мариинска, Кузнецка. Выросшее за время войны село Щеглово имело значительную прослойку зажиточного крестьянства. Кулаки нещадно эксплуатировали переселенцев, сдавали квартиры рабочим химзавода, наживались на поставках для армии, на продаже сельхозпродуктов рабочим. Здесь тоже собрался митинг. Местные воротилы Чуфаров, Фастовец, Корнеев приветствовали вновь образованное буржуазное правительство. Затем устроили молебен о даровании победы над «супостатом» и послали приветственную телеграмму председателю Государственной Думы Родзянко.

В Кузнецке на митинг собрались чиновники и купцы. Пришли священники с хоругвями и хором певчих. Вначале предлагали отслужить панихиду за упокой царя, но делать это на всякий случай отсоветовал исправник.



Революция в Кузбассе

В Мариинске известие о свержении самодержавия на первых порах вообще пытались скрыть. Среди уездных чиновников, золотопромышленников, купцов царила растерянность. Инициативу взяли на себя работники местного союза кооперативов, в значительной части состоявшие из политссыльных. Они созвали митинг в помещении Общественного собрания, на котором рассказали жителям города о событиях, происходящих в стране.

Не на шутку встревожилась администрация шахт и приисков. В адрес губернских властей посыпались просьбы и требования о защите от «анархии и самоуправства» рабочих.

Зажиточные крестьяне и лавочники, укрывавшиеся на шахтах и стройках от войны, были в недоумении. В их сознании не укладывалось, как это можно жить без царя, они считали, что с падением самодержавия рухнут все устои власти.

Рабочие Кузбасса уже на первых митингах поставили вопрос об улучшении условий труда и быта. Судженские горняки 6 марта обсудили вопросы об отпуске на весенние полевые работы и улучшении условий труда. На следующий день они потребовали увеличить зарплату и уволить особенно ненавистных представителей администрации. Под руководством большевиков здесь началось разоружение полиции. Одновременно развернулась агитация среди солдат. Большевикам-подпольщикам Анжерского рудника еще раньше удалось распропагандировать расквартированный здесь батальон солдат и создать в нем свою подпольную группу. В первые же дни

после получения известий о свержении царизма гарнизон, арестовав офицеров, перешел на сторону рабочих. Рабочие, имея такого внушительного союзника, стали хозяевами положения и разоружили полицию.

Но буржуазные элементы тоже не дремали. Вместе с эсерами и меньшевиками они взялись за создание новых органов Временного правительства на местах — комитетов общественного порядка и безопасности. Из 14 человек, вошедших в комитет порядка и безопасности в Кольчугино один был откровенным монархистом, пять — меньшевиками, три — эсерами, и четыре — беспартийными. Несмотря на то, что главную массу населения на руднике составляли шахтеры, в новом органе «народной власти» рабочих не было.

Рабочие, а затем и крестьяне Кузбасса стали создавать свои органы власти — Советы.

В рабочих поселках они были организованы в марте — апреле 1917 года. Еще 3 марта в Анжерке были избраны уполномоченные по подготовке районного съезда Советов рабочих депутатов: И. Кудрявцев, Ямковой, Челканов и др. Собрания по выборам представителей в Совет прошли по всем службам станции Тайга. В марте Советы были созданы на Судженских коях и Мариинских золотых приисках.

Совет Кольчугинского рудника возник 9 марта. Несколькими днями раньше на копи прибыл из Томска большевик И. Л. Наханович. Он помог шахтерам разобраться в происходящих событиях и посоветовал образовать свой Совет. В середине марта был создан Совет на Гурьевском заводе. Несколько позже, в апреле, Советы появились на Кемеровском руднике и химзаводе.

Таким образом, в крупных рабочих районах Кузбасса Советы были созданы в течение первых двух месяцев после февральской революции. В уездных городах Кузнецке и Мариинске, где рабочих было мало и влияние большевиков было слабым, этот процесс затянулся. До конца 1917 — начала 1918 года продолжалось создание Советов и в сельской местности.

На Гурьевском заводе, Кольчугинском и Кемеровском рудниках, Советы на первых порах именовались Советами рабочих старост. В них входили представители от цехов и отделов, называвшиеся старостами. Но вскоре Советы рабочих старост были преобразованы в Советы рабочих депутатов.

Если Советы рабочих старост не имели исполнительных органов и все вопросы решали на общих заседаниях, то Советы рабочих депутатов избирали исполкомы. В исполкомы Советов Анжерских копей и Гурьевского завода входило по семь человек, на Кемеровском химзаводе и Кольчугинских коях — по пять человек. Исполкомы руководили текущей работой. В помощь им создавались различные комиссии: расценочная, техническая, продовольственная, культурно-просветительная и др. Единой организационной структуры Советы не имели, и в зависимости от обстановки создавались



Дом, где в 1917 г. находился Совет рабочих депутатов Анжерских копей

те или иные комиссии. Например, в июне 1917 года на Гурьевском заводе кроме указанных выше комиссий работали комиссии по отсрочкам военнообязанных, контрольная, ревизионная, внутреннего порядка. Совет Кольчугинских копей имел «бюро труда». На станции Тайга с помощью Советов рабочих и солдатских депутатов был образован совет солдаток.

Если комитеты общественного порядка и безопасности были призваны защищать интересы буржуазии, то Советы являлись организациями трудящихся масс. Они добивались улучшения условий труда, увеличения зарплат, установления восьмичасового рабочего дня. Эти вопросы стояли первыми в повестке дня Советов Кузбасса.

18 марта 1917 года Совет рабочих старост Гурьевского завода решил установить восьмичасовой рабочий день и, учитывая быстрый рост цен на продукты, повысить заработную плату. Администрации было предложено установить в цехах бочки с кипяченой водой, устроить умывальники, наладить вентиляцию для устранения копоти и дыма, поддерживать нормальную температуру в цехах и в конторе, организовать общую столовую, открыть больницу на пять коек, иметь врача и фельдшера-акушерку.

Совет считал необходимым, чтобы каждый рабочий пользовался месячным оплачиваемым отпуском, а в случае болезни получал до выздоровления жалование. При увольнении администрация обязана выдавать двухмесячный оклад и оплатить проездные билеты. Так

как большинство рабочих завода еще были связаны с землей, Совет включил специальный пункт о разрешении отлучки на сельскохозяйственные работы не более как на восемь дней.

Управляющий заводом инженер Н. Шульгин согласился удовлетворить лишь часть требований Совета. Большинство же их, по мнению Шульгина, требовало согласования с правлением Копикуза. А правление Копикуза в свою очередь предложило подождать с окончательным решением поднятых рабочими вопросов.

Понимая, что в данный момент у них нет другого оружия в борьбе с требованиями рабочих, руководители Копикуза встали на путь проволочек. Это диктовалось и тем, что прямые отказы удовлетворить требования рабочих на других предприятиях приводили к тяжелым для администрации последствиям, как это было на Кольчугинском руднике.

10 марта горняки этого рудника обсуждали вопрос увеличения зарплаты и отмены сверхурочных работ. В тот же день Совет рабочих старост постановил увеличить поденную плату на 75—100%, установить восьмичасовой рабочий день, запретить все виды штрафов, платить рабочим за время болезни, оплачивать средний заработок в течение всей жизни изувеченному рабочему. Было решено, что определять зарплату новым рабочим и производить увольнение администрация не может без согласия Совета. Вместе с тем, Совет решил взять в свои руки организацию рабочих артелей. Выдвигая эти пункты, Совет делал первые шаги по установлению контроля за действиями администрации.

Управляющий рудником Зданович был вынужден согласиться на увеличение зарплаты и установление восьмичасового рабочего дня. Он также согласился с тем, что организацию артелей Совет принимает на себя. Зданович просил, чтобы ему предоставили возможность согласовать вопрос об оплате рабочих во время болезни с управлением Копикуза. Совет дал на это три дня.

Одновременно проходили собрания служащих рудника. На них было принято решение об увеличении жалования и отмене сверхурочных работ. Служащие избрали двух представителей для вручения их требований управляющему рудником. Зданович ответил, что решить эти вопросы он может только с приездом директора-распорядителя Копикуза. В ответ служащие выдвинули ультимативное требование удовлетворить их просьбу в течение месяца.

В тот же день по инициативе Совета рабочих старост было проведено общее собрание служащих, на котором решено было отстранить Здановича от работы, а управление рудником поручить инженеру С. Н. Около-Куллак.

Как истинный защитник интересов рабочих выступал Совет рабочих депутатов Мариинских золотых приисков. В марте — апреле под его руководством прошли собрания рабочих, служащих и технического персонала, на которых обсуждались вопросы улучшения условий труда, увеличения зарплаты, установления восьмичасового рабочего дня, улучшения быта.

Решения собраний с конкретными требованиями были сведены и узаконены в постановлении Совета. Был введен 8-часовой рабочий день, повышена зарплата рабочих и служащих, оплата труда женщин уравнена с мужчинами, введена выдача бесплатной спецодежды.

Аналогичные постановления приняты были Советами Кольчугинской железной дороги и Кемеровского рудника.

Советы, выступая за улучшение условий труда и быта рабочих, не обходили стороной и состояние предприятий, следили за техническим оборудованием и общим ходом работы. Во время войны владельцы копей забросили разведочные работы, пренебрегали подготовкой новых угольных полей. Некоторым предприятиям грозила полная остановка. Доведя предприятия до развала, хозяева видели выход в том, чтобы закрыть их как нерентабельные. Так в начале 1917 года пытался поступить владелец Щербиновских копей Мачини, но встретил сопротивление Совета рабочих депутатов.

В первый период своей деятельности Советы рабочих депутатов явились органами борьбы против буржуазии за осуществление таких требований пролетариата, как установление восьмичасового рабочего дня, улучшение жилищных условий. Советы рабочих депутатов Судженских и Кольчугинских копей, Щербиновского рудника начали устанавливать контроль над производством, выступали против саботажа предпринимателей. Однако в целом Советы Кузбасса ограничивались преимущественно защитой экономических требований рабочих. И это, конечно, не случайно. Кузбасс не имел значительного ядра кадровых пролетариев, здесь были слабы и большевистские организации. Широкие массы еще доверяли Временному правительству и его местным органам. Их авторитет всячески поддерживали эсеры и меньшевики, заседавшие в комитетах безопасности, управах и земствах. После Февральской революции они сумели взять под свое влияние не только значительную часть зажиточного крестьянства, но и своими лжесоциалистическими лозунгами привлечь в свои ряды немало рабочих.

Больше того, эсерам и меньшевикам удалось на какое-то время получить преобладающее влияние в Советах. Тайгинский Совет рабочих и солдатских депутатов одно время возглавлял правый эсер Кротов, Кольчугинский — меньшевик Водопьянов. В апреле 1917 года в составе Кольчугинского Совета из 18 человек было 6 меньшевиков и эсеров и только 4 большевика. Эсеры преобладали в управе и в Советах рабочих депутатов Кемеровского рудника.

Меньшевики и эсеры старались превратить Советы в органы экономической борьбы. И только благодаря неустанной работе большевиков по привлечению на свою сторону трудящихся масс и разоблачению соглашательской тактики эсеров и меньшевиков, Советы продолжали идти во главе рабочего движения, всячески противодействовали саботажу предпринимателей.

Свержение самодержавия нашло отклик и в кузнецкой деревне. Значительная часть рабочих шахт, приисков и транспорта имела



М. Рабинович

тесные связи с деревней: там у них оставались родные, имелись наделы земли. Бывая среди крестьян, рабочие разъясняли землякам существо происходящих в стране событий.

Немалую роль в развитии революционной борьбы крестьянства играли возвращающиеся домой фронтовики. Активно содействовал этому и возглавляемый большевиками Совет солдатских депутатов Томского гарнизона. Его посланцы разъясняли крестьянам требования партии большевиков по крестьянскому вопросу, призвали их захватывать кабинетские земли, создавать Советы. Однако процесс образования Советов в деревнях затянулся до конца 1917 — начала 1918 года.

Большая часть территории Кузбасса по-прежнему принадлежала кабинету. Было довольно мно-

го безземельных и малоземельных крестьян. Наделы крестьян постоянно сокращались за счет отвода земель под промышленные предприятия, железные дороги и конные заводы. Крестьяне не имели лесных наделов. Не случайно все выступления крестьян были так или иначе связаны с настоятельными требованиями увеличения земельных наделов, свободного пользования лесом и покосами.

После падения самодержавия голос крестьян зазвучал с новой силой. В Томский губернский временный комитет общественного порядка и безопасности уже в апреле 1917 года со всех концов стали поступать многочисленные просьбы сельских сходов безземельных крестьян и запасных солдат о передаче в их пользование бывших кабинетских земель. Этого требовали жители деревни Юрги Тутальской волости, поселка Яшкино. Аналогичные приговоры принимались во многих других деревнях и селах. Общий тон их в марте и в первой половине апреля — просьба к местным органам Временного правительства о наделении землей, о разрешении пользоваться лесом. Но крестьяне скоро убедились в бесполезности таких просьб. Губернские власти не торопились удовлетворять их нужды. Губернское начальство отказало в просьбе крестьянам Юргинского общества, ответив, что решение вопроса о прирезке кабинетских земель согласно циркуляра министра земледелия от 31 марта приостановлено «впредь до рассмотрения его на Учредительном собрании». В том же духе следовали ответы на просьбы солдат и безземельных крестьян.

Чтобы не дать крестьянам возможности пользоваться кабинетским лесом, губернские власти шли на различные махинации вплоть до того, что приказывали вырубать делянки, назначенные к вырубке не только в 1917, но и в 1918, 1919, 1920 годах. Так было сделано в Салаирской волости Кузнецкого уезда.

В отношении помещичьих земель Временное правительство недвусмысленно заявило, что они неприкосновенны. Что касается кабинетских земель в Западной Сибири, то телеграммой от 2 апреля 1917 года на имя томского губернского комиссара оно сообщало, что земли бывшего императора признаны собственностью государства. Управление ими поручено выработать министру земледелия совместно с министром торговли и промышленности. До утверждения их предложений управление кабинетскими землями оставалось в руках заведующего землеустройством Алтайского округа. По-прежнему оставалось в силе запрещение пользоваться лесом, по-прежнему кабинетские земли не могли распределяться среди крестьян. Это, как говорил «мужицкий министр» Чернов, должно решить Учредительное собрание. Но когда оно будет созвано, никто не знал. Вместо решения насущных нужд крестьян Временное правительство призывало их к продолжению империалистической войны.

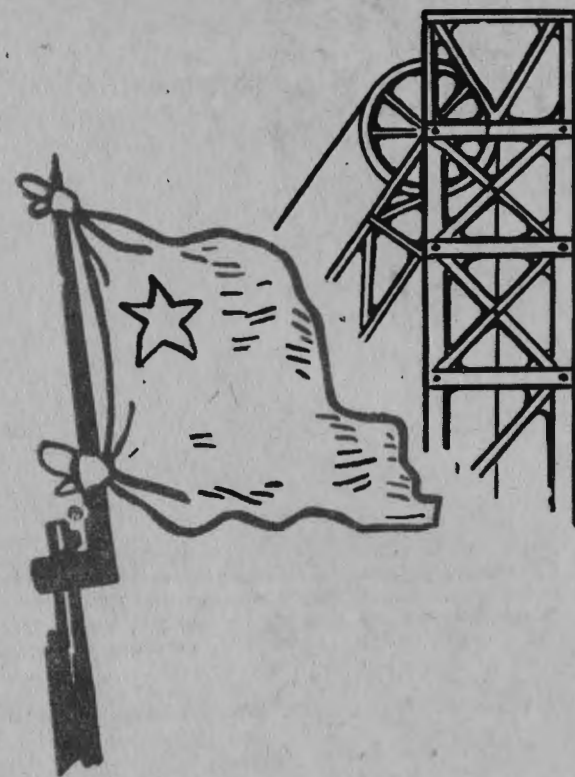
Постепенно крестьяне убеждались в бесполезности ожидания раздела кабинетских земель Временным правительством и приступали к их самовольному захвату.

Выйдя после Февральской революции из подполья, большевики стали объединять наиболее сознательных рабочих и крестьян. На первых порах не обошлось и без ошибок. Кое-где большевики вошли в состав временных комитетов порядка и безопасности. Однако, когда местные большевики получили ленинские Апрельские тезисы и документы Апрельской партийной конференции, деятельность их становится более боевой и целенаправленной. Большевики стали решительнее разоблачать тактику соглашательских партий и антинародную политику Временного правительства. Значительную помощь большевикам Кузбасса в этом оказали томские и красноярские большевики.

Большевики Кузбасса в первые месяцы после Февральской революции, как и другие сибирские большевики, организационно еще не порвали с меньшевиками и входили в общие организации РСДРП, что было их несомненной ошибкой. Среди горняков Анжерки, Судженки, Кемерово, Кольчугина, Мариинских золотых приисков, металлургов Гурьевска, железнодорожников Тайги и Мариинска пользовались исключительным влиянием видные партийные работники — большевики Ф. Суховерхов, М. Рабинович, И. Зубовский, Ф. Чучин и другие. Большевики решительно преобладали в партийных организациях, создававшихся на рудниках, заводах и железнодорожных станциях Кузбасса.

Большевики Кузбасса, преодолевая объединительные тенденции,

разоблачали антинародную деятельность Временного правительства и его эсеров-меньшевистской агентуры, отстаивали необходимость перехода всей власти к Советам, то есть начинали осуществлять ленинский план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ КУЗБАССА
ОТ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
ДО НАЧАЛА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Редколлегия второй части:

З. Г. КАРПЕНКО (ответственный редактор),
В. В. БАННИКОВ, В. А. КАДЕЙКИН,
Е. А. КРИВОШЕЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывая, по словам В. И. Ленина «новую эпоху всемирной истории», явилась началом стремительного социально-экономического развития Кузбасса. За 50 лет, прошедшие со времени Октябрьской революции, Кузбасс превратился в один из наиболее развитых промышленных районов Советского Союза, в крупнейший центр тяжелой индустрии к востоку от Урала.

Часть II охватывает историю Кузбасса в период Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и восстановления народного хозяйства с 1917 по 1926 год. В составлении II части истории Кузбасса приняли участие следующие авторы:

Глава I: ответственный за главу В. А. Кадейкин; авторы §§ 1, 2 — Г. А. Докучаев, З. Г. Карпенко; § 3 — Г. А. Докучаев, В. А. Кадейкин, §§ 4, 5 — В. А. Кадейкин. Используются материалы: Г. К. Волковой (§ 4), Е. А. Кривошеевой (§§ 4, 5), П. К. Редькина (§§ 4, 5).

Глава II: автор и ответственный за главу В. А. Кадейкин.

Глава III: автор и ответственная за главу Е. А. Кривошеева; авторы § 7: П. К. Редькин, А. С. Мазюков, Ю. Соколов, Н. И. Платунов.

Библиография и именной указатель составлены С. В. Колосовой.

Иллюстрации предоставлены Кемеровским областным краеведческим музеем. Техническая подготовка текста к печати выполнена С. В. Колосовой.

ГЛАВА I

КУЗБАСС В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ



1. Кузбасс после Февральской буржуазно-демократической революции

После Февральской революции в Кузбассе, как и во всей стране, установилось двоевластие: возникли местные органы буржуазного Временного правительства и органы революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян — Советы рабочих, солдатских, а позже и крестьянских депутатов. Такое положение не могло долго продержаться. Буржуазные и мелкобуржуазные партии приняли курс на установление единовластия буржуазии. В Апрельских тезисах В. И. Ленина и решениях Всероссийской апрельской конференции большевиков был взят курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Только она могла дать народу мир, землю и свободу от капиталистической эксплуатации.

В первые месяцы после Февральской революции большевики Кузбасса входили с меньшевиками в объединенные социал-демократические организации. Преобладание большевиков в организациях рабочих районов определяло характер партийной агитации, пропаганды, организационной работы в Советах и профсоюзах.

Большим авторитетом среди рабочих Кузбасса пользовались большевики Ф. Суховерхов, М. Рабинович, Ф. Чучин.

Михаил Иванович Сычев, известный под партийной кличкой Франца Суховерхова, с 1904 года вел партийную работу в Белоруссии, Москве, Тифлисе, Баку, Петербурге и других городах. В 1915 году он, будучи под арестом, бежал из Томского полицейского управления и обосновался на Кольчугинском руднике. Суховерхов стал одним из организаторов Советской власти в Кузбассе, председателем Западно-Сибирского бюро горнорабочих.

Михаил Моисеевич Рабинович в 1915 году был сослан в Турханский край. После Февральской революции Томский партийный комитет направил его на Судженские копи, здесь Михаил Моисеевич активно участвовал в партийной и советской работе. В июле 1917 года Рабинович избирается членом Западно-Сибирского бюро горнорабочих.

Из нарымской ссылки прибыл в Томск после Февральской революции Ф. Г. Чучин. Отсюда он получил направление для работы среди шахтеров Судженских копей.

Значительную помощь в создании и укреплении партийных организаций, пропаганде и агитации среди рабочих Кузбасса оказали большевики Томска и Красноярска.

Партийные организации на рудниках и заводах Кузбасса стали возникать с весны 1917 года. В апреле образовались социал-демократические организации на станции Тайга, в Мариинске, на Кемеровском химическом заводе, Анжерских и Судженских копей; несколько позже — на Кольчугинском руднике и Мариинских золотых приисках.

Ряды этих организаций быстро росли. Так, Тайгинская парторганизация, насчитывавшая в апреле около 50 членов, к сентябрю выросла до 150. В Анжерскую партийную организацию в июле входило около 300 человек, а в начале сентября — 497. Судженская партийная организация насчитывала в июле 279 человек. В Кемеровской организации в июле было 80 человек, а в сентябре — 110.

В Западно-Сибирской конференции РСДРП, проходившей в Красноярске с 22 по 25 апреля, участвовали представители Анжерской и Мариинской организаций. Представитель большевиков Анжерки и Судженки Ф. Г. Чучин вошел в состав Средне-Сибирского областного бюро РСДРП.

На Томской губернской партийной конференции, состоявшейся в сентябре 1917 года, были представлены организации Анжерки, Судженки, Тайги, Кольчугина, Кемерова. В губернский комитет РСДРП(б) от Анжерки и Судженки вошел И. Кудрявцев, а от Кемерова и Кольчугина — Ф. Суховерхов.

Действуя в труднейших условиях, большевистские организации Кузбасса сумели за короткое время привлечь на свою сторону рабочих и крестьян-бедняков и возглавили переход власти к Советам.

Буржуазное Временное правительство не принесло стране желанного мира. Министр иностранных дел кадет Милюков 18 апреля послал союзным правительствам ноту, заверявшую, что Россия будет продолжать войну до победного конца. Военный министр эсер Керенский готовил наступление на фронте. И только большевики разоблачали грабительскую сущность империалистической войны, выступали за мир и дружбу между народами.

Временное правительство не дало земли крестьянам. В Сибири не было помещиков, но значительная часть территории Кузбасса была частной собственностью царской фамилии. После Февральской революции Временное правительство признало эти земли государственной собственностью, но управление ими оставило в руках прежних кабинетских чиновников, которые, как и раньше, распоряжались лесами, сохранили в силе все договоры с крупными арендаторами. Сразу после свержения царизма усилились конфликты между крестьянами и кабинетской администрацией. Крестьяне д. Ново-Сергиевки Кожевниковской волости 19 марта 1917 года

постановили на сходе, что будут явочным порядком пользоваться примыкающими к их селениям землями бывшего кабинета. Жители пос. Яшкина, арендовавшие землю у зажиточных крестьян, в апреле составили приговор с требованием наделить их кабинетской землей.

Крестьяне д. Юрги Тутаьской волости в апреле возбудили ходатайство о прирезке им кабинетской земли, прилегающей к деревне. В ответ комиссариат по управлению Томской губернией предложил комиссару уездной милиции разъяснить крестьянам, что прирезки земли не будет впредь до решения этого вопроса в Учредительном собрании.

Крестьяне с. Зарубинского с весны 1917 года стали самовольно пастись скот и рубить лес на землях, арендованных коннозаводчиками Плотниковыми.

Крестьяне деревень Трекиной и Худяшовой Кольчугинской волости захватили землю, арендованную у кабинета коннозаводчиком П. Коневым. Исполком Томского губернского народного собрания, в котором преобладали эсеры, выступил в защиту Конева и предложил разъяснить крестьянам, что выгоны и сенокосы должны быть оставлены в распоряжении коннозаводчика «впредь до издания Учредительным собранием общих законов о земле».

В Кузнецком и Мариинском уездах крестьяне изгоняли лесную стражу, самовольно рубили кабинетский и казенный лес. 30 апреля жители д. Березовки Крапивинской волости объявили лес общим достоянием, выступили против лесной стражи и сборов за лес в пользу казны.

В свою очередь, кабинетские чиновники, боясь, что лес достанется крестьянам, начали спешно рубить и продавать его. Так, салаирский лесничий приказал свести все лесосеки, назначенные к вырубке в 1917—1920 годах.

Эсеры, пользовавшиеся первоначально большим влиянием в деревне, всячески популяризировали Временное правительство. В противовес им большевики развертывали на селе свою агитацию.

Политические новости и большевистские газеты распространяли шахтеры, имевшие связи с деревней. «С агитационными и организационными целями» направил в деревни своих представителей Совет солдатских депутатов Томского гарнизона, во главе которого стояли большевики. Летом 1917 года, вопреки указаниям военного министерства, он послал значительное число солдат на полевые работы. Отпускникам поручалось распространять в деревне партийную литературу и вести беседы с крестьянами. Так кузнецкая деревня узнавала правду о Временном правительстве, о большевистской партии и ее аграрной программе.

Временное правительство всячески содействовало отечественному и иностранному капиталу в захвате природных ресурсов Сибири. Особое совещание при Горном департаменте министерства торговли и промышленности 8 июня 1917 года высказалось за допуск американского капитала в угольную промышленность Кузбас-

са и Дальнего Востока, золоторудное дело Алтая и другие отрасли промышленности.

Акционерное общество Копикуз, значительная часть акций которого принадлежала французским капиталистам, добилось новых прав и привилегий. Угольная секция Особого совещания по топливу 6 мая поддержала ходатайство Копикуза о повышении цен на уголь, поставляемый казенным железным дорогам. Министерству путей сообщения было разрешено заключить с правлением Копикуза договор о поставке в 1921—1930 годах 75 миллионов пудов рельсов и 12 миллионов пудов креплений с металлургического завода, которого Копикуз еще не построил.

9 июня министерство торговли и промышленности утвердило новый устав общества. Оно переименовалось в «Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество». Район его действий отныне распространялся на всю Томскую, а также Енисейскую и Иркутскую губернии. Расширялись и его функции. Общество получило право открывать не только угольные рудники, но и металлургические, машиностроительные, химические заводы. В июне же был реализован третий выпуск акций на 12 миллионов рублей, увеличивший основной капитал Копикуза до 24 миллионов рублей. Причем, значительную часть акций нового выпуска опять-таки приобрели иностранные капиталисты.

В Томске началось проектирование металлургического завода, который Копикуз намеревался строить близ Кузнецка. Для этой работы был приглашен выдающийся русский доменщик Михаил Константинович Курако.

Капиталовложения Копикуза в строительство коксохимического завода в Кемерове, разведку и строительство угольных рудников с 1489 тысяч рублей в 1915 году выросли до 12 746 тысяч рублей в 1917 году.

В отличие от капиталистов, рабочие Кузбасса ничего не получили от Временного правительства. Сокращался подвоз продовольствия, росла дороговизна, обострялся жилищный кризис, ухудшились условия труда. Председатель губернского временного комитета общественного порядка и безопасности Ган и уполномоченный по топливу Введенский, отмахиваясь пустыми обещаниями от нужд и требований шахтеров, требовали одного — увеличить добычу угля.

Саботаж капиталистов, ухудшавший положение рабочих, вынуждал Советы вводить свой контроль на производстве. На угольных рудниках Кузбасса по инициативе большевиков Советы начали самочинно вводить восьмичасовой рабочий день, отстранять от работы саботажников-администраторов, добиваться повышения заработной платы. То же делалось в рабочих районах Донбасса и Урала.

В. И. Ленин горячо поддерживал эту революционную инициативу. В докладе о текущем моменте на апрельской Всероссийской партийной конференции В. И. Ленин отметил, что «наибольшее

впечатление» произвела на него речь «одного углекопа», который «не употребив ни одного книжного слова, рассказывал, как они делали революцию... Когда они взяли копи, надо было охранять канаты для того, чтобы не останавливалось производство. Затем вопрос стал о хлебе, которого у них не было, и они также условились относительно его добыwania. Вот это настоящая программа революции, не из книжки вычитанная. Вот это настоящее завоевание власти на месте».

Как отмечал Владимир Ильич: «В ряде местных центров, особенно рабочих, роль Советов оказалась особенно большой. Создалось единовластие...»¹.

Такое единовластие Советов в Кузбассе было установлено лишь на крупнейшем в то время Судженском руднике. Но и на других рудниках и заводах Советам удавалось в тех или иных размерах осуществлять рабочий контроль над производством.

Совет старост Гурьевского завода принял постановление о введении восьмичасового рабочего дня, оплачиваемых отпусков, увеличении зарплаты и выдачи квартирных денег. Директор Копикуза был вынужден отдать приказ управляющему заводом о выдаче квартирных денег, но потребовал разъяснить рабочим, что их «чрезмерные требования... переворачивают экономический строй страны, находящейся и без того в крайне тяжелом положении».

Владелец расположенных близ Судженки Щербиновских копей Мачини задерживал выдачу заработной платы рабочим, умышленно сокращал добычу угля. Совет рабочих депутатов направил к Мачини в Томск делегацию, передавшую требования горняков о выдаче зарплаты и налаживании производства.

Под нажимом Совета шахтовладелец выдал рабочим часть зарплаты, но тут же начал переговоры о продаже рудника. Горняки по собственному почину откачали воду из одной шахты, очистили горные выработки от грязи, настлали пути к двум забоям. Мачини, продолжая тактику саботажа, стал увольнять горняков, причем не выплачивал им заработанных денег. Совет рабочих депутатов потребовал у губернских властей реквизиции Щербиновских копей и превращения их в государственное предприятие. Судженский комитет РСДРП, в котором преобладали большевики, решительно поддержал это требование. В итоге Щербиновский рудник был присоединен к Анжерским копиям, добыча угля на нем возобновилась.

Еще более напряженную борьбу пришлось выдержать шахтерам крупнейших в Кузбассе Судженских копей Михельсона. С первых дней революции положение на копиях настолько обострилось, что управляющий Г. И. Прошковский, приехав в Томск, заявил во временном комитете по топливу, что не вернется на копи без представителей новой власти. На Судженские копи была направлена техническая комиссия, в которую наряду с представителями гор-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 282.

ного надзора и местной администрации вошли два большевика: прибывший из Томска Ф. Г. Чучин и судженский забойщик И. Н. Кудрявцев.

В погоне за высокими прибылями хозяева рудника в годы войны всеми силами форсировали добычу угля. Работа велась хищнически, без производства необходимых затрат на поддержание и ремонт горных выработок и оборудования. По заключению технической комиссии от 30 марта 1917 года, многие котлы, подъемные машины, насосы, другие машины и механизмы находились в «опасно неисправном состоянии». Требовался капитальный ремонт ствола шахты № 9. В аварийном состоянии была электропроводка. Администрация пообещала принять меры к устранению дефектов, угрожающих «безопасности рабочего».

Учитывая напряженную обстановку, комиссия признала необходимым срочное назначение на копи комиссара, призвала «администрацию и Совет рабочих депутатов немедленно приступить к совместному обсуждению вопроса о порядке и времени введения 8-часового рабочего дня». Она сочла необходимым отменить штрафы, повысить заработную плату рабочим.

Совет рабочих депутатов и новый комиссар Анжерских и Судженских копей большевик Ф. Г. Чучин взялись за восстановление подорванного хищнической эксплуатацией горного производства, стали решительно добиваться улучшения положения рабочих. Живший в Москве владелец рудника Михельсон и его администрация, всячески саботировали проведение в жизнь решений Совета и технической комиссии. Была выбрана провокационная тактика: подготовить остановку копей с тем, чтобы возложить всю ответственность за это на шахтеров.

Судженский Совет рабочих и солдатских депутатов совместно с союзом служащих 29 апреля отстранил от работы высшую администрацию рудника, проявившую «халатное, даже преступное отношение к своим обязанностям, благодаря чему копи должны стать через две недели, также преступное пренебрежение к интересам рабочих и служащих». Управление копиями было передано находящемуся под контролем Совета особому совету, в который вошли инженеры, служащие и два представителя местного Совета рабочих и солдатских депутатов. Распорядительное бюро, выделенное из состава особого совета, затребовало от Михельсона доверенность на управление копиями. В адрес министров Временного правительства посыпались панические телеграммы Михельсона о насильственном захвате частной собственности, применении военной силы против шахтеров и их руководителей. 17 мая он телеграфировал министрам внутренних дел, юстиции, торговли и промышленности и Особому совещанию по топливу, что «на коях царит полный произвол, насилие, захват частной собственности», требовал «применить самые энергичные меры: послать специальную комиссию из влиятельных лиц в сопровождении дисциплинированной военной силы, чтобы восстановить законный порядок».

Хозяин рудника явно искажал истинное положение дел. В действительности только твердый рабочий контроль, установленный местным Советом, предотвратил полную остановку Судженских копей, снабжавших углем значительную часть Сибирской магистрали.

Рассчитывая на военную помощь, Михельсон отверг рабочий контроль, отказал в выдаче зарплаты рабочим и потребовал восстановления прежних прав его администрации. Судженский Совет и союз служащих, в свою очередь, обратились по телеграфу к Всероссийскому Совету рабочих и солдатских депутатов и трем министрам с предложением конфисковать копи ввиду их большого государственного значения.

Телеграмма стала известна В. И. Ленину, который рассказал о ней в статье «Еще одно преступление капиталистов», опубликованной 19 мая (1 июня) 1917 года в «Правде»¹.

Ленин писал, что углепромышленники Кузбасса ведут себя так же нагло и преступно, как углепромышленники Донбасса, поддержал меры Судженского Совета по налаживанию работы копей, согласился с оценкой Советом действий Михельсона как преступных, провокационных и подчеркнул, что «соучастниками этого преступления окажутся все члены Временного правительства, не исключая и якобы социалистических министров...» если они будут продолжать «слова тратить по-пустому, где надо власть (против капиталистов) употребить».

Как и предвидел Ленин, члены Временного правительства стали соучастниками Михельсона. Заместитель председателя Особого совещания по топливу при Временном правительстве Пальчинский послал Судженскому Совету телеграмму, предлагавшую не чинить самоуправства. Окружной инженер Томского горного округа потребовал привлечь членов Судженского Совета, в первую очередь большевиков, к ответственности. Но послать солдат против шахтеров ни Временное правительство, ни губернский комитет общественного порядка и безопасности не могли — семидесятитысячный гарнизон Томска подчинялся Совету солдатских депутатов, во главе которого стояли большевики. В Судженку поехала новая комиссия. Однако, по настоянию входивших в нее большевиков, было установлено, что Совет действовал правильно.

Михельсону пришлось признать рабочий контроль и согласиться на повышение расценок. Правда, играя на патриотических чувствах, он попытался возражать против установления равной заработной платы русским шахтерам и работавшим на коях военнопленным. Но Судженский Совет решительно подтвердил свои требования введения равной оплаты, заявив, что «патриотизму он не намерен учиться у капиталистов, которые под ширмой патриотизма вызвали братоубийственную войну».

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 32, стр. 123—124.

И здесь Михельсону пришлось уступить.

Но борьба на этом не кончилась. В июле с требованием направить военную силу против судженских шахтеров выступил глава американской миссии «железнодорожных экспертов» инженер Р. Ф. Стивенс. Назначенный советником министра путей сообщения Временного правительства, преследуя свои далеко идущие цели, заокеанский делец не замедлил вмешаться в дела железнодорожного транспорта Сибири. На совещании чиновников путей сообщения, торговли и промышленности Стивенс нагло домогался посылки войск против шахтеров: «Американская железнодорожная комиссия от лица своего правительства задает категорический вопрос: признает ли министерство неотложность принятия решительных мер для поднятия производительности уральских и Судженских копей (до применения военной силы включительно) и если да, то какие меры будут приняты и когда».

Товарищ министра торговли и промышленности Прядкин заверил Стивенса, что меры будут приняты. И если Временное правительство не послало войска на Судженские копи, то лишь потому, что не имело в Сибири таких военных сил, которые можно было бы двинуть против шахтеров.

Наряду с партийными организациями и Советами рабочих депутатов активно участвовали в политической жизни профсоюзы, которые после Февральской революции стали возникать в Кузбассе. Первоначально на предприятиях создавались отдельные профсоюзы по профессиям. Постепенно они становились производственными. На Судженских копиях раньше других возник союз служащих. Но уже 28 мая было принято решение образовать единый профсоюз рабочих Судженских копей.

В августе учредительное собрание рабочих и служащих Кольчугинского рудника, созданное по предложению большевика Ф. Суховерхова, постановило создать вместо существующих профсоюзов углекопов, металлистов, строительных рабочих и служащих единый «профессиональный союз Кольчугинского рудника».

Шахтеры Кузбасса стали основателями единого профсоюза горняков Западной Сибири. Собравшись 26 мая в Томске, представители Анжерских, Судженских, Кольчугинских, Кемеровских копей и Кемеровского химзавода приняли решение о созыве конференции горняков. Она состоялась 10 июня в Анжерке. Обсудив свои дела, 36 делегатов угольных рудников и Мариинских золотых приисков решили созвать съезд рабочих горных и горнозаводских (металлургических) предприятий Западной Сибири. 29 июня в газете «Знамя революции» появилось сообщение о предстоящем созыве съезда. На него приглашались представители угольных, полиметаллических, золотых рудников и металлургических заводов Западной и Восточной Сибири, причем не только представители профсоюзов, но и Советов рабочих и солдатских депутатов, потребительских обществ и, наконец, «обоих социалистических партий» — социал-демократов и эсеров.

Съезд открылся 16 июля в Томске, и в газетных отчетах он назывался «съездом горнорабочих Сибири» или «съездом горнорабочих Западной Сибири». Подавляющее большинство делегатов были горняками, но были также представители Кемеровского химзавода и Гурьевского металлургического завода. Делегаты с мест представляли 32 тысячи рабочих, из которых лишь 8 тысяч были объединены в профсоюзы. Председателем съезда был избран представитель Томского Совета солдатских депутатов большевик Н. Н. Яковлев. После утверждения регламента участники съезда спели «Марсельезу», «Варшавянку» и «Похоронный марш» — в память петроградских рабочих, погибших в июльские дни.

Съезд собрался в напряженное время: мирный период революции кончался, буржуазия не брезговала никакими средствами, чтобы установить свое единовластие. Три с половиной дня продолжались прения по докладу: «Экономическое положение России в связи с войной и задачи рабочего класса в революции». Большевики предложили резолюцию с решительным осуждением контрреволюционной политики Временного правительства. Меньшевики, объединившись с эсерами, представили свою резолюцию, составленную в примирительном тоне по отношению к Временному правительству. Большинство всего в два голоса (29 против 27) она была принята. Но большевики сумели внести в резолюцию поправки, существенно менявшие ее смысл. Решение по другим вопросам свидетельствуют о преобладающем влиянии большевиков. Съезд высказался за введение на предприятиях рабочего контроля, подчеркнув, что «только при немедленном введении рабочего контроля над производством возможно увеличить производительность угольных копей». В этой же связи делегаты указали на необходимость национализации золотых приисков.

Съезд принял решение о повышении заработной платы военнопленным, работавшим на рудниках, до уровня заработной платы русских рабочих и предложил принять меры для устранения непомерной эксплуатации китайских, корейских и других иностранных рабочих, распространить на них общие законы об охране труда и вовлекать их в профсоюзы. Съезд потребовал издания законов о восьмичасовом рабочем дне и шестичасовом — на подземных работах, о запрещении труда детей и подростков до 16 лет, запрещении работы в шахтах женщин и юношей до 18 лет, введении месячных отпусков для всех рабочих.

Было решено объединить местные профсоюзы, созданные при горных и металлургических предприятиях Западной Сибири, в «областной союз рабочих и служащих горных и горнозаводских предприятий». Съезд принял устав союза и выбрал временное областное бюро союза горнорабочих Западной Сибири во главе с Францем Суховерховым.

2. Кузбасс в период подготовки вооруженного восстания

Расстрел мирной демонстрации рабочих и солдат Петроград 4 июля 1917 года и контрреволюционное выступление генерала Корнилова в конце августа вызвали бурю протеста рабочих, солдат, крестьян.

Анжерский Совет рабочих и солдатских депутатов в телеграмме Петроградскому Совету выразил возмущение действиями организаторов расстрела демонстрации рабочих. На митинге в депостанции Тайга с речью об июльских событиях в Петрограде и задачах рабочего класса выступил прибывший из Красноярска большевик Я. Е. Боград.

Представители Анжерки, Кемерова, Тайги, Судженки, выступавшие на Томской губернской партийной конференции в сентябре 1917 года, отмечали, что в результате июльских событий заметно выросла популярность большевиков среди рабочих и упало влияние эсеров.

Еще больше упал авторитет Временного правительства, эсеров, меньшевиков и соответственно возросло доверие рабочих к большевикам в связи с выступлением Корнилова.

Анжерские и судженские шахтеры во главе с большевиками 27 августа провели демонстрации, приуроченные к полугодовщине Февральской революции. Они высказали свою готовность дать отпор наступлению контрреволюции. Местные эсеры пытались сорвать демонстрацию, но, потерпев неудачу, явились на митинг с черным знаменем в знак траура по случаю прорыва Рижского фронта и сдачи Риги. Рабочие заявили эсеровскому оратору, что «сегодня не день траура, а смотр революционным силам и демонстрация сплочения рабочего класса».

В конце августа участники районного съезда профессиональных союзов и Советов рабочих депутатов Кузнецкого бассейна постановили «поддерживать Советы в решительной борьбе против контрреволюционеров вплоть до активного выступления». Резолюцию с требованием передачи власти революционной демократии, введения рабочего контроля, предания суду Корнилова, освобождения арестованных рабочих и солдат приняли 16 сентября рабочие Кемеровского химзавода.

Большевистская агитация и пропаганда приобретала все больший размах, слово большевиков доходило до широких масс. По просьбе кемеровских большевиков в Кузбасс приехал из Красноярска талантливый лектор, доктор философии и математических наук, большевик Я. Е. Боград. Несмотря на тяжелую болезнь, он был пламенным и неутомимым пропагандистом. Его доклады по текущему моменту на массовых митингах, его лекции в рабочих клубах «Кто такой Ленин и почему его травят буржуазные партии», «Чего хотят большевики» производили глубокое впечатление на слушателей своей логичностью, убедительностью и доходчивостью. Он

выступал перед железнодорожниками Тайги, рабочими Кемерова. Заметив, что лектор ходит в старой, истрепанной обуви, благодарные рабочие сшили ему новые ботинки. В Кемерове Я. Е. Боград, хорошо знавший немецкий язык, не раз выступал перед военнопленными, работавшими на химзаводе.

После июльских событий эсеры и меньшевики стали открытыми пособниками контрреволюции. Существование большевиков с меньшевиками в объединенных организациях, против чего В. И. Ленин выступал с первых дней революции, теперь стало совершенно немыслимым. VI партийный съезд в резолюции «Об объединении партии», принятой 3 августа, призвал «все революционные элементы социал-демократии немедленно порвать организационную связь с оборонцами».

С 7 по 12 августа в Красноярске проходила Средне-Сибирская областная конференция РСДРП, в которой участвовали большевики-делегаты Кемеровского химзавода, Анжерского и Судженского рудников. Вместе со всеми они приняли текст телеграммы VI съезду партии с призывом к продолжению революционной борьбы и решительным протестом против клеветы на вождей пролетариата. Конференция вынесла решение присоединиться к Центральному Комитету партии большевиков. Вскоре после этого Анжерская и Кемеровская партийные организации решили пересылать 10 процентов отчислений от партийных взносов в ЦК партии большевиков.

Организационный разрыв с меньшевиками был окончательно оформлен на Томской губернской партийной конференции 8—9 сентября 1917 года. В ее работе участвовали представители Тайги, Судженки, Анжерки и Кемерова. Были приглашены, но не приехали, представители Мариинска, Кольчугина, Кузнецка.

Конференция единогласно приняла решение: «Признать партийным центром, директивы которого для всех организаций Томской губернии обязательны, Центральный Комитет РСДРП(б) и предложить всем организациям губернии делать в его пользу десятипроцентные отчисления».

3. Октябрь в Кузбассе

Осенью 1917 года революционное движение в стране вплотную подошло к вооруженному восстанию. Уже с начала октября Советы Кузбасса стали все чаще подчеркивать необходимость перехода всей полноты власти в руки Советов. 5 октября Гурьевский Совет рабочих и солдатских депутатов заверил ВЦИК, что он поддерживает все его действия, направленные на прекращение войны, разгон Государственной думы и установление «федеративно-демократической республики без президента».

Вслед за рабочими поднимались крестьяне. Освобождаясь от парламентских иллюзий, они все яснее понимали, что Временное

правительство не даст им земли. Беднота Бачатской, Касминской и других волостей начала захват кабинетских земель, арендованных коннозаводчиками.

В деревне Бирюли крестьяне захватили конные заводы купца Ермолаева и полковника Цевловского и распределили скот среди бедноты. Конфисковал имущество местной буржуазии в Гурьевске и в ряде окружающих деревень Гурьевский Совет.

Наряду с пропагандой и агитацией большевики вели большую работу по организации бедноты, готовя почву для создания сельских Советов. При крестьянской секции Томского Совета действовала постоянная группа агитаторов-организаторов, существовал склад литературы для крестьян. Солдаты, направляемые на полевые работы, везли с собой большевистские книги и газеты и распространяли их в деревнях. Они же вели беседы с крестьянами о текущих событиях и политике большевиков.

Солдаты создавали в деревнях культурно-просветительные кружки. В Мариинском уезде такие кружки возникли в селах Ижморском, Воскресенском, Тундинском, Сусловском, Итате, в поселке Некрасовском, на станции Суслово и в других местах. Посланцы Томского Совета проводили в деревнях сходы, на которых выступали с докладами о политическом положении в России.

В некоторых деревнях Кузбасса по инициативе большевиков были созданы организации беднейшего крестьянства — комитеты бедноты.

В середине сентября 1917 года в Томске состоялся I губернский съезд Советов крестьянских депутатов. Руководили им правые эсеры. Но когда делал доклад по текущему моменту большевик Н. Яковлев, большинство делегатов не раз бурно ему аплодировало.

Работа съезда показала, что в деревне еще сильны позиции эсеров. Свое влияние они распространяли через руководимую ими сеть кооперации. Но беднейшему крестьянству были ближе и понятнее лозунги большевиков. Оно поддерживало лозунг «Вся власть Советам» и большевистскую аграрную программу. 20 октября собрание крестьян д. Спициной Кузнецкой волости приняло резолюцию, в которой требовало немедленной передачи власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, прекращения войны, введения контроля над производством и распределением продуктов, безвыкупной передачи земли крестьянам, ареста и предания революционному суду Корнилова, конфискации богатств монастырей.

Однако к осени 1917 года крестьянская беднота была еще недостаточно организована, в силу чего ей далеко не всегда удавалось отстаивать свои требования.

Большую роль в подготовке перехода власти к Советам сыграл съезд Советов Средней Сибири и Всесибирский съезд Советов. Первый был проведен в сентябре, второй — в октябре 1917 года.

На съезде Советов Средней Сибири было представлено 12 Со-

ветов, в том числе Кольчугинский Совет. Присутствовало 33 делегата, 21 из которых были большевиками. Состав делегатов предопределил характер решений съезда. Он осудил политику соглашения с буржуазией и записал в своих решениях, что вся полнота власти должна перейти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

На I Всесибирском съезде Советов в Иркутске присутствовало 184 делегата от 69 Советов. Кузбасс был представлен Советами Тайги, Анжерки и Судженки. По партийной принадлежности делегаты распределялись так: 64 большевика, 35 левых эсеров, 10 интернационалистов, 11 меньшевиков и 11 беспартийных. Остальные мандаты принадлежали правым эсерам, анархистам и бундовцам. Большевистская фракция съезда заранее рассмотрела порядок работы съезда, выработала проекты резолюций и наметила будущий состав Центрального исполнительного комитета Сибири.

Меньшевики и правые эсеры, видя, что у них уходит почва из-под ног, попытались организовать травлю большевиков, но успеха не имели. Потерпев поражение, правые эсеры ушли со съезда.

Съезд принял «Декларацию», в которой призывал рабочих, крестьян, солдат на борьбу за власть Советов, и избрал Центральный исполнительный комитет Советов Сибири («Центросибирь»).

ЦК партии, готовя вооруженное восстание, внимательно следил за развитием революционных событий в рабочих районах Сибири, считая их опорными пунктами в борьбе за установление власти Советов. Для информации и руководства работой партийных организаций по подготовке вооруженного восстания сюда были направлены опытные работники партии.

Большевикам удалось вырвать из-под влияния эсеров и меньшевиков значительные массы пролетариата и крестьянства, завоевать важнейшие позиции в Советах, руководящие посты в профсоюзах и других рабочих организациях. Все это создавало благоприятную почву для перехода всей полноты власти в руки Советов.

Весть о великой октябрьской победе петроградских рабочих и солдат с быстротой молнии облетела страну и вызвала необычайный прилив революционной энергии и энтузиазма народных масс.

Восторженно приветствовали свержение Временного правительства рабочие Кузбасса и крестьянская беднота. На шахтах, заводах и приисках состоялись массовые митинги и демонстрации рабочих.

Член Западно-Сибирского Совета рабочих и солдатских депутатов В. М. Косарев в своем докладе о поездке в Кузбасс сообщил, что в Анжерке состоялось подряд три массовых собрания рабочих. С большим подъемом рабочие приняли резолюцию, в которой требовали «для закрепления завоеваний революции и ограждения их от покушений со стороны контрреволюционных помещиков и капиталистов... передачи всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

На Судженских копиях при обсуждении доклада о текущем моменте и петроградских событиях выступил М. М. Рабинович. По его предложению была принята резолюция, в которой участники митинга приветствовали «новый революционный комитет, свергший контрреволюционное правительство» и настаивали на немедленном переходе всей власти в руки Советов.

Собрание рабочих Кемеровского химического завода направлено приветствие Второму Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов.

Многолюдный митинг, на котором присутствовали рабочие завода, жители поселка, крестьяне близлежащих деревень, а также рабочие Салаирского рудника, состоялся в Гурьевске. Отсюда были посланы делегации рабочих в Салаир и окрестные селения.

Резолюции с поддержкой решений II Всероссийского съезда Советов были приняты на Мариинских золотых приисках, Кольчугинском и Прокопьевском рудниках.

Только эсеры и меньшевики выступали против диктатуры пролетариата, за новые соглашения с буржуазией. В Анжерке, Судженке и Кольчугине они голосовали против предложений о переходе власти в руки Советов. Ожесточенная борьба развернулась на станции Тайга, где эсеры и меньшевики имели многочисленных сторонников. Передовые рабочие В. Савинов, П. Волков, М. Ефименко, К. Паньков, М. Жидков, а также прибывшие из Томска представители большевистского комитета в своих выступлениях на митинге разоблачили предательство эсеров-меньшевистских соглашателей. В результате железнодорожники приняли резолюцию, в которой присоединили «свой голос к голосу всей демократии о передаче власти съезду Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, т. к. таковой является истинным выразителем воли всех трудящихся».

Победа Октябрьской революции в Петрограде открыла период триумфального шествия Советской власти по всей стране. В это время большевистские организации Кузбасса сосредоточили основное внимание на решении политических задач социалистической революции — ликвидации органов Временного правительства и передаче всей власти в руки Советов.

От Коммунистической партии, от рабочего класса, действовавших в союзе с беднейшим крестьянством, требовалось напряжение всех сил, чтобы в условиях хозяйственной разрухи, голода, развертывавшейся гражданской войны укрепить основу нового, только что рожденного Советского государства.

После Октябрьского вооруженного восстания начал меняться состав Советов. Рабочие под руководством большевиков изгоняли из них меньшевиков и эсеров. В Кольчугино по заданию Томского губернского комитета РСДРП(б) прибыл Ф. Чучин. Он провел заседание Совета и информировал рабочих о положении в стране и задачах Советской власти. После этого состоялся митинг, на котором рабочие вывели из состава Совета меньшевиков и эсеров, а

вместо них избрали большевиков Митракова, И. Матузова, Ф. Сусленко, А. Потанина и П. Сукова. Соглашатели были удалены из Советов Кемеровского химзавода и Мариинских золотых приисков.

Создаются Советы в уездных центрах, Кузнецке и Мариинске. В конце ноября Мариинский Совет направил своих представителей на III областной съезд Советов Западной Сибири. В конце ноября на съезде рабочих и солдатских депутатов был создан Совет в г. Кузнецке. В работе этого съезда участвовали делегаты рабочих Кольчугинского и Прокопьевского рудников, Гурьевска, Осинников, солдат местного гарнизона. Исполком уездного Совета возглавил рабочий Кольчугинских копей Михаил Филатенко.

Советы рабочих депутатов промышленных районов Кузбасса безраздельно поддерживали переход власти в Петрограде в руки пролетариата. Свою преданность решениям II Всероссийского съезда Советов горняки Кузбасса продемонстрировали на конференции союза горнорабочих Западной Сибири, проходившей 1 декабря в Судженке. Конференция единодушно приветствовала победу Советской власти и одобрила все ее мероприятия.

Однако первое время после Октября рядом с Советами продолжали действовать органы власти буржуазии в лице уездных земств и городских дум. Сложилось своеобразное провинциальное двоевластие. Ни в Мариинске, ни в Кузнецке Советы не являлись полновластными органами. Кроме Совета, здесь существовала земская управа, которую всячески поддерживали торговцы, купцы и кулаки. Возглавляли управу эсеры. В Мариинске наряду с Советом действовали руководимые эсерами земская управа и городская дума. Эсерами и меньшевиками возглавлялись профсоюзы кожевников, приказчиков, железнодорожников, связистов и учителей. Это объяснялось засильем мелкой буржуазии и слабостью пролетарской прослойки в уездных центрах.

В рабочих районах ожидали перехода власти к Томскому губернскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Но он, не чувствуя твердой почвы в Томске и будучи слабо связан с уездными Советами, действовал нерешительно.

Такая обстановка определила одну важную особенность развития событий в Кузбассе. В других районах страны власть переходила в руки Советов обычно сначала в губернских центрах, а затем распространялась на периферийные районы. В Томской же губернии, где авангардом борьбы за власть Советов являлись рабочие рудников и заводов Кузбасса, Советская власть победила вначале на периферии. Местные Советы брали власть, не дожидаясь, когда это сделает губернский Совет. Почин этому сделал 24 (11) ноября Совет Кемеровского рудника. Но и здесь еще до конца января 1918 года существовала земская управа.

Для решения вопроса о власти в губернии Томский Совет рабочих и солдатских депутатов решил созвать 23 ноября губернский съезд Советов. Однако на съезд прибыли только 24 представителя 11 Советов — Анжерского, Мариинского, Томского, Тайгинского,

Кемеровского химзавода, Боготольского, Судженского, Кольчугинской новостройки и некоторых других. Воспользовавшись этим, эсеры и меньшевики выдвинули предложение о создании местной власти из представителей земства, исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов и исполкома Совета крестьянских депутатов. Большевики выступили против этого предложения. Решение вопроса о власти отложили до проведения III областного съезда Советов Западной Сибири. Этот съезд открылся 2 декабря 1917 года в Омске. На нем Кузбасс был представлен 24 делегатами Советов Кузнецка, Мариинска, Тайги, Судженских, Анжерских и Кольчугинских копей, Кемеровского химзавода и Кольчугинской железной дороги. Съезд поддержал решения II Всероссийского съезда Советов, признал обязательным их исполнение и поставил ближайшей задачей рабочего класса и крестьянской бедноты укрепление власти Советов на местах.

Местные Советы рабочих и солдатских депутатов обязывались немедленно приступить к организации власти в городах и поселках, принять меры к укреплению связей с крестьянством и его организациями.

После этого съезда местные Советы стали действовать более решительно. 20 декабря взял власть Совет Судженских копей.

На пути советизации Сибири встали так называемые «областники», которые добивались автономии Сибири, пытались оторвать Сибирь от революционной России и установить буржуазную власть в лице Сибирской областной думы. Особенно активизировались контрреволюционные силы в связи с выборами и предстоящим открытием Учредительного собрания. Кузнецкая деревня и прежде всего масса колеблющихся середняков отдала большинство голосов эсерам. В рабочих поселках при угольных копях и заводах положение было иным.

Рабочие внимательно следили за развитием событий и требовали сосредоточения всей власти в руках Советов. Депутаты Советов Кемеровского химзавода, станции и рудника на объединенном заседании постановили «принять Учредительное собрание в том случае, если оно закрепит завоевания революции 25 октября и признает центральную власть за Центральным Исполнительным Комитетом Всероссийского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов».

Как известно, Учредительное собрание отказалось подтвердить завоевания революции и в ночь с 6 на 7 января 1918 года декретом Советского правительства было распущено.

7 января, сразу же после получения известия о роспуске Учредительного собрания, состоялся многоядный митинг на станции Тайга. В принятой резолюции железнодорожники заклеили собрание контрреволюционеров, пытавшихся посягнуть на власть Советов, и обещали Советам полную поддержку, вплоть до применения вооруженной силы. Рабочие Кольчугинских копей в резолюции, принятой на митинге 15 января, писали: «Мы видим в лице

распущенного Учредительного собрания отголосок бывшего Московского совещания и Демократического совещания, мы видим в лице Учредительного собрания последние усилия и ставку имущих классов и угнетателей народа, дабы посягнуть и свести на нет великие завоевания революции, кровью и потом завоеванные эксплуатируемыми и угнетенными». Далее в резолюции говорилось, что рабочие рудника окажут ЦИКу Советов полную поддержку. Собрание рабочих Центрального и Лотерейного рудников 21 января решило: «1) Приветствовать Совет Народных Комиссаров за роспуск Учредительного собрания, так как в нем большинство членов оказалось врагами трудового народа, отказавшимися утвердить декреты, изданные Советом Народных Комиссаров. 2) Утвердить навсегда власть Советов как в центре, так и на местах. Во главе признать Совет Народных Комиссаров в лице председателя товарища Ленина и других комиссаров...».

Декрет о роспуске Учредительного собрания поддержали строители Кольчугинской железной дороги, рабочие Кемеровского химзавода и Прокопьевских разведок, шахтеры Анжерского и Судженского рудников, металлурги Гурьевского завода, крестьяне-бедняки.

23 января общее собрание крестьянской секции при Томском Совете солдатских депутатов приняло резолюцию о текущем моменте, в которой говорилось, что в данное время не может быть речи о другой власти, кроме власти трудового народа. Крестьянские представители высказались за переизбрание соглашательского исполкома Совета крестьянских депутатов.

Одобряя роспуск Учредительного собрания, рабочие Кузбасса требовали от Томского Совета разгона Сибирской областной думы, созыв которой намечался на вторую половину января. Выполняя волю трудящихся и указание ЦИК Советов Сибири («Центросибирь»), 23 января Томский губернский Совет рабочих и солдатских депутатов распустил Сибирскую думу, арестовав при этом около 30 «думцев».

В январе 1918 года по заданию Томского губисполкома в Яшкино прибыл большевик И. Кудрявцев. По его предложению рабочие цементного завода и железнодорожной станции создали объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов, заявив при этом, что Совет будет надежным защитником «трудящихся граждан от контрреволюционеров Калединых, Семеновых, а также сибирских областников».

В середине января Совет рабочих депутатов Кольчугинского рудника объявил населению об упразднении комитета общественного порядка и безопасности и передаче его дел в руки Совета. В ведение Совета перешла милиция, военная охрана и Красная гвардия.

Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов Анжерской копи принял решение о том, что с 15 января 1918 года Анжерское народное собрание упраздняется, все функции его переносятся в

Совет рабочих и солдатских депутатов». 18 января взял власть Совет Гурьевского завода.

Переход власти к Советам в основных рабочих районах Кузбасса к середине января 1918 года завершился.

Вслед за рабочими районами началась советизация кузнецкой деревни. Сибирское кулачество и его идейные представители — эсеры оказывали ожесточенное сопротивление советскому строительству.

17 ноября 1917 года в Кузнецке открылась I сессия уездного земского собрания. Эсеровское большинство протало резолюцию, осуждавшую «мятеж большевиков», и высказалось «за созыв Учредительного собрания — благоустроителя земли русской в возможно кратчайший срок». Образованный из состава гласных Совет крестьянских депутатов даже послал в Петроград на Всероссийский съезд крестьянских депутатов своего представителя с наказом поддержать кандидатуру эсера Чернова на пост «министра-председателя». Некоторые волостные земства выпускали антисоветские листовки. В листовке Верхотомской волостной земской управы эсеры прямо призывали крестьян не допускать организации большевистских Советов.

Большую помощь в политическом просвещении крестьян и организации Советов в деревне оказали большевистски настроенные демобилизованные солдаты. Газета «Знамя революции» в корреспонденции из Щеглова в начале марта 1918 года сообщала: «С возвращением в деревни солдат с фронта и вообще из армии наша деревня начинает резко менять свою физиономию. Свежая струя новой творческой жизни начинает захватывать все наиболее беднейшие элементы нашей деревни».

На помощь крестьянской бедноте в борьбе с кулачеством пришли рабочие городов. Так, Анжерский Совет направил в село Яжаровка отряд красногвардейцев под командованием С. Сластунунова. Рабочие арестовали кулаков и восстановили Советскую власть. Гурьевский и Кольчугинский Советы посылали отряды красногвардейцев в села Коурак, Брюханово, Пестерево, Телеутское Кузнецкого уезда. Бедноте многих сел помогли Советы рабочих депутатов шахтерских и железнодорожных поселков и Мариинских золотых приисков.

Тесная связь города с деревней, помощь рабочих крестьянству в организации и защите Советской власти привели к тому, что Советы крестьянских депутатов стали все чаще координировать свою деятельность с Советами рабочих и солдатских депутатов. Это имело большое значение для укрепления союза рабочего класса с беднейшим крестьянством и для упрочения диктатуры пролетариата. Повсеместно развернулась подготовка уездных съездов Советов крестьянских депутатов. В Мариинском уезде эту работу возглавил М. Л. Зиссерман, прибывший сюда по заданию исполкома Советов Западной Сибири. Он связался с местной группой большевиков и добился роспуска эсеровского Совета. Вместо него был образо-

ван исполком Совета рабочих и солдатских депутатов из представителей профсоюзов и союзов фронтовиков. Для проведения выборов делегатов на уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по селам разъехались представители из Мариинска.

После подготовительной работы, проведенной большевиками, 31 марта съезд начал работу. Он отразил рост политической сознательности крестьянской бедноты. При избрании президиума, при обсуждении вопросов о власти Советов, о земле и мире, об установлении рабочего контроля эсеры и меньшевики потерпели поражение. Съезд признал Советы единственным органом власти, защищающим интересы всех трудящихся и призвал крестьян быстрее завершить организацию Советов на местах.

В острой классовой борьбе проходила советизация деревень в Кузнецком уезде, где рядом с Советом продолжала существовать земская управа. В феврале 1918 года здесь вспыхнул контрреволюционный мятеж, организатором которого фактически выступила земская управа. На помощь Кузнецкому Совету рабочих депутатов пришли красногвардейцы Кольчугинского рудника и Гурьевского завода. После подавления мятежа и здесь началась активная подготовка уездного съезда. В села были направлены представители Кузнецкого Совета рабочих депутатов, которые помогли крестьянам избрать делегатов. Одновременно создавались Советы крестьянских депутатов.

Перед открытием съезда состоялась демонстрация, в которой приняло участие несколько тысяч человек. 11 марта Народный дом заполнили делегаты съезда. Первым решением съезда был роспуск земской управы, которая распространяла контрреволюционные листовки, толкая крестьян к выступлению против рабочих и Советов. Съезд избрал исполком Кузнецкого уездного Совета депутатов во главе с одним из руководителей знаменитой забастовки рабочих на Ленских приисках в 1912 году А. Г. Петраковым. В исполком вошли Коновалов, Метелкин, Шалавин, Талдыкин и другие. Было вынесено постановление о выделении Щегловской и соседних с ней волостей в самостоятельный уезд с административным центром в Щегловске.

Первый съезд Советов нового Щегловского уезда открылся 9 мая в здании Верхотомского исполкома волостного Совета. Его делегатами были главным образом рабочие химического завода, кемеровских и кольчугинских шахт, железнодорожники, бывшие фронтовики. Эсеры, выражавшие интересы кулаков, при обсуждении вопросов повестки дня выступали против большевиков, но безуспешно.

17 мая 1918 года село Щеглово было переименовано в город Щегловск. На выборах уездного исполкома кандидаты большевиков получили подавляющее большинство голосов. В него было избрано 17 человек: 4 рабочих, 5 служащих и 8 крестьян. Среди них было семь большевиков, один левый эсер и один анархист. Боль-

шинство членов исполкома сочувствовало большевикам. Первым председателем уездного исполкома стал большевик С. Рукавишников, а его заместителем — Г. Шувалов.

Таким образом, к концу мая 1918 года в Кузнецком, Мариинском и Щегловском уездах этап борьбы за переход власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов подходит к концу. Вслед за рабочими районами сосредоточивали полноту власти в своих руках Советы в деревнях и селах.

Советам досталось тяжелое наследство. Немногочисленные предприятия Кузбасса в результате саботажа предпринимателей владели жалкое существование. Рабочие голодали. Катастрофический размах приняла безработица. Обострился жилищный кризис. Нехватало средств для развития народного образования. Эти и многие другие сложные проблемы теперь должны были решать только что сформированные Советы.

Еще летом 1917 года Советы рабочих депутатов Судженского, Кольчугинского, Кемеровского рудников обратили внимание шахтовладельцев на необходимость срочных мер по расселению жителей чердаков и подвалов. Управляющий Судженскими копями пообещал приступить к постройке барачков, но дело не сдвинулось с мертвой точки.

В мае 1918 года конференция профсоюзов и контрольных комиссий Кузнецкого района предложила правлению Копикуза «в срочном порядке» приступить к постройке бревенчатых и засыпных барачков на Кольчугинском и других рудниках.

Одновременно Советы принимали решительные меры для улучшения использования имевшихся зданий. Исполком Кузнецкого уездного Совета установил порядок, при котором наем квартир, сдача помещений и домов в аренду производились только с его ведома и разрешения. Все домовладельцы, квартиронаниматели, арендаторы домов и помещений в недельный срок обязывались представить исполнительному комитету точные сведения о занимаемых помещениях. Дома, занятые общественными или государственными учреждениями, а также оказавшиеся свободными, объявлялись собственностью государства. Была установлена «квартирная норма», и все домохозяева и жильцы, имевшие излишки жилой площади, обязывались сдавать в наем эти излишки по твердым ценам и платить налог.

Большую работу предстояло провести Советам по развитию народного образования. В 1917 году 70 процентов рабочих угольных копей не умели ни читать, ни писать. На золотых приисках число неграмотных составляло 74 процента, на железных дорогах — 64 процента. Не знали грамоты 55 процентов всего населения Кузнецка, 56 — Мариинска, 60 — Тайги, 70 — населения Щеглова.

Советы открывали новые школы, изыскивали бумагу, учебники, школьный инвентарь. Средства на эти цели на первых порах получали за счет контрибуций с зажиточной части населения и предпринимателей.

Для охраны завоеваний революции и обеспечения необходимого порядка Советы всемерно укрепляли свою военную опору — отряды Красной гвардии.

На Анжерских копях в Красной гвардии числилось 200 человек. Ядром отряда были солдаты местной команды. На Судженских копях и Кемеровском руднике красногвардейские отряды насчитывали по 250 человек. В отрядах Кольчугинского рудника и Кемеровского химзавода было по 100 человек, на Гурьевском заводе — около 80. На Мариинских золотых приисках в декабре отряд Красной гвардии состоял из 300 человек. В декабре же был создан отряд Красной гвардии на станции Тайга.

В уездных исполкомах создавались военные комиссариаты, руководившие демобилизацией из старой армии, формированием отрядов Красной гвардии, а затем Красной Армии. Военкомы имелись и в некоторых волостных Советах. 9 мая 1918 года съезд крестьянских депутатов Итатской волости решил избрать в каждой деревне, где имеется не менее 60 дворов, по два красногвардейца. На волостном съезде красногвардейцы избрали военкома, которому назначалось жалованье. Во время исполнения заданий красногвардейцам выплачивались суточные.

В Мариинском уезде отряды Красной гвардии были сформированы в селах Козеуле, Чумае, Тисуле, Усть-Серте и других.

Отряды Красной гвардии действовали в исключительно трудных условиях. Надо было вести охрану копей и железных дорог, бороться с саботажниками, кулаками и подкулачниками, самогонщиками и спекулянтами. Не хватало оружия и продовольствия.

В начале 1918 года в Восточной Сибири началось выступление белогвардейских банд атамана Семенова, которое было инспирировано и поддержано японскими милитаристами.

В марте Советы Кузбасса получили телеграмму Западно-Сибирского областного исполнительного комитета Советов:

«Сибири угрожает опасность с Востока. Немедленно организуйте партизанские отряды. Крупные, вполне вооруженные обмундированием и снабженные продовольствием, отправляйте в Иркутск в распоряжение Центросибири, мелкие направляйте в Омск и Томск. О каждом сформированном отряде сообщайте в Зап. Сиб. Сов. деп. Немедленно к работе».

В апреле постановлением ЦИК Советов Сибири (Центросибири) вся Сибирь была объявлена на военном положении. При Советах создавались военно-революционные штабы, без разрешения которых запрещались митинги и демонстрации, ношение и хранение оружия; устанавливалась охрана мостов и переправ. Вводилось всеобщее обучение рабочих военному делу.

На призыв партии и Советского правительства трудящиеся Кузбасса ответили созданием и отправкой на семеновский фронт нескольких добровольческих отрядов. На Анжеро-Судженских копях был сформирован отряд из 300 человек, под командой С. Сластунова. Из Кемерова выехал отряд под командой Ф. Брокера.

4. От рабочего контроля — к национализации промышленности

По мере решения политической задачи социалистической революции — установления Советской власти рабочим и крестьянам предстояло решать множество социально-экономических задач.

В. И. Ленин подчеркивал, что организация управления в стране, отсталой экономически, какой была Россия, дело куда более сложное, чем совершение революции. Весной 1918 года В. И. Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти» нацеливал внимание партии и рабочего класса на борьбу с мелкобуржуазной стихией спекуляции и торгашества. Для подавления этой стихии надо было укреплять общегосударственную дисциплину, организовать учет производимой продукции, установить контроль над производством. Ленин особо остро подчеркнул необходимость всемерного повышения производительности труда и развертывания социалистического соревнования масс.

В разрешении вставших перед Советским государством хозяйственных задач большая роль отводилась Кузбассу. Раньше добыча угля и выплавка металла была сосредоточена главным образом в Донбассе. По мирному договору с Германией Советская республика временно лишилась этого района, и в стране осталась только одна металлургическая база — Урал. Коксующийся уголь для нее должен был дать Кузбасс. В. И. Ленин обратил внимание на необходимость соединения уральской руды с кузнецким углем: и после Брестского мира, — писал он, — Россия располагает «гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь)»¹.

Ленинские указания об очередных задачах Советской власти партия конкретизировала в планах создания новых промышленных очагов в восточных районах страны. М. И. Калинин, говоря на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства о важности создания новой промышленной базы на Урале и в Сибири, подчеркивал: «Вот где мы должны заложить основы своего будущего могущества».

В апреле 1918 года ВСНХ объявил конкурс на разработку проекта кооперирования горной и металлургической промышленности Урала и Кузбасса.

План, составленный в мае 1918 года правлением национализированных предприятий Урала, предусматривал выплавку чугуна в Кузбассе из уральских руд и на Урале — из местных руд на кузнецком коксе. ВСНХ в июле 1918 года одобрил этот проект.

Советское правительство отпустило средства для проведения необходимых исследований. Весной 1918 года в Кузбасс выехала группа геологов — А. А. Гапеев, В. И. Яворский и др. Только начавшаяся интервенция отодвинула осуществление плана коопера-

ции уральской металлургии и кузнецкой угольной промышленности. Но важно подчеркнуть, что проблема Урало-Кузбасса была поставлена В. И. Лениным, коммунистической партией, Советским правительством еще в начале 1918 года.

Наряду с постановкой больших перспективных проблем требовалось немедленно решать неотложные, практические задачи.

Кузбасс был призван, прежде всего, обеспечить углем Сибирскую магистраль, от работы которой во многом зависело снабжение хлебом голодавших центральных районов России.

Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов телеграфировал Центросибири: «Сибирские товарищи должны знать, что нам нужен хлеб. Лучше всего его можно достать в Сибири. Для этого требуется, чтобы работа железных дорог ни на минуту не приостанавливалась. Поэтому поставьте задачу подбросить угля недостающим районам степной полосы, особенно на участке Омск — Тюмень, Омск — Петропавловск, задача эта — боевая...».

Большевики Кузбасса незамедлительно откликнулись на призыв партии и Советского правительства. 24 февраля Совет Анжерского рудника сообщал правительству: «Меры к передвижению продовольствия к Петрограду приняты. Транспорты будут снабжаться углем вплоть до Петрограда».

Однако борьба за подъем угледобычи была чрезвычайно тяжелым и сложным делом. Копи Михельсона в течение 20 лет эксплуатировались хищнически. Машины и механизмы не ремонтировались, горные выработки были запущены. Для дальнейшего развития копей были нужны крупные капиталовложения, но Михельсон всячески уклонялся от сколько-нибудь значительных затрат.

Не лучше было положение и на копиях Кузнецкого акционерного общества. Отмечая падение добычи угля на Судженских, Анжерских и Кузнецких копиях осенью 1917 года, Ф. Суховерхов в своем выступлении на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в июне 1918 года указал, что причиной этого являлась, главным образом, невыплата жалованья рабочим и плохое снабжение продовольствием.

Начиная с октября 1917 года, четыре месяца правление Копикуза не посылало шахтерам ни рубля. Рабочие остались без хлеба и продовольствия. Производительность труда упала почти в три раза.

В начале января 1918 года на конференции представителей промышленников Кузбасса и рабочих при рассмотрении причин катастрофического положения предприятий Копикуза Ф. Суховерхов говорил, что «рабочие каменноугольных копей в настоящее время живут впроголодь», что «предприятия саботируются капиталистами и банками». Директор-распорядитель Копикуза Фитингоф от имени промышленников отказался гарантировать снабжение рабочих продуктами первой необходимости по твердым ценам.

Администрация копей под различными предлогами уклонялась от введения новых ставок, разработанных на конференции горно-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 36, стр. 188.

рабочих Томского и Кузнецкого районов в декабре 1917 года. Цены на промышленные товары и продукты питания росли с каждым днем. В связи с сокращением производства уменьшился штат рабочих. На Кемеровском и Кольчугинском рудниках начались массовые расчеты рабочих. Резко увеличилось число безработных.

В борьбе против саботажа капиталистов пролетариат не мог тогда пойти на немедленную национализацию всех фабрик, заводов и рудников. Для этого он еще не имел ни опыта управления хозяйством, ни экономических органов, способных взять в свои руки руководство предприятиями. Поэтому Советская власть вначале ограничилась национализацией крупной промышленности, играющей главную роль в народном хозяйстве, а на средних и мелких предприятиях вводился рабочий контроль, положение о котором было принято ВЦИКом в ноябре 1917 года.

Рабочий контроль, как указывал В. И. Ленин, был введен для того, чтобы «рабочие сами взяли за великое дело строительства промышленности громадной страны без эксплуататоров, против эксплуататоров». Это был первый шаг на пути к национализации. Участвуя в контроле над производством и распределением, рабочий класс учился управлять предприятиями и готовил из своей среды руководителей производства.

Рабочий контроль осуществлялся через выборные органы: заводские и фабричные комитеты, советы старост. На основании постановления ВЦИК решения органов рабочего контроля носили обязательный для владельцев предприятий характер.

Конференция союза горнорабочих Западной Сибири, открывшаяся в Судженке 1 декабря, отвергнув предложение меньшевиков об ограничении рабочего контроля «наблюдательными» функциями, большинством голосов признала необходимым немедленно провести в жизнь ленинский декрет о рабочем контроле.

Вопросы практического введения рабочего контроля обсуждались на III съезде Советов Западной Сибири. Эта работа была возложена на местные Советы рабочих депутатов совместно с фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами.

В апреле 1918 года по постановлению ВСНХ была образована особая комиссия по установлению тарифных ставок для горнозаводских предприятий Западной Сибири. Конференция представителей профсоюзов, Советов и контрольных комиссий Кузнецкого района, состоявшаяся в Кольчугине в мае 1918 года, составила и утвердила первый проект коллективного договора для каменноугольной промышленности, в котором были подробно разработаны тарифные нормы, установлены случаи, когда допускалась сделка и расценки на нее.

В установлении рабочего контроля большую активность проявили рабочие Судженских копей. В январе 1918 года совместное собрание исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, профсоюза, рудничного комитета и Совета по управлению копиями признало «целесообразным и своевременным провести в жизнь по

нашему предприятию декрет о рабочем контроле над производством и распределением». После этого органы рабочего контроля Судженских копей приступили к выполнению своих функций. Вникая во все вопросы производственной деятельности, они добились увольнения с шахты № 10 отличавшегося грубостью десятиника Иконникова, запретили администрации умышленную остановку шахты № 9 под предлогом перекрепки ствола, запретили заведующему хозяйственным отделом Юргенсу самовольно распоряжаться материалами и оборудованием и т. д.

Вслед за Судженскими копиями рабочий контроль был введен на Мариинских золотых приисках, предприятиях Копикуза, на железнодорожном транспорте.

Буржуазия открыто выступила против декрета о рабочем контроле. Совместное заседание общества фабрикантов и заводчиков Томского района и общества горнопромышленников Западной Сибири 23 декабря 1917 года приняло решение саботировать декрет о введении рабочего контроля. Предприниматели стали увольнять наиболее активных рабочих, организаторов и руководителей профсоюзных организаций и комитетов рабочего контроля.

На Яшкинском цементном заводе администрация уволила секретаря профсоюза В. Е. Пичкалева «якобы ввиду невнимательного исполнения им своих обязанностей». Заводской комитет запросил от администрации доказательств обвинений. А когда таких доказательств не оказалось, общее собрание рабочих завода потребовало оставить Пичкалева на старом месте и довести до сведения губернского комитета труда о произволе администрации.

Партийные и советские органы копей развернули борьбу за новую социалистическую дисциплину и повышение производительности труда. По согласованию с профсоюзами был установлен минимум обязательных выходов на работу — 20 выходов в месяц. В январе 1918 года Анжерский и Судженский Советы составили правила внутреннего распорядка для рабочих и служащих, разрабатывали меры против нарушений общественного порядка и дисциплины, создали революционный трибунал. Судженский Совет издал обязательное постановление, в котором строго воспрещалась «всякая намеренная неявка на работу или службу без уважительных причин, особенно с целью внести общую заминку и путаницу в дело, имеющее государственное значение, также небрежное отношение к своим служебным обязанностям, а равно всякое попустительство и непредусмотрительность должностных лиц, воспрепятствование осуществлению органами новой власти распоряжений и директив центрального правительства».

10 тысяч экземпляров этого постановления было роздано всем рабочим для руководства и исполнения. Наведение революционной дисциплины не замедлило сказаться. Добыча угля на копиях за первую половину января 1918 года возросла с 40 тысяч пудов до 107 тысяч пудов. Производительность труда подземных рабочих поднялась на 5,5 пуда.

Совет рабочих депутатов Кольчугинских копей, беря власть в свои руки, подчеркнул, что для проведения в жизнь декретов Советского правительства нужна сплоченность рабочих, стройная организация и вооруженная дисциплинированная сила в лице красногвардейцев. Совет оповестил рабочих, «кои сделали самовольную отлучку с рудника по причине хлебного кризиса, чтобы они явились в недельный срок, иначе они будут считаться выбывшими и потерявшими свои места. Лица же, находящиеся на руднике и не являющиеся в шахту в течение трех дней, будут считаться уволенными и потерявшими свои места и вместо них будут поставлены новые люди».

13 декабря было принято постановление «производить работы по добыче угля в воскресенье 17 декабря, не делая праздничного отдыха. Совет рабочих депутатов призывает рабочих-угольщиков рудника последовать примеру петроградских рабочих, работающих для защиты революции не покладая рук».

Местные Советы и профсоюзы все чаще возбуждали перед центром вопросы о национализации предприятий, владельцы и администрация которых не подчинялись или саботировали меры новой власти по расширению производства и улучшению положения трудящихся.

К концу 1917 года в катастрофическом состоянии оказались Мариинские золотые прииски. Правление, находившееся в Петрограде, свертывало работы, задерживало выдачу заработной платы рабочим, игнорировало рабочие организации и органы власти на местах.

На совещании большевиков — делегатов Томского губернского съезда Советов 24 ноября отмечалось, что предприниматели Центрального рудника «явно ведут дело к тому, чтобы залить водой шахты и выбросить рабочих на улицу». Для переговоров с правлением был командирован председатель местного Совета К. В. Цибульский. Правление ограничилось тем, что выслало на прииски 250 тысяч рублей.

В феврале 1918 года Совет пришел к заключению о необходимости национализировать прииски. Направили в Томск представителей Совета и профсоюза. Но Томский Совет воздержался от национализации приисков. Он попросил помощи у Омского и Ачинского Советов. Из Омска пообещали дать 200 тысяч рублей аванса под золото и два вагона зерна. Четыре вагона муки, два вагона мяса, четыре вагона сала и полторы тысячи аршин брезента послали в кредит из Ачинска.

Меры для изыскания средств и улучшения руководства приисками принимал и местный Совет. Он обложил местную буржуазию единовременным налогом, уволил управляющего приисками и создал управление из пяти человек: четырех рабочих и одного инженера. Одновременно послали обращение в правление с просьбой перевести 400 тысяч рублей для поддержания предприятий. Правление отказалось дать деньги и не признало коллективного

управления приисками. Это привело к окончательному разрыву с правлением. На заседании Совета была принята резолюция, в которой говорилось: «Ввиду того, что правление фактически предприятие не финансирует и что предприятие поддерживается за последнее время, главным образом, помощью Совдепов Томского, Омского и Ачинского, считать всякую связь с предпринимателем (правлением) прерванной, ни в какие отношения с ним не входить, а ходатайствовать перед Высшим Советом народного хозяйства о национализации предприятия, для чего пересмотреть смету и составить новый план работы, считаясь с возможностью национализации всей Мариинской тайги».

8 мая 1918 года общее собрание рабочих и служащих направило председателя коллективного управления инженера Горковенко и рабочего Григорьева в Петроград для последних переговоров с правлением. Им поручалось в случае, если не удастся договориться на условиях, приемлемых для рабочих, обратиться в ВСНХ с ходатайством о национализации приисков.

Острой была борьба за переход от рабочего контроля к рабочему управлению на Кольчугинской железной дороге, принадлежавшей Копикузу. 3 февраля 1918 года был образован главный дорожный комитет Кольчугинской дороги, взявший в свои руки управление. Вскоре создается следственная комиссия по делу начальника станции в связи с его плохой работой и злоупотреблениями. Закончив проверку, дорожный комитет созвал делегатский съезд служащих, мастеровых и рабочих. Следственная комиссия доложила о вскрытых фактах халатности и хищений. К службе движения были предъявлены претензии на 80 тысяч рублей. Делегатский съезд уволил всех виновных в нарушениях и передал дело в революционный трибунал.

Обострилось положение на Анжерских угольных копях, принадлежавших Томской железной дороге.

30 января 1918 года шахтеры Анжерки направили делегацию к начальнику Томской железной дороги с наказом «сказать ему, что мы израсходовали все наши запасы терпения в ожидании от них даваемых ими бумажных обещаний, которые нас и наши семьи не кормят и не одевают, а поэтому требуем ультимативно принять и утвердить все наши ставки без малейших изменений».

Работой копей стал руководить совет управления.

В первые месяцы Советской власти делались попытки анархистских захватов предприятий группами рабочих. Большевики вели беспощадную борьбу с эсерами и анархистами, которые отрицали необходимость централизации хозяйственного управления, проповедуя «социализацию промышленности», обособление отдельных хозяйственных «коммун» и артелей.

На Анжерских копях под влиянием агитации эсеров была «социализирована» лесопилка Тимофеева. Местный Совет стал забирать лес себе, а между тем лесопилка должна была обслуживать все Кузнецкие копи. Вопрос о лесопилке обсуждался на объединен-

ном заседании президиума губисполкома, исполкомов городских Советов и на конференции представителей Кузнецких копей. Конференция вынесла решение, что на лесопилке нужно ограничиться установлением рабочего контроля. Однако, пока шли споры и дебаты, лесопилка сгорела.

19 января 1918 года Совет рабочих и солдатских депутатов Анжерских копей командировал на шахту горнопромышленника Эдельштейна свою комиссию «на предмет перехода ее в эксплуатацию рабочих, служащих и мастеровых». Бюро горнорабочих Западной Сибири и Томский губисполком немедленно реагировали на это решение. На заседании президиума Томского губисполкома Франц Суховерхов доложил, что на Анжерских и Судженских копях, в связи с агитацией эсеров и приездом делегации анархистов с Черемховских копей под флагом социализации назревают стремления к захвату копей, что грозит полной дезорганизацией производства из-за невозможности вести дело без технического персонала. Президиум направил на копи Ф. Суховерхова и М. Сумецкого для разъяснения рабочим всей опасности предполагаемого решения.

23 января собрание рабочих организаций Судженских копей, заслушав доклад Ф. Суховерхова, признало в данный момент единственно целесообразным введение рабочего контроля.

Выступая против самовольных захватов предприятий, против эсеровской «социализации», Советы Кузбасса вместе с тем все настойчивее ставили вопросы о национализации предприятий, о переходе от рабочего контроля к рабочему управлению.

Томский губисполком внимательно изучил предложение Судженского Совета о национализации копей. Для доклада о положении на руднике вызван был коммунист Ф. Чучин, который был там комиссаром еще при Временном правительстве.

Тщательно взвесив все «за» и «против», губисполком признал необходимость национализации Судженских копей, ибо хищническое ведение хозяйства Михельсоном поставило копи на грань полного развала. Ф. Г. Чучин был назначен комиссаром рудника и получил задание создать новый совет управления копиями. Вскоре Ф. Чучин доложил губисполкому о проведенной чистке и реорганизации управленческого аппарата созданным советом управления копиями, в состав которого вошли пять представителей от рабочих, по два представителя от служащих и штейгеров и комиссар губернского Совета. Дела на руднике пошли на поправку. Уже в апреле 1918 года добыча угля наполовину превысила январскую.

28 апреля 1918 года из Томска за подписью председателя губернского Совета и областного бюро горнорабочих была направлена телеграмма в адрес комитета хозяйственной политики ВСНХ, в которой сообщалось, что «затягиванием официального признания произведенной Томским губсовдепом (в) феврале национализации Судженских копей создается тягостное положение, грозящее осложнениями (в) виду невозможности наладить нормальное уп-

равление, авторитетное (для) рабочих государственных учреждений... Считаем неотложным срочное издание декретов (о) национализации Судженских и Ново-Судженских копей».

4 мая Томский губисполком телеграфировал в ВСНХ о результатах реорганизации управления Судженскими копиями, просил разработать для них смету и выслать три миллиона рублей на финансирование неотложных строительных работ. 11 мая В. И. Ленин, рассмотрев предложение горняков, подписал два декрета, касающихся Судженских копей. Одним из них Совнарком национализировал копи Михельсона, а другим — отпускал копиям требуемые три миллиона рублей. Таким образом, борьба судженских рабочих с капиталистом Михельсоном, начавшаяся задолго до Октябрьской революции, закончилась полной победой рабочих, добившихся национализации копей.

Настойчиво выдвигали вопрос о национализации предприятий, принадлежащих Копикузу, рабочие Кольчугинского, Прокопьевского и Киселевского рудников.

10 января 1918 года Кольчугинский Совет «находя, что акционерное общество Копикуз ведет к полному развалу Кольчугинский рудник», признал, что «единственным выходом из создавшегося кризиса является передача Копикуза в руки государства». Шахтеры предложили областному бюро горнорабочих созвать экстренный съезд и командировать одного из членов бюро в Петроград для выяснения дальнейших планов акционерной компании и возможности национализации предприятий.

Аналогичные решения были приняты рабочими Гурьевского завода, Прокопьевского и Киселевского рудников. Дельцы Копикуза попытались подчинить предприятия иностранному капиталу. Они писали в ВСНХ о том, что американские капиталисты обещают обильную финансовую «помощь» для освоения Кузбасса и дали «вполне серьезные заверения в возможности реализовать на американском денежном рынке акционерный капитал до 500 млн. рублей». При этом подчеркивалось, что для привлечения американских капиталов Советская власть должна дать гарантию в том, что Кузнецкое акционерное общество «не подлежит ни в каком случае национализации».

Учитывая важность предприятий Копикуза для страны, местные органы Советской власти не считали возможным проводить их национализацию самостоятельно, без санкции Советского правительства. Областное бюро поручило делегату съезда профессиональных союзов М. Рабиновичу выяснить возможность решения этого вопроса. 23 января 1918 года Рабинович доложил в ВСНХ о положении на Кузнецких каменноугольных копях и предложениях рабочих о национализации предприятий Копикуза.

21 февраля профсоюзная организация и Совет Кольчугинского рудника снова потребовали от областного бюро горнорабочих и исполкома губернского Совета рабочих и солдатских депутатов «взять управление в свои руки».

«Товарищи, — говорилось в резолюции, — мы вам давно предлагали, чтобы вы приложили все меры к национализации Копикуза и взяли управление в свои руки. Этот акт дал бы силу рабочим. Тогда они знали бы, что работают не на них, — на акционеров, а на государство».

23 февраля вопрос о Кузнецком акционерном обществе обсуждался Томским губисполкомом. Он признал необходимость национализации копей Копикуза. Чтобы выяснить степень готовности рабочих организаций к установлению рабочего управления и установить время национализации, намечалось созвать съезд представителей копей.

В начале марта состоялась конференция представителей предприятий Копикуза, которая вынесла резолюцию о необходимости национализации и отправила ее в ВСНХ. Рудник Копикуза — Кемеровский, Кольчугинский, Прокопьевский, Киселевский и другие давали около 20 миллионов пудов угля. Советское правительство, заинтересованное в подъеме угледобычи и строительстве новых промышленных предприятий в Кузбассе, не имело тогда возможности принять на себя связанные с этим огромные расходы. Вместе с тем, несмотря на финансовые трудности того времени, ВСНХ впредь до национализации выделил Копикузу ссуду в размере 10,6 миллиона рублей. Лишь 28 июня 1918 года декретом Совнаркома о национализации всей крупной промышленности заводы и рудники Копикуза были объявлены собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Организуя промышленное производство, Советы рабочих депутатов и профсоюзы всюду ввели восьмичасовой рабочий день, добились некоторого улучшения условий труда. Все это способствовало стабилизации и даже росту добычи угля. В 1917—1918 годах угледобыча на рудниках составила (в пудах):

Месяцы	Судженка	Анжерка	Кольчугино	Кемерово
Ноябрь 1917 г.	3 170 404	2 158 740	798 000	957 570
Декабрь »	1 780 020	1 882 537	475 650	465 930
Январь 1918 г.	2 170 780	1 927 189	621 460	550 425
Февраль »	1 037 180	896 873	3 117 290	386 246
Март »	2 072 820	1 609 350	709 975	610 838
Апрель »	2 543 500	2 047 000	883 085	610 477

Советы рабочих депутатов и профсоюзы копей много внимания уделяли подбору рабочих и укреплению трудовой дисциплины. В январе на Судженском руднике работало 4668 человек, в апреле — 5406, соответственно на Анжерском — 3228 и 3476, Кольчугинском — 1325 и 1553, Кемеровском — 2381 и 2523. Заметным был и

рост производительности труда рабочих. В декабре 1917 года на Судженском руднике она равнялась 43,5 пуда в смену, в апреле 1918 года уже 45,6 пуда. Соответственно на Анжерском руднике — 34,2 и 42,7, Кольчугинском — 26 и 33,2 пуда.

Усилия шахтеров Кузбасса, которые, преодолевая саботаж предпринимателей, обеспечивали углем железные дороги и предприятия Урала и Сибири, помогли молодому Советскому государству ослабить остроту топливного голода и организовать вывоз продуктов из Сибири в центральные районы страны.

Большое значение для налаживания экономики имела организация в декабре 1917 года Высшего Совета Народного хозяйства. Под руководством ЦК партии и местных партийных организаций создавалась единая система управления перешедшими и переходившими в общенародную собственность предприятиями.

В марте 1918 года Томский губисполком вынес постановление об организации губернского совнархоза, а затем городских совнархозов. 1 апреля Томский губернский совнархоз направил Тайгинскому, Мариинскому, Кузнецкому, Кольчугинскому и другим Советам указание «приступить к организации местных Советов народного хозяйства и связать их деятельность с губернским Советом народного хозяйства». Вскоре начал работать Мариинский совнархоз. Его возглавлял прибывший из Омска по направлению Западно-Сибирского облисполкома большевик М. Зиссерман. Совнархоз принял в свое ведение дела городской и земской управы, а также предприятия, национализированные у местных купцов.

Первое время Мариинский совнархоз занимался заготовкой продовольствия, распределением мануфактуры и установлением цен на товары. На заседании 20 марта он, например, установил цену ржаной муки для продажи населению, принял решение о конфискации хлеба, масла, мануфактуры у торговцев. 2 апреля совнархоз отпустил 1000 пудов хлеба для бедняков Сандайской волости и 15 тысяч рублей Суловскому сельскому обществу для закупки хлеба. 3 апреля было принято постановление об отпуске 5 тысяч пудов ржи для Томска. 9 апреля обсужден вопрос о закупке семенной пшеницы в Алтайской губернии. 10 апреля совнархоз решил передать хлеб, конфискованный у спекулянта, для рабочих прииска «Заблудящий», а 16 апреля отпустил представителю Судженской копи 1000 пудов ржи.

Совнархоз назначал своих контролеров на частные предприятия, оказывал помощь кустарям в снабжении инструментами и сырьем, старался помочь крестьянской бедноте. Так совнархоз постановил «поручить Тенгулинскому волостному Совету войти в сношение с Мало-Антибесским и других окрестных деревень Советами крестьянских депутатов и установить контроль над всеми мельницами. Установление же цен за помол поручить провести в жизнь властью местного Совета».

В других уездах Кузбасса в первый период Советской власти совнархозы не успели сложиться. В Кузнецке всем хозяйством ве-

дал исполком уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Предприятиями Копикуза, рудниками и заводами северной части Кузбасса занимался Томский совнархоз.

Таким образом, за короткое время, в исключительно сложной обстановке рабочие Кузбасса под руководством большевистских организаций начали осуществлять переход от рабочего контроля к национализации промышленности, налаживали управление перешедшими в общенародную собственность предприятиями.

5. Аграрные преобразования и борьба за хлеб в кузнецкой деревне

Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов, ликвидировал помещичью собственность на землю. В Кузбассе по этому декрету была ликвидирована собственность самого крупного помещика — Николая Романова, владевшего огромной территорией, включавшей весь Алтай и значительную часть современной Кемеровской области. В результате победы Октябрьской революции крестьяне Кузбасса получили 5,8 миллиона десятин кабинетских земель.

Установление Советской власти и ее революционные завоевания привели к резкому падению влияния эсеров и росту авторитета большевиков в деревне. В специальных листовках большевики Кузбасса разъясняли декреты о земле и политику Советского правительства. Губернский Совет рабочих и солдатских депутатов, Советы рабочих депутатов рудников направили в деревни агитаторов, вооружив их литературой.

Проведение аграрных преобразований в кузнецкой деревне имело некоторые особенности. В деревнях центральной части России до лета 1918 года на первый план выступала классовая борьба всего крестьянства против помещиков, а борьба бедноты с кулачеством обострилась несколько позднее. Общекрестьянский фронт борьбы против крепостнических пережитков в Сибири в конце 1917 и начале 1918 года был слабее, чем в центре страны. Основным стержнем борьбы, развернувшейся после Октября в сибирской деревне, не знавшей помещика, сразу стала борьба крестьянской бедноты против кулачества. По данным переписи 1917 года, 26 процентов хозяйств Томской губернии прибегали к наемному труду, в том числе в Мариинском уезде — 28 процентов, Щегловском — 38 и Кузнецком — 26 процентов. В то же время в Томской губернии был наибольшим по сравнению с соседними губерниями и удельный вес бедняцких хозяйств — 16 процентов, в том числе в Кузнецком уезде — 23, в Щегловском — 12, Мариинском — 10 процентов.

Расслоение крестьянства особенно прогрессировало в связи с большим переселением крестьян из центра в Сибирь. Переселенцы

составляли в Мариинском уезде 61 процент всех хозяйств, в Щегловском — 59, в Кузнецком — около 33 процентов. Переселенцы — прежде всего крестьяне-бедняки, приезжая в Сибирь, попадали в экономическую зависимость от кулаков, пополняли ряды местных батраков.

Крестьянская беднота остро ставила вопрос о переделе земли, конфискации земель отдельных частных владельцев, прирезке посевных площадей за счет земель, принадлежавших «кабинету его величества».

Обстановку в деревне того времени можно проследить на примере села Байкаим. Бедняки-переселенцы сразу отвергли земство и признали Советскую власть. Старожилы же сохранили земскую управу. При поддержке Кольчугинского Совета беднота, получив 55 винтовок и патроны, после общего собрания, арестовала около двух десятков кулаков и наложила на них контрибуцию. Шесть арестованных отправили в Томскую губернскую тюрьму. Инструктор Томского губсовнархоза, приехавший в с. Байкаим, констатировал, что отношения между старожилками и переселенцами «настолько обострились, что крестьяне обеих сторон заявляют, что если противник с оружием появится в их селе, то они сейчас же будут уничтожать друг друга. Между обеими сторонами получилось что-то похожее на войну».

Острые столкновения переселенческой бедноты с кулаками происходили и в других селениях. В Дедюеве Щегловского уезда старожилы решили «изгнать переселенцев прямо за Урал». Для улаживания этого вопроса из Щегловска выезжал член Совета с краснойгвардейцами. В начале 1918 года в с. Петропавловском представители 13 селений обсуждали вопрос «об отделении поселков от старожильческих волостей Тамбаровской и Судженской в самостоятельную волость переселенцев». После бурного обсуждения единогласно решили «окончательно отделиться от старожильческих волостей, которым об этом заявить категорически, и об утверждении Петропавловской волости ходатайствовать перед Советской властью». Административный отдел губисполкома удовлетворил просьбу крестьян.

В основе конфликтов между переселенцами и старожилками лежала классовая борьба бедноты с кулачеством. В ходе ее бедняки-старожилы поддерживали переселенцев.

Всячески разжигая столкновения между старожилками и переселенцами, мобилизуя все силы контрреволюционеров, эсеры пытались натравить крестьянство против Советской власти. Но эти попытки были сорваны. Большевики находили все большую поддержку трудового крестьянства. Резолюции съездов Советов Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов по земельному вопросу свидетельствовали о том, что Декрет о земле отвечал коренным интересам сибирского крестьянства.

Однако проведению Декрета о земле в жизнь на местах мешали земельные комитеты, находившиеся под влиянием эсеров. Прак-

тически осуществление Декрета о земле развернулось лишь в ходе массового создания волостных Советов, ликвидации земельных комитетов и образования земельных отделов Советов.

Крестьяне Сибири, в отличие от крестьян центральных областей России, не знали крепостного права и помещиков. Их основную массу составляли середняки. Молодая республика Советов, поставленная на край гибели от голода и разрухи, была вынуждена установить твердую продовольственную диктатуру. Вводилась хлебная монополия, запрещалась спекуляция продовольствием. Изымались его излишки. Все это вызвало лютую ненависть кулачества и серьезное недовольство середняков. Средняк заколебался. Это сказалось на его отношении к Советам. Поддержка новых органов власти средним крестьянством не была до конца последовательной. Да и сами Советы оказались в ряде случаев засоренными кулацкими элементами. Часто это были обычные земства, лишь сменившие вывески.

В этой сложной обстановке большевики сосредоточивали внимание на идейном и организационном объединении крестьянской бедноты.

В начале марта 1918 года в с. Коураке состоялось собрание 50 крестьян-бедняков. Обсудили вопрос об организации союза деревенской бедноты, избрали комбед и приняли устав союза. В задачи союза бедноты входили борьба за интересы трудового крестьянства и защита его от посягательств имущих классов, содействие Советам в проведении в жизнь твердых цен на продукты, производство реквизиций укрываемых продуктов первой необходимости, устройство сельскохозяйственных товариществ и забота об удовлетворении крестьян сельхозмашинами и орудиями.

В некоторых деревнях и селах, где жило много переселенцев, создавались так называемые «комитеты неприписных», объединявшие крестьян-переселенцев, не имевших земельных наделов. Прибывшие в начале 1918 года с фронта в село Щеглово большевики С. Голкин, Г. Шувалов, Р. Хомутников, взвесив обстановку, решили прежде всего сплотить крестьянскую бедноту, привлечь на свою сторону неприписных крестьян-переселенцев. Был избран комитет бедноты, члены которого на митингах и собраниях разоблачали кулаков, разбогатевших за время войны. Была организована артель по ремонту сельскохозяйственных машин и орудий. Здесь крестьяне получали не только техническую помощь, но и большевистскую литературу и необходимые разъяснения о положении в стране.

В конце декабря 1917 года собрался волостной съезд. Учитывая, что беднота волости активно выступает за Советы, земцы не решились на прямое запрещение съезда. Они сделали все, чтобы похоронить идею создания волостного Совета. Помещение съезда заполнили кулаки, лавочники, спекулянты, хулиганы. Предложение большевиков о создании Совета было встречено диким ревом и улюлюканьем. Съезд был сорван. Стало ясно, что место для съезда

нужно выбрать другое, где бы не было такого кулацкого засилия. Съезд перенесли в деревню Куро-Искитимка, расположенную в четырех верстах от Щеглова. На этот раз с помощью рабочих химзавода и Кемеровского рудника вылазки хулиганов были пресечены. В Совет депутатов вошли главным образом представители переселенцев и бедняков, в том числе большевики Прищепов, Хомутников, Голкин, Симахин и Шувалов. С созданием Советов и переходом в их руки власти в них вливались комитеты неприписных и комитеты союзов бедноты.

Местные Советы ликвидировали преимущества старожилов в землепользовании и распределяли землю между всеми живущими в данном обществе. Съезд Советов Варюхинской волости, например, признав Советскую власть в центре и на местах, поручил сельским комитетам немедленно приступить к разделу свободных земель. В первую очередь наделы отводились для местных безземельных и малоземельных крестьян, а затем пришлому населению и беженцам.

9 апреля 1918 года вернувшиеся с фронта солдаты д. Мунгатской Крапивинской волости обратились в Томский губернский Совет с прошением, в котором писали, что кулаки не позволяют переселенцам ставить дома, облагают их непомерными налогами, грозят выселить за неуплату налога. В ответе исполкома губернского Совета говорилось, что «земля без всякого выкупа передана тем, кто ее обрабатывает своим трудом. Взимание всех прямых и косвенных налогов отменяется, кроме тех, которые взимаются Советами на общественные нужды».

В Сибири кулаки иногда владели земельными наделами, не уступающими по размерам средним дворянским имениям, разводили стада скота, строили мельницы и маслозаводы. Многие Советы крестьянских депутатов поддерживали требования бедноты об ограничении кулацких аппетитов.

В начале 1918 года в с. Ур-Бедари Совет отобрал у местных кулаков и передал в общее пользование покосы и лесные участки. В д. Козихе Новониколаевской волости комитет бедноты изъясил у гопа и крупных землевладельцев 90 десятин земли, раздав ее неприписным крестьянам. Однако требования передела кулацких земель тогда еще не были массовыми.

В первой половине 1918 года в стране сложилось исключительно тяжелое положение с продовольствием. Украина после Брестского мира оказалась вне контроля Советской власти. В Поволжье свирепствовали белогвардейские генералы. Рабочие крупнейших городов получали четверть фунта хлеба в день. Голод охватил ряд губерний России, пораженных неурожаем. Мешочники из европейской части России неудержимым потоком ринулись в Сибирь за хлебом, спекулянты взвинчивали цены, нарушая и без того крайне ограниченные ресурсы снабжения хлебом армии и голодающих губерний.

В декабре 1917 года Я. М. Свердлов телеграфировал в адрес

ЦИК Советов Сибири: «Сибирские товарищи должны знать, что нам нужен хлеб. Легче всего его достать в Сибири. Питерские рабочие готовы снять последнюю рубаху, чтобы обменять ее на хлеб. Надо подготовиться, чтобы начать организованную переброску сибирского хлеба. Для этого срочно будет брошен товарный эквивалент... Главная продовольственная работа должна быть сосредоточена в Западной Сибири... Исполнение не затягивайте. Петроград, Москва, промышленные районы и фронт вступили в полосу голода».

8 января 1918 года Центральный Комитет по снабжению и продовольствию Армии обратился к сибирякам с призывом спасти революцию и страну. «Центральный Комитет по снабжению и продовольствию армии, — говорилось в обращении, — требует и умоляет принять все меры к отправке мяса, хлеба и фуража из Сибири; наступает голод... гибнет революция, Россия; Сибирь, и только Сибирь, если немедленно двинет все имеющиеся запасы и использует транспорт, может спасти еще положение».

Томская губерния занимала в Сибири особое место. На ее долю приходилось до половины всех посевов и скота, и она могла дать значительное количество продовольствия для голодающих районов. Однако кулаки не хотели представить излишки хлеба в распоряжение государства. Они предпочитали прятать хлеб или гнать из него самогонку в то время, когда рабочие пухли от голода.

В Петрограде был образован Всероссийский продовольственный комитет, который обратился к Советам с призывом повсеместно создавать продовольственные комиссии. Тогда же большевик А. Шлихтер был назначен чрезвычайным комиссаром по продовольствию в Сибири.

Советы Сибири приняли меры к строжайшему учету излишков хлеба и их правильному распределению. III съезд Советов Западной Сибири в декабре 1917 года признал необходимым сохранить хлебную монополию, установить твердые цены на продукты первой необходимости. Что касается продуктов, которых не хватало на рынке, то для их распределения вводилась карточная система.

Организацию заготовок хлеба предполагалось вести на принципе товарообмена города и деревни через кооперативы под контролем губернских продовольственных комитетов. Съезд обратился ко всему крестьянству Сибири с воззванием, разъясняющим продовольственную политику Советской власти.

В январе 1918 года положение с продовольствием на фронте и в голодающих районах России обострилось до крайней степени. Огромный наплыв ходоков и мешочников, хронический недостаток товаров первой необходимости для деревни, саботаж засевших в продовольственных управах эсеров, привели к тому, что заготовка хлебных продуктов упала до минимума. В условиях ожесточившейся классовой борьбы рассчитывать на добровольную сдачу хлеба государству со стороны кулаков было нельзя. Учитывая это, чрез-

вычайный краевой продовольственный съезд, открывшийся в январе 1918 года в Омске, решил развернуть агитацию среди беднейшего крестьянства и принять меры по реквизиции излишков хлеба у кулаков и середняков. При губисполкомах стали создаваться агитационно-реквизиционные отряды.

Томский Совет, установив контроль за деятельностью губернской продовольственной управы, выявил серьезные злоупотребления окопавшихся там эсеров и меньшевиков. 23 января, опираясь на указание ЦИК Советов и наркомата продовольствия, он упразднил губернскую продовольственную управу. Ее дела были переданы образованному отделу продовольствия губисполкома. Аналогичные меры были проведены и в уездах.

Весной 1918 года продовольственный вопрос был главным в работе Советов Кузнецкого, Щегловского и Мариинского уездов.

О тяжелом положении рабочих и фронтовиков говорилось в марте на съезде Советов крестьянских депутатов Кузнецкого уезда. В то же время масса хлеба переводилась на самогонку. Съезд предложил местным Советам немедленно взять весь хлеб на учет, организовать его распределение по числу едоков и выделить нужное количество зерна на семена. Устанавливалась норма потребления на едока и твердые цены на продукты первой необходимости. Тех, кто не хотел заниматься честным трудом и занимался спекуляцией, съезд решил привлечь к суду. На самогонщиков налагался штраф до 100 рублей, а при неуплате его в семидневный срок виновному грозила конфискация имущества. В ответ на эти решения съезда кулаки и спекулянты стали отказываться везти хлеб на базар. Кузнецк оказался под угрозой голода. Но местный исполком Совета с помощью отряда Красной гвардии подавил кулацкий саботаж. Реквизированные у кулаков излишки хлеба были ссыпаны в продовольственный магазин. Совет выделил 120 тысяч рублей для закупки хлеба на Алтае. Отныне население города стало получать хлеб по твердым ценам.

Тяжелое положение к весне 1918 года сложилось и в Щегловском уезде. Началось недоедание, не хватало семян для сева. Кулаки же, имевшие излишки хлеба, вздували цены.

Совет крестьянских депутатов Титовской волости созвал на собрание бедноту. Постановили взять на учет весь хлеб у кулаков, отобрать у них по твердой цене излишки и раздать этот хлеб бедноте на семена и на еду. А так как кулаки не хотели подчиняться этому постановлению, Совет вооружил винтовками бедняков и силой оружия заставил мироедов подчиниться. В конце апреля было решено отобрать 120 пудов излишков зерна у кулака Попова. Другие богатеи пытались помешать этому. Подняли головы кулаки соседних деревень. Завязалась схватка. На помощь бедноте из Щегловска пришел отряд вооруженных рабочих. Кулацкая вспышка была подавлена.

Советы рабочих депутатов Кузбасса направляли продовольственные отряды в Алтайскую губернию, выделяли отряды красно-

гвардейцев для сопровождения поездов, которые доставляли хлеб в Москву, боролись с саботажем антисоветски настроенной администрации Сибирской железной дороги.

Советы развернули решительную борьбу со спекуляцией и мешочничеством. Товар, обнаруженный у спекулянта первый раз, реквизировался с уплатой на 50 процентов ниже твердых цен. Товар, обнаруженный во второй раз, конфисковали, а спекулянта подвергали аресту на срок до шести месяцев.

Продовольственный вопрос обсуждался на съезде Западно-Сибирской организации РКП(б), проходившем 21—25 мая 1918 года.

Съезд, на котором были представлены и большевики Кемеров, Мариинска и Кольчугина, приветствовал декрет ВЦИК Советов о введении продовольственной диктатуры и обещал со своей стороны всемерную поддержку в проведении этого декрета в жизнь. В числе намеченных неотложных мер были сплочение деревенской бедноты для борьбы с кулачеством, посылка по деревням агитаторов, организация товарообмена между городом и деревней, справедливое распределение среди крестьян промышленных товаров (чтобы они доставались и бедноте), строгая кара каждому, кто переводит хлеб на самогон, создание реквизиционных отделов при Советах и т. д.

В ходе острейшей борьбы за хлеб кулак оказывал сильное влияние на середняка, также, как правило, имевшего некоторые излишки зерна. Более зажиточное и сытое сибирское крестьянство, под влиянием эсеро-меньшевистской пропаганды «свободной торговли», проявляло недовольство продовольственной диктатурой и хлебной монополией, не понимало жизненной необходимости этой меры для судеб революции и народа.

Советское государство искало пути увеличения производства хлеба. После получения земли крестьянская беднота испытывала большие затруднения с ее обработкой, не имея сельскохозяйственного инвентаря и тягла. Советское правительство приняло срочные меры к восстановлению производства сельскохозяйственных орудий и инвентаря, которых особенно не хватало получившей землю бедноте. Только петроградские заводы за первые четыре месяца Советской власти дали деревне 200 тысяч лемехов и ножей для плугов. Основная их масса направлялась в Сибирь. Для организации здесь ремонтных пунктов один Путиловский завод послал около 600 квалифицированных рабочих. В Сибирь и Оренбургскую губернию было отправлено девять поездов-мастерских.

Первую советскую весну ждали, на нее надеялись. В марте съезд крестьянских депутатов Кузнецкого уезда наметил как можно быстрее открыть центральные мастерские для изготовления и ремонта сельхозорудий. Предполагалось открыть небольшие мастерские в каждой волости, сформировать летучие ремонтные отряды. Кулаки оказывали в помощи беднякам, ломали и прятали машины и инвентарь. Съезд решил «послать опытных людей разыскать их», произвести регистрацию и представить сведения уезд-

ному Совету. Местным Советам поручалась конфискация излишних сельхозмашин и орудий у кулаков и передача их в распоряжение общин для использования беднейшим населением. В ряде мест Советы муниципализировали мельницы, маслобойные заводы.

Оказывая посильную помощь крестьянской бедноте, новая власть с первых же месяцев своего существования проявляла заботу об организации и укреплении крупных государственных хозяйств. Уже 16 апреля 1918 года губернский совнархоз, заслушав доклад о положении на трех конных заводах, решил «принять меры к их сохранению в неприкосновенности в качестве народного достояния и потребовать от крестьян немедленного возмещения всего расхищенного с заводов имущества и инвентаря».

Одновременно велась пропаганда идеи объединения крестьян для коллективного ведения хозяйства.

Но тогда еще не было реальных условий для массового создания коллективных хозяйств. Ни материально, ни политически деревня не была готова к объединению мелких и средних хозяйств. Большинство крестьян, получив землю, о которой мечтали много лет, еще не сознавали необходимости перехода к коллективным формам ведения хозяйства. Поэтому Программа РКП(б), принятая в 1919 году на VIII съезде партии, считалась с тем, что «мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать». Вместе с тем, Программа партии в качестве одной из важнейших мер предусматривала поддержку сельскохозяйственных коммун, как добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства. Организуя первые коллективные хозяйства, партия стремилась воздействовать на крестьян силой примера, показать им преимущества крупного обобществленного хозяйства. Уже в ходе весеннего сева 1918 года в стране создаются первые коммуны и артели, которые объединяли бедняцкие и середняцкие хозяйства.

2 апреля этот вопрос обсудил президиум Томского губернского Совета народного хозяйства. Он запросил земельный отдел «о всех свободных землях, имеющихся в губернии, которые можно было бы использовать для организации на них сельскохозяйственных коммун». 13 апреля совнархоз заслушал доклад комиссии по обследованию заимки у станции Поломошная для организации на ней сельскохозяйственной коммуны. Было решено передать организуемой артели из 230 безземельных крестьян 400 десятин пашни и весь имеющийся на заимке инвентарь.

При поддержке губернского совнархоза и крестьянской секции Совета солдатских депутатов Томской губернии в селе Поломошном была организована общественная обработка полей и посев «на самых широких демократических началах, без всякой частной собственности». Крестьянская секция обратилась в исполком губернского Совета с просьбой «приостановить продажу лошадей частным лицам, оставив их для упомянутых сельскохозяйственных коммун». 21 апреля вопрос о помощи коммуна снова обсуждался

совнархозом. Было принято решение отводить им свободные земли и отпускать из местных складов оборудование.

Кроме Тутальской волости, артели возникли в Верхотомской волости Щегловского уезда и в Мариинском уезде.

В середине апреля 1918 года Томский губисполком и совнархоз издали инструкцию о порядке оказания помощи трудовым земледельческим артелям (товариществам и коммунаам), согласно которой уездный продовольственный орган давал артели разрешение на получение сельскохозяйственных орудий и машин. Посевной материал выдавался артелям по заготовительной цене. Однако этот процесс был приостановлен в конце мая контрреволюционным мятежом.

КУЗБАСС В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ



1. Борьба красногвардейских отрядов с мятежниками в первой половине 1918 года

Осуществление первых социалистических преобразований встретило яростное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов. Саботаж промышленников и кулаков вскоре перерос в открытые контрреволюционные выступления. Вдохновленная международным империализмом, внутренняя контрреволюция развязала гражданскую войну.

В планах интервентов Сибири отводилась особо важная роль. Будучи окраиной государства, Сибирь имела огромную территорию, облегчавшую возможность маневрирования, удобные порты на Дальнем Востоке, большие запасы продовольствия и сырья. Это был крестьянский край со значительной прослойкой кулаков, торговцев, мелких промышленников. Силы местной контрреволюции выросли за счет офицеров, попов и промышленников, бежавших из центральной России. Большие надежды возлагали враги Советов на сибирских середняков, проявлявших недовольство установлением продовольственной диктатуры и хлебной монополии. Среди местного населения сильное влияние имели эсеры и меньшевики, создавшие наряду с кадетами опорные центры и штабы для подготовки свержения власти рабочих и крестьян.

Эсеры и меньшевики спекулировали на трудностях, с которыми встретились Советы на первых порах своей деятельности. А трудностей было много: массовая безработица, задержка выдачи зарплат рабочим, голод, жилищный кризис.

В марте 1918 года кулаки и торговцы Мариинска отказались выполнить распоряжение Совета о запрещении самогонварения, и их сопротивление было сломлено только с помощью прибывшего из Анжерки шахтерского красногвардейского отряда.

Весной шахтеры-красногвардейцы Анжеро-Судженских копей выезжали на подавление контрреволюционных выступлений кулаков и торговцев на станциях Болотная и Тайга. Кемеровские и кольчугинские рабочие с оружием в руках подавили контрреволю-

ционные мятежи, вспыхнувшие в селах Паче, Крапивине, Брюханове, Байкаиме. Крупные контрреволюционные выступления произошли в Кузнецке и на Анжерских коях.

Только что рожденная власть рабочих и крестьян выиграла первые схватки с внутренней контрреволюцией Сибири. Свергнутые эксплуататорские классы понимали, что вернуть утраченные позиции и реставрировать помещичье-капиталистические порядки своими силами им не удастся. На помощь был призван международный империализм. А его ударным отрядом стали белочехи.

Корпус чехословацких военнопленных возвращался по разрешению Советского правительства через Владивостокский порт на родину. Эшелоны почти 50 тысяч военнопленных растянулись по всей Транссибирской магистрали.

По указанию Антанты реакционное командование корпуса подняло чехословацких солдат на борьбу против Советской власти. Солдатам объявили, что Советское правительство якобы решило не выпускать их из России, заключить в концлагеря, а затем выдать немцам. Солдат уверяли, что только силой оружия они смогут спасти себя, достичь морских портов и вернуться домой.

Тех чешских и словацких солдат, которые не поддались на эти провокации, арестовывали, расстреливали. И все же почти шесть тысяч чехословацких солдат покинули корпус и позднее вступили добровольцами в Красную Армию. Еще около трех тысяч чехословаков перешли на сторону Советской власти в ходе мятежа.

Но основная масса военнопленных все-таки оказалась обманутой и пошла на поводу у реакционного командования корпуса.

Мятеж начался в Мариинске, где несколько дней стоял крупный отряд военнопленных. В ночь на 25 мая в адрес командира отряда Кадлеца из Новониколаевска поступило телеграфное распоряжение командующего Сибирской группой военнопленных капитана Гайды: «Арестуйте Совет, восстановите земскую власть, продвигайтесь к Красноярску, где ждите моих распоряжений. О выполнении сообщите».

Внезапным ударом чехи захватили станцию, Дом Совета, совнархоз, казначейство, почту и телеграф. Мятежники разоружили прибывший проездом на Забайкальский фронт отряд омских красногвардейцев. Уцелевшие от погрома местные красногвардейцы отступили к реке Кне.

Одновременно вспыхнули мятежи в Новониколаевске, Челябинске и других городах, лежащих на Транссибирской магистрали. Над Уралом и Сибирью, которые после Брестского мира стали основными поставщиками металла и топлива для промышленности и транспорта Советской России, над фактически единственными районами, имевшими запасы хлеба, для голодающих рабочих и солдат Красной Армии нависла смертельная угроза.

Вот почему ЦК РКП(б), рассмотрев положение, сложившееся на Дальнем Востоке и в Сибири в мае 1918 года по предложению В. И. Ленина потребовал направить все силы на защиту Ураль-

ско-Кузнецкого района¹. Восточный фронт стал главным фронтом республики.

На рудниках и в деревнях Кузбасса началась запись в красногвардейские отряды, которые немедленно отправлялись на фронт.

После первого замешательства, вызванного неожиданным нападением, начали активные действия красногвардейцы Мариинска. Они перешли в наступление и, несмотря на сильный пулеметный и артиллерийский огонь, выбили мятежников из города, заставив их отступить к станции. Но закрепить успеха красногвардейцы не смогли. Под новым натиском мятежников они отступили на правый берег Кии и заняли оборону на горе Арчекас. Начались упорные затяжные бои.

Узнав о чехословацком мятеже, исполком Итатского волостного Совета крестьянских депутатов направил на Мариинский фронт отряд красногвардейцев под командованием военного комиссара М. Х. Перевалова. С Центрального рудника подошел отряд красногвардейцев под командованием К. В. Цибульского. Из Ачинска прибыла интернациональная рота мадьяр под командованием Матэ Залка, ставшего впоследствии известным писателем и героем боев за свободу республиканской Испании. Сюда же подтянулись красногвардейские отряды из Красноярска и Боготола. Силы красногвардейцев сконцентрировались в районе железнодорожного моста через Кию.

По указанию губернского штаба Красной гвардии к Транссибирской магистрали в районе Литвиново — Тайга были брошены красногвардейцы Томска и Анжеро-Судженских шахт.

Красногвардейские отряды Кузнецка, Гурьевска, Кольчугина, Кемерова также решили выйти на магистраль, соединиться с товарищами и при необходимости взорвать железнодорожный мост через Томь у Юрги с тем, чтобы вывести магистраль из строя. 1 июня на станции Топки встретились 50 кузнецких красногвардейцев под командованием Михаила Филатенко, 200 красногвардейцев Кемеровского химзавода и рудника во главе с Николаем Ивановым и до 500 кольчугинских горняков во главе с Иваном Шильниковым и Иосифом Пихтом. Сюда же прибыл отряд рабочих Гурьевского завода. Был образован военно-революционный штаб в составе В. Лапина, Г. Микеладзе, М. Александрова и других. Штаб решил установить связь с отрядами томских красногвардейцев. Однако сделать это оказалось уже поздно.

Захватив станцию Юрга, белочехи двинулись в Кузбасс. Они не могли чувствовать себя спокойно, когда в их тылу, в прилегающем к магистрали крупном промышленном районе, власть осталась в руках рабоче-крестьянских Советов.

Навстречу крупным, отлично вооруженным соединениям мятежников выступил из Топок объединенный красногвардейский отряд.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 36, стр. 315.



Перед наступлением на Маринский фронт против чехов. Май, 1918 г.

У станции Арлюк завязался горячий, но неравный бой. Противник поливал позиции красногвардейцев пулеметным огнем. Красногвардейцы отвечали редкими выстрелами — не хватало патронов. Один за другим гибли бойцы. Пали под пулями руководители кольчугинских шахтеров Шильников и Пихт. Взорвав железнодорожный путь, красногвардейцы отошли к станции Топки.

Отсюда кольчугинские рабочие вернулись на свой рудник. А 5 июня 200 красногвардейцев во главе с коммунистом П. Ф. Суховым выступили на соединение с барнаульскими красногвардейцами.

Пройдя сотни километров по горной тайге, перевалив Салаирский кряж, отряд вышел к Барнаулу, где помог местным красногвардейцам подавить белогвардейский мятеж.

Но с севера, от Новониколаевска приближались значительные силы белоинтервентов.

П. Ф. Сухов был избран командиром объединенного красногвардейского отряда, насчитывавшего до двух тысяч бойцов. Красногвардейцы решили через Алтай и Монголию пробиться в Туркестан на соединение с Красной Армией. Через Кулундинские степи, отбиваясь от настигавших белогвардейцев, отряд П. Ф. Сухова дошел до Алтайских гор. Здесь, под селом Тюнгур, красногвардейцы были окружены белыми. Большинство красногвардейцев погибло в бою. Захваченных в плен белые расстреливали. Никто не просил пощады. Сухов перед смертью сказал: «Вы расстреляете меня, как расстреляли моих товарищей. Но вы, подлые убийцы, не можете расстрелять весь рабочий класс и уничтожить ту идею, за которую я умираю».

Героический поход отряда П. Ф. Сухова живет в памяти сибиряков. На месте гибели красногвардейцев воздвигнут памятник. Молодые следопыты совершают походы по маршруту отряда Сухова, восстанавливают новые подробности этой легендарной эпопеи.

Что касается кузнецких красногвардейцев, то от станции Топки они отступили к родному городу. Щегловские красногвардейцы,



П. Ф. Сухов

обезоружив охрану, 3 июня подожгли мост через реку Большую Камышенную. Железнодорожная ветка Топки — Кемерово была выведена из строя.

Тем временем в районе станции Тайга сосредоточились красногвардейцы из Томска, Анжерки, Судженки и отряд интернационалистов.

Вскоре пришло известие об эсерово-меньшевистском мятеже в Томске. Красногвардейцы-томичи, забрав пушки, двинулись подавлять мятеж в родном городе.

Красногвардейцы Анжерки и Судженки, оставив на станции Тайга часть своих сил, направили 300 бойцов под командованием А. Зуева и С. Лейбутина на помощь Мариинску, где надеялись соединиться с красноярцами. Но направленный к красноярцам связной анжеро-судженских шахтеров погиб в пути. Командование красногвардейских отрядов, действовавших к востоку от Мариинска, лишенное связи с центром, не зная о подходе подкрепления, считало вооруженное выступление контрреволюции каким-то недоразумением и завязало переговоры с мятежниками. Последние, стремясь выиграть время, согласились на перемирие. В то же время по проводам в Томск полетела телеграмма с просьбой экстренно выслать в Мариинск 300 пехотинцев, 60 кавалеристов, 2 орудия и 16 тысяч патронов.

12 июня в штаб Мариинского фронта приехала американская миссия. Она предложила продлить перемирие до 15 июня, обещая ликвидировать конфликт мирным путем. Как оказалось впоследствии, это была попытка продлить время, необходимое мятежникам, чтобы перебросить с Красноярского фронта новые силы. В это же время белогвардейцы и белочехи, взяв Новониколаевск, двинулись на броневиках к станции Тайга, и, смяв в районе Литвинова оборону красногвардейцев, оказались у Мариинска.

Красногвардейские отряды анжеро-судженских шахтеров попали под двойной удар врага. Взорвав путь, они отступили к железнодорожному мосту у разъезда Антибес. По обеим сторонам линии лежало непроходимое болото. Чтобы обезопасить себя с тыла, красногвардейцы устроили крушение поезда, шедшего из Новониколаевска. Из Мариинска против них вышли бронепоезда. Заговорили пушки и пулеметы. Но красногвардейцы стояли насмерть. А когда кончились патроны, вырывались из кольца штыками и прикладами. Укрывшись в лесу, потопили в болоте пулеметы, динамит и оружие, которое не могли вынести на себе, и небольшими группами оторвались от противника.

16 июня, после истечения срока перемирия, возобновились бои и к востоку от Мариинска. Красногвардейцы, державшие оборону на левом берегу Кии, в ожесточенном бою потерпели поражение. Не выдержали удара мятежников и отряды у железнодорожного моста.

Начался зверский разгул белогвардейцев. Улицы и огоробы



Отряд кольчугинских красногвардейцев под командованием Корты, направлявшийся в с. Брюханово для подавления кулацкого восстания

Первой и Второй пристаней города были завалены трупами зарубленных рабочих. Взятых в плен 27 человек после пыток вывели к железной дороге, связали, облили керосином и заживо сожгли.

Мятежники форсировали Кию и зашли в тыл красногвардейцам, оборонявшим Арчекас. Сюда была подтянута артиллерия. Красногвардейцы пытались прорваться через кольцо окружения, но были прижаты к Кие. Красные бойцы с высокого берега бросались в реку, гибли, но не сдавались.

Красногвардейцы Кемерова, после отступления из района Юрга — Арлюк двинулись 4 июня на трех пароходах по Томи в Кузнецк. А 5 июня кулаки Кемерова и Щеглова хлебом-солью встретили белогвардейские части.

На юге Кузбасса — в Кузнецке — к тому времени сосредоточились несколько отрядов красногвардейцев. Сибирское временное правительство потребовало их разоружения. Но попытка кулацкого меньшевистского городского самоуправления выполнить эту директиву получила решительный отпор. Телеграмма в Томск сообщала: «Красная гвардия в числе двухсот подчиняется уездному Совдепу. Сдать оружие впредь до прибытия реальных сил отказывается».

Но вскоре стало известно о падении Советской власти в Барнауле. Начались непрерывные митинги красногвардейцев, обсуждавших вопрос о дальнейших действиях. Мнения раскололись. А. Г. Петраков и поддерживавшие его члены Кузнецкого Совета предложили уйти в Енисейскую тайгу к Минусинску и оттуда пробиться на соединение с частями Красной Армии, продолжавшими бои с мятежниками восточнее Красноярска.

Многие красногвардейцы из Кемерова, считаясь с фактом временной победы реакции и стремясь сохранить силы для последующей борьбы, решили возвратиться домой. Тем более, что имелось заверение администрации Кемеровского рудника и химзавода о том, что в случае добровольного возвращения они будут приняты на работу и не подвергнутся репрессиям.

Другая часть красногвардейцев и советских работников, не веривших заверениям эсеров-меньшевиков, хотела сохранить оружие, пробраться ближе к Кемерову для организации нелегальной работы и партизанской борьбы.

На митинги и споры ушло почти две недели, а затем красногвардейцы стали покидать город. Основная часть на пароходе поплыла в Кемерово.

У поселка Черный Этап, когда пароходы пристали к берегу, председатель Кузнецкого уездного Совета А. Г. Петраков, члены исполкома Юков, Зубов, Метелкин, Митяшин и другие были схвачены местными кулаками, зверски избиты и доставлены в Кузнецкую тюрьму.

В районе переката Бычье Горло пароходы были встречены от-

нем карательных отрядов Латманисова и Альдмановича. Красногвардейцы пытались укрыться от пуль карателей на берегу, но и здесь попали в засаду.

19 июня штабс-капитан Альдманович хвастливо доносил в Томск, что «потери противника 65 убитых, 13 раненых. В плен взято 80. С нашей стороны потерь нет».

После диких издевательств каратели отправили пленных красногвардейцев в губернскую тюрьму. Рабочие Мирон Захаров, Федор Буйских, Дмитрий Степанов и многие другие были расстреляны.

К концу июня 1918 года весь Кузбасс оказался в руках мятежников.

Каковы же причины временной победы контрреволюции?

Мятеж произошел в период, когда Советы Сибири, в том числе и Кузбасса, только взяли власть в свои руки. Они еще не успели пустить глубокие корни, были слабыми и неокрепшими. В момент внезапного выступления белочехов значительные силы красногвардейцев Кузбасса и других районов Западной Сибири находились в Забайкалье, куда они направились весной 1918 года для борьбы с семеновскими бандами.

Спешно сформированным и плохо вооруженным отрядам красногвардейцев, разбросанным на большом пространстве и отрезанным от европейской части страны, пришлось вести тяжелые бои против кадровых воинских частей и белогвардейских отрядов, до зубов вооруженных пушками и пулеметами.

В тылу у красногвардейцев поднимали голову кулаки, попы, торговцы, все те, кто до поры затаился и выжидал «лучших времен». Чехословацкий мятеж послужил сигналом для контрреволюции. Так, в селе Брюханове кулаки арестовали членов местного Совета. Кольчугинские шахтеры вместо того, чтобы бросить все силы под Арлюк, были вынуждены направить в село отряд для освобождения арестованных товарищей. В Кузнецке, который был тогда маленьким мещанским городом, после ухода красногвардейского отряда на фронт, местные торговцы и кулаки подняли мятеж, завязали перестрелку, в ходе которой убили члена Совета Талдыкина. Кулаки нападали на красногвардейцев, зверски расправлялись с ними.

В ходе мятежа, под влиянием эсеров-меньшевистской пропаганды, не оказал поддержки Советской власти середняк, составлявший в Сибири основную массу крестьянства. В. И. Ленин указывал, что крестьяне Сибири, в отличие от крестьян центральных областей, не знали крепостного права и помещиков, не получили помещичьей земли. Революция на второй же день не принесла сибирскому крестьянству столько благ, сколько она принесла крестьянству центральных районов. Одновременно, в связи с тем, что в Сибири имелись наибольшие излишки продовольствия, в период голода Советская власть была вынуждена добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам.

На этой почве возникло недовольство середняка, проявившего колебания в период мятежа.

В столь сложной и тяжелой обстановке красногвардейцы, несмотря на беззаветный героизм, потерпели поражение. Многие погибли в боях, другие попали в плен и затем в 1918—1919 годах испытывали все ужасы «эшелонов смерти», курсировавших от одной тюрьмы к другой.

Но в то же время самоотверженная борьба красногвардейских отрядов рабочих и крестьян Кузбасса, как и других районов Сибири, Урала и Поволжья, против интервентов сковала значительные силы мятежного чехословацкого корпуса и дала возможность Советской республике выиграть время для создания Восточного фронта.

Под охраной чехословацких штыков в Томске появился Западно-Сибирский эmissариат Сибирского временного правительства. 1 июня 1918 года эсеро-меньшевистские «правители» Сибири выпустили декларацию, в которой заявили о принятии власти, создании новых органов управления и организации армии. Прикрывая свою белогвардейскую сущность, эсеро-меньшевистские демагоги распинаясь о демократическом строе, Учредительном собрании, объединении сил «революционной демократии», о благе народа и даже о предотвращении «вторжения в Сибирь с Востока иностранных войск».

На словах эсеры и меньшевики обещали демократию, на деле ликвидировали завоевания революции. Говорили о «свободе личности», а на деле тысячами арестовывали рабочих и крестьян. Осенью 1918 года в сибирских тюрьмах и эшелонах смерти томились около 75 тысяч человек. Временное сибирское правительство издало разъяснение о том, что увольнению подлежат все активные «сторонники большевизма». Воспользовавшись этим постановлением, предприниматели обрушились на рабочих.

Профсоюзные организации пытались первое время протестовать против произвола предпринимателей и обжаловать их действия перед Временным сибирским правительством. Но «правители» целиком поддерживали капиталистов.

29 мая контрреволюционеры заняли станцию Яшкино. В этот же день под арестом оказались председатель Совета М. Пахомов, секретарь профсоюзного комитета цементного завода Б. Васильев, члены завкома И. Лемешкин, А. Трушков, Ф. Томчик, А. Лошкарев, рабочие завода Д. Чернов, Н. Тихонов, А. Тютюнников, И. Яворский, П. Смирнов и Т. Заболотнева. Областное бюро горнорабочих Западной Сибири обратилось в комиссариат Временного сибирского правительства с протестом по поводу этих беспричинных арестов. Однако аресты продолжались.

22 июня областное бюро союза горнорабочих Западной Сибири довело «до сведения Временного правительства, что аресты на Яшкинском заводе продолжаются в прежнем размере».

Масовые аресты рабочих производились по распоряжению коменданта на Кемеровском руднике. Многие были арестованы по указанию администрации рудника за участие в конфликтах на экономической почве. Военные власти открыто вмешивались в разрешение экономических конфликтов на стороне владельцев предприятий. Когда профсоюз горняков обратился с просьбой «отменить огульное увольнение рабочих комендантом Кемеровского рудника», министр труда Сибирского временного правительства недвусмысленно заявил: «Комендант был прав».

На словах провозглашалась свобода организаций. В действительности свободу получили лишь контрреволюционные организации. В то же время Советы были объявлены вне закона. В отношении профсоюзов эсеры и меньшевики придерживались тактики постепенного ограничения и сведения на нет их прав. Придвигались к какому-нибудь сфабрикованному поводу, правительство не останавливалось перед закрытием профсоюзов. Так, в июле начальник гарнизона просто-напросто разогнал главный дорожный комитет профсоюза, объединявший рабочих Кольчугинской железнодорожной ветки.

На словах эсеры и меньшевики объявили свободу торговли. В действительности это была свобода спекуляции и наживы за счет трудового народа. К концу 1918 года цена на хлеб поднялась в пять раз, картофель — в девять, молоко — в семь раз. Если в июле 1918 года шахтер в Кемерове получал четыре пятых официального прожиточного минимума, то в сентябре — две трети, а в ноябре лишь одну треть.

После контрреволюционного переворота на предприятиях стали быстро возрождаться старые порядки. Был ликвидирован рабочий контроль над производством, отменен закон о восьмичасовом рабочем дне. 28 июня Временное сибирское правительство издало закон о денационализации промышленности, согласно которому предприятия возвращались их бывшим владельцам-капиталистам. В правительственной инструкции подчеркивалось, что предприятия управляются единолично и вмешательство рабочих в управление недопустимо.

Были запрещены забастовки. Вначале запрещалось покидать работу без разрешения администрации — за это следовал арест до трех месяцев и штраф до трех тысяч рублей, а 14 июля последовало постановление о порядке объявления военного положения в районе забастовок и расстрелах за забастовку по приговору военного-полевого суда. Для разработки и осуществления антирабочей политики Временное сибирское правительство создало специальное министерство труда, поставив во главе его меньшевика Шумиловского. И меньшевик Шумиловский старался! В записке, излагавшей основы социальной политики, он писал, что министерство действует, отвлекаясь от минутных выгод отдельных групп рабочих, относится отрицательно к «многочисленным и непродуманным

поборам с буржуазии, которые во времена Советской власти были так заманчивы для пролетариата». Действуя в этом направлении, правительство отменило некоторые денежные повинности предпринимателей (взносы на рабочий контроль), уменьшило и взносы в больничную кассу. Министерство труда не допускало возрождения классовых организаций вроде Советов. Ставилась задача «ввести рабочее движение в определенное русло».

Под крылышком белогвардейской военщины администрация всячески преследовала рабочих. На Кемеровском и Кольчугинском рудниках предприниматели изменили условия найма, ввели плату за квартиры, хотя по договору прожиточный минимум был установлен с учетом предоставления администрацией бесплатных квартир. Обмеры, обсчеты, штрафы стали обычным явлением.

С 1 ноября администрация Копикуза ввела на Кемеровском руднике новые расценки, которые по некоторым статьям были на 30 процентов ниже прежних. Всякие жалобы и требования улучшить условия работы рассматривались как большевистская пропаганда. Администрация нагло отвечала рабочим: «Это вам не большевики, которые с вами нянчились». Рабочих, подавших жалобу, увольняли с работы, а семьи выбрасывали на улицу.

Эсеро-меньшевистское Сибирское правительство, развернув наступление на завоевания рабочих и крестьян, достигнутые в период Октябрьской социалистической революции, не останавливалось перед ликвидацией элементарных буржуазно-демократических свобод. Начав борьбу с Советами и большевиками, эсеро-меньшевистское правительство сделало шаг назад и от завоеваний Февральской буржуазно-демократической революции в России, практически восстановив режим худших времен царизма.

Характеризуя положение рабочих, представитель областного союза горнорабочих 2 октября 1918 года говорил: «Рабочие угольных копей Западной Сибири в настоящее время лишены права стачек и в отношении договора о найме поставлены в положение не свободных людей, работающих или не работающих по своему личному усмотрению, а крепостных рабов, обязанных исполнять известную работу, независимо от своего желания. Сдельные расценки фактически везде уже понижены, особенно резко на предприятиях, принадлежащих Кузнецкому акционерному каменно-угольному и металлургическому обществу, которое в деле прижима рабочих побивает рекорд».

В августе, в связи с денационализацией, была проведена ликвидация двух медных и четырех золотодобывающих рудников, фактически ставшая скрытым локаутом со стороны предпринимателей, которые хотели избавиться от организованных рабочих и заодно ликвидировать существующие на рудниках профессиональные союзы.

Ликвидация сопровождалась вопиющим попранием прав рабочих. Так, с каждого рабочего Иоанновского и Андреевского рудников при расчете было удержано по 500 рублей, так как уполно-

моченный министерства торговли и промышленности нашел, что утвержденные Красноярским совнархозом тарифные ставки, согласно которым выдавалось рабочим жалованье в течение зимы и лета, были чересчур высокими.

2. Рабочее и крестьянское движение за восстановление Советской власти

Суровая действительность быстро просвещала массы, раскрывала им глаза на смысл происходивших событий. Еще не залечив ран после боев с мятежниками, рабочие и крестьяне-бедняки Кузбасса начали борьбу с ненавистным белогвардейским режимом. В авангарде борьбы встали рабочие крупных промышленных районов Кузбасса.

Решительно протестовали против произвола горняки. На коях прокатилась волна забастовок. 16 июня горняки Кемеровского рудника потребовали немедленного освобождения арестованных товарищей и начали сбор средств в помощь семьям заключенных. 18 июня делегатское собрание на Анжерских коях протестовало против ареста членов профсоюза за политические убеждения. 17 июня забастовали копи Кольчугина. 22 июня начались волнения среди рабочих Петуховского лесничества. Кузнецкий уездный комиссар и заведующий Абашевскими коями 29 июня с тревогой доносили начальству о том, что на коях создавалось «критическое положение» и возможны «волнения рабочих».

Первым крупным выступлением рабочих Кузбасса против белогвардейщины является политическая забастовка шахтеров старейших копей Кузбасса — Анжерки и Судженки.

В 1917 году эти копи выдали почти 70 процентов всего добытого в Кузбассе угля. Число горнорабочих на коях в это время превышало 8 тысяч.

В первое время после контрреволюционного переворота эсеры и меньшевики опасались применять массовые репрессии против рабочих. Комиссар Сибирского правительства на Судженских коях Дзело 5 июня докладывал: «Аресты не произвожу, вообще необходимо выдержать спокойствие».

Одновременно в район копей стягивались воинские части. И уже с 7 июня на коях начались ночные аресты. Большое недовольство вызывала деятельность эсеро-меньшевистской «охранки», которая содержалась за счет рабочих. Шахтеры называли Сибирское правительство буржуазным, осуждали планы создания автономной Сибири. Тщетно пытался эсеровский комиссар оправдать политику своего правительства. Очевидец описывает одно из рабочих собраний того времени: «Настроение собрания было бурное. Речь комиссара Дзела прерывали криками. Кричали: «Зачем ты арестовываешь людей, в школе пулемет поставил, завел белую

гвардию?» Казалось мне, что если бы кто-нибудь помянул про Сибирское временное правительство, то живым бы не ушел отсюда».

29 июня на шахтах было объявлено о запрещении митингов и собраний рабочих. Администрация отказалась выплачивать пенсии семьям красногвардейцев, ушедших в марте на борьбу с бандами атамана Семенова. Без суда и следствия в тюрьмах продолжали держать арестованных шахтеров. Их семьи насильственно выселялись из квартир. За рабочими установилась усиленная слежка. 5 июля на рудник прибыл белогвардейский отряд из Томска, который арестовал председателя профсоюза горняков Челпанова. Тогда 200 рабочих подписались под требованием освободить его и выделили трех поручителей. Но Томский губернский комиссариат отдал приказ, арестовать и поручителей.

Произвол и насилия эсеров-меньшевистских правителей открывали глаза тем, кто еще не разобрался в существе происходящих перемен. Эсеровский комиссар на Судженских коях Шульга доносил в эти дни в Томск, что «настроение части рабочих стало вызывающим, дело доходило до того, что с минуты на минуту ждали нападения на охрану и комиссариат».

7 июля помощник заведующего квартирным отделом Кожанов на базаре в Судженке, придравшись к рабочему Стукалову, выстрелил в толпу рабочих. Это переполнило чашу терпения. Рабочие погнались за Кожановым, но он укрылся в здании милиции. У милиции собрались десятки возмущенных горняков. Чтобы помешать администрации вызвать карателей из других районов, они заняли телефонный пункт и коный двор. От комиссара копей потребовали выдачи Кожанова и разоружения охранников. К концу дня была создана комиссия для разбора дела. «При выборах комиссии, — показывал позднее Шульга, — я заметил, что перед выставлением кандидатов обычно спрашивали отдельных лиц: «Ты большевик?» И если следовал ответ положительный, то такое лицо намечалось кандидатом, фамилия его ставилась на голосование». 8 июля комиссия хотела созвать рабочих на митинг, чтобы доложить о результатах разбора дела. Шульга запретил митинг и затребовал на помощь отряд с Анжерских копей. Это вызвало еще большее озлобление рабочих. Митинг вопреки распоряжению Шульги был созван. Рабочие потребовали освобождения своих товарищей, находившихся в Томской тюрьме. Но тут подоспели белогвардейцы из Анжерки. Командир отряда потребовал от рабочих разойтись. Горняки запели: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» и двинулись по улицам рудника с красным знаменем, на котором было написано: «Вся власть — советам!»

Ночью на Судженские копи прибыл отряд вооруженных белочехов со станции Тайга. Утром 9 июля начались новые аресты рабочих. Каратели схватили А. Иванова, А. Фролова, П. Чинякова, И. Зубовского, В. Стукалова и других рабочих. Рабочий клуб был закрыт. Днём состоялось собрание правления объединенного профсоюза, на котором Шульга доложил о событиях 7 и 8 июля. Эсер

попытался взвалить всю вину на рабочих. Но когда председатель объединенного союза Дегтев стал настаивать на выходе горняков на работу, те заявили: «Как будем работать, когда наши товарищи арестованы и аресты еще продолжаются?» Шахтеры потребовали созвать митинг. Официально это требование объяснялось необходимостью обсудить вопрос о причинах прекращения работ. Однако участники митинга снова потребовали освобождения арестованных товарищей. Председатель митинга Баулин предложил начать забастовку, а в случае, если требование об освобождении арестованных рабочих не будет удовлетворено 12 июня — снять камеронщиков и кочегаров и затопить шахты. Рабочие поддержали это предложение, отвергнув резолюцию эсера Маньковского о прекращении забастовки и обращении с ходатайством об освобождении арестованных в объединенный союз. Не помогла и попытка объединенного союза расколоть ряды шахтеров после митинга.

Забастовка началась. Судженских шахтеров поддержали на Анжерских коях. 10 июля горняки шахты № 6 отказались выйти на работу и призвали рабочих других шахт последовать их примеру. После митинга группа горняков во главе с Курочкиным, Анисимовым и Потаниным сняла охрану на электростанции. Над рудником раздались тревожные гудки.

Собрался многолюдный митинг. Эсер Литвинов пытался доказывать, что забастовка недопустима, так как она может остановить работу железной дороги. Но горняки стащили эсера с трибуны и выгнали с митинга. По предложению большевиков анжерские шахтеры поддержали требование своих судженских товарищей об освобождении арестованных.

После митинга около 500 рабочих с красными флагами, с лозунгами «Да здравствует Советская власть!» направились на Судженские копи.

Вечером 10 июля состоялся объединенный митинг шахтеров Судженки и Анжерки. На митинге была принята резолюция о направлении делегаций на Кемеровский и Кольчугинский рудники с просьбой о поддержке забастовки. Решили также послать делегацию в Томский комиссариат с требованием освобождения арестованных.

Министр внутренних дел Сибирского правительства Крутовский в телеграмме комиссару Судженских копей приказал принять «экстренные меры... серьезного и решительного характера, опираясь на посланный в Ваше распоряжение отряд, не останавливаясь перед взятием опасных элементов из среды забастовщиков».

На коях вводилось военное положение. Сюда стягивались новые воинские части. Вечером 10 июля в Судженке снова появился отряд белочехов. Каратели полукольцом охватили участников митинга и открыли стрельбу по безоружным людям. Многие были ранены. Рабочий Анжерских копей Мухаметвалиев был доставлен в больницу, где, не приходя в сознание, умер. Раненым доставили



Михаил Иванович Сычев (Франц Суховерхов)

в больницу артельщика шахты № 11 Судженских копей А. Мактакова. Позднее на допросе он показывал, что командир белочехов бросил в рабочих бомбу.

Эсеров-меньшевистские правители потопили в крови забастовки шахтеров. Несмотря на это, забастовка шахтеров Анжерки и Судженки оказала большое влияние на дальнейшее развитие борьбы за восстановление Советской власти. Это было первое крупное выступление рабочих Кузбасса против режима «демократической контрреволюции». В этом столкновении эсеров-меньшевистские правители показали свое подлинное лицо прислужников буржуазии.

В июле в Томске проходил второй съезд горнорабочих Западной Сибири. Съезд выразил протест против расстрела участников

митинга судженских и анжерских шахтеров и потребовал от Временного сибирского правительства освобождения политически заключенных.

На борьбу за восстановление Советской власти вслед за анжеро-судженскими шахтерами поднялись рабочие и крестьяне других районов Кузбасса. Вдохновителями и организаторами этого народного движения были большевики.

В период белочехского мятежа партийные организации Кузбасса понесли большие потери. Многие организации в полном составе ушли на фронт. Сотни коммунистов погибли в бою, сотни попали в застенки карателей. Были арестованы руководители Мариинской большевистской организации М. Л. Зиссерман, А. Кирьяненко, А. Сорокин, М. Желтухин и другие. В лапы врагов попал председатель Кузнецкого уездного Совета Андрей Гаврилович Петухов-Петраков. Из кузнецкой тюрьмы его переправили в томскую, а оттуда — в Забайкалье, где он был убит.

Такая же участь постигла председателя Щегловского уездного Совета Степана Рукавишникова. Эсеров-меньшевистские власти арестовали руководителей анжеро-судженских рабочих С. Краснощекова, П. Сащенко, Емельянова, И. Воинова, председателя главного дорожного комитета, слесаря Тайгинского депо Савинова и многих других.

Белый террор нанес тяжелый удар по кадрам партийных, профсоюзных и советских органов. Но оставшиеся на свободе большевики сумели быстро оправиться от удара и, перейдя на нелегаль-

ное положение, с новой силой возобновили революционную работу.

Большую помощь большевистским организациям Сибири в это тяжелое время оказал Центральный Комитет РКП(б). По его заданию для организации большевистского подполья в Сибири была направлена группа активных партийных работников. Среди них был М. И. Сычев — Франц Суховерхов. В период мятежа белочехов Сычев находился в Москве и участвовал в работе I съезда ВСНХ. После окончания съезда М. И. Сычев-Суховерхов получил задание ЦК РКП(б) перейти линию фронта и пробраться в Западную Сибирь для организации большевистского подполья.

Другим крупным организатором подпольных организаций в Кузбассе был М. М. Рабинович.

В конце июня 1918 года было создано первое подпольное партийное собрание Кемеровско-Щегловской организации. На собрании была выделена руководящая тройка в составе коммунистов, рабочих строительства коксохимзавода С. Стукина, Саука и Бабошко. Подпольщикам удалось установить связь с Томским подпольным комитетом большевиков.

На втором совещании в конце июля присутствовало около 20 коммунистов. Среди них Я. Баранов-Пронин, Ф. Степачев, М. Смирнов, В. Журавлев, И. Ковалев, С. Поляков. Избрали С. Стукина делегатом на I подпольную конференцию большевиков Сибири.

В начале августа была восстановлена подпольная большевистская организация на Гурьевском металлургическом заводе. В нее входили рабочий-электрик Е. П. Шевцов, П. Ф. Летягин, М. Е. Караваев, братья Дмитрий и Николай Козловы, рабочий стройцеха П. Д. Гапузин, братья Эдуард и Артур Лагзины, слесарь П. А. Брюханов.

Крепкая подпольная организация сложилась на Анжеро-Судженском руднике. 4 июня на квартире рабочего И. Харькова собрались коммунисты А. Бияков, П. Лапшин, П. Бальс, Г. Мурашев и другие. Инициативной группе поручили взять на учет оставшихся в живых коммунистов, организовать небольшие группы, сохранить оружие, провести сбор денег для помощи арестованным товарищам.

Вскоре в нелегальную работу включились Н. Поляков, Г. Моржин, Я. Абрамов, П. Шашков, Г. Шиков, П. Бушуев, Мокрушин, Н. Подгайных, П. Дымчак, К. Севергин, А. Белодедов, Чика-Чиканов (В. Крылов).

Возродилась подпольная организация среди железнодорожников станции Тайга. В нее входили машинист П. И. Ефременко, токарь П. Н. Потапов, машинист В. А. Перегудов, Житков, А. Ислантьев, С. Суворов, М. Ефременко, Остроухов, Глушков, Панькин, Сиваков, Вышегородцев, Богун и другие.

К концу июля организации РКП(б) действовали уже во всех крупных центрах Сибири.

18 августа в березовой роще близ Томска открылась первая

подпольная конференция большевиков Сибири. Из Кузбасса на ней присутствовал делегат Кемеровской организации С. Стукин.

Призвав рабочих класс Сибири бойкотировать Думу и органы местного самоуправления, конференция сосредоточила главное внимание партийных организаций на подготовке общесибирского восстания.

Выработанный план предусматривал организацию сил рабочего класса во главе с партией коммунистов, организацию широких масс для борьбы с реакцией и, наконец, вооруженную борьбу для прорыва белогвардейского фронта, свержения белогвардейской власти в Сибири и воссоединения с Советской Россией.

Конференция избрала подпольный обком в составе К. Молотова, Ф. Суховерхова, М. Рабиновича, С. Дитмана, И. Дмитриева, К. Ильмера.

Член подпольного обкома И. С. Дмитриев впоследствии вспоминал: «Перед комитетом сразу возникло много важных и сложных проблем: во-первых, необходимо было связаться с ЦК партии и получить от него директивы, во-вторых, известить партийные организации и уцелевших от террора, но потерявших временно связь с партийными организациями большевиков о решениях конференции, в-третьих, нужно было добиться того, чтобы массы узнали о конференции и почувствовали, что партия жива и готовится к боям за власть».

В сентябре подпольный обком утвердил основные формы партийно-боевой работы. Изложенные в листовке, они были распространены по городам и селам. Указывалось, что параллельно с планомерной подготовкой вооруженного восстания рабочих и солдатских масс в сибирском масштабе необходимо всеми мерами дезорганизовать тыл врага, разрушать железнодорожные мосты и линии связи, уничтожать военное снаряжение противника. Подпольный обком высказался за создание партизанских отрядов и диверсионных групп.

Члены подпольного обкома Ф. Суховерхов, М. Рабинович и другие выехали в партийные организации. Коммунистов Кемерова ознакомил с решениями конференции С. Стукин. Белогвардейцы узнали, что Стукин был на конференции и готовились арестовать его. Но этому помешали подпольщики. Они встретили Стукина на станции Топки и предупредили его. Стукин оставил поезд и пешком пробрался в Кемерово.

На Анжеро-Судженский рудник по заданию Томского комитета прибыл член партии с 1905 года Яков Гарант.

Влияние большевиков росло с каждым днем. Даже кадетская газета «Сибирская речь» вынуждена была признать, что «почти во всех сибирских городах среди рабочих преобладает безусловно большевистское направление».

Под руководством большевистских организаций развернулась подготовка к забастовке железнодорожников Кузбасса,

Самой большой железнодорожной станцией Кузбасса была тог-

да Тайга. В 1917 году здесь было около 8 тысяч жителей. Крупный отряд рабочего класса составляли также железнодорожники станций Топки и Кольчугино.

После белогвардейского переворота руководство главными дорожными комитетами и советами профессиональных союзов, действовавшими легально, захватили эсеры и меньшевики. Они всячески старались заглушить недовольство и возмущение железнодорожников против белогвардейских порядков, но со временем делать это было все труднее и труднее.

7 октября забастовали железнодорожники Красноярска, 10 октября рабочие Тайгинского депо предъявили администрации свои требования: строго соблюдать ранее выработанные условия оплаты и охраны труда, отменить сдельные работы, принять на службу Волкова, Савинова, Карабельника и других, уволенных за политические убеждения. Железнодорожники заявили, что если до 6 часов вечера 12 октября они не получат определенного ответа, то прекратят работу.

Вскоре стало известно, что начальник Томской железной дороги Кругликов отказался удовлетворить требования рабочих и обратился за помощью к военным властям.

Забастовка началась. 13 октября рабочие депо, разлив свои требования, изложили их в виде подробного перечня.

Забастовку тайгинских железнодорожников поддержали съезд профессиональных союзов, проходивший в то время в Томске, съезд железнодорожных машинистов и кондукторов. В Тайгу прибыл один из руководителей подпольного обкома партии Франц Суховерхов.

Белогвардейцы встревожились. Томский губернский комиссар Гаттенбергер доносил министру Временного сибирского правительства: «Полагаю, что восстание в Тайге имеет значение скорее сигнала, чем серьезного восстания, надеются увлечь примером, надеются на разложение в войсках». Не возлагая особых надежд на Тайгинский гарнизон, который находился под влиянием рабочих, власти направили 12 октября в Тайгу военный отряд.

Командир первого Среднесибирского армейского корпуса генерал-майор Пепеляев объявил Кольчугинскую ветку на осадном положении. Он издал приказ, в котором потребовал от забастовщиков в течение трех часов приступить к работе. Уклонившихся от выполнения этого приказа генерал требовал ставить на работу силой, а тех, кто укрывается и отказывается от работы — предавать военно-полевому суду и расстреливать, причем приговоры приводить в исполнение немедленно. Пепеляев приказал арестовать всех делегатов общесибирского съезда профессиональных союзов. Подавление забастовки было возложено на начальника томского гарнизона полковника Бабикова. Вместе с ним в Тайгу выехали члены военно-полевого суда. Туда же был направлен офицерский отряд в 100 человек.

Однако, несмотря на крутые меры, сломить волю забастовщи-

ков не удалось. Пепеляев признавал, что «несмотря на мое требование стать через 3 часа на работу, рабочие не вышли, на ст. Тайга-2 разбежались машинисты и стрелочники».

Вечером 15 октября Пепеляев направил в Тайгу капитана Латманисова, в распоряжение которого было выделено 80 пехотинцев и кавалерийский эскадрон. Каратели окружили поселок. Рабочим было приказано собраться в депо. К этому времени начальники служб составили списки рабочих, участвовавших в забастовке. Арестовав 15 забастовщиков в качестве заложников, Латманисов заявил, что если железнодорожники не приступят к работе, то 17 октября заложники будут расстреляны. Если и после этого бастующие не выйдут на работу, то снова будут взяты 15 заложников и расстреляны.

11 арестованных «за причастие к организации забастовки» были отправлены в Томск. Среди них был и конторщик службы пути А. Ислентьев, машинисты Захар и Потап Ефременко, помощник машиниста М. Пржбелский, слесарь Габинский и другие.

Каратели вылавливали разбежавшихся машинистов и стрелочников и под угрозой штыков заставляли работать. Комиссар Гаттенбергер в докладе министру внутренних дел откровенно сообщал, что «к отказавшимся вести паровозы с воинскими эшелонами было применено телесное наказание».

Особые опасения у белогвардейцев вызывал Анжеро-Судженский угольный район, расположенный по соседству с Тайгой. На Анжерских копей, принадлежащих дороге, начались волнения среди рабочих. Губернский комиссар с тревогой доносил 14 октября Сибирскому правительству: «...в 12 часов получено известие, что из Анжерских копей на поддержку забастовки выступил отряд в 300 человек, вооруженный винтовками и двумя пулеметами».

В первый же день забастовки железнодорожников в Судженку был направлен помощник губернского комиссара Михайловский и прапорщик Шевелин. Одновременно на копи прибыл из Томска отряд пехоты под командой штабс-капитана Орлова.

Получив широкие полномочия, поручик Михайловский увеличил за счет администрации копей штат милиции до 118 человек. Он запретил управляющему рудником принимать на службу лиц, уволенных за их прежнюю деятельность в советских организациях. Одновременно началось выселение из квартир семей бывших работников Советской власти.

Забастовка железнодорожников была подавлена. Одной из причин явилось то, что тайгинцы не получили необходимой поддержки в других районах. Главный исполнительный комитет профсоюза железнодорожников, в который пробрались эсеры и меньшевики, не принял необходимых мер к организации одновременного выступления рабочих всей магистрали. Поэтому действия рабочих были разрозненными. Несмотря на неудачу, выступление тайгинских железнодорожников оказало большое влияние на дальнейшее развитие революционного движения. Аресты, пытки и рас-

стрелы не запугали народ. Кузнецкий уездный комиссар докладывал в Томск, что в рабочей среде Кемерово, Кольчугина, Гурьевского завода «...чувствуется тяготение к Советской власти».

Опыт забастовочной борьбы на копиях и железной дороге показал, что всякий раз, когда рабочие предъявляют мирные требования, эсеро-меньшевистские правители, разглагольствовавшие о свободе и демократии, обращаются к военной силе. Отсюда рабочие делали вывод о необходимости более решительных действий, о переходе от стачек к вооруженной борьбе.

Вслед за рабочими на борьбу против эсеро-меньшевистской белогвардейщины поднимаются крестьяне Сибири. Во время мятежа белочехов, послужившего сигналом для выступления контрреволюционных сил, Советская власть в Сибири не получила твердой поддержки колебавшегося середняка, составлявшего основную массу крестьянства. Это сделало возможной временную победу контрреволюции летом 1918 года.

Два других крайних полюса крестьянства — беднота и кулаки — не были нейтральны. Крестьянская беднота плечом к плечу с рабочими с оружием в руках защищала Советскую власть. Что касается кулачества, то оно открыто примкнуло к контрреволюции. В то время как красновардейские отряды истекали кровью в неравных боях с вооруженными до зубов мятежниками, в их тылу — Кузнецке, Паче, Брюханове и других местах вспыхнули кулацкие мятежи. Кулаки свержали Советскую власть, расправлялись с деревенскими активистами, вылавливали и истязали возвращавшихся с фронта красновардейцев.

Эти позиции разных слоев крестьянства сохранялись и в первое время после установления власти Временного сибирского правительства. Даже меньшевистская газета «Заря» в июле 1918 года, характеризуя настроение сибирского крестьянства, признавала: «Одни из крестьян наиболее ярко ощутившие на себе диктатуру большевиков в форме контрибуций (кулаки — ред.) с неограниченным доверием относятся к Временному сибирскому правительству, жертвуют деньгами и лошадьми для армии. Есть категория, определившая свое отношение, от которой нередко на сходах слышишь: «Посмотрим, мы народ темный, много разных правительств у нас было, если будет нам легче жить, то поддержим». Третья группа, не так часто встречаемая, но нередко в бедных селах, недоумевает, почему народ не поддержал большевиков: «Ведь они, если брали контрибуцию, то делились с нами, бедняками, и нам жилось лучше».

Первые же шаги Временного сибирского правительства насторожили крестьянские массы. Постановлением от 6 июля все имения возвращались их прежним владельцам со всем инвентарем. Крестьяне-бедняки и маломощные середняки, получившие землю от Советской власти, теряли ее. В деревне снова наступали черные дни.

Нуждаясь в средствах для формирования белогвардейской ар-

мии, Временное сибирское правительство до предела завинтило финансовый пресс, принялось выколачивать из крестьян всевозможные налоги и недоимки еще за годы царского режима. В деревнях и селах проводились реквизиции лошадей, хлеба, фуражного скота.

В июне-июле по деревням были направлены инструкторы-информаторы, которым поручалось обеспечить поддержку сельским сходомам политики Временного сибирского правительства и набор в белогвардейскую армию. Инструкторы беспардонно обманывали крестьян, налево и направо раздавали от имени правительства различные обещания. И тем не менее во многих селах, отказываясь поддерживать новые порядки.

После собрания граждан села Морозово Шегловского уезда 16 июня информатор в своем отчете писал, что «крестьянская беднота и фронтовики деревни к Временному сибирскому правительству относятся отрицательно и, агитируя против него, подрывают авторитет Учредительного собрания. Что касается местного самоуправления, то они утверждают, что в волостное земство пройдут кулаки и даже урядники... К призыву в добровольческую армию относятся крайне враждебно, негодую на восстановление чинов и званий, кроме того, задают один и тот же вопрос — зачем нужна армия. Получивши ответ — на борьбу с большевиками — говорят: «Большевики — это Советы солдатских и крестьянских депутатов, т. е. сам народ, такой же как и мы, зачем же нам бить друг друга. На вмешательство чехословаков и мобилизацию офицеров смотрят крайне подозрительно, предполагая, что это русская и иностранная буржуазия вооружается против народа. Вообще недоумевают, почему Временное сибирское правительство, желая народовластия, уничтожает Совдепы и кредепы».

В августе 1918 года из 10 волостей Томского уезда только в пяти высказались за поддержку Временного сибирского правительства, остальные отнеслись к правительству выжидательно и неопределенно.

30 июня Усть-Катское народное собрание приняло решение выразить доверие Временному сибирскому правительству при условии, если в него не войдут капиталисты и все должности будут выборными. Обсудив вопрос об аресте членов бывшего Кузнецкого уездного исполкома, собрание заявило уездной земской управе, что «считает недопустимым аресты красногвардейцев и членов бывшей Советской власти, выбранных сельскими волостными собраниями» и потребовало освободить под поручительство общества арестованных односельчан.

Особое недовольство крестьян вызвала насильственная мобилизация в белогвардейскую армию. Поначалу белогвардейские министры объявили о наборе добровольцев. Но крестьянская масса ответила на этот призыв молчанием. Белогвардейская газета «Сибирская жизнь», издававшаяся в Томске, в августе 1918 года с горечью признавала, что постановление Временного сибирского

правительства о создании добровольческой армии не нашло положительного отклика среди крестьян и что значительная часть их выжидает, а беднота «плачет и вздыхает» о Советской власти.

После провала набора добровольцев эсеров-белогвардейские правители в начале августа объявили насильственную мобилизацию.

Но и на этот раз крестьяне решительно отказывались отдавать своих сыновей в белую армию. В ряде сел Кузбасса крестьяне не являлись на призывные пункты. Кузнецкий уездный комиссар телеграфировал в Томск: «Призывном пункте Кузнецке призыв начался. Волостях Прокопьевской, Кузнецкой некоторые села задерживали составление списков новобранцев. Кузнецкую волость выезжал с отрядом сам, недоразумение ликвидировано. Прокопьевскую высылаются отряд милиции и дружины. Выезжаем призывные пункты Кольчугино, Шеглово».

Крестьяне-переселенцы села Ново-Рождественского Кузнецкого уезда вынесли решение, в котором просили не посылать их на фронт против своих братьев. На усмирение «бунта новоселов» прибыл белогвардейский отряд. Многие крестьяне были публично выпороты. После этого газеты недвусмысленно угрожали крестьянам, что в следующий раз дело поркой не ограничится.

В связи с мобилизацией новобранцев возникли волнения в Судженской, Варюхинской, Арлюкской и Арсентьевской волостях.

Ярким показателем отношения крестьян к эсеров-меньшевистскому правительству является массовое дезертирство из белогвардейских войск. В донесении томскому губернскому комиссару от 7 октября из Кузнецка сообщалось: «новобранцы массами дезертируют обратно в деревню, а родственники, очевидно, охотно их принимают... Для возвращения бежавших и водворения их на место службы приняты все меры. Вся уездная, районная и сельская милиция поднята на ноги, а также привлечены для этой цели и воинские части, которые, по получении уведомления о большом скоплении возвратившихся новобранцев в каком-либо из населенных пунктов, выезжают туда и, забрав их, препровождают под конвоем по назначению».

В ответ на массовое дезертирство, белогвардейские власти стали наводнять деревни карательными отрядами. Началась новая волна расправ над мирным населением.

Все это еще больше обострило обстановку в сибирской деревне. В то же время самоотверженная борьба рабочих и крестьян Советской России против внутренней и внешней контрреволюции, наступление Красной Армии на Восточном фронте создали осенью 1918 года условия для перерастания недовольства сибирских крестьян эсеров-белогвардейской властью в открытую вооруженную борьбу против буржуазной диктатуры, прикрытой фиговым листком эсеров-меньшевистской демократии. Учитывая растущее недовольство, большевики объединяли разрозненные усилия крестьян, на-

правляли их в единое русло борьбы за восстановление власти Советов.

Одним из первых крупных выступлений крестьян Сибири с оружием в руках против эсеров-белогвардейского режима было восстание крестьян в селе Чумае и его округе.

В конце сентября в село Усть-Серта вернулись освобожденные из тюрьмы члены уездного и губернского Советов А. В. Григорьев, В. Т. Стародубов, И. С. Лаврентьев, Л. П. Популо. Сразу же они начали спланировать фронтников и большевистски настроенных крестьян соседних сел. Для установления более широких связей Стародубов выехал в Анжеро-Судженский район. Удалось найти связь с рабочими Тайгинского депо и солдатами Томска. В селе Чумай был организован подпольный комитет, в который вошли крестьяне А. Е. Человечков, М. А. Штарев, М. Д. Попиралов, А. Н. Булгаков. В селе Марьевке организаторами подпольной ячейки выступили Т. Якунин, Я. Матвеев, Н. Ковальногов, Е. Сергеев, Г. Кириллов.

В Третьяково вел подпольную работу П. Д. Бальчунас, в Усть-Колбе — Т. Х. Деев, в Тамбаре — Худяков и Рубков.

11 августа подпольщики созвали сходку крестьян, которые высказались за восстановление Советской власти. Было решено послать делегатов в соседние села Кайлу, Н.-Почитанку, Яя-Борики для выработки совместных действий против белогвардейцев. Началось формирование боевых отрядов для защиты крестьян от карателей.

Деятельное участие в подготовке восстания принимала Мариинская подпольная большевистская организация. Легальным центром ее деятельности стала контора общества потребителей. На складе этого кооператива прятались боевые патроны, подготовленные к отправке в деревни. Здесь хранились бланки паспортов и других документов, которыми снабжались подпольщики.

Непосредственным поводом для выступления послужило взыскание лесных сборов. При Советской власти крестьяне получили право заготавливать лес для починки пришедших в ветхость домов и построек на бывших казенных и кабинетских участках. Но появившийся после белогвардейского переворота в селе Чумай лесничий Солодовников стал нещадно штрафовать крестьян за якобы самовольные порубки. Больше того, он начал штрафовать за каждый поставленный ранее столб, забор или баню. Когда же крестьяне возмутились, Солодовников вызвал из Томска карательный отряд. С селян стали взыскивать штрафы в трех-, пятикратном размере. При этом не щадили никого — ни вдов, мужья которых погибли на фронте, ни инвалидов, потерявших здоровье на войне, ни сирот.

Распоясавшиеся каратели начали взыскивать с крестьян недоимки за 1914—1917 годы, вылавливать скрывавшуюся от мобилизации в белую армию молодежь. Крестьяне заволновались.

В районе лесничества появился новый отряд карателей под ко-

мандованием капитана Дмитриева. Но штрафы и порка крестьян вызвали в деревнях еще большее недовольство.

16 октября Дмитриев обратился в Томск с просьбой выслать дополнительный отряд в 100 человек с пулеметом. Дело шло к кровавой расправе над чумайцами. Эта весть быстро распространилась по уезду. Об этом узнали в волостях соседнего Томского уезда.

Доведенные до отчаяния издевательствами белогвардейцев, крестьяне Чумая взяли за топоры, вилы, дробовые ружья.

Разгромив карательный отряд, они захватили несколько десятков винтовок и наганов. Повстанцы избрали боевой штаб, в который вошли Л. Пацуло, И. Лаврентьев, В. Стародубов, А. Григорьев, В. Кузнецов, П. Матренин, А. Человечков, М. Штарев и другие. Штаб выпустил обращение к бывшим фронтникам с призывом примкнуть к восстанию. Этот призыв был услышан и поддержан в селах Мариинского и Томского уездов.

В селе Тисуль повстанцы под руководством П. И. Трухницкого заняли помещения волостной управы, милиции и телеграфа.

Вскоре восстание охватило более тридцати сел, в которых проживало до 70 тысяч человек.

После первой победы в Чумае боевой штаб начал подготовку наступления на Мариинск, для освобождения заключенных в тюрьму, намечалось взорвать железнодорожный мост через Кию, разрушить полотно железной дороги от Мариинска до Тяжина, чтобы сорвать переброску воинских частей.

Восстание встревожило белогвардейские власти. 21 октября на помощь карателям Мариинского уезда из Томска прибыл отряд прапорщика Канцера. Уже на следующий день повстанцы разгромили карателей. Остатки отряда Канцера отступили к Мариинску.

Восставшие собрали оружие, порох и свинец. Была создана мастерская для изготовления патронов. Все мужское население, способное владеть оружием, было разбито на группы-взводы. В селе Усть-Серта, например, было создано восемь таких взводов, в которых состояло около 250 человек. Конные и пешие дозоры несли постоянную охрану района восстания. Крестьяне сделали попытку установить связь с шахтерами Анжерки и Судженки, а также рабочими Томска и Кемерово. В районе Томска распространялась листовка, в которой говорилось: «Невдалеке от Мариинска несколько волостей крестьян дружно грудью встали на защиту прав народа. Число восставших волостей быстро увеличивается. Но враг силен и без поддержки несколько тысяч человек обречены на гибель. А ведь крестьяне и рабочие это есть одно тело и одна душа великой трудовой армии, связанные общими интересами, и обязаны защищать общими силами эти интересы. Помните, мы зависим друг от друга. Помните, что враг силен, в одиночку нам его не одолеть. Но когда вы — рабочие и мы — крестьяне объединимся, мы будем представлять могучую силу, с которой врагу рабочих и крестьян будет труднее бороться».

Связные повстанцев добрались до Анжерских копей. Но за неделю до начала Чумайского восстания на Судженских и Анжерских коях было введено военное положение. На рудник прибыли крупные воинские отряды. В этих условиях выступить в поддержку чумайцев практически не было возможности.

Два делегата повстанцев приехали в Томск. У председателя областного бюро горнорабочих они потребовали оружия и политических руководителей. Член Сибирского подпольного комитета РКП(б) И. С. Дмитриев рассказывает, что на вопрос «неужели у вас никто не был на войне?» — чумайские повстанцы ответили, что им нужен руководитель, который вел бы массы, зажигал их, идейно возглавлял это движение, а не только, чтобы он умел стрелять. Стрелять-то мы и сами можем. Нам нужно руководителей партийных».

Томская подпольная организация к тому времени тоже понесла большой урон — погиб Франц Суховерхов, был разогнан губернский съезд профсоюзов. Большой помощи она оказать не могла, но все-таки в район восстания послали одного из военных организаторов и немного оружия.

Эсэро-белогвардейское правительство бросило на подавление восстания крупные силы из Ачинска, Томска и Новониколаевска. Общее руководство обороной Мариинска и подавление восстания было возложено на помощника губернского комиссара Михайловского.

22 октября Мариинск и уезд были объявлены на осадном положении. Вводились военно-полевые суды, которые по усмотрению начальника отряда выносили смертные приговоры «каждому лицу за всякое преступление». В городе началась новая волна арестов. И все же телеграфное донесение Михайловского 22 октября о подготовке к вывозу ценностей казначейства показывает, что белогвардейцы были далеко не уверены в том, что им удастся удержать Мариинск. Большую тревогу у них вызвала неблагонадежность местного гарнизона.

23 октября около д. Дмитриевка произошел ожесточенный бой между повстанцами и сводным отрядом белогвардейцев. Перед лицом намного превосходящих сил противника часть повстанцев разошлась по домам, а часть решила уйти партизанить в тайгу.

В деревнях и селах засвистели нагайки карателей. По указке кулаков в Усть-Серте, Чумае, Тисуле, Чебуле были схвачены и убиты десятки активных участников восстания. Людей вешали на телеграфных столбах, жгли на раскаленных железных плитах. Сотни крестьян были высечены плетью и шомполами.

Чумайское восстание потерпело поражение потому, что повстанцы были слабо связаны с шахтерами Анжерки и Судженки, железнодорожниками Тайги. Восстание началось через неделю после подавления забастовки железнодорожников станции Тайги, когда этот район был наводнен крупными воинскими силами белогвардейцев. Повстанцы почти не имели оружия. Созданные в

деревнях отряды хотя и поддерживали между собой связь, однако действовали нерешительно и разрозненно, главным образом вблизи своих сел. Естественно, они не могли противостоять действовавшим по единому плану крупным воинским отрядам.

Однако, несмотря на поражение, Чумайское восстание сыграло большую роль. Это было одно из первых вооруженных выступлений крестьян. Обстановка была настолько накаленной, что оказалось достаточно одной искры, чтобы пожар охватил многие волости Мариинского уезда. Знаменательным в этом восстании было и то, что вслед за беднотой в борьбу против белогвардейцев за восстановление Советской власти пошел середняк. Восстание показало, что эсэро-белогвардейские правители окончательно потеряли почву среди крестьянских масс, вскрыло пропасть между эсэрами и середняками и похоронило демагогическую версию эсэров в том, что они выражают интересы крестьянства.

Известия об истязаниях отцов и жен, сестер и братьев вызвали возмущение дислоцированных в Томске солдат-новобранцев Мариинского полка. Солдаты установили связь с рабочими земского городка, лагерем военнопленных и охраной тюрьмы, в которой томились активисты Советской власти.

В ночь на 1 ноября солдаты заняли казармы, в которых располагался Томский гарнизон, захватили оружие, затем, перерезав провода и обезоружив караул штаба 5-го Томского полка, двинулись на станцию Томск-II. Другая часть восставших солдат обезоружила охрану тюрьмы и освободила 283 заключенных. Но восстание солдат было подавлено. После этого только в 5-м Томском полку было арестовано 120 солдат.

Значительная часть повстанцев Чумая и его окрестностей с оружием скрылась в тайге и продолжала борьбу против белогвардейцев. К ним присоединились односельчане, бежавшие из белой армии. Именно эти повстанцы стали позднее ядром партизанских отрядов, которые возглавили участник восстания В. Кузнецов (Железный) и В. П. Шевелев.

В ноябре вспыхнуло восстание в Марьевке и соседних селах. Возмущенные произволом карателей крестьяне создавали боевые отряды самообороны. Командиром отряда в Марьевке, куда записалось 17 человек из скрывавшихся от мобилизации в белую армию, был избран И. С. Федоров. Крестьяне внесли около пяти тысяч рублей на закупку оружия. Была установлена связь с жителями соседних сел — Данковки, Кайлы, Яя-Борики, Н.-Почитанки.

Пламя крестьянской войны, вспыхнувшее в Чумае, не гасло. Оно не давало белогвардейцам покоя ни днем, ни ночью.

3. Колчаковщина. Подъем рабочего и крестьянского движения

Забастовка анжеро-судженских шахтеров и железнодорожников Тайги, крупные восстания крестьян Алтая, солдат Томска, рабочих Омска и другие выступления показали, что белогвардейцы не сломали революционного духа народных масс Западной Сибири. Эсеро-меньшевистские правители обанкротились и уже не устраивали вдохновителей гражданской войны, решивших заменить режим «демократической» контрреволюции открытой военной диктатурой. Выбор империалистов пал на близкого к американо-английским военным и политическим кругам, ярого монархиста и реакционера, известного своей лютой ненавистью к революции адмирала Колчака.

18 ноября 1918 года по указке империалистов Колчак совершил «государственный переворот» и провозгласил себя верховным правителем России. Обосновавшись в Омске, «верховный правитель» пытался штыками утвердить в Сибири диктатуру помещиков, буржуазии, монархической военщины и интервентов. Колчак решил отнять у рабочих последние возможности протестовать против произвола предпринимателей. Начался разгром профсоюзов. 10 апреля 1919 года совет профсоюзов Сибири констатировал, что «в горных районах: Черемховском, Анжерском, Судженском и других местах профессиональные союзы разгромлены». На угольных копях и золотых рудниках, на заводах и железных дорогах ликвидировались последние остатки экономических завоеваний трудящихся. Зарплата падала, а цены быстро росли. В рабочих районах не хватало хлеба и мяса. Тысячи людей голодали.

Экономическая политика колчаковщины привела к развалу хозяйства. В 1919 году шахты Кузбасса дали лишь 48 929 тысяч пудов угля против 76 752 тысяч в 1917 году.

Нетерпимым становился террор колчаковцев. Избиения, грабежи, взяточничество получили столь широкое распространение, что этого уже нельзя было скрывать. Военные власти Кемеровского гарнизона вынуждены были признать, что «дедюевские селяне прятались при виде милиции и боялись ее больше, чем любого бандита». Начальник Щегловского гарнизона писал: «Процветает настоящий произвол, насилия, пьянство, взяточничество, оскорбление словами и действиями обывателей, порка плетью, массовые убийства, допросы с пристрастием».

Режим колчаковщины представлял собой открытую диктатуру капиталистов и помещиков, диктатуру «хуже царской», как называл ее В. И. Ленин.

Для определения тактики большевистских организаций в новых условиях, через пять дней после установления колчаковщины — 23 ноября была созвана вторая общесибирская партийная конференция. В связи с наметившимся среди крестьянства поворотом в сторону Советской власти партийным организациям было

дано указание возглавить выступление в деревне. Конференция обязала всех коммунистов войти в подпольные организации и начать широкую подготовку вооруженного восстания на территории всей Сибири. Одновременно конференция не отрицала целесообразности восстаний местного характера, охватывающих более или менее крупные районы.

Решения второй подпольной конференции, нацеливавшие на всемерное развитие инициативы местных организаций, повышение их роли в борьбе за власть Советов, свидетельствовали о росте политического и боевого опыта большевиков Сибири.

Систематическую помощь большевистскому подполью Сибири оказывал ЦК РКП(б). Для руководства работой подпольных большевистских организаций в Сибири в декабре 1918 года было создано Сибирское бюро ЦК РКП(б), в состав которого входили Ф. Голощеков, А. Масленников, М. Рабинович, А. Нейбут. Сибирское бюро установило и поддерживало постоянную связь с большевистским подпольем, собирало информацию о положении дел в Сибири, проводило в жизнь директивы ЦК партии. Оно руководило вооруженными восстаниями и партизанским движением, развешивало агитацию среди населения. ЦК партии направил для подпольной работы в колчаковском тылу испытанных коммунистов, оказывал сибирскому подполью повседневную поддержку.

За деятельностью большевистских организаций в тылу Колчака внимательно следил В. И. Ленин. Я. М. Свердлов лично поддерживал связь с подпольщиками. В письмах он информировал их о положении в России, давал советы. В одной из записок Я. М. Свердлов называл вопросы, ответы на которые особенно интересуют ЦК. Речь шла о положении рабочих, их настроении и организации, об отношении крестьянских масс к Колчаку, ходе мобилизации и отношении мобилизованных к правительству, о положении заводов в Сибири.

Постоянное внимание и активная помощь Центрального Комитета партии и Советского правительства вдохновляли подпольщиков, вселяли уверенность в победе.

Уже в декабре 1918 года вспыхнуло крупное восстание рабочих в Омске. Руководствуясь решениями ноябрьской конференции, развешивали подготовку к вооруженному восстанию большевики Томска, Кемерова, Кольчугина, Топок.

29 декабря белогвардейские власти Мариинска направили телеграмму в Томск, в которой сообщалось, что «в ночь на 1 января предполагается восстание по линии железной дороги Ачинск — Омск и взятие моста в Мариинске». Далее следовала просьба экстренно выслать новые воинские подкрепления, пулеметы и больше патронов.

В начале 1919 года Томский комитет РКП(б) выпустил воззвание «К товарищам рабочим, крестьянам и солдатам», которое заканчивалось призывом взяться за оружие: «Пусть каждый, — говорилось в воззвании, — не забывает замученных и погибших

каждый день рабочих и крестьян. Он не смеет это забыть. И пусть каждый неустанно ежедневно и ежечасно твердит себе, товарищам, отцам и братьям, матерям и сестрам призывный клич: в ряды революции! В ружье!».

Готовя восстание, подпольные партийные организации Анжерки, Судженки, Кемерова, Кольчугина создавали боевые дружины из рабочих.

Крепкие нелегальные ячейки возникают и среди крестьян. Заместитель председателя исполкома Щегловского уездного Совета Г. Д. Шувалов и старый большевик С. Голкин, установив связи со сторонниками Советской власти, формируют боевые дружины в Дедюеве, Ягунове, Топках, Панфилове, Сарапках, Междугорном, Шевелях. Подпольные ячейки сложились во многих селах, расположенных вокруг Анжеро-Судженских копей.

Широкий размах приняла подготовка к восстанию на Кольчугинском руднике. Активную роль в работе подпольной организации сыграл здесь большевик Алексей Васильевич Ролико-Виноградов. Осенью 1917 года он был направлен Петроградским военным округом в Сибирь для доставки хлеба, но из-за начавшегося контрреволюционного мятежа не смог вернуться назад. Ролико-Виноградов пробрался на Кольчугинский рудник, где стал забойщиком Журиной шахты.

В механической мастерской и на Николаевской шахте созданием подпольной большевистской организации занимался машинист подъемной машины Демьян Иванович Погребной, прибывший на рудник с германского фронта в конце 1917 года. Погребной сражался с мятежниками под Арлюком, а при отступлении из Кольчугина отряда П. Ф. Сухова остался на руднике.

Легальным прикрытием деятельности подпольной организации, объединявшей уже около 300 человек, стал местный профсоюз.

Готовясь к восстанию, большевики уделяли большое внимание крестьянству. По заданию Кольчугинского подпольного комитета часто ездили по деревням Д. Погребной, А. Ролико-Виноградов, И. Ходарадзе и другие. К февралю 1919 года нелегальные ячейки действовали в Старо-Пестерях, Красноярке, Ново-Георгиевке, Мохове, Бачатах, Менчерепе, Хмелеве, Мусохранове и других деревнях, расположенных вблизи Кольчугина.

Подпольщики установили тесный контакт с солдатами местного гарнизона, многие из которых вошли в состав нелегальной организации. Представитель гарнизона Ф. Гужев был введен в подпольный комитет.

Таким образом, в начале 1919 года в Кольчугине работала крупная подпольная организация, имевшая свои ячейки среди шахтеров, солдат и крестьян. Эта организация поддерживала связь с партийными организациями Томска, Кемерова, Топок и Гурьевска.

Внушительную силу представляли кемеровские подпольщики. В организации состояло около 400 шахтеров и рабочих химическо-

го завода. Было приобретено полтораста винтовок, создана мастерская по ремонту оружия.

Восстание намечалось на весну, когда растает снег и выйдут из тайги партизанские отряды, и имело цель создать фронт в тылу колчаковщины, чтобы оттянуть белогвардейские силы с Урала и тем самым помочь Красной Армии.

В начале марта вскормленная и вооруженная империалистами Англии и Америки, колчаковская армия перешла в наступление по всему фронту. Предпринимая наступление, Колчак стремился соединиться с армией Деникина и, захватив Поволжье, открыть путь на Москву. В этот критический для республики Советов момент В. И. Ленин объявил: «Социалистическое отечество в опасности». По призыву ЦК партии и Советского правительства страна мобилизовала все силы на борьбу против Колчака. На фронте разыгрались ожесточенные бои.

В этот напряженный период, когда Колчак рвался к сердцу рабоче-крестьянской республики, а буржуазные газеты Запада уже трубили о неизбежном падении Москвы, большевики Западной Сибири приняли решение ускорить начало восстания в тылу Колчака. Для координации действий Томский подпольный комитет большевиков направил в Кольчугино своего представителя Петра Голикова, а в Кемерово — Виталия Кручину.

Однако в начале марта произошел провал Томской и Кемеровской организаций. Контрразведка напала и на след кольчугинских подпольщиков. Внутри Кольчугинского комитета возникли разногласия. Голиков настаивал на немедленном начале восстания. Погребной предлагал отложить выступление до тепла, когда, в случае неудачи, можно было бы организованно отступить в тайгу. После горячих споров победила точка зрения П. К. Голикова, которому и было поручено руководство подготовкой восстания, назначенного на ночь с 5 на 6 апреля.

Подпольщики надеялись на поддержку восставших в других районах. Но если этого не случится, намеревались расправиться с белогвардейскими властями рудника, захватить оружие и снаряжение и организованно отступить в тайгу.

Как и было намечено, в ночь на 6 апреля кольчугинские повстанцы перебили колчаковских офицеров и, захватив оружие, овладели железнодорожным вокзалом и телеграфом. Ранним утром по тревожным гудкам шахт к штабу восстания стали стекаться рабочие. На митинге было решено провести запись добровольцев в Красную гвардию, раздать им захваченное у колчаковцев оружие. На сторону восставших сразу встали такие военнослужащие, как Ф. Гужев, А. Бобков, А. Мельников, К. Сибирцев, Мухлядов, Калинин. По их примеру сорвали погоны и многие другие солдаты местного гарнизона.

С радостью встретили восстановление Советской власти на руднике находившиеся здесь военнопленные. Из бараков раздавались революционные песни. В окнах появились красные флаги.

Часть военнопленных, вооружившись, несла караульную службу на руднике. Активными участниками восстания стали мадьяры Франц Фишер, Макс Штибрек, Карл Оун, Курт Дице.

Днем в здании школы председатель профсоюза Чепелев открыл новый митинг. Рабочие единодушно избрали Совет в составе С. Голева (председатель), П. Голикова, Ф. Жаркевича, Станкевича, Герасимова, С. Климова.

Новый Совет немедленно принял меры к охране технических сооружений рудника и рудничной кассы, в которой лежало 506 тысяч рублей.

Тем временем на руднике шло формирование отряда Красной гвардии. Когда число красногвардейцев достигло 250 человек, из-за недостатка оружия запись добровольцев пришлось прекратить. Стремясь расширить район восстания, Кольчугинский Совет выпустил воззвание к населению и направил несколько отрядов в соседние села и рабочие поселки.

Основные же силы восставших были двинуты к ст. Топки с тем, чтобы, подняв железнодорожников и рабочих Кемерово, сообщаясь к мосту через Томь на главной магистрали в районе Юрги и тем самым сорвать переброску колчаковских частей в район восстания.

Однако уже в районе Раскатиhi — Плотниково повстанцев встретили части белогвардейцев. К этому времени стало ясно, что кольчугинцы оказались в одиночестве: окончилась неудачей попытка поднять рабочих Гурьевска, не подтвердились сведения о выступлениях в соседних городах. Повстанцы, не получив ожидаемого подкрепления и узнав о движении на Кольчугино больших сил белогвардейцев, растерялись. Было принято решение — не мешкая оставить рудник и уйти в тайгу на соединение с партизанскими отрядами. Голиков, Хорошевский, Бобков и другие руководители восстания с отрядом в 80 рабочих и солдат покинули рудник и, отступив к с. Байкаим, ушли на соединение с партизанским отрядом Шевелева. В ночь на 8 апреля около 40 вооруженных повстанцев проследовали на лошадях через с. Ваганово в сторону станции Черепаново Барнаульского уезда. Другие, отступив с боями через деревни Ур-Бедари и Устюжанино, соединились в районе деревень Кресты-Хмелево и двинулись на Салаир.

Между тем со всех сторон — из Бийска, Барнаула, Новониколаевска, Томска, Кузнецка, Щегловска, Топок в район Кольчугинского рудника спешили колчаковские каратели. Уже 8 апреля в Кольчугино прибыл отряд во главе с подполковником Буланцевым. Вместе с ним вернулась администрация копей. Сразу же начал свирепствовать военно-полевой суд.

В руки карателей попали списки рабочих, записавшихся в отряды Красной гвардии и получивших оружие. Эти списки стали первичным материалом обвинений. По приказанию управляющего рудником Назарова на шахтах рудника был произведен учет горняков, не вышедших на работу в день восстания. На шахтеров

посыпались доносы представителей администрации, которые пользовались возможностью свести личные счеты.

Началась зверская расправа. Засвистели шомпола, полилась кровь рабочих. Казаки тренировались в ружейных приемах на живых и мертвых. Истерзанных пытками людей валили на подводы и везли на окраину рудника. Здесь, в Камышанском логу, было расстреляно 500 человек! А сколько людей погибло под пулями карателей в окружающих рудник селах! В числе расстрелянных были председатель профсоюза Григорий Чепелев, председатель Совета Семен Голев. Позднее, в Мариинской тайге, колчаковцы схватили и сожгли на костре Демьяна Погребного.

Так было разгромлено и потоплено в крови Кольчугинское восстание. Одной из причин поражения горняков было то, что они не получили поддержки в других районах Кузбасса. Повстанцы не договорились о единстве действий даже с партизанскими отрядами. Многие из них узнали о восстании уже после его подавления. Все это дало возможность колчаковцам быстро стянуть свои войска в Кольчугино и обрушиться на рабочих. Серьезной помехой явилось и отсутствие единства среди членов подпольного комитета о времени начала выступления.

Направленные по деревням подпольщики рудника советовали местным ячейкам быть готовыми к вооруженному восстанию и ждать указания о дне общего выступления. Но этого сигнала так и не поступило. Так, весть о восстании застала Ролико-Виноградова в Бачатах, где была довольно крупная ячейка. Зная, что решения комитета о дне восстания еще нет, Ролико-Виноградов посоветовал возбужденным бачатцам дожидаться точных сведений, а сам поспешил на рудник. Но, не доехав до рудника, он узнал об отступлении повстанцев.

В селе Менчереп ячейка ожидала сигнала о восстании и всячески старалась избежать преждевременного выступления своих односельчан. Да и сами восставшие действовали порою нерешительно. Высланный с опозданием в сторону ст. Топки отряд красногвардейцев надолго задержался у ст. Раскатиhi, что дало возможность колчаковцам собраться с силами и перехватить инициативу.

Но все-таки, несмотря на поражение, Кольчугинское восстание не прошло бесследно и сыграло положительную роль. Оно вскрыло глубину пропасти между колчаковщиной и трудовым народом, показало, что кровавый террор не уничтожил стремления рабочих масс к восстановлению Советской власти.

Разразившись в тот момент, когда Колчак, бросив на фронт все свои резервы, повел наступление против Красной Армии, восстание вызвало растерянность у белогвардейских властей, заставило их оттянуть часть войск на охрану ставшего ненадежным тыла.

Кольчугинское восстание показало глубокое недовольство колчаковским режимом широких масс крестьянства, дало толчок кре-



В. П. Шевелев

стьянским волнениям в Кузнецком и Щегловском уезде. Когда кольчугинские повстанцы отступали от рудника, крестьяне попутных сел оказывали им всяческую помощь и поддержку. Командир карательного отряда Галаган сообщил из с. Каурака, что «среди местного зажиточного населения заметна паника, а среди бедноты повышенное настроение и сочувствие к Кольчугинскому восстанию».

Среди крестьян повстанцами распространялись рукописные или отпечатанные на машинке призывы и воззвания. Многие председатели сельских комитетов получили приказ партизан, в котором именем Совета народных комиссаров России предлагалось созвать сельские собрания, избрать из бедноты Советы крестьянских депутатов, сдать им

все общественные дела. Всех поддерживающих белогвардейскую власть арестовать. Окладные листы и бумаги, относящиеся к сбору податей, мобилизации и набору лошадей, сжечь. Собранные подати раздать населению. Вооружить деревенскую бедноту и образовать отряды для охраны сел и деревень. В случае появления белогвардейских отрядов предписывалось немедленно сообщать об этом партизанам, всячески задерживать карателей, не давать им лошадей и фуража.

В ряде деревень беднота восстановила Советскую власть. Жители д. Мусохрановой, узнав о восстании кольчугинских шахтеров, разоружили милиционеров, избрали Совет и провели запись в Красную гвардию. 7 апреля подняли восстание 150 крестьян д. Бороденковой Бачатской волости. Они взяли под свой контроль имущество и лошадей строительной конторы, - выставили охрану на дорогах, идущих на Бачаты и Кузнецк. Арестованный позже колчаковцами член подпольной организации этой деревни Г. Т. Ушаков на допросе заявил: «Вся Бороденкова пойдет на защиту Советской власти. Существующая власть долго не продержится».

Через два месяца после Кольчугинского восстания начальник щегловской милиции докладывал, что «в Щеглове и его районе, вследствие сосредоточения больших рабочих масс на химическом заводе, каменноугольных копях и железной дороге и наплыва разного рода «разночинцев», т. е. пришлого люда, большевизм получил довольно широкое распространение и... зачастую проявлялся в форме заговоров, попыток к восстанию против существующей власти, убийстве правительственных агентов и прочих эксцессов».

Кузбасс был одним из районов Сибири, где ни на один день не гасло партизанское движение.

Организаторами партизанского движения в Кузбассе были большевистские подпольные комитеты. Основными его центрами стали районы, расположенные вблизи шахт, приисков и заводов. Именно здесь под руководством Анжеро-Судженского, Кемеровского и Кольчугинского подпольных большевистских комитетов с осени 1918 года начали складываться первые партизанские отряды. Во главе их, как правило, стояли большевики или преданные партии беспартийные работники Советов, солдаты и офицеры-фронтовики. В подпольных организациях городов и рабочих поселков действовали отделы по связи с партизанами и снабжению их оружием. Кольчугинские подпольщики, например, переправляли партизанам немало оружия и боеприпасов, которые они сумели достать у солдат местного гарнизона. Регулярную связь с партизанскими отрядами поддерживала Кемеровская подпольная организация через своих членов Н. Чумазова, С. Голкина, Г. Шувалова, М. Голкину. Анжеро-судженские подпольщики отправляли к партизанам бежавших из тюрем товарищей и уклоняющихся от призыва в колчаковскую армию. Шахтеры слали в тайгу динамит, патроны, ручные бомбы.

Ядро одного из первых партизанских отрядов составили красновардейцы под руководством военного комиссара Итатского волостного Совета крестьянских депутатов М. Х. Перевалова, отступившие с Мариинского фронта. Отряд действовал на стыке Томской и Енисейской губерний.

На северо-востоке Кузбасса, в районе Чумая с осени 1918 года начал боевые действия партизанский отряд под командованием Е. Попова-Пугачева. Зимой 1919 года в нем насчитывалось 60 человек.

Невдалеке от Анжеро-Судженских копей, в районе д. Ксеньевки (ныне город Асино), возник партизанский отряд под командованием коммуниста-рабочего, посланца Томской подпольной организации, С. Толкунова-Гончарова. С помощью партизан этого отряда были созданы нелегальные ячейки в деревнях Котляры, Осиновка, Ратовка, Казанка, Тихомирска.

По соседству с районом действия отряда Гончарова осенью 1918 года сформировался отряд под командованием П. К. Лубкова. Серьезную помощь ему оказали анжерские подпольщики. Они направили в отряд группу шахтеров, перебросили туда оружие и медикаменты.

За положением дел в отряде Лубкова следил Томский подпольный комитет. Когда комитету стало известно, что у партизан нет четкой политической линии, а на Лубкова оказывают большое влияние эсеры и анархисты, вопрос об отряде специально рассматривался в окружном штабе.

К февралю 1919 года были созданы нелегальные ячейки в селах центральной части Кузбасса: Ягунове, Дедюеве, Мазурове, Са-

рапки, Междугорном, Шевели, Панфилове. А в конце февраля сформированный здесь под руководством заместителя председателя Щегловского уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов Г. Д. Шувалова партизанский отряд совершил первый налет на колчаковскую милицию в д. Райки.

Одним из наиболее активных партизанских отрядов, действовавших осенью 1918 — зимой 1919 года, был отряд крестьянина д. Шипициной коммуниста Василия Шевелева.

Двигаясь из степных районов к Мариинску, партизаны раздали подпольные ячейки в Новой деревне, Кобылине, Красном Яре. Не задерживаясь подолгу в деревнях, отряд большими и неожиданными переходами сбивал противника со следа. Узнав о восстании в Кольчугине, Шевелев немедленно двинулся на помощь шахтерам. В Баннове партизаны разоружили милицию, в Крапивине были освобождены арестованные, изъяты бланки паспортов и другая документация. В Каракане Шевелев встретился с отступающим из Кольчугина отрядом П. Голикова. Объединившись, партизаны направились к Кузнецку.

Следует, однако, отметить, что партизанские отряды, созданные осенью 1918 года и зимой 1919 года, были не велики по численности и действовали без всякой связи друг с другом. Это был период роста подпольных ячеек в рабочих поселках, деревнях и селах, период собирания сил.

Колчаковцы понимали, что партизаны, накопив за зиму силы, к весне решительно активизируют свои действия. И они забили тревогу, потребовав от правительства немедленной расправы с партизанами. Газета «Сибирская жизнь» писала: «Пройдет два-три месяца, и борьба может стать невозможной. Теперь, зимой, они (партизаны) волей-неволей должны искать себе убежище по деревням или на заимках. Что же будет с наступлением лета, когда под каждым кустом будет готов и стол, и дом? Более благоприятной обстановки для таких операций, чем наша Сибирь, трудно придумать. Примкнут все недовольные, а их много, взбунтуются деревни, и борьба с ними окажется очень тяжелой. Самые решительные мероприятия необходимы сейчас же, чтобы потом не услышать о сибирских Емельках Пугачевых и Стеньках Разиных».

Чтобы погасить разгоревшееся пламя партизанской войны, колчаковцы шли на самые крайние меры. Начальник Томской губернии в инструкции командиру карательной экспедиции потребовал «уничтожать на месте, без суда, партизан и лиц, занимающихся противоправительственной агитацией. Широко оповестить население о том, что возврата к Советской власти не будет и все попытки к возврату будут пресечены кровью, железом и огнем». Повсеместно создавались отряды особого назначения. В некоторых районах Сибири появились специальные «дружины для борьбы с большевиками на внутренних фронтах и в тылу». Кулаки и попы объединялись в дружины святого креста. В рабочих поселках и селах

Кузбасса бесчинствовали карательные отряды Сурова, Кузеванова, Орлова, Альдмановича, Миловидова, Озеркина.

Белогвардейские власти действовали в тесном контакте с белочехами. Начальник Томской губернии сообщал департаменту милиции: «Чешское командование в лице начальника 2-й чешской дивизии неоднократно оказывало услуги своей деятельностью. В настоящее время, когда выяснилась необходимость расширения их деятельности, в особенности в районах каменноугольных, промышленных и линии железной дороги, чешское командование обратилось ко мне с просьбой об обложении населения для нужд контрразведки в районе по линии железной дороги от Ачинска до ст. Татарская в 30 000 рублей ежемесячно».

Однако ни тюрьмы, ни расстрелы лучших сынов и дочерей рабочего класса и крестьянства не могли задержать растущего недовольства колчаковскими порядками и стремления народных масс Сибири к восстановлению Советской власти.

Весной 1919 года партизанское движение приобрело еще более широкий размах. Расширялась и его социальная база. Вслед за рабочими и крестьянской беднотой в партизанские отряды пошли середняки.

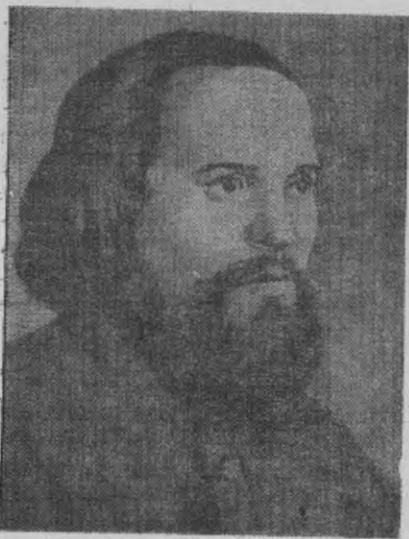
В марте члены Сибирского бюро ЦК РКП(б) М. Рабинович и А. Масленников докладывали в Центральный Комитет: «В настоящее время во всех организациях идет довольно энергичная работа по организации крестьянских масс. В Томской губернии в распоряжении комитетов имеются приговоры сельских обществ о поддержке восстания людьми, деньгами и продовольствием. Причем эти приговоры адресуются в комитет большевиков».

Характеризуя изменения, происшедшие в сознании сибирского крестьянина, В. И. Ленин писал: «Когда он испытал, что Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, тогда он организовал тот громадный ряд восстаний в Сибири, о которых мы получили точные сведения от товарищей и которые теперь обещивали нам полный возврат Сибири — на этот раз сознательный»¹.

На активизации партизанского движения сказались результаты большой и кропотливой организаторской работы партии в массах, опыт, приобретенный в жестоких схватках с врагом и, вместе с тем, благоприятная обстановка на фронте в связи с наступлением Красной Армии. Большое значение для развертывания крестьянского движения против колчаковщины имели принятые VIII съездом РКП(б) решения о переходе от нейтрализации к союзу с середняком.

20—21 марта 1919 года в Омске состоялась III подпольная конференция большевиков Сибири. В центре ее внимания были зада-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том. 39, стр. 397.



Г. Д. Шувалов

чи руководства развертывающейся партизанской борьбой. Конференция выработала инструкции партийным комитетам по организации партизанских отрядов.

Ширилось партизанское движение в Кузбассе. Из Кузнецкого уезда пламя партизанской борьбы перекинулось в Мариинскую тайгу.

23 апреля старшина водного пути Логинов доносил заведующему судоходным участком реки Томи, что «в Крапивинской волости по направлению к Мариинску действуют несколько партизанских отрядов в 50 и 100 человек... Все отряды хорошо вооружены». 4 мая начальник Обского участка речных путей телеграфировал колчаковскому генералу Розанову, что «в пределах Кузнецкого и

Щегловского уездов, вблизи реки Томи появилось много большевистских банд». Партизаны нападали на карателей, валили телеграфные столбы, взрывали железнодорожные мосты.

Ожесточенные бои разгорелись в районе золотых приисков Мариинской тайги. Село Тисуль переходило несколько раз из рук в руки. 3 февраля начальник Мариинского гарнизона сообщал своему начальству в Томск о том, что «Тисульский отряд под давлением превосходящих сил красных отступил в Мариинск. Красные наступают на Усть-Сертинское».

В конце марта на северо-востоке Кузбасса появились партизаны П. Е. Щетинкина. 3 апреля партизаны заняли Тисуль.

9 июня управляющий приисками Остен-Сакен шлет в Томск тревожную телеграмму о приближении партизан к руднику «Центральный».

Новый толчок партизанскому движению в районе Анжерки, Судженки и Ижморки дало восстание, начавшееся 22 апреля в селе Ксеневке. После его подавления многие повстанцы ушли в партизаны. 27 мая заведующий Ново-Кусковским переселенческим пунктом обратился к начальнику с просьбой «об обеспечении здешнего района достаточной вооруженной силой, впредь до успокоения, в виде военного отряда особого назначения».

Верным союзником колчаковских властей в борьбе против крестьян было духовенство. Собравшийся в мае окружной съезд духовенства от лица 19 архиереев, 50 архимандритов, множества попов и монахов, принял решение почитать имя верховного правителя на всех богослужениях. Высшее церковное управление Сиби-

ри возбудило ходатайство перед правительством об устройстве церковно-вагонов для ведения религиозной пропаганды на Омской, Томской и Алтайской железных дорогах. Попы не ограничивались призывами к покорности. Они формировали дружины «святого креста», служили доносчиками, были непосредственными участниками жесточайших расправ с местным населением.

Характерен в этом отношении рапорт священника с. Больше-Косульского Мариинского уезда епископу Томскому и Алтайскому. «Во всякому слову, сказанному против большевиков, крестьяне не прислушиваются и тут же передают главарям. Единственным спасением для правительства будет то, если оно поступит с волостями Юрьевской, Тухтетской, Петровской и Боготольской так же, как оно поступило с Тасеевской (в Тасеевской волости каратели до тла сожгли все села. — *Ред.*). Моя просьба к Вам, владыка, направлена потому, что Ваш голос к правительству будет услышан, а борьба будет направлена по пути, ведущему к цели».

Колчаковская контрразведка, докладывая в июне о настроении «бедных мужиков», признавала, что они «склонны передать власть в руки большевиков» и что большевики имеют «магнетизирующее влияние на деревню».

Весной и летом 1919 года партизанское движение в Кузбассе приобрело массовый размах и стало подлинным выражением установившегося и скрепленного в огне вооруженной борьбы военно-политического союза рабочего класса и крестьянства. Всего на территории Кузбасса весной 1919 года действовало около 20 партизанских отрядов и групп. Наряду с отрядами Гончарова, М. Первалова, В. Шевелева, Г. Шувалова, П. Лубкова, о которых говорилось выше, на северо-востоке появились отряды А. Сергеева, В. Крылова, Аф. Фомина, Пирожкова-Кирсанова; в центральной части — Путилова-Смерденкова, Ф. Брокара, К. Кузнецова, С. Уманца, А. Ролико-Виноградова, П. Гапузина, А. Волкова; Колова; на юге Кузнецкого уезда — отряды И. Толмачева, М. Собакинського, Галанина. Партизаны, как правило, действовали вблизи сел и имели прочную постоянную базу.

Цементирующим ядром этих отрядов были рабочие, а основную массу партизан составляли крестьяне. Отряды держали тесную связь с подпольными организациями городов, рабочих поселков, сел и деревень.

Ни днем, ни ночью партизаны не давали покоя колчаковцам, держали в состоянии тревоги военные гарнизоны, которые находились тогда в Мариинске, Тисуле, Чемае, Красном Яре, Анжеро-Судженске, на станциях Тайга и Юрга, в Кемерове, Кольчугине, Крапивине, Бачатах, Гурьевске и Кузнецке.

Дело, однако, осложнялось тем, что партизаны действовали разрозненно, без единого плана. Это, конечно, ослабляло силу ударов партизан, позволяло карателям поодиночке расправляться с партизанскими отрядами.

Весной 1919 года большевики Сибири получили указание ЦК

РКП(б) объединить партизанские отряды в крупные соединения. 20 апреля Томский подпольный комитет собрал партизанских командиров, действовавших в губернии. Был избран объединенный штаб партизанских отрядов. Тогда же в Сибирское бюро ЦК РКП(б) для информации и получения директив был направлен специальный представитель. Им был посланец Анжерского подпольного комитета П. Лапшин, которому удалось перейти фронт и в Вятке представить подробный доклад о действиях партизан.

Согласно принятому на совещании решению началось объединение отдельных отрядов и групп в крупные соединения. Партизанский отряд Шевелева объединился с отрядами Новоселова и Шувалова. Объединенный отряд предпринял две попытки взять г. Кузнецк с тем, чтобы освободить из тюрьмы революционеров, томившихся там с июня 1918 года. Однако большой гарнизон колчаковцев отбил атаки партизан и заставил их отступить вверх по Томи.

Неудача партизан была неслучайной. Отряд Новоселова насчитывал много анархистов и уголовников. В нем отсутствовала строгая дисциплина, допускались пьянки и мародерство. Сам Новоселов выступал против создания опорных пунктов среди местного населения. «Никакой мужицкой организации нам не надо», — отвечал он на предложения о создании подпольных ячеек в деревнях. И когда коммунисты из отрядов Шевелева и Шувалова стали укреплять дисциплину, добиваться решительного пресечения распушенности и всяческого упрочения связей с местными крестьянами, Новоселов увел свой отряд в Барнаульский уезд к Рогову, разделявшему взгляды анархистов.

Весной 1919 года произошло также объединение партизанских отрядов Гончарова, Лубкова, Крылова, Сергеева. Однако Лубков, все больше подпадавший под влияние эсеров, выступил против твердой дисциплины. В отряде плохо осуществлялось оперативное руководство, процветало пьянство, что не могло не сказаться на боеспособности отряда.

9 апреля около села Святославка партизаны устроили засаду и разбили карательный отряд прапорщика Соколовского. К партизанам присоединилось 20 шахтеров и 8 милиционеров, бежавших из Анжерки. Но после боя кулаки села Тихомировки спойли партизан Лубкова самогоном и дали знать о них карателям в Ново-Кускове и Вороново Пашне. Лубковцы не выдержали внезапного удара и, понеся большие потери, вынуждены были отступить в Зыряновскую и Мало-Песчанскую волости.

В ночь на 23 июня партизаны напали на ст. Ижморскую и разъезд Яя. Станцию Ижморская охраняли белочехи. Здесь же был расквартирован колчаковский отряд, насильно реквизирующий у крестьян лошадей для армии. И все-таки партизанам удалось перебить охрану, сжечь станцию и угнать свыше полусотни лошадей. Вторая группа партизан в это же время заняла разъезд Яя и мост через реку. Движение по Транссибирской магистрали оказа-

лось под угрозой. Колчаковские власти немедленно двинули сюда бронепоезд из Мариинска, батарею со станции Судженка и карательный отряд капитана Сурова.

Тогда партизаны двинулись к Мало-Песчанке. Успехи в бою под Ижморской и Яей вскружили голову эсеровски настроенным командирам отряда Лубкова. В ночь с 24 на 25 июня Лубков свернул партизан с дороги и около села Теплая Речка остановился на ночь. Не выставив даже охраны, партизаны взялись за самогон. Вскоре округу огласили пьяные песни и звуки гармоники. Крупные силы карателей, окружив лагерь партизан, открыли по нему прицельный ружейный и пулеметный огонь. Так погибла значительная часть отряда. В руки карателей попал лазарет с ранеными и больными, весь обоз и до 250 винтовок.

После освобождения Кузбасса от колчаковщины, будучи политически незрелым человеком, Лубков не понял сложной обстановки военного коммунизма. Попад под влияние кулацких и белогвардейских элементов, летом 1920 года он попытался поднять восстание против Советской власти. Части особого назначения быстро разгромили мятежников. Лубков был убит.

Разбитый под Теплой Речкой, партизанский отряд распался на мелкие группы, из которых вскоре выросли новые отряды. Одна из них под командованием Фомина ушла за реку Кию, в район с. Калеула. Вскоре раненный в бою и не желая сдаваться врагу, Фомин взорвал себя гранатой. Командование принял на себя Кирсанов. Другой отряд оперировал на севере Томского уезда, около поселка Медодатского. К северу от Анжеро-Судженских копей в деревнях Емельяновке, Данковке развернули боевые действия партизаны под командованием В. Крылова, в районе села Ново-Рождественского — отряд под командованием Усова.

Разнородность партизанских отрядов объясняется тем, что основная масса партизан — крестьянство — не была однородной. Среди партизан было немало таких, которые не хотели признавать диктатуры пролетариата, боялись твердой воинской дисциплины. Этим пользовались эсеры и меньшевики. На территориях, освобожденных партизанами, в противовес Советам они старались добиться восстановления земств.

Весьма сильным было эсерово-меньшевистское влияние в одном из самых крупных партизанских отрядов — Рогова — Новоселова, действовавшем на стыке Томской и Алтайской губерний, в районе, примыкавшем с юга к угольным копиям Кузбасса.

Барнаульский комитет решил большевизировать отряд, а в случае неудачи — отколоть от него наиболее здоровую часть. Для этой цели в отряд Рогова были посланы 12 коммунистов во главе с М. И. Ворожцовым. К этому времени партизаны освободили от колчаковцев 18 волостей. Надо было как можно быстрее восстановить на этой территории Советскую власть. Но Рогов, выражая волю анархистов, отказался выполнять постановления краевого съезда Советов, всячески старался дискредитировать большевиков отря-

да. Этим он разоблачил себя перед партизанами. Около четырех тысяч партизан пошло за коммунистами. Новый отряд во главе с М. И. Ворожцовым быстро пополнял свои ряды и вскоре был реорганизован в Чумышскую партизанскую дивизию. Анархисты во главе с Роговым в конце концов выродились в махровую антисоветскую банду.

Преодолевая эсеровское и анархистское влияние в отрядах, большевики сумели добиться того, что, несмотря на большие трудности, партизанское движение не свернуло с правильного пути. Тысячи рабочих и крестьян вели героическую борьбу против кровавой диктатуры Колчака за восстановление Советской власти.

Неослабное внимание сибирским партизанам оказывал ЦК РКП(б). Он неоднократно давал четкие указания по организации широкого партизанского движения, снабжению его оружием, координации действий и усилению политической работы в отрядах. Для оказания практической помощи представители ЦК неоднократно переходили линию фронта. Так посланец ЦК партии Д. Киселев летом 1919 года объехал многие подпольные организации Сибири и Дальнего Востока и, вернувшись в Москву, доложил о поездке В. И. Ленину. Владимир Ильич интересовался состоянием подпольной работы в Сибири и революционным движением в тылу Колчака. Он хотел знать, какую форму принимает крестьянское движение, организуются ли на месте свергнутой колчаковской власти Советы или же берут верх земские управы и был очень рад, узнав о повсеместной победе власти Советов.

Исключительное значение имело постановление ЦК РКП(б) от 19 июля 1919 года о партизанском движении в Сибири. Высоко оценивая боевые действия партизанских сил Сибири, оно предлагало партийным организациям усилить связи с партизанами, объединить отдельные отряды в крупные соединения, действующие под единым командованием. ЦК партии поручил политорганам Восточного фронта «выработать тезисы обращения Совета Народных Комиссаров к партизанам Сибири с целью установить их связи с местными политическими организациями по координации военных действий с тем, чтобы заранее были приняты меры обезвреживания отрицательных сторон партизанщины».

Коммунисты Сибири с честью выполнили эту задачу ЦК партии. Летом 1919 года партизанское движение получило невиданный размах. Более сильным и организованным стало оно и в Кузбассе.

Обосновавшийся в начале августа в таежном поселке Кокоревском отряд Шувалова активизировал свои боевые действия и укрепил связи с местным населением. В рядах партизан соблюдалась строгая революционная дисциплина. Были категорически запрещены всякие самовольные реквизиции. Бралось только самое необходимое и только по разрешению командира. Партизаны поддерживали связь с кемеровскими рабочими.

Вскоре отряд Шевелева объединился с партизанами под коман-

дованием Попова-Пугачева. После этого партизаны разгромили колчаковцев на прииске Трбицкие Вершины.

Объединялись и другие партизанские отряды. Они стали координировать свои действия. Согласно единому плану основной удар наносился по железнодорожной магистрали с целью срыва снабжения колчаковского фронта. Партизаны нападали на охрану железной дороги, разрушали полотно, сбрасывали под откос воинские эшелоны, взрывали водокачки, валили телеграфные столбы. Министр путей сообщения Устругов в докладной записке писал, что Томская дорога «в полосе нападения заистую представляет узкое горло, в котором долго задерживаются срочные грузы, следующие с Востока».

Еще в мае 1919 года Томская дорога была выделена в самостоятельную единицу и объявлена на военном положении. Охрана ее была поручена второй чешской стрелковой дивизии. Ее командир полковник Крейчий объявил, что ответственность за сохранность дороги возлагается на прилегающие населенные пункты. Из них были взяты заложники и населению пригрозили, что в случае нападения на поезда заложники будут расстреляны, а села сожжены. Однако налеты на железную дорогу продолжались.

Один из офицеров осведомительной службы колчаковцев, докладывав о своей поездке по тыловым районам Сибири, писал в сентябре 1919 года, что на двухколейном пути от Омска сотни поездов днями и неделями стоят на станциях и разъездах.

Уголь для паровозов поставляли в основном Кольчугинские и Анжеро-Судженские копи. Во второй половине 1919 года запасы угля на копиях были израсходованы. 5 августа рабочие Кольчугина забастовали и вообще прекратили погрузку угля.

Тот же Устругов в докладе правительству вынужден был заявить, что «если положение на Томской железной дороге не изменится и разбойничьи банды (так колчаковцы называли партизанские отряды. — *Ред.*) будут действовать по-прежнему, то дорога в лучшем случае едва ли справится с угольными перевозками и положение транспорта кончится катастрофой». Свой доклад колчаковский министр заканчивает предложением обратиться к «союзным» правительствам с просьбой усилить охрану железных дорог.

4. Освобождение Кузбасса. Восстановление Советской власти

Для дальнейшего развития рабочего и крестьянского движения в тылу колчаковцев решающее значение имели выдающиеся успехи Красной Армии на Восточном фронте. После освобождения Урала командующий войсками Восточного фронта М. В. Фрунзе 13 августа 1919 года отдал приказ: «Восточному фронту продолжать уничтожение войск Колчака и овладеть Западной Сибирью».

Наступление Красной Армии вдохновило и окрылило подполь-

щиков в тылу Колчака. Начальник милиции Анжеро-Судженского каменноугольного района в донесении управляющему Томской губернией признавал, что среди рабочих «заметна радость по случаю наступления большевиков на Уральском фронте». В свою очередь, управляющий Томской губернией сетовал, что бедняки «ждут уверенно прихода большевиков и охотно вступают в партизанские отряды».

В августовской сводке особого отдела департамента милиции отмечалось: «В Томской губернии неспокойно, появляются все новые шайки, как например, шайка Шевелева в 150 человек, которая оперирует в Щегловском уезде. Помимо всего, порча путей и крушение поездов продолжаются».

Управляющий Томской губернией, получив в свое распоряжение от командования белочехов отряд в 150 человек при 8 офицерах, решил лично отправиться на пароходе в район действия партизан. Тщательно продуманная карательная экспедиция провалилась. Предупрежденные крестьянами о высадке карателей партизаны переправились через реку Терсь и через Немчиновский прииск ушли из-под удара.

Вскоре после этого особый отдел департамента милиции признал, что «В Томской губернии банды красных по-прежнему бродят в Мариинском, Кузнецком и Каинском уездах и, видимо, окончательное их ликвидирование будет не скоро».

25 августа колчаковцам пришлось сообщить о разгроме партизанами белогвардейского отряда в 60 штыков при двух пулеметах: «Солдаты разбежались, пулеметы захвачены... Прибывший на помощь отряд в 36 штыков из Гурьевского завода вынужден был отступить в направлении на Бачаты. Телеграфная связь с Кузнецком прервана».

В районе станций Ижморская — Иверка партизаны спустили под откос несколько колчаковских эшелонов.

Партизаны Кузбасса установили тесные контакты с отрядами, действовавшими в Алтайской и Енисейской губерниях. Отряд Гончарова, обосновавшись в Ксеньевке, совершал совместные операции с отрядом Лубкова. Партизанский отряд итатских крестьян под командованием М. Х. Перевалова в дальнейшем действовал в Енисейской губернии и закончил бои в г. Туруханске. Алтайские партизаны из армии Мамонтова, Громова, Ворожцова были связаны с партизанскими отрядами, оперировавшими на юге Кузбасса. Енисейские партизаны под командованием Щетинкина в марте 1919 года вышли на территорию Кузбасса и заняли Тисуль. В последующей деятельности армия Щетинкина оказала большое влияние на исход боев в Горной Шории.

Тыл Колчака по существу представлял второй фронт. Партизанские отряды становились все более многочисленными, все более тяжелые удары наносили они колчаковцам, которые вынуждены были держать в каждом рабочем поселке и крупном селе

карательные отряды. Однако и это уже не могло потушить пожара народной войны.

19 сентября начальник 5-го участка рапортовал начальнику Щегловской уездной милиции: «Доношу, что по имеющимся сведениям правый берег Томи кишит разбойниками».

21 сентября командующий войсками Омского военного округа колчаковский генерал Матковский объявил Мариинский, Кузнецкий и некоторые другие уезды районами театра военных действий. Население всячески поддерживало партизан. Однажды отряд Попова-Пугачева, который после гибели командира возглавил Кузнецов-Железный, остановился после трудных переходов по тайге на отдых в Ново-Ивановке. Когда к деревне подошли каратели, местные мальчишки немедленно сообщили об этом партизанам. Своевременно организовав оборону, партизаны отбили атаку врага.

В партизанские отряды вливались все новые и новые бойцы из рабочих и крестьян. Пока их силы были невелики, партизаны действовали мелкими, маневренными отрядами, делали большие переходы, появлялись там, где их не ждали, наносили внезапные стремительные удары и снова скрывались в тайге. Теперь, с ростом сил, у партизан появилась возможность выйти из тайги, на длительный срок задерживаться в степных селах, скоординировать и объединить усилия для проведения крупных операций.

Характеризуя состояние партизанских отрядов, политсводка с восточного фронта подчеркивала, что «партизаны дисциплинированы достаточно, мародерство строго наказывается, за подводы и съестные припасы платят, отряды постоянно пополняются добровольцами из беднейших крестьян. Много в партизанских отрядах рабочих с копеек и рудников Сибири».

Всемерно укрепляя партизанские отряды, большевики Кузбасса совершенствовали их структуру, подымали дисциплину, беря за образец регулярную Красную Армию. 1 ноября 1919 года в отряде Шевелева был принят устав, который подписали все партизаны. В нем подчеркивалось, что каждый партизан должен гордиться тем, что он является защитником свободы. Устав требовал от партизан высокой классовой сознательности и дисциплины, храбрости в бою, бережливого отношения к оружию и т. д. Подобные уставы были приняты и в других партизанских отрядах.

Успешное наступление Красной Армии на фронте, боевые действия партизан в тылу врага, активная деятельность большевистских организаций поставили колчаковщину на грань краха. Развал был настолько явным, что его уже нельзя было скрыть. Управляющий Томской губернией, сообщая о настроении крестьян в связи с неудачами на фронте, сетовал: «Весьма печальный факт — ожидаемого и желательного порыва к защите своей родины от надвигающегося большевизма совершенно незаметно».

Из Мариинского уезда извещали, что служащие кооперативов и профсоюзов далеко не сторонники колчаковского правительства.

В другом документе сообщалось, что рабочие ждут Красную Армию как свою освободительницу.

В эти суровые дни большевистское подполье объединяло сотни передовых рабочих, крестьян и партизан, многие из которых хотя и не имели партийных билетов установленного образца и не платили членских взносов, принимали активное участие в работе подпольных организаций. Этим товарищам выдавались временные удостоверения, в которых указывалось название организации и порядковый номер члена этой организации. Позднее, в январе 1920 года, когда территория Кузбасса была освобождена, большинство вчерашних подпольщиков вступили в члены большевистской партии.

По сведениям колчаковской контрразведки, за период хозяйничанья Колчака число большевиков в Сибири увеличилось в десять раз. Приводя эти данные, один из руководителей американских интервентов генерал Грэвс добавляет: «Я думаю, что эта цифра слишком скромна. Колчак никогда не имел на своей стороне более 7% населения». В конце 1919 года руководители контрразведки сообщали: «Вероятно 97% населения Сибири в настоящее время настроены антиколчаковски».

Катастрофически падали боевой дух и моральное состояние колчаковской армии. Расквартированные в селах и рабочих поселках, солдаты видели нищету и разорение населения. Начальник осведомительной канцелярии штаба III колчаковской армии в начале сентября отмечал в своем донесении безучастность солдат-сибиряков в борьбе с большевизмом: «О большевиках у солдат сложилось впечатление, что красные такие же землеробы, как и они». Все чаще солдаты отказывались выполнять приказы офицеров, дезертировали из армии, уходили в партизанские отряды.

Все слои населения, даже те, которые вначале поддерживали Колчака, теперь стали отворачиваться от его кровавого режима. Развал был настолько явным, что этого не могли больше скрывать сами колчаковцы. Многочисленные документы осени 1919 года свидетельствуют о том, что, убедившись в неизбежном крушении Колчака, от него стали отворачиваться не только городские обыватели, но и буржуазия.

12 октября Реввоенсовет Республики телеграфировал реввоенсоветам Третьей и Пятой армий, развернувших наступление в Сибири: «Приложите все усилия, чтобы путем посылки надежных людей в тыл противника выяснить наиболее серьезные очаги восстания в ближайшем тылу противника и по возможности установить связь с повстанцами».

В начале декабря Сибирское областное бюро РКП(б) приняло решение направить лучших своих работников к партизанам для мобилизации новых сил, объединения отрядов и активизации их действий.

Первым городом Кузбасса, освободившимся от колчаковщины, стал Кузнецк, являвшийся тогда уездным центром. Здесь стояла,

команда из 70—80 солдат. Среди них было много жителей окрестных сел, насильно оторванных от крестьянского хозяйства. Продолжавшаяся в течение более полутора лет война казалась им совершенно ненужной и бессмысленной. В команде сложилась группа подпольщиков, в которую входили И. Суховольский, Т. Федоров, П. Потопаев, Ф. Тагаев.

Не надеясь на местную команду, колчаковцы направили в Кузнецк батальон в составе трех рот. Но и это были те же крестьяне, одетые в шинели. Подпольщики местной команды вначале установили связь с солдатами Ржаных, Горских, Афониним, Губановым, Кузнецовым, Цветковым, а через них с остальными солдатами.

В ноябре, воодушевленные наступлением Красной Армии, активизировали свои действия партизанские отряды, действовавшие на юге Кузнецкого уезда. Во многих селах крестьяне создавали боевые отряды. Обстановка была настолько накаленной, что в каждом селе со дня на день можно было ожидать восстания.

В середине ноября в с. Кандалей вступил карательный отряд. Начались зверские избиения крестьян, обвиняемых в неподчинении распоряжениям колчаковских властей. Каратели насмерть заповороли Тихона Кононова. В ответ на это многие жители ушли в партизанский отряд Ивана Собакинського. А через несколько дней партизаны заняли село. Здесь к ним присоединилось еще около 200 крестьян. Прибывшие каратели, не застав партизан, арестовали 22 крестьянина и увезли их в кузнецкую тюрьму. Однако потушить пожар восстания было уже невозможно. Оно перекинулось в села Сары-Чумыш, Бенжереп и Мунай. Белогвардейский отряд, направлявшийся к Сары-Чумышу, был обстрелян в с. Пуштулим. Видя, что кругом в лесах скрываются крестьяне, солдаты стали открыто говорить, что надо расходиться по домам, так как со всем народом все равно не справишься.

Между тем Кузнецкая тюрьма, в которой еще с июня 1918 года томились работники Советов, была переполнена. Командование гарнизона решило «разгрузить» ее 30 ноября. Военный трибунал приговорил крестьян, участвовавших в Кандалейском восстании, к расстрелу и назначил ночь с 1 на 2 декабря сроком приведения приговора в исполнение. Солдаты — родственники обреченных на смерть крестьян, подняли на ноги местную команду. Ночью 30 ноября состоялось тайное совещание солдат-подпольщиков. Чтобы не допустить расправы, было решено начать восстание.

Согласно разработанному плану, в полночь 1 декабря Суховольский поднял местную команду. Солдаты двинулись к помещениям, в которых располагались 10, 11 и 12-я роты. Объединившись, солдаты перебили офицеров, захватили пулеметы и двинулись к тюрьме и помещению контрразведки. Тюремные камеры были открыты.

Над Кузнецком снова взвился красный флаг Советов. Состоялся митинг, на котором с яркой речью выступил освобожденный

из тюрьмы рабочий Прокопьевского рудника А. Н. Иванов. Был создан ревком, в который, кроме Иванова, вошли крестьянин с. Кузедеева Г. Мокрецов, крестьянин д. Сосновки И. Колтунов. Позднее в его состав были введены Р. Тагаев, С. Ермушев, З. Извеков.

Ревком сразу же направил своих посланцев к партизанам. Действовавший в районе с. Топтушка отряд И. Е. Толмачева, совершив 130-километровый марш по глубокому снегу, немедленно пришел на помощь повстанцам. Утром 3 декабря в Кузнецк прибыли крестьяне из с. Ново-Рождественского.

4 декабря в городе было сформировано три отряда. Первый, под командованием И. А. Бессонова, был направлен в с. Кузедеева для разоружения кулацкой дружины и восстановления там власти Советов. Отряды под командой Петухова и Суховольского выступили навстречу крупному карательному отряду, идущему из Бачат. Однако колчаковцы, узнав, что оставшиеся в Бачатах солдаты присоединились к восставшим, не приняв боя, повернули назад и, минуя Бачаты, отступили к Щегловску. 7 декабря генерал Пепеляев, писал председателю Томской губернской управы: «Кузнецк, занятый бандой красных, горит, его нужно спасать. Спешно организуйте отряды, вооружение дам». Не надеясь на тыловые части, он потребовал «в возможно кратчайший срок организовать мощные отряды самообороны».

После ухода основных сил повстанцев, в Кузнецке осталась лишь небольшая группа красногвардейцев. Воспользовавшись этим, подняли голову оставшиеся местные белогвардейцы. Тогда ревком решил обратиться за помощью к располагавшемуся в районе Тогула отряду Рогова.

Когда роговцы вступили в город, стало ясно, что ревком допустил большую ошибку. Анархисты бросились грабить и истязать население. Под пулями и саблями погибло около 300 человек. Конец бесчинству анархистов положила только Красная Армия. Утром 26 декабря, восторженно приветствуемый населением, в Кузнецк вступил 312-й полк 35-й дивизии Пятой Армии под командованием П. В. Болонкина.

Между тем кузнецчане, под командованием Петухова и Суховольского, вместе с присоединившимися к ним солдатами и крестьянами Бачат, заняли Гурьевск, откуда несколько раньше бежали колчаковцы. 9 декабря здесь состоялся многолюдный митинг, на котором было провозглашено восстановление Советской власти. Сразу же начался сбор оружия для отряда охраны порядка. На следующий день состоялись выборы Совета рабочих депутатов. Его председателем стал большевик Караваев.

Продолжая преследование противника, повстанцы с помощью местного населения разгромили колчаковцев у с. Пестерева и вышли к крупному селу Брюханово, где противник пытался остановить наступление. Но, сломив сопротивление врага, повстанцы двинулись через с. Камышанку на Кольчугино.

Не теряя времени и подпольная организация рудника. Она привлекла на свою сторону 80 солдат из учебной команды, установила связь с пулеметной командой и солдатами шестой и седьмой рот.

С тем, чтобы облегчить частям Красной Армии, подходившим уже к Новониколаевску, разгром врага и не дать возможности колчаковцам перед отступлением вывести из строя шахтное оборудование, подпольный комитет решил в ночь на 9 декабря поднять восстание. В канун выступления на руднике начались массовые аресты и обыски. Но это уже не могло спасти колчаковцев: к руднику шли отряды партизан и части Красной Армии. Колчаковцы, опасаясь, что их отрежут от выхода на главную магистраль, торопливо погрузили в вагоны наиболее ценное имущество и оставили рудник.

В декабре 1919 года разгорелось мощное восстание крестьян по соседству с Кольчугинским рудником. Оно началось в д. Березовке, где находился штаб по подготовке восстания, возглавляемый П. Ф. Федорцом, А. Н. Геласимовой и Г. Д. Шуваловым, которые были тесно связаны с Кемеровской и Кольчугинской подпольными большевистскими организациями. За Березовкой поднялись крестьяне деревень Комаровки, Ивановки, Курганов, Сарапок и Шевелей. Повстанцы вооружились дробовиками, вилами, рогатинами, топорами.

За несколько дней восстание охватило Щегловский уезд и перекинулось в Кузнецкий и Мариинский уезды.

Развитие восстания встревожило колчаковское правительство. 11 декабря Колчак направил заместителю председателя Совета министров телеграмму: «Все возрастающее и уже организовавшееся восстание в Барнаульском районе является серьезной угрозой левому флангу и тылу армии. При дальнейшем отступлении ту же роль в отношении левого фланга армии могут сыграть Кузнецкий и Минусинский районы, уже захваченные красными». На следующий день Колчак телеграфировал главнокомандующему Восточным фронтом генерал-лейтенанту Каппелю: «Меня крайне заботит положение в Барнаульском и Кузнецком уездах. Я вижу в этом серьезную угрозу левому флангу в тылу наших армий». В район восстания была брошена стрелковая дивизия колчаковцев, егерский, морской и стрелковый полки. Колчаковцы, двигаясь из Кольчугина, Щегловска и Мариинска, намеревались окружить район восстания.

13 декабря отряды повстанцев и партизан направились через Банново на Крапивино, где находились 200 колчаковских солдат и офицеров и дружина «святого креста» численностью в 70 человек.

Отбросив засаду колчаковцев на подступах к Крапивину, повстанцы окружили село и начали громить врага. 62 солдата во главе с офицерами сдались в плен. Остальные, бросив оружие и осколощенные лошадей, разбежались.

Вскоре в Крапивино пришли из тайги партизанские отряды Шевелева и Путилова. Сюда же пешком и на санях прибыли крестьяне соседних сел. Так родилась партизанская армия, оперативное руководство военными действиями которой было поручено назначенному главнокомандующим В. П. Шевелеву.

В это время Красная Армия, заняв Новониколаевск, приближалась к границам Кузбасса.

В. И. Ленин 15 декабря телеграфировал Реввоенсовету Пятой Красной Армии: «Позаботьтесь всячески о взятии в целости Кузнецкого района и угля»¹.

Под ударами Красной Армии интервенты и колчаковцы поспешно отходили на Восток. Оставшись без помощи колчаковцев, одна за другой сдавали оружие дружины «святого креста». Партизанская армия из с. Борисова двинулась в Кольчугино, где вскоре торжественно и радостно встретила два полка алтайских партизан — «Красных орлов» и Славгородский. Здесь же боевые силы партизан были реорганизованы в первую Томскую партизанскую дивизию.

17 декабря в занятом партизанами Кольчугине состоялось собрание рабочих и служащих, на котором было принято решение о проведении выборов в Совет. Избирались по три представителя от каждой сотни рабочих. 19 декабря открылось организационное заседание Совета. Новый исполком Совета в своем воззвании призвал население «впредь до прибытия центральной власти или же получения от нее директив, мирно приступить к своим обычным работам».

22 декабря было проведено совместное заседание Советов рудника и соседних сел, которое образовало «объединенную комиссию Советов от всех волостей, освободившихся от власти Колчака». Этой комиссии поручалось организовать окончательный разгром отступающих белых банд.

Партизаны Первой Томской партизанской дивизии приняли участие в освобождении Щегловска. В ночь на 22 декабря они начали наступление. Поняв бессмысленность сопротивления, колчаковцы, не приняв боя, отступили по Мариинской дороге в тайгу. Утром 22 декабря город перешел в руки партизан. Одновременно с партизанами в Щегловск вошел и отряд анархистов-роговцев. Как и в Кузнецке, роговцы начали грабить дома и магазины. Они сожгли церковь и погубили много невинных людей. На этой почве между командованием партизанской дивизии и роговцами произошел резкий конфликт.

Заняв Щегловск, партизаны перекрыли путь отступающим на восток колчаковцам. Крупные силы последних сосредоточились вдоль железнодорожной линии Кольчугино — Топки — Щегловск. Начался артиллерийский обстрел Щегловска. Под угрозой окружения партизаны оставили город, но ненадолго. В район боев спе-

шили части Красной Армии, которые нанесли колчаковцам решающий удар. 23 декабря 310-й полк 35-й дивизии Пятой Армии после упорного боя занял с. Верхне-Томское и выбил противника из Боровушки, захватив при этом до тысячи пленных, 8 пулеметов и много военного имущества. Днем позже 311-й полк, двигаясь через Черепаново — Медведевская — Евсеево, занял Усть-Искитим, Щегловск и Кемерово. В руки красноармейцев попал штаб колчаковской дивизии, 800 подвод военного имущества, орудия и пулеметы. К вечеру 24 декабря второй Казанский полк без боя занял Кобелево. Колчаковцы, бросив обозы, отошли на Щербаки-Березовая.

Освободив Щегловск, политотдел 35-й дивизии оставил здесь для оказания помощи в образовании советских и партийных органов большевика П. Н. Старостина. В состав ревкома, созданного 25 декабря, вошли А. Бутолин, И. Ковалев, А. Бабий, Гульбе, Г. Шувалов, Р. Хомутников.

С приходом регулярной Красной Армии партизанские формы борьбы изжили себя. Для решительной победы над врагом необходима была единая могучая армия. Приказом Реввоенсовета Пятой Армии партизанские отряды, находившиеся на участке 35-й дивизии, с 25 декабря были подчинены командованию дивизии.

Этому приказу не подчинились лишь роговцы. Они все больше вырождались в анархистскую банду. Еще раньше, отойдя в район Панфилово — Барачаты, роговцы разгоняли местные органы власти, рубили и расстреливали добровольно сложивших оружие колчаковцев, грабили население. 26 декабря 1-я Томская партизанская дивизия совместно с алтайскими партизанами разоружила анархистов. 27 декабря в Щегловск прибыли все командиры партизанских отрядов, действовавших в районе расположения 35-й дивизии. Командование дивизии высоко оценило вклад партизан в дело победы над общим врагом. Партизаны моложе 35 лет были зачислены в Красную Армию, а более старшего возраста — распущены по домам. Командный состав партизан был послан на особые курсы для получения знаний, необходимых командирам Красной Армии.

После освобождения Щегловска командование Пятой Армии отдало приказ 35-й дивизии к 30 декабря выйти главными силами в район Усть-Сергинская — Папайская. 30-й дивизии предписывалось перейти в решительное наступление в направлении Мариинска и отбросить противника на юго-восток от железной дороги. 27-я дивизия главными силами располагалась в районе Судженки, Жарковки и Барышева и входила в армейский резерв.

Стремясь спасти свои обозы и артиллерию, противник всячески старался задержать стремительное наступление частей 35-й дивизии Красной Армии. 311-й полк, преследуя противника по Мариинскому тракту, встретил около д. Латыши ожесточенное сопротивление окопавшихся колчаковцев. Однако противник был выбит из окопов. Следом была взята вторая линия обороны, проходившая

¹ Ленинский сборник, том. 36, стр. 85.

за деревней Пограничная. Оставляя огромные трофеи, колчаковцы отступили к Мариинску.

После боя у Латышей командование 311-го полка получило донесение о том, что колчаковский генерал Лебедев идет по Осиновскому тракту на Мариинск. Красноармейцы перехватили врага при переправе через реку Промышленновскую. Колчаковцы были разбиты, а их штаб был взят в плен и расстрелян. Далее полк бросил свои силы через Дмитриевку и Успенку на Красный Яр.

Севернее 35-й дивизии по тракту вдоль Транссибирской магистрали наступали 27-я дивизия Красной Армии под командованием Витовта Путна, а еще севернее — на Томск, продвигалась 30-я дивизия, которой командовал Альберт Лашин. Ближе к станции Тайга сопротивление колчаковцев становилось особенно яростным. Сосредоточив на участке Тайга — Мариинск крупные силы, несколько бронепоездов и большое количество установленных на платформах пулеметов, противник пытался остановить продвижение частей Красной Армии. Именно здесь красноармейцы впервые настигли арьергард войск интервентов — части пятой дивизии польских легионеров.

21 декабря части 27-й дивизии достигли района Арлюкская — Поперечный Искитим. Первое крупное столкновение с белополяками произошло в районе станции Литвиново. Перевес был на стороне противника, который, используя разрыв между двумя бригадами красных бойцов, отбил несколько атак. Но когда подошедшие части 27-й дивизии стали обходить белополяков с юго-запада, легионеры поспешили отступить. 22 декабря станция Литвиново была взята. Противник оставил большое количество пленных, подбитый бронепоезд, 8 пушек, пулеметы, много вагонов с военным имуществом.

В этот же день начался бой за станцию Тайга. Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, служивший тогда пулеметчиком в 240-м Тверском полку, вспоминал: «Жарковато было под ст. Тайга — там нам пришлось серьезно подраться с поляками и воткинцами-беляками».

А вот как описывали этот бой сами легионеры: «Начался такой бой, какого польские отряды в Сибири еще никогда не видели. Как из-под земли, вырастали колонны регулярных большевистских отрядов и партизан. Одновременно рабочие атаквали из центра опротивевшей станции, сосредоточившись в железнодорожном депо, складах и мастерских».

Днем 23 декабря началось паническое отступление белых. Красноармейцы захватили большие трофеи: два бронепоезда, 40 орудий, около сотни паровозов, до пяти тысяч груженных вагонов. Было взято около шести тысяч пленных.

С утра 24 декабря части 27-й дивизии начали наступление на Анжерские копи. Генерал Пепеляев распорядился взорвать шахты. Но шахтеры-подпольщики своевременно установили связь с солдатами охранных отрядов. Значительная их часть перешла на

сторону Советской власти. Приказ генерала был сорван. «Кузнецкий район», о котором так заботился В. И. Ленин, был сохранен для советского народа.

Два польских полка и Пермский добровольческий отряд, оборонявшие район Анжерских копей, были разбиты нашими частями и отступили.

26 декабря части 27-й дивизии заняли Жарковку, где противник оставил эшелон с 30 автомобилями, санитарный поезд, 4 орудия, много боеприпасов и военного имущества. В этот же день были взяты станция Ижморская, села: Постниково, Б. Арышево, Бекетная и Теплореченская. 27 декабря после трехчасового боя противник был выбит со станции Бериккульская.

Развивая преследование противника, части Красной Армии 28 декабря вступили в Мариинск. В тот же день был освобожден район Чубаево — Усть-Чебула.

Под Мариинском части Красной Армии встретились с партизанами и вместе брали город. Скопившиеся в Мариинске разрозненные части колчаковцев попали в мешок: с запада на них нажимала Красная Армия, а с востока, от Ачинска — партизаны. Не видя выхода, около пяти тысяч колчаковцев сложили оружие. Красноармейцы захватили шесть орудий и много военного имущества. Целым остался и железнодорожный мост через реку Кию.

Оказывая всемерную помощь наступающим частям Красной Армии, подпольные комитеты и партизанские отряды принимали решительные меры к тому, чтобы спасти заводы, шахты, железнодорожный транспорт от разрушения отступающими колчаковцами и интервентами. Топкинские железнодорожники, чтобы не дать колчаковцам паровозы, затягивали ремонт или выводили их из строя. Когда на станции Итат скопилось несколько эшелонов отступающих колчаковцев, железнодорожники Т. Непомнящих и В. Василевский выпустили воду из водокачки. Эшелоны были задержаны. Генерал Жанен в своем «Сибирском дневнике» в декабре 1919 года писал: «Между Мариинском и Красноярском дезертировали почти все железнодорожники. Немногие, оставшиеся, саботируют, семафоры закрыты, вокзалы пусты. Беспорядок чрезвычайный, 3 паровоза, отправленные из Боготола в Мариинск, исчезли. Угля не хватает».

При отступлении из Юрги противник хотел взорвать мост через Томь. Это стало известно партизанам. Они устроили на правом берегу реки засаду и, когда колчаковцы стали минировать мост, открыли по ним сильный огонь. Враги, не успев взорвать мост, поспешно бежали.

Освобождение Кузбасса от колчаковщины подходило к концу. Командование Пятой Армии по достоинству оценило вклад партизан в общее дело разгрома ненавистного врага. В приказе по армии от 26 декабря 1919 года говорилось: «Навстречу шедшей в Сибирь Красной Армии, поднялись тысячи восставших крестьян, ссединившихся в полки. Самоотверженная борьба почти безоруж-

ных крестьян навеки врежется в память поколений и имена их будут с гордостью произноситься нашими детьми».

Героическая борьба рабочего класса и крестьянства под руководством партии большевиков за восстановление Советской власти увенчалась успехом. Эта победа еще раз подтвердила слова В. И. Ленина, что «никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»¹.

Восстановление Советской власти в Кузбассе знаменовало собой торжество политики Коммунистической партии, сумевшей, несмотря на огромные трудности, мобилизовать трудовые массы на борьбу и добиться победы. В условиях колчаковского террора, как никогда, пригодился богатый опыт конспирации и подпольной работы, накопленный в годы борьбы с царизмом. Партийные организации умело сочетали забастовочную борьбу и восстания с действиями партизанских отрядов. Коммунисты были душой партизанского движения, вели огромную политическую работу среди местного населения. Ф. Суховерхов, М. Рабинович, А. Петраков, Д. Погребной, П. Сухов, Г. Чепелев, С. Краснощеков — тысячи коммунистов героически погибли в борьбе за счастье народа.

Интервенты и белогвардейцы нанесли огромный ущерб Кузбассу. В момент его освобождения транспорт фактически был парализован: паровозы потушены, стрелки взорваны, телеграфные столбы спилены. Людей валил тиф. Шахты пришли в полный упадок. Стояли фабрики и заводы. Но еще гремели раскаты гражданской войны на востоке страны, еще сидел в Крыму Врангель, а в освобожденном Кузбассе уже начиналось строительство новой социалистической жизни.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 38, стр. 315.

КУЗБАСС В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1920—1926)



1. Первый этап восстановления промышленности Кузнецкого бассейна

С 1921 года в стране началось восстановление народного хозяйства, подорванного в годы мировой, а затем гражданской войны и интервенции. Ослабление экономических связей между городом и деревней грозило подрывом союза рабочего класса и крестьянства. Советское правительство приступило к осуществлению новой экономической политики, охватившей все сферы экономической жизни. IV Всероссийский съезд Советов в своем постановлении о нэпе указывал, что «...восстановление и всестороннее укрепление крупной промышленности, оставшейся в непосредственном управлении государства и его органов, является наряду с восстановлением сельского хозяйства основной задачей республики».

Послевоенные условия не позволили советскому народу сразу взяться за развитие тяжелой промышленности и в первую очередь было начато восстановление легкой промышленности.

Однако, в силу ранее сложившейся экономической структуры, в стране были районы, где восстановление народного хозяйства началось именно с объектов тяжелой промышленности. К таким районам относился и Кузнецкий бассейн.

Восстановление промышленности в Советской России происходило в неимоверно трудных условиях. Вместе с тем, новое по своей классовой структуре и экономической политике государство имело ряд преимуществ по сравнению с капиталистическими странами. Одним из решающих — была открывающаяся возможность планового ведения хозяйства. В условиях крайней ограниченности средств, материалов, недостатка квалифицированной рабочей силы большое значение приобретало гибкое маневрирование ресурсами, а также выбор объектов и районов для вложения имеющихся скромных средств. Хотя экономика Советской России продолжала оставаться многоукладной, подавляющее большинство предприятий тяжелой промышленности принадлежало государству, что создавало благоприятные условия для подъема экономики.

Восстановление начиналось на старой основе, но это совсем не значило, что единственной задачей этого периода было достижение прежнего уровня производства. Коммунистическая партия и Советское правительство сразу же поставили перед страной перспективные хозяйственные задачи. Первой генеральной программой крутого подъема экономики явился ленинский план ГОЭЛРО. Большое место в нем отводилось Кузбассу. «Богатейшие залежи каменного угля в Кузнецком районе, — говорилось в плане ГОЭЛРО, — счастливое сочетание угля и железа в непосредственной близости друг от друга, дают полное основание охарактеризовать Кузнецкий бассейн как район каменноугольной, железной промышленности с широкими перспективами развития». В бассейне предусматривалось строительство металлургического, машиностроительного заводов, увеличение угледобычи и, в первую очередь, коксующихся углей, сооружение трех электростанций общей мощностью в 195 тысяч киловатт. В перспективе намечалась прокладка Южно-Сибирской железной дороги, которая должна была связать Кузбасс с Казахстаном и Южным Уралом.

Плановое развитие экономики, сочетание восстановления старых мощностей с одновременной их реконструкцией было характерной чертой восстановительного периода. В отраслях промышленности, которые представляли решающее значение для народного хозяйства страны, реконструкция началась раньше, чем в других отраслях, и шла интенсивнее. Создавшееся к началу 1921 года положение на первую линию выдвигало топливную промышленность.

На X съезде партии В. И. Ленин говорил о том, что топливный кризис привел к необходимости затратить золото на покупку угля за границей. Охвативший страну топливный голод грозил тяжелыми последствиями. На VIII Всероссийском съезде Советов отмечалась необходимость «сосредоточить внимание всех органов республики на увеличении добычи угля и руд для обеспечения промышленности топливом и металлом».

Острый недостаток топлива ощущал и железнодорожный транспорт. Между тем от работы сибирских железных дорог во многом зависело обеспечение хлебом промышленных центров и восстановление разрушенной промышленности.

Таким образом, перед Советским государством в 1921 году стояли три главные экономические проблемы: снабжение страны топливом, улучшение работы транспорта и обеспечение хлебом населения промышленных центров. И все они в значительной степени упирались в решение топливной проблемы.

В начале 1921 года в центре внимания стояло восстановление главной кочегарки страны — Донецкого бассейна. Вместе с тем серьезное внимание обращается на Кузнецкий бассейн, который мог сравнительно быстро обеспечить углем железные дороги Сибири.

К началу 1921 года угольная промышленность в Кузнецком

бассейне была сосредоточена в Анжеро-Судженском, Северном (Кемеровском), Центральном и Южном районах. К этой группе каменноугольных районов примыкал и Минусинский район. В пределах этих пяти районов имелось 15 рудников с 40 шахтами.

Самым крупным по добыче топлива был Анжеро-Судженский район, где работало семь шахт. Второе место занимал Кольчугинский рудник. Причем 40 процентов угля на этом руднике давала шахта «Капитальная-1», позднее переименованная в шахту имени Е. Ярославского. Здесь же действовали сравнительно крупные шахты — имени В. И. Ленина и имени К. Маркса. В состав Кольчугинского рудника входил и небольшой Шестаковский рудник.

На Кемеровском руднике действовало несколько шахт. Две трети всего угля давали его шахты — Южная и Владимирская. Только вступила в строй шахта Центральная. Кроме того, в состав предприятий рудника входил коксохимический завод.

В Южном районе велось строительство железной дороги и горные работы только начинались. По постановлению Сибревкома Киселевский рудник, входивший в Южный район, был открыт в феврале 1921 года, но затем работы на нем были прекращены и не возобновлялись до конца года.

За 1921 год в Кузбассе было добыто 781,3 тысячи тонн угля. Общее снижение угледобычи по сравнению с 1920 годом произошло главным образом за счет Анжеро-Судженского района. Оборудование его шахт было до крайности изношено, подготовительные работы в период войны и интервенции резко сократились. В одном из документов тех лет указывается: «В годы войны оборудование копей чрезвычайно усердно изнашивалось и весьма мало обновлялось, почему серьезная интенсификация добычи на этих старых копиях без значительного переоборудования невозможна, мало того, на этих копиях не гарантированы от более или менее продолжительной остановки любые шахты из-за изношенности механического оборудования».

Представитель Томского губернского комитета партии, посетивший летом 1921 года Анжерские копи, отмечал: «...шахты начинают разрушаться и приходят в негодность».

В полуразрушенном состоянии находилось единственное металлургическое предприятие Кузбасса — Гурьевский завод. В ветхость пришли деревянные строения, была прорвана плотина, домная печь не работала из-за отсутствия топлива, для доставки которого надо было завершить строительство железнодорожной ветки Белово — Гурьевск.

В несколько лучшем положении находились бывшие предприятия Копикуза: Кемеровский и Кольчугинский рудники. В 1914 году было проведено некоторое дооборудование копей. Однако начавшаяся война прервала эту работу.

Значительной реконструкции и дальнейшего расширения требовал транспорт. Если Анжеро-Судженский район был связан с магистралью железнодорожной веткой, то строительство путей к

южным районам не было закончено, и пропускная способность их была весьма ограничена. Поэтому подчас добытый уголь оставался невывезенным.

На работе шахт сказывался острый недостаток рабочей силы, особенно забойщиков. В годы войны значительная часть шахтеров была мобилизована в армию. Часть кадровых рабочих ушла в партизанские отряды, а оттуда в ряды Красной Армии. Положение еще больше осложнилось, когда на рудниках не стало военнопленных, среди которых было немало квалифицированных рабочих. Недостаток кадров в эти годы был тесно связан с нехваткой в городах и рабочих поселках продовольствия. Многие рабочие бросали шахты и возвращались в деревни. Другие, оставаясь в шахтовых поселках, значительную часть времени использовали на покосах и огородах. В весенние и летние месяцы шахтеры иногда неделями не выходили на работу.

После изгнания колчаковцев в Сибири случилось до 40 тысяч белых офицеров и множество других контрреволюционных элементов. Остатки разбитых колчаковских войск и кулаки стали ядром банд, терроризировавших население. Бандиты действовали в Кузнецком и Щегловском уездах вплоть до осени 1922 года.

Весной 1921 года бандиты совершили ряд нападений на деревни и рудничные поселки. Положение было настолько тревожным, что на Прокопьевском руднике и в с. Бачаты рабочим раздали оружие, а на копиях были созданы дополнительные отряды ЧОН.

Процесс восстановления и реконструкции тяжелой промышленности бассейна, таким образом, проходил в сложных условиях. Январь 1921 года ознаменовался серьезным прорывом в работе сибирского транспорта в связи с недостатком топлива. Добыча угля сократилась, и подвоз его был нерегулярен. Из-за этого, например, в течение пяти дней на Омской дороге стояли поезда с хлебом. «Уголь, уголь, уголь — вот без чего не может быть движут ни один паровоз, вот что является основой жизни транспорта, — подчеркивалось тогда в газете «Знамя революции». — Трудящиеся массы Советской России не могут оставаться без хлеба. Этот хлеб должны им послать сибирские шахты, дав уголь в достаточном количестве железной дороге. Каждый день дорог на угольном фронте, каждый день должен быть использован для трудовой борьбы».

5 января Томский губернский комитет партии предложил коммунистам «в порядке боевого приказа мобилизовать ответственных партийных работников, рядовых членов и кандидатов партии химического завода и Щегловской организации в количестве двухсот пятидесяти человек, направив их в Кольчугино для работы по погрузке угля в шахтах». Все уклонившиеся от мобилизации считались дезертирами и подлежали исключению из партии. На Анжеро-Судженский рудник было направлено 500 коммунистов из Томска. Стояли тридцатиградусные морозы, у многих не было теплой одежды, но никто не бросил работы. За три дня были рас-

чищены железнодорожные пути и погружено 37 тысяч пудов угля.

В январе же партийные и профсоюзные организации Кузбасса взялись за укрепление дисциплины на шахтах. В Кольчугине состоялись митинги и собрания рабочих. Шахтерам разъяснялась обстановка в стране и положение с топливом. Партийное собрание постановило: 7 января коммунистам работать две смены. Их примеру последовали остальные кольчугинские шахтеры. 2 января кемеровские шахтеры, обсудив на производственной конференции доклад «Об остром недостатке топлива на сибирских железных дорогах» постановили провести красную четырехдневку. В эти дни было добыто 92 200 пудов угля.

В январе и начале февраля на шахтах Кузбасса прошли митинги и собрания женщин. Женщины Анжерского рудника в своем постановлении писали: «Угля не хватает, транспорт останавливается. Тысячам детей и женщин России из-за недостатка угля сбавили и без того малый паек, в то время как Советская власть шахтерам и их семьям дает все, что только может... Товарищи мужчины, все горнорабочие и верховые — в шахты! Товарищи женщины, все — на откатку!»

В этих трудных условиях Главный угольный комитет ВСНХ составил для Кузбасса план работы угольной промышленности на 1921—1922 годы, определив ежегодную добычу в 705 тысяч тонн. Хотя эта цифра в дальнейшем подвергалась изменениям, однако уже первые наметки определяли перспективы дальнейшего развития бассейна. Советское правительство уделяло большое внимание становлению этого района, создавало все возможные по тому времени условия для его развития. Постановление Совета Труда и Оборон от 20 мая 1921 года, подписанное В. И. Лениным, предусматривало обеспечение многих предприятий Кузбасса в срочном порядке оборудованием, рабочей силой, продовольствием и сырьем. Развитие Киселевских и Прокопьевских копей, завершение стройки железной дороги Кольчугино — Прокопьевск с ответвлением на Белово — Гурьевск, достройка Кемеровского и Гурьевского заводов объявлялись ударными.

Еще раньше, 17 февраля, Сиббюро ВСНХ постановило расширить добычу угля в районе Прокопьевска и Киселевска. Тогда же управление копиями было объединено со строительством дороги, так называемой «Новостройкой». Во главе объединенного управления был поставлен чрезвычайный уполномоченный Сибревкома.

Сибирский ревком, выполняя постановление СТО, принимает специальное решение о снабжении Прокопьевских и Киселевских копей и Новостройки продовольствием и материалами из местных фондов. Копям и Новостройке направляется 120 тысяч аршин мануфактуры для премирования передовых рабочих, металл и оборудование для шахт и железной дороги. Часть железнодорожного оборудования поступила из Барнаула, часть — из Семипалатинска. Из Омска на Киселевский рудник были доставлены котлы, паровые машины, двигатели внутреннего сгорания. Но этого было яв-

не недостаточно. Учитывая огромную роль Кузнецкого бассейна в экономике страны, Сибревком считал необходимым закупить оборудование для шахт за границей. На это выделялось три миллиона рублей.

По распоряжению ВСНХ ряд заказов на оборудование для Кемеровского коксохимического завода был размещен на Урале. Было решено перебросить часть оборудования с уральского Сосновского завода на Гурьевский. В июне Прокопьевско-Киселевский район посетила специальная комиссия Наркомата путей сообщения, которая, наряду с вопросами строительства железной дороги, уделила много внимания перспективам развития угледобычи.

И все-таки положение в угольной промышленности Кузбасса продолжало оставаться очень тяжелым. Несмотря на принятые меры, добыча угля в конце 1921 года не достигала уровня 1920 года.

Однако перелом уже назревал. К осени 1921 года удастся остановить падение добычи угля и даже немного увеличить ее.

Трудовой героизм шахтеров проявлялся в красных четырехдневках, субботниках и воскресниках. Но инициатива рабочих в некоторой степени сдерживалась существовавшей тогда на шахтах системой зарплаты. Часть ее, как и при «военном коммунизме», горняки получали продуктами. Распределение платы не учитывало качества и производительности труда. Не случайно в отчете о работе угольной промышленности Кузбасса за 9 месяцев 1921 года Главный угольный комитет отмечал: «...Основной кризис может быть изжит при реальном подходе к новой форме оплаты труда, при создании материальной заинтересованности рабочих в производстве». 14 октября Совет Труда и Оборона рекомендовал перевести шахтеров на сдельную оплату.

В начале 1922 года снова обострилась проблема транспорта. За этот год из Сибири и Средней Азии предстояло вывезти 40 миллионов пудов хлеба. На Урале, в Заволжье и центральных губерниях России ощущался резкий недостаток продовольствия. Перед Кузнецким бассейном вновь встал во весь рост задача обеспечения Транссибирской магистрали топливом.

5 января для помощи сибирскому транспорту была направлена комиссия ВЦИК, СТО и НКПС во главе с наркомом путей сообщения Ф. Э. Дзержинским.

Деятельность ее проходила в тесном контакте с Сиббюро ЦК, Сибревкомом, Томским губкомом и местными парторганами.

Комиссия, возглавляемая Ф. Э. Дзержинским, совместно с комиссией СТО по топливу, которая прибыла в Кузбасс еще осенью 1921 года, глубоко разобралась в работе предприятий угольной промышленности, наметила объем погрузки угля по основным рудникам бассейна. Для премирования рабочих за выполнение программы погрузки был выделен вагон хлеба. Система поощрения продовольствием за выполнение ударных заданий вводилась и на копях.

21 января Сибревком принимает постановление об образова-

нии на шахтах Кузбасса шестимесячного запаса продовольствия.

К весне это решение было в значительной мере уже выполнено.

Правительственная комиссия повела беспощадную борьбу с хищением угля на транспорте, ввела охрану топливных маршрутов, всячески способствовала улучшению материально-технического снабжения шахт.

В первой половине 1922 года добыча угля в бассейне несколько возросла. Так, в феврале была перевыполнена программа угледобычи ударными бригадами Кольчугинского рудника. На 288 тысяч пудов больше планового задания дал Кемеровский рудник. Всего в 1922 году Кузбасс дал 909 тысяч тонн угля — значительно больше, чем в предыдущем году. Это позволило серьезно улучшить снабжение железных дорог углем, увеличить перевозки ценнейших народнохозяйственных грузов.

В начале восстановительного периода Советское государство, крайне нуждаясь в металле, не могло выделить сколько-нибудь значительных средств на развитие металлургии, так как, и без того ограниченные, капиталовложения шли, в первую очередь, в топливную промышленность.

Как указывалось выше, Гурьевский металлургический и Кемеровский коксохимические заводы постановлением СТО были включены в число ударных предприятий. Однако первое время значительных работ на них не велось ввиду недостатка квалифицированных кадров, средств и материалов.

По предложению инженера Г. Е. Казарновского было решено использовать на Гурьевском заводе бездействующие станы уральских заводов. В конце 1921 года в Гурьевск поступила часть необходимого оборудования. Одновременно с восстановлением завода шла его реконструкция. В 1922 году было начато сооружение нового цеха. В этой работе приняли участие мастера уральских заводов.

В апреле ожившая домна дала чугун. Вначале она работала на древесном угле. Но параллельно коллектив завода вел опыты по плавке чугуна непосредственно на сыром угле Волковского пласта Кемеровского рудника. Этот эксперимент приобрел широкое научно-практическое значение. Академик М. А. Павлов писал: «Получение в Сибири первого чугуна, выплавленного на Волковском угле, составляет событие, имеющее государственное значение». И хотя эти опыты не получили развития, они свидетельствуют о том, что небольшой коллектив металлургов Кузбасса настойчиво искал пути совершенствования производства. Опыты на сыром угле дали хорошие результаты — в сутки домна давала по 850-пудов отличного литейного чугуна. Но для плавки требовался уголь очень высокого качества. Этим углем Гурьевский завод полностью обеспечить не могли и через два с половиной месяца работы, выплавив 41 тысячу пудов металла, домна была остановлена.

Развитие металлургии в Кузбассе давно занимало умы инженеров и ученых. Однако ни один из разработанных проектов так

и не был осуществлен. 16 марта 1921 года в Томске состоялось техническое совещание, созванное по инициативе Сибирского Совета народного хозяйства. Ученые Томска — профессора Н. В. Гутковский, М. А. Усов, В. Я. Мостович, представители отдела металла Сибирского СНХ, Сибирского угольного комитета, треста Сибуголь, Гурьевского завода высказались за строительство металлургического завода в Кузбассе, считая это дело «одной из важных задач времени».

Рассмотрению этого вопроса предшествовала большая подготовительная работа: подбирались площадка для завода, изучалась рудная база.

Конечно приступить к строительству завода в 1921 году было практически невозможно, но большинство участников совещания считало необходимым уже тогда решить вопрос о месте будущего завода, снабжении его рудой, о подготовке строительной базы на Гурьевском заводе. Не вызывала споров топливная база нового завода, поскольку Кузнецкий бассейн, по выражению профессора Усова, представлял собой «величину масштаба мирового».

Для будущего завода была рекомендована Горбуновская площадка, недалеко от Кузнецка. Она находилась сравнительно близко как от железорудных месторождений Горной Шории, так и от богатых коксующимися углями перспективных районов Прокопьевска и Киселевска.

В докладе председателя Сибревкома Смирнова на третьей сессии ВЦИК 31 мая 1921 года отмечалось, что на Кузнецкий бассейн, наряду с решением топливной проблемы, возлагается задача снабжения коксом Урала. Поднимался вопрос и о перспективах в Кузбассе коксохимического и химического производства.

С начала 1922 года разработка планов развития кузбасской черной металлургии сосредоточилась в Сибирской плановой комиссии. В тезисах хозяйственного плана Сибири на 1921—1922 годы предусматривалось выявление запасов железной руды и выполнение подготовительных работ для будущей стройки металлургического завода.

В резолюции второго съезда Главугля также указывалось: «Считать безусловной необходимостью возникновение в Сибири, и в первую очередь в Кузбассе, металлургической промышленности». Тогда же было высказано предложение использовать для нового завода бездействующее на Урале оборудование.

Строительство будущего металлургического предприятия тесно связывалось с Урало-Кузнецкой проблемой. Уголь Кузбасса был крайне нужен и для уральских заводов.

Второй съезд работников каменноугольной промышленности впервые наметил программу добычи угля на ближайшие пять лет. Эта программа, разработанная при участии Сибплана, предусматривала увеличение добычи угля в Кузбассе в два раза: с 58 миллионов пудов в 1922 году до 116 миллионов пудов в 1926 году. Съезд особо подчеркнул необходимость механизации работ на

рудниках. Предлагалось «принимать меры к насаждению в России отечественного производства врубовых машин и других... облегчающих механизацию добычи угля». Накануне съезда Госплан принял решение об отпуске 500 тысяч рублей золотом на закупку за границей врубовок.

Многие решения второго съезда Главугля вскоре были уже выполнены. Привезли из Омска на Киселевский рудник котлы и паровые машины. Из Москвы для шахт Анжеро-Судженского района было отгружено несколько мощных моторов, насосы и другое оборудование.

Но все это были лишь полумеры. Дальнейший рост добычи угля был немислим без капитального ремонта и реконструкции шахт. Эта работа, хотя и не столь быстрыми темпами и не в тех объемах, как этого хотелось бы, но все-таки велась. Было начато переоборудование шахт Анжерского и Судженского рудников. В Кольчугино шло переоборудование шахты Капитальной, а на Кемеровском руднике — шахты Центральной. На Кольчугинском руднике начали работать два новых турбогенератора. Строительство электростанции развернулось в Анжерке.

В связи с общей реорганизацией управления промышленностью в стране, к концу 1922 года была проведена соответствующая перестройка управления промышленностью Кузбасса.

Трест Сибуголь, существовавший с 1920 года, руководил рудниками всей Сибири. Это было целесообразно в первые годы, но с развитием промышленности необходимо было приблизить руководство к предприятиям. 14 августа 1922 года Президиум ВСНХ утвердил Положение о государственном объединении каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна. С октября 1922 года был учрежден трест каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна, объединявший все его горные и металлургические предприятия, а также шахты Минусинского бассейна. В ведение Кузбасстреста не вошли Кемеровский рудник с коксовыми печами и расположенные в округе небольшие копи. Все эти предприятия несколько позднее вошли в состав Автономной индустриальной колонии.

Несмотря на некоторые успехи, достигнутые в восстановлении промышленности, многие трудности не были преодолены. Добыча угля в 1921—1922 хозяйственном году составила только 87 процентов намеченной программы. На рудниках не хватало рабочих, ощущался недостаток оборотных средств, так как основной потребитель — железные дороги — своевременно не расплачивались за отгруженный уголь. Сказывалась запущенность на шахтах подготовительных работ. Допускали отдельные просчеты и плановые органы. Так, например, ими был завышен объем добычи угля в Южном районе.

2. Проблема кадров и ее решение в первые годы восстановительного периода

В. И. Ленин еще в мае 1919 года говорил: «В стране, которая разорена, первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы все спасем и восстановим»¹.

Проблема кадров угольной промышленности, занимавшая одно из центральных мест в комплексе мер по восстановлению хозяйства, включала увеличение числа рабочих, закрепление за предприятиями квалифицированных кадров, усовершенствование организации и оплаты труда.

В начале восстановительного периода недостаток и распыление кадров были повсеместным явлением. Пополнить ряды рабочего класса путем добровольного найма в то время не представлялось возможным из-за трудностей в обеспечении жильем и продовольствием. Поэтому Советское правительство 29 января 1920 года издало декрет о введении всеобщей трудовой повинности. Был создан Главный комитет под председательством Ф. Э. Дзержинского и соответствующие комитеты на местах. Трудовые мобилизации имели временный характер и являлись чрезвычайной мерой, вызванной последствиями разрухи в хозяйстве.

В марте 1921 года на заседании Сибревкома, где рассматривалась программа добычи угля на 1921 год, со всей остротой встал вопрос о необходимости увеличения числа рабочих на рудниках Кузбасса. Сибревком поручил С. В. Косиору установить — может ли обойтись угольная промышленность без мобилизации рабочих? Если же такой возможности нет — принять меры к обеспечению копеек шестью тысячами трудармейцев. Весной 1921 года по решению Сибревкома четыре тысячи уральских рабочих были переброшены в сибирскую промышленность.

К этому времени Советское правительство приняло решение о переводе армий на положение трудовых с тем, чтобы можно было использовать их на восстановительных работах. Еще в феврале 1921 года Сибуголь и Сиббюро ВСНХ решили пополнить кадры Южного района за счет трудармейцев. После того, как в марте 1921 года В. И. Лениным был подписан декрет о «Трудовых частях», в Кузбассе была сформирована первая трудовая бригада. В мае она приступила к работе. 853 трудармейца были заняты на Прокопьевском руднике, 480 — на Киселевском и 286 — на Кемеровском. Главным образом, силами Трудовой армии была построена железная дорога от Кольчугинской железной дороги до Усят (Прокопьевск) — здесь работало более пяти тысяч человек.

Кроме того, постановление Сибревкома от 30 июня 1921 года предоставляло губисполкомам право мобилизации населения на восстановление промышленности. На его основании в 1921 и 1922 годах неоднократно проводились мобилизации местного населения

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 38, стр. 315.

на строительство Кольчугинской железной дороги, очистку подъездных путей, погрузку угля. Для большей заинтересованности в работе, снабжение мобилизованных и их семей продовольствием осуществлялось наравне с трудармейцами. В приказе уполномоченного Сибревкома и Сиббюро ВСНХ по объединенным работам Новостройки и копям Южного района от 17 июня 1921 года говорилось: «Признав необходимым привлечь к помощи ударнобоевым работам местное население в период, свободный от полевых работ, приказываю... провести штатную мобилизацию населения прилегающих к линии Новостройки волостей на земляные работы... Каждый двор обязан выполнить 5 кубических сажен земляных работ».

В марте 1921 года постановлением Сибревкома в Сибири была проведена мобилизация квалифицированных рабочих, в том числе горнорабочих. Все это, конечно, давало результаты, но все это были временные меры, не решавшие проблемы кадров в целом. Тем более, что в составе трудармейцев было много крестьян, пожилых людей, большинство которых, будучи выходцами из центральных губерний, стремилось уехать на родину.

Перед партийными и хозяйственными органами Сибири стояла задача вернуть на рудники ушедших горняков, закрепить квалифицированные кадры, поднять квалификацию основной массы рабочих. В решении этих задач немаловажную роль играло улучшение снабжения рудников продовольствием и предметами первой необходимости. Вопрос о снабжении рудников Кузбасса не сходил с повестки дня заседания Сибревкома.

Составной частью проблемы кадров был вопрос об организации труда. Существовавшая на шахтах до 1921 года так называемая система твердых пайков не стимулировала рост производительности труда. В 1921—1922 годах в стране началось введение сдельной оплаты труда. 26 августа 1921 года Сибревком, по предложению Сибпромбюро ВСНХ, рассмотрел новую систему оплаты, главной целью которой было повышение производительности труда.

Новая система повышала заинтересованность рабочего в росте производительности труда, так как зарплата и выдача натурального фонда ставились в зависимость от выполненной нормы. За дни прогула рабочий не получал пайка. При определении зарплаты учитывалась его квалификация. Введение этой формы оплаты предполагалось с начала 1922 года. Однако практически в Кузбассе на нее перешли уже в октябре-ноябре 1921 года.

С введением новой системы зарплаты повышалась ее денежная часть. Однако падение курса рубля заставляло сохранять и натуральную оплату. Для своевременного расчета и премирования на рудниках создавались фонды продовольствия и предметов первой необходимости. Так, Сибревком одновременно выделил на эти цели 50 тысяч пудов муки, свыше 13 тысяч пудов мяса и около 2 тысяч пудов масла.

14 июня 1921 года Томский губком партии выделил значительную часть местного хлебного фонда для премирования передовых рабочих. Большая часть этого хлеба направлялась на шахты Кузбасса. Осенью того же года было выделено предприятиям Кузбасса еще 44 тысячи пудов муки, более 6 тысяч пудов крупы, около 8 тысяч пудов мяса и до тысячи пудов жиров.

В октябре 1921 года Сибуголь ввел премирование рабочих из фонда «в пользу рудника», который создавался из отчислений средств при выполнении планов добычи угля. Часть этого фонда шла также на улучшение быта рабочих.

К концу 1922 года в решении проблемы кадров намечаются некоторые успехи. Сокращается уход рабочих с шахт, а в отдельных случаях наблюдается и приток на рудники крестьян. В отчете уездного комитета партии указывается, что на Кольчугинском руднике имеются случаи ухода рабочих «крестьянского происхождения» в деревню, но вместе с тем «имеются отдельные случаи, когда крестьяне-коммунисты приходят из деревни на рудник». Медленно, но верно растет общее число рабочих. Так, на Анжеро-Судженском руднике к концу 1922 года было занято 7500 человек, тогда как год назад их было 6065 человек. Увеличилось число подземных рабочих на шахтах Южной группы.

Одновременно делались первые попытки создания на шахтах системы обучения рабочих по профессиям. На Кемеровском руднике вводится система ученичества. Рабочих-новичков прикрепляли к опытным забойщикам, которые несли ответственность за обучение и отчитывались вместе со своими подопечными перед рудкомом.

Широкое распространение получили курсы ликвидации технической неграмотности — их были обязаны посещать все горнорабочие. С начала 1922 года создаются двухгодичные профтехнические школы в Кемерове: одна на химзаводе, другая — на руднике. В Прокопьевске месячные курсы по ликвидации неграмотности преобразовываются в школу горных десятников. На Анжерском руднике открывается одна из первых в Сибири школа горнопромышленного ученичества.

К лету 1923 года Кузбасс уже имел 8 школ горнопромышленного ученичества, в которых обучалось более 500 человек. Кроме того, более 300 человек занимались на двухгодичных курсах Анжерского, Судженского, Кольчугинского и Прокопьевского рудников.

Эти школы и курсы стали важной базой подготовки кадров для шахт и своеобразным связующим звеном между рабочими и «спецами». При школах организовывались выступления инженеров, техников, опытных рабочих.

Большое значение для успешного решения проблемы кадров имело усиление партийной работы. Партийные организации были опорой советских и хозяйственных органов, особенно при проведении массовых кампаний и чрезвычайных мероприятий.



Кузбассовцы — делегаты XII съезда РКП(б) 17—25 апреля 1923 г.

Партийная работа на рудниках Кузбасса велась в основном по трем направлениям: разъяснение основ новой экономической политики, борьба за повышение уровня производства и помощь хозяйственным органам в организации работ и, наконец, руководство новыми формами труда — субботниками и воскресниками, которые в те годы имели не только хозяйственное, но и огромное политическое значение.

Разъяснение существа новой экономической политики на рудниках Кузбасса было делом большой политической важности. Это было тем более необходимо, что в первые годы восстановительного периода в Сибири эсеры и меньшевики, а их было еще немало, рядились в тогу «защитников» рабочих. На шахтах Анжерского и Кольчугинского рудников бывали случаи, когда отдельные рабочие, недавние выходцы из деревни, под действием пропаганды эсеров выступали за то, чтобы бросить шахту и вернуться к земле.

Серьезную тревогу вызывало распространение «антиспецовских» настроений, чему способствовало непонимание хозяйственной политики и тяжелое продовольственное положение. На этой почве возникли конфликты на Кольчугинском, Анжерском и Прокопьевском рудниках.

Сиббюро ЦК нацеливало партийные организации на проведение кропотливой разъяснительной работы. На всех рудниках состоялись конференции по обсуждению нового тарифа заработной платы. Партийные организации Анжерского, Прокопьевского и Кемеровского рудников проводили собрания рабочих, на которых обсуждались доклады о роли специалистов в производстве.

Заметную помощь партийным организациям Кузбасса оказала бригада, прибывшая в Кузбасс с агитпоездом имени В. И. Ленина. Члены бригады выступали перед рабочими Новостройки, Киселевского, Прокопьевского и Кольчугинского рудников с лекциями и беседами о политике Советского государства.

К агитационной работе в рабочих районах широко привлекались работники просвещения. Так, Сиббюро ЦК Сибполитпросвета направило в 1921 году в Кузбасс сто работников народного просвещения.

IV Всесибирская партийная конференция отметила большое значение партийной работы в Трудовой армии. При штабе Трудовой армии существовал агитационно-политический отдел, который руководил всей партийной работой и издавал газету «Трудовой путь». При отделе была группа агитаторов из партийных работников, присланных губкомом, и бывших работников политотдела Пятой Красной Армии.

К началу восстановительного периода во всех угольных районах Кузбасса имелись довольно значительные партийные организации, большинство которых составляли рабочие. В Анжеро-Судженском районе, например, в рядах партийной организации насчитывалось более 80 процентов рабочих. Основная их масса вступила в партию в 1920 году. Уровень общего образования больше-



Члены райкома ВКП(б) Анжеро-Судженского района 1924 г.

виков того времени был невысок. Так, из 96 членов и кандидатов партийной ячейки шахты 5-7 Анжерского рудника 11 совсем не знали грамсты, 24 окончили сельскую школу и остальные — различные курсы. В этих условиях укрепление партийных организаций опытными кадрами имело исключительно большое значение.

В мае 1921 года Сиббюро ЦК направило губкомам указание о мобилизации 120 коммунистов для работы в Трудовой армии. Одновременно было предложено направить ответственных товарищей на железные дороги, в том числе на Новостройку. Томская губернская парторганизация мобилизовала на работу в угольные районы Кузбасса и Трудовую армию свыше 200 коммунистов. Половина их была направлена на политическую работу. Коммунисты, имеющие специальность, стали руководителями бригад или рядовыми рабочими. Политотдел Трудовой армии пополнился работниками Красной Армии, в том числе из Пятой Армии, освободившей Кузбасс от колчаковцев.

Сиббюро стремилось направить в Кузнецкий бассейн наиболее подготовленные кадры. Р. Р. Нейман, член партии с 1918 года, в своих воспоминаниях рассказывает, что после окончания Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, он был послан на работу в партийную школу Барнаула. В Новониколаевске он явился в Сиббюро ЦК к Ем. Ярославскому, который объяснил ему, что партийные кадры нужны прежде всего Кузбассу и на-

правил Неймана в политотдел Трудовой армии. На Анжеро-Судженский рудник прибыли многие коммунисты из Томской городской партийной организации.

Деятельность сибирских парторганизаций сыграла большую роль в укреплении партийного руководства на шахтах Кузбасса. Повсеместно возрос авторитет райкомов и партийных ячеек. В одном из документов отмечается, что самой авторитетной организацией на Анжеро-Судженских копях является райком партии: «Туда обращаются не только члены партии, но и беспартийные рабочие».

Быстро росли ряды партийных организаций. Так, в Трудовой армии на 30 мая 1921 года было 134 члена и 294 кандидата в члены партии, а 1 октября уже 318 членов и 434 кандидата. Если увеличение числа членов партии в Кузбассе шло главным образом за счет партийных мобилизаций, то рост числа кандидатов — исключительно за счет трудармейцев. Заметным был приток новых членов партии на Кемеровском химзаводе и руднике.

Партийные организации провели большую работу по мобилизации трудящихся на подъем угледобычи. Массовое распространение получили в Кузбассе начавшиеся по инициативе коммунистов субботники и воскресники. В 1921 году на Кемеровском руднике было проведено семь красных недель, 32 субботника и воскресника, во время которых пять с половиной тысяч рабочих и служащих отработали свыше 32 тысяч часов. В результате добыча угля на руднике втрое превысила запланированный уровень.

Широкий размах получило в эти годы движение ударников. Его инициаторами были также коммунисты. К началу 1922 года звание ударных носили четыре бригады Кольчугинского рудника. В декабре 1921 года они добыли 83 800 пудов угля — на 30 тысяч пудов больше установленного задания. 60 ударников трудилось на Кемеровском руднике, несколько ударных бригад было организовано на шахтах Анжерки и Судженки. Создавая ударные группы и бригады, коммунисты Кольчугинского рудника так определяли их задачи: поднять производительность труда, наладить трудовую дисциплину, личным примером добиться повышения чувства ответственности за свою работу. Все коммунисты и прежде всего коммунисты-забойщики обязывались «в боевом порядке» входить в ударные группы на шахтах. Предусматривалось привлечение на работу в шахты коммунистов, занятых в поверхностных цехах. А тем, кто оставался на поверхности, а также коммунистам-служащим вменялось «в строгую боевую обязанность» ежемесячно добывать восемь вагончиков угля помимо всех работ, которые ведутся ими непосредственно в своих учреждениях, цехах и отделах». Каждая ячейка прикреплялась к одной из шахт рудника и учитывалась там как рабочая сила.

Лето и осень 1921 года были отмечены на рудниках заметным ростом подготовительных работ. Это, в первую очередь, относилось к угольным предприятиям Южного района. Так, если в мае-

июне объем вскрышных работ составил 318, то в июле он превысил две тысячи кубических сажен.

В октябре 1921 года было завершено строительство железной дороги Кольчугино — Усяты, что не замедлило сказаться на темпах добычи угля.

Доверие к Коммунистической партии и Советской власти со стороны трудящихся масс выражалось в их безграничной любви к вождю партии и государства Владимиру Ильичу Ленину, проявлявшему подлинно отцовскую заботу о Кузбассе. По распоряжению В. И. Ленина было направлено оборудование для Гурьевского завода из Петрограда и с Уральского Надеждинского завода. Из фондов Малого Академического театра Москвы поступила диномашина на Проконьевский рудник. Гурьевские металлурги послали В. И. Ленину в подарок первый слиток чугуна, выплавленный восстановленной домной. Горняки Кемеровского рудника избрали В. И. Ленина почетным членом профсоюза горнорабочих. 22 мая 1922 года шахтеры Кольчугинского рудника направили Владимиру Ильичу письмо, в котором выражали свою радость в связи с успешной операцией по извлечению пули, которая осталась в его теле после покушения в 1918 году. Одновременно шахтеры сообщали, что решили переименовать Кольчугино в Ленино. Президиум ВЦИК удовлетворил эту просьбу. Позже, в 1925 году, поселок Ленино был преобразован в город Ленинск-Кузнецкий.

3. Второй этап восстановления промышленности бассейна

К концу 1922 года проблема снабжения углем железных дорог Сибири была в основном решена. Однако достигнутый уровень угледобычи был недостаточен и неустойчив. А если учесть, что к этому времени начинается восстановление уральской металлургии, вплотную ставится вопрос о строительстве в Сибири металлургического завода, то, естественно, дальнейшее развитие добычи угля продолжало оставаться важнейшей задачей горняков Кузбасса.

В Едином народнохозяйственном плане Сибири на 1922 год указывалось, что на Кузнецкий бассейн возлагается «изготовление в широких размерах кокса в Кемерове и снабжение им Урала», для чего необходима достройка Кемеровского завода. Кокс и уголь требовались и промышленным предприятиям Европейской части СССР. Увеличение дальности перевозок кузнецкого угля требовало урегулирования ряда экономических вопросов, тем более, что к этому времени угольные предприятия бассейна переходили на коммерческий расчет. Поэтому не случайно съезд работников угольной промышленности в 1923 году подчеркнул, что установить план развития угледобычи в Кузбассе можно «только в связи с конъюнктурой сбыта...».

Для практического осуществления этих задач Советское пра-

вительство создало на территории бассейна Автономную индустриальную колонию «Кузбасс», в которую вошел Кемеровский район с находившимся там недостроенным химическим заводом.

Остальные угольные районы — Анжеро-Судженский, Центральный (Кольчугинский), Южный, а также Гурьевский завод оставались в системе Кузбасстреста, на который возлагалось обеспечение топливом железных дорог Сибири и Урала.

Еще с конца 1922 года в угольной промышленности страны наметились признаки затруднений в сбыте угля. Правда, Сибири это коснулось в меньшей степени. В крупнейшем Анжеро-Судженском районе в 1922—1923 хозяйственном году было добыто 437 тысяч тонн — почти на 20 тысяч тонн больше предыдущего года. Свыше 183 тысяч тонн угля дал Прокопьевский рудник.

Топливный голод на транспорте был ликвидирован. Больше того, к 1923 году на сибирских железных дорогах имелось 50 тысяч тонн избыточного запаса угля.

В этих условиях во весь рост встал вопрос о расширении рынка сбыта кузнецкого угля, то есть о вывозе его на Урал и дальше на запад.

Уже в конце 1923 года Госплан выдвинул идею снижения тарифов и координирования планов развития металлургии Урала и производства кузбасского кокса.

На уголь Кузбасса были переведены Самаро-Златоустовская и другие зауральские железные дороги. 19 февраля 1924 года Президиум Госплана принял постановление о переводе на русский уголь Балтийского флота. По согласованию с топливной секцией ВСНХ моряки провели испытание в топках кораблей донецкого и кузбасского угля взамен завозимого из Англии кардифского угля. Результаты опытов, законченных в феврале 1925 года, показали, что кузнецкие угли имеют отличное качество и могут быть широко использованы флотом. Еще в 1923 году специальная комиссия Сибревкома пришла к выводу, что угли Прокопьевско-Киселевского района являются превосходным топливом для паровозов.

В начале 1924 года Советское правительство установило для кузнецкого угля льготный железнодорожный тариф. Рынок сбыта угля Кузбасса был обеспечен.

Но продвижение кузнецкого угля на запад требовало снижения его себестоимости, которая продолжала оставаться высокой. С этой целью Кузбасстрест приступил к ликвидации мелких рудников и переводу с них квалифицированных горнорабочих на основные шахты. Часть рабочих при этом направлялась на развитие подготовительных работ и реконструкцию предприятий.

Дальнейшее снижение себестоимости угля было немыслимо без роста производительности труда и коренного улучшения организации производства. Эти вопросы занимали основное место в деятельности профсоюзов и специально рассматривались на I и II районных съездах горнорабочих.

4. Автономная индустриальная колония Кузбасс

С самого начала установления Советской власти В. И. Ленин считал возможным использование в интересах народного хозяйства СССР иностранных капиталов, знаний и опыта, накопленных инженерами и рабочими капиталистических стран. На заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 года В. И. Ленин подчеркивал, что одним из средств «сломить мировой империализм» является укрепление экономического положения государства, причем может сыграть положительную роль сдача отдельных объектов в концессии. Подчеркивая еще раз эту мысль в «Письме к американским рабочим», В. И. Ленин писал, что правы те рабочие и американские буржуа, которые выступают против войны с Россией и «ждут от нас в случае заключения мира не только возобновления торговых отношений, но и возможности получения известных концессий»¹.

В материалах VIII Всероссийского съезда объектом таких концессий называлась Сибирь. «Горные богатства Сибири, — говорил В. И. Ленин, — представляются совершенно необъятными, и мы даже в лучшем случае при большом успехе в несколько лет не могли бы разработать сотой доли»².

В 1920 году в декрете о концессиях указывалось: «Процесс восстановления производительных сил России, а вместе с тем и всего мирового хозяйства может быть ускорен путем привлечения государственных и коммунальных учреждений, частных предприятий, акционерных обществ, кооперативов и рабочих других государств к делу добывания и переработки природных богатств России».

После победы Великой Октябрьской революции в капиталистическом мире поднялась мощная волна солидарности с первым в мире государством Советов. В начале двадцатых годов начинается движение по оказанию помощи Советской России в восстановлении народного хозяйства. Получило оно распространение и в Соединенных Штатах Америки. Советское правительство открыло в США свое представительство. Возглавляемое Л. К. Мартенсом, оно занималось отправкой желающих поехать на работу в Советскую Россию.

Популярность страны Советов среди рядовых американцев, стремление множества рабочих и инженеров отправиться в далекий путь, чтобы оказать практическую помощь советскому государству в восстановлении народного хозяйства, вызвали серьезную тревогу в реакционных кругах. В результате ряда провокационных действий Народный Комиссариат иностранных дел был вынужден отозвать из США советского представителя.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 39, стр. 197.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 42, стр. 113.

Вместе с этим 22 июня 1921 года Совет Труда и Оборона принял постановление о промышленной эмиграции. Этот законодательный акт позволял приступить к организационному оформлению индустриальной колонии в Кузбассе.

В 1921 году группа американских инженеров и рабочих во главе с инженером С. Ю. Рутгерсом составила проект оказания помощи Советскому государству в восстановлении промышленности. Это был скорее еще не проект, а своеобразная декларация, в которой излагались основные положения. Детальная же разработка проекта велась в Совете Труда и Оборона под непосредственным руководством В. В. Куйбышева. Об этой работе хорошо знал и внимательно следил за ней В. И. Ленин.

«В 1921 году — писал позднее Рутгерс — мною и несколькими товарищами из Америки был вынесен проект об использовании американских рабочих для восстановления тяжелой индустрии. План этот был особенно поощрен В. И. Лениным».

В организации колонии принимали участие крупные деятели международного рабочего движения Вильям Хейвуд, Том Манн, Бела Кун и С. Ю. Рутгерс. Они рассматривали будущую колонию как выражение международной солидарности и братства рабочего класса. В меморандуме, составленном организаторами колонии, говорилось: «Мы гарантируем Совету Труда и Оборона громадный отклик на этот проект со стороны революционных масс всего мира, большинство которых придут на собственные средства и привезут запасы мелких орудий первой необходимости для собственных нужд с тем, чтобы выработать новый хозяйственный порядок, приемлемый для рабочих всех стран».

Для выбора района будущей колонии летом 1921 года в СТО была создана инициативная группа, в которую вошли Том Манн, С. Ю. Рутгерс и несколько представителей организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). Поскольку в документах СТО Сибирь неоднократно упоминалась как возможный объект концессий, то естественно, инициативной группе в первую очередь была предоставлена возможность побывать на Урале и в Западной Сибири. В июне В. Хейвуд и С. Рутгерс осмотрели шахты Кемеровского рудника и печи местного коксохимического завода.

Осмотр произвел на гостей благоприятное впечатление. У них созрело решение создать колонию главным образом на базе предприятий бывшего общества Копикуз, а также Надеждинского завода на Урале. В меморандуме, который Рутгерс представил в СТО, говорилось, что для восстановления промышленности на базе организации колонии «Сибирь, особенно Кузбасс... представляют огромные преимущества».

19 сентября группа Рутгерса была принята В. И. Лениным. В этот же день В. И. Ленин писал В. В. Куйбышеву: «У меня сейчас были Рутгерс, Кальверт, Хейвуд, представители американской колонии, желавшей взять Надеждинский завод и ряд предприятий в Кузнецком бассейне. Они просят, чтобы их представитель (с пере-

водчиком) был в СТО в пятницу. Я думаю это надо разрешить»¹.

За поддержку колонии выступили руководитель Госплана Г. М. Кржижановский и председатель Сибревкома Е. М. Ярославский. Во главе колонии был поставлен С. Ю. Рутгерс, известный Советскому правительству как активный коммунист, основатель голландской секции Коминтерна в Америке, талантливый инженер и организатор. Его кандидатуру на этот важный пост поддержал и В. И. Ленин.

В то время как в Москве велись переговоры о заключении договора, в Нью-Йорке возник специальный комитет по организации отправки рабочих в Советскую Россию. В его состав входили представители от коммунистической партии (рабочий Райзе), от организации Индустриальные рабочие мира (Каллен и Кальверт). Деятельность комитета проходила в тяжелых условиях травли и дискредитации мощной машиной буржуазной пропаганды всего движения пролетарской солидарности с республикой Советов. В этих условиях было крайне важно рассказать народу Америки правду о Советской стране и, в частности, о создаваемой в Советской России Индустриальной колонии. Силами комитета начал издаваться «Кузбасский бюллетень», в котором печатались статьи о Советской России, о планах колонии. Одновременно в прогрессивных газетах публиковались статьи, выражавшие сочувствие идее помощи Советской республике.

20 октября 1921 года Совет Труда и Оборона принял постановление о заключении соглашения с группой Рутгерса. Рабочие и инженеры, отъезжающие в Советскую Россию, должны были подписать специальную декларацию, в которой указывалось, что колонист «готов работать в Советской России не меньше двух лет по общим законам и правилам РСФСР и подчиняться всем постановлениям СТО, касающимся колонии».

Сам же договор представителей американских рабочих со СТО был подписан несколько позже — 22 декабря 1922 года. На его основании Автономная индустриальная колония считалась учрежденной с 1 октября 1922 года. Но еще 8 апреля 1922 года из Нью-Йоркского порта вышел пароход англо-голландской линии, на котором в Советскую Россию выехали первые колонисты. Через два месяца отплыла новая, более многочисленная группа рабочих. На палубе, как флаг, взметнулся захваченный кем-то красный платок.

Многие из колонистов первой партии не имели рабочих и тем более горняцких профессий. Здесь были шапошники, кондитеры, чернорабочие. Значительная их часть находилась под влиянием синдикалистов из организации «Индустриальные рабочие мира».

В составе второй и третьей партий было уже больше техников, инженеров, квалифицированных рабочих. Среди них были коммунисты из Америки, Австрии, Бельгии, Голландии и Германии. Всего на работу в колонию прибыло 500 человек. В дальнейшем в

¹ Ленинский сборник, том XXII, стр. 42.

Кузбасс ехали лишь небольшие группы квалифицированных рабочих и инженеров.

Многие колонисты поддерживали тесные связи с левым революционным крылом организации «Индустриальные рабочие мира». В их числе было немало преданных делу рабочего класса людей. Большой популярностью в колонии пользовался Вильям Хейвуд, который лично бывал в Кузбассе, вел постоянную переписку с членами колонии, держал контакт с организационным комитетом в Нью-Йорке и до конца 1923 года являлся членом правления АИК.

Созданию нормальных взаимоотношений между рабочими-колонистами и правлением, решению многих производственных вопросов способствовало внимание к АИК со стороны СТО, Сиббюро ВСНХ, Сиббюро ВЦСПС и других организаций.

Большинство колонистов — членов ИРМ ехало в Советскую Россию с намерением воплотить в жизнь свои идеалы. И хотя некоторые из них многого не понимали в хозяйственной политике Коммунистической партии СССР и, цепляясь за свои анархосиндикалистские идеи, сами, может быть, того не желая, мешали развитию промышленности Кузбасса, их желание помочь Советской стране было искренним.

Характерно, что в Советской России многие колонисты, принадлежавшие к ИРМ, стали понимать ошибочность теорий ИРМ о «чистом коммунизме». Американский писатель Теодор Драйзер в своем рассказе «Эрнита» показывает процесс перехода бывшей активной сторонницы ИРМ на сторону коммунистического ядра колонии. «И все-таки, — рассказывает Эрнита, — настало время, когда, невзирая на свое сочувствие членам ИРМ, она не могла оставаться на их стороне. По ее описанию, члены ИРМ были слишком большими фантазерами, недостаточно интересовались действительностью и практическими задачами строительства и созидания, столь насущными в ту пору для России, их заботило лишь осуществление собственных прав и привилегий... И вот Эрнита решила, наконец, не слишком резко и открыто, а постепенно, но бесповоротно — перейти на сторону нового правления, так как видела, что оно может сделать для России больше, чем когда-либо смогут сделать члены ИРМ».

Преодолению анархосиндикалистских тенденций способствовало сближение с русскими рабочими, с местными партийными и профсоюзными организациями. Существовало решение, что те члены ИРМ, которые не согласны вступать в «русские профсоюзы, имели право в течение некоторого времени участвовать в работе профсоюзов без официального оформления своего членства с тем, чтобы предварительно ознакомиться с их работой». Такая гибкая тактика дала хорошие результаты.

Но были среди колонистов и такие, кого прельщала прежде всего возможность хорошо заработать (в зажатой тисками кризиса Америке тех лет, эта возможность была маловероятной). Эту

часть колонистов, главным образом инженеров и высококвалифицированных специалистов, не захватил энтузиазм восстановительных работ, они не верили в будущее индустриальное развитие Сибири. Характерно в этом отношении высказывание главного инженера шахты «Центральная» Кемеровского рудника, американского инженера Пирсона. «Пытаться идти с американской скоростью в Сибири, — писал он, — это все равно, что пытаться спешить в середине группы каторжников, в кандалах, скованных общей цепью».

Но трудовой героизм и самоотверженность советских рабочих во многом переубедили Пирсона. Через некоторое время в одном из американских журналов появилась его статья, признающая успехи угольной промышленности Сибири.

Один из членов Нью-Йоркского организационного комитета, побывавший в Кузбассе в декабре 1923 года, говоря о настроениях колонистов, привел следующее заявление земляка: «Дональд — начальник шахты — сказал, что уехать из Кузбасса, значит бросить интересную книгу, не дочитав ее». Шахтеры-американцы в резолюции одного из собраний писали, что будут работать в Кузбассе два года, а после отпуска вернутся сюда снова. В письмах на родину, в Нью-Йоркский комитет колонисты не без гордости сообщали, что здесь, в Сибири, есть самое главное — «работа, много работы и ее не нужно искать».

Вслед за американцами, в Кемерово стали прибывать группы рабочих, инженеров и техников из Германии, Бельгии, Голландии и Чехословакии. В Берлине создается специальное бюро по оформлению и отправке на работу в Кузбасс добровольцев из Силезии, Цвикау, Рурского бассейна. Немецкие власти всячески препятствовали выезду рабочих и особенно инженеров в Советскую Россию. В газетах поднялась очередная антисоветская шумиха, в дела Берлинского бюро вмешивалась полиция. Один из представителей АИК, направленный в Германию для привлечения на работу в Кузбасс немецких инженеров и рабочих, в своем отчете писал: «Руководящие органы германской прессы и влиятельная профессионально-техническая организация германских инженеров (Ф. Д. И.) ведут бешеную кампанию против нас, в частности, против приезда инработников в СССР и особенно на безвалютных началах. Был ряд случаев, когда инженеры, с которыми были заключены договоры, после нажима со стороны вышеуказанной организации отказывались от поездки».

Весьма существенной была помощь компартии Германии. В конце 1923 — начале 1924 года в Кузбасс прибыло много квалифицированных электриков, слесарей, инженеров. Значительная часть была коммунистами. Инженер И. А. Орман в анкете на вопрос — откуда прибыл — ответил: «Перевод сделан через Центральный комитет Германской Коммунистической партии из Берлина». По предложению партийной ячейки в Эссене приехал в Кузбасс слесарь О. Э. Шмидт.

В 1922—1923 годах небольшими группами, в одиночку прибывали в Кемерово инженеры и техники из Голландии, Бельгии, Чехословакии, среди которых были коммунисты.

Популярность АИК за границей росла. В Нью-Йоркской организационный комитет поступали все новые заявления американцев о желании поехать на работу в СССР. Чтобы воспрепятствовать этому движению и опорочить АИК, в Нью-Йорке был спровоцирован и широко разрекламирован процесс против членов Нью-Йоркского оргкомитета. Органами прокуратуры и полиции было использовано заявление колонистов Дойля и Новака, которые, вернувшись из Кузбасса, обвинили организационный комитет в обмане. Сущность этого «обмана» заключалась в том, что в Сибири Новак и Дойль не нашли того «рая», который им якобы был обещан.

В буржуазной и белоэмигрантской прессе разгорелась новая кампания клеветы против страны Советов. Но эта грязная возня и шумиха не могла перечеркнуть чувств симпатии и солидарности простых американцев к рабочему классу Советской России. Достаточно сказать, что в самый разгар этой антисоветской кампании из Нью-Йоркского порта в Советский Союз выехала новая партия колонистов. Нью-Йоркская газета «Русское слово» раздраженно писала: «Американские репортеры третьего дня, провожавшие новых переселенцев в Кузбасс, не верили своим глазам». А в одном из своих отчетов С. Ю. Рутгерс сообщал: «Несмотря на поднятый желтой прессой шум, колонисты и грузы продолжают направляться из Америки в Россию своевременно и наша Нью-Йоркская контора продолжает работу полным темпом и без перерыва».

Американцы встречали теплый прием общественных организаций и советских людей на всем пути следования от Петрограда до Кемерова. С самого начала организации колонии ей оказывалась большая помощь на месте. По словам Рутгерса, работу удалось двинуть «благодаря симпатии местных рабочих, а главным образом, партийных и советских организаций».

27 июня 1924 года Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос об условиях труда в Автономной индустриальной колонии. В протоколе заседания было записано: «Поручить Учраспреду ЦК: а) усилить несколькими ответственными русскими коммунистами губернского масштаба хозяйственные и профсоюзные органы Кемерова». Для оказания помощи АИК были выделены ответственные работники СТО и Госплана.

Члены колонии — коммунисты наряду с коммунистами Кузбасса участвовали в партийной работе. В 1923 году два финна-коммуниста были посланы от АИК на партийную конференцию Центрального бюро финской секции РКП(б) в Петроград.

Через Коминтерн колонисты поддерживали связь с компартией Америки, получали газеты и книги. Члены американской партийной ячейки были активными помощниками правления АИК,

участвовали в заседаниях правления, где обсуждались самые разнообразные вопросы жизни и работы колонии. Коммунисты Кемеровского рудника организовали для иностранных рабочих политзанятия, знакомили их с событиями в Советской стране, работами В. И. Ленина.

По договору правление колонии обязалось до конца 1923 года закончить формирование иностранных кадров колонии. Предполагалось, что каждый иностранный рабочий будет обеспечен продовольствием и одеждой на 100 долларов. Одновременно предусматривалось привлечь для работы в колонии местных рабочих на равных с иностранцами условиях. Руководство колонии обязывалось закупить некоторую часть оборудования. По условиям договора американцы должны были закупить на свой счет оборудование из расчета 100 долларов на колониста. Фактически же закупки оборудования составили по 150 долларов на колониста.

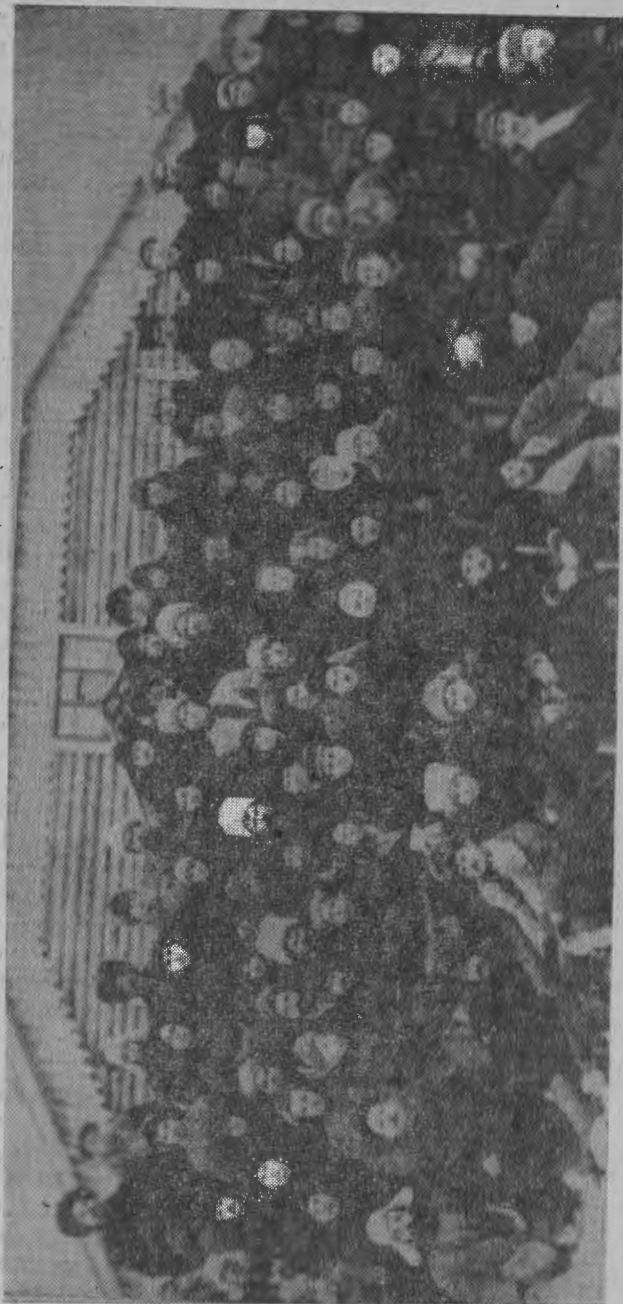
Всего на работу в Кузбасс с января 1922 по декабрь 1923 года прибыло 566 человек (355 мужчин, 109 женщин и 102 детей). В колонии были представители 27 национальностей. 25 человек занимали руководящие административные должности, 78 были служащими и 166 — рабочими. До 80 процентов рабочих имели высокую квалификацию. Все командиры производства имели высшее или среднее образование, обладали опытом работы на шахтах, химических заводах и строительстве. За все время существования колонии уехало 176 человек. В основном это были неисправимые синдикалисты или случайные люди.

Колония пополнялась иностранными специалистами и позднее, однако общее число колонистов не превышало 400 человек.

Основную массу рабочих в колонии составляли советские люди. К концу 1923 года на предприятиях колонии работало 7628 человек. На приобретение оборудования для предприятий АИК Советское правительство выделило 500 тысяч рублей золотом. Кроме того, два миллиона рублей было отпущено на капитальные и текущие расходы. Часть их пошла на ликвидацию задолженности по зарплате, а остальное — на приобретение оборудования и расходы по эксплуатации. Эта помощь была очень существенной и во многом определила успех дела. В свою очередь правление АИК рационально использовало поддержку и материальную помощь, оказанную Советским правительством и местными хозяйственными органами.

К моменту передачи предприятий Кемеровского района в ведение АИК, на шахте «Центральная» велось вскрытие угольных пластов, способных давать до 330 тысяч тонн в год. На Южной, Владимирской шахтах, Алтайских копах и Мазуровском руднике имелись подготовленные к добыче запасы угля.

АИК провела на своих предприятиях значительную перестройку в организации труда и производства. Росту производительности труда способствовал новый коллективный договор, заключенный 18 июня 1923 года правлением АИК с профсоюзом. Согласно ему



Делегаты Кузнецко-Щегловской окружной конференции РКП(б) 20 ноября 1924 г.

предприятия АИК переходили с натуральной на денежную оплату труда. Зарплата выдавалась дважды в месяц.

В отчете комиссии РКИ, отмечалось, что предприятия АИК ввели сдельную оплату. Поднялись заработки основных категорий рабочих и в частности забойщиков. Если учесть, что в конце 1922 года на руднике не хватало половины квалифицированных забойщиков, токарей и слесарей, это имело большое значение. Улучшилось продовольственное положение. Летом 1923 года, по распоряжению Сибревкома, на Кемеровский рудник поступило 1800 пудов мяса. В отчетах за летние месяцы по руднику отмечается «Продовольственное положение хорошее», «экономическое положение улучшается», «заготовлен спецфонд».

Все это способствовало заметному росту производительности труда. Комиссия СТО, проверявшая деятельность колонии, констатировала, что на предприятиях АИК достигнута более высокая производительность труда на выход, чем на шахтах Кузбасстреста.

На руднике расширился объем капитальных работ. На них было занято около 40 процентов всех забойщиков.

Несмотря на отвлечение значительной части основных рабочих на подготовительные работы, продолжался и рост угледобычи. С 9 тысяч тонн в феврале она поднялась до 12 тысяч тонн в августе 1923 года. 23 октября Госплан выделил дополнительные средства на развитие Кемеровского рудника и коксохимического завода.

Правление Автономной индустриальной колонии реконструировало печи завода, поставило новые насосы, коксовыткатки, резервуары для бензола. В январе 1924 года была подготовлена к пуску новая электростанция, создана лаборатория и механические мастерские. 2 марта коксохимический завод вступил в строй. Основную массу его коллектива составляли советские рабочие. Среди них были и ветераны, еще в 1916 году прибывшие в Кемерово из Донбасса.

В приветственной телеграмме Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома по случаю пуска завода говорилось: «Химическая промышленность Сибири открывает двери для использования неисчерпаемых богатств края».

С первых шагов завод набрал хорошие по тому времени темпы. Так, за апрель-май было переработано 1 164 695 пудов угля Кемеровского и Кольчугинского рудников и получено 795 358 пудов кокса.

В ноябре СТО принял постановление о передаче АИК Кольчугинского, Прокопьевского и Киселевского рудников. К концу 1924 года уголь Кузнецкого бассейна получил широкое признание далеко за пределами Сибири. Были заключены договоры о его поставке уральским заводам, Балтийскому флоту и Архангельскому порту, что сняло с повестки дня проблему сбыта угля.

4 марта 1924 года был заключен первый договор с Уралом о поставке кемеровского кокса. Он предусматривал получение металлургам 35 тысяч тонн кокса.



Совещание секретарей при Кузнецком окружном РКП (б) 22—25 сентября 1925 г.

АИК просуществовала до конца 1926 года. Индустриальная колония оправдала себя в восстановительный период с его ограниченными размерами производства. Начиналась социалистическая индустриализация, резко ускорялись темпы, расширялись масштабы промышленности.

В новой обстановке, как писал в воспоминаниях сам С. Ю. Рутгерс, надо было «перестроить форму организации и отменить те особые условия, которые уже потеряли значение с укреплением экономической системы Советского Союза».

СТО СССР 22 декабря 1926 года объявил договор с Автономной индустриальной колонией «Кузбасс» расторгнутым. Некоторые колонисты вернулись на родину, другие остались работать на предприятиях Кузбасса.

5. Завершение восстановления промышленности Кузбасса

Успехи в восстановлении народного хозяйства были в начале 1924 года омрачены смертью В. И. Ленина. Трудящиеся Кузбасса, как и всего Советского Союза, тяжело переживая смерть Владимира Ильича, клялись претворить в жизнь ленинские заветы. Делегация анжерских шахтеров, прибывшая в мае 1924 года на XIII съезд партии, привезла венок на гроб В. И. Ленина, искусно вырезанный из угля местными умельцами Ф. Е. Полонянкиным и Ф. И. Цыпляевым. Между узорными листьями виднелась надпись: «Анжеросудженцы — Ильичу» — «Заветы Ильича не забудут горняки». Этот венок и до настоящего времени хранится в траурном зале музея В. И. Ленина.

Владимир Ильич не раз подчеркивал, что осуществление социалистического строительства невозможно без коренного преобразования экономики страны на базе высокоразвитой тяжелой промышленности. Выполняя этот завет Ильича, XIV съезд партии решительно взял курс на социалистическую индустриализацию страны.

Производственная программа каменноугольной промышленности СССР на 1925—1926 хозяйственный год предусматривала добычу 1522,5 миллионов пудов угля. На долю Кузбасса из них приходилось 99,3 миллиона. Поскольку на широкое строительство новых шахт у государства средств еще не хватало, предстояло провести большой объем работ по реконструкции и техническому перевооружению существующих угольных предприятий. На эти цели Госплан СССР выделил Кузбассу 664 тысячи рублей. У ряда американских и немецких фирм на эти деньги были заказаны электровозы, врубовые машины, транспортное и другое оборудование. С середины 1926 года новая техника стала поступать в Кузбасс.

Увеличилось поступление на шахты и рудники отечественного оборудования: трансформаторов, электромоторов.

Первые месяцы работы показали, что повышенная программа угледобычи оказалась по плечу горнякам Кузбасса. Предприятия АИК в среднем выполняли задание на 105—106 процентов и по размеру угледобычи достигли довоенного уровня. На 30 процентов должны были превысить максимальную довоенную добычу угля шахтеры Кузбассстреста. И они успешно решали эту задачу.

Подъем угледобычи шел в значительной степени за счет роста производительности труда горнорабочих и особенно забойщиков. По предприятиям Кузбассстреста производительность труда на 33 процента превысила плановое задание. Однако добыча угля шла неровно и в отдельные месяцы программа не выполнялась. Продолжала оставаться сравнительно высокой себестоимость угля.

16 августа 1926 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР, выполняя директивы XVI съезда партии, опубликовали специальное обращение о необходимости соблюдения строжайшего режима экономии в народном хозяйстве.

Большую работу в этом отношении проделал Кузнецкий окружной комитет партии. Было проведено обследование нескольких угольных районов, причем особое внимание уделялось экономии средств и материалов.

На рудниках активизировали свою деятельность производственные совещания. С их помощью в производство внедрялись наиболее выгодные в экономическом отношении новаторские предложения рабочих, инженеров и техников. Так, на Ленинском руднике по рекомендации производственных совещаний были внедрены предложения по экономии бензина в лампах, создана специальная комиссия, которая ликвидировала недогрузку вагонов.

Внимание производственных совещаний Кемеровского коксохимического завода было сосредоточено на улучшении производственных процессов и ликвидации простоев внутризаводского транспорта.

Проводимая реконструкция шахт, совершенствование организации труда и производства, режим экономии дали свои результаты: добыв в 1926 году 1715 тысяч тонн, горняки превзошли наивысший для Кузбасса уровень 1917 года.

6. Начало осуществления Урало-Кузнецкого проекта

В стране не хватало металла. Чрезвычайная важность этой проблемы для судеб молодого Советского государства отмечалась еще в 1924 году на XIII съезде партии. Вопрос о строительстве в Кузбассе крупного металлургического завода снова встал в повестку дня. Проекты его тесно увязывались с перспективным развитием рудной и металлургической баз на Урале и угольной — в Кузбассе. Урало-Кузнецкому промышленному комплексу отводи-

лась огромная роль в будущем развитии производительных сил восточных районов страны.

Для осуществления проекта Урало-Кузнецкого комбината при Совете Труда и Обороне была создана специальная комиссия. В ноябре 1926 года Госплан СССР, рассматривая перспективы промышленного строительства в стране, снова остановился на проблеме Урало-Кузнецкого комбината. К этому времени ВСНХ РСФСР разработал ориентировочный пятилетний план развития экономики Сибири. В этом плане предусматривалась и постройка в Кузбассе металлургического завода с годовой производительностью сначала до 330 тысяч, а затем — до 820 тысяч тонн чугуна.

9 февраля 1926 года на пленуме комиссии ВСНХ была определена и рудная база будущего завода — Тельбесское месторождение в Горной Шории. Проектирование завода было сосредоточено в Государственном институте по проектированию металлургических заводов. Но отдаленность института от места будущей стройки тормозила осуществление намечаемых мероприятий, поэтому Сибирская краевая плановая комиссия выступила за создание филиала Гипромеза в Сибири. 2 марта при Сибирском краевом Совете народного хозяйства решено создать специальное рабочее бюро для проведения предварительных работ, связанных с постройкой завода.

Вслед за этим Гипромез создает в Сибири на правах филиала Тельбесское бюро, которому и поручается детальная разработка проекта будущего металлургического завода. В состав бюро вошли председатель Сибирского совнархоза Н. Г. Терехов, инженер П. Д. Зуев, профессор Н. В. Гутовский и М. А. Усов и другие. С мая в Кузнецке начала действовать контора главного инженера Тельбесского бюро, которую возглавил П. Д. Зуев.

Началось тщательное изучение и систематизация материалов прежних разведок Тельбесского железорудного месторождения и Осиново-Воробьевского угольного месторождения. 16 июля на расширенном заседании специальной комиссии в присутствии представителей Кузнецкого Совета депутатов, райкома партии, профсоюзов, представители Гипромеза Н. В. Гутовский, П. Д. Зуев высказались за строительство завода на Горбуновской площадке, отвергнув предлагавшуюся «копикузовцами» Шусталепскую площадку. Горбуновская площадка близ Кузнецка находилась ближе к Прокопьевскому руднику и железной дороге, поблизости текла многоводная Томь.

Исследования, проведенные при участии профессора М. А. Усова, Б. И. Бокия и П. Г. Рубина, к этому времени подтвердили высокие качества прокопьевских и осинниковских углей и пригодность их для коксования. К началу 1927 года сказали свое слово и геологи. По их мнению в недрах Кузнецкого бассейна таилось 400—450 миллиардов тонн угля.

На очереди стояли новые большие задачи, связанные с вступлением страны в период социалистической индустриализации.

7. Положение в деревне

К началу восстановительного периода сельское хозяйство Кузбасса находилось в сложном положении. Продразверстка, сыгравшая свою роль в период гражданской войны, теперь не устраивала крестьянство. В конце 1921 года в Западной Сибири вспыхивает крупный эсерово-кулацкий мятеж. Его отголоски дали себя знать в деревнях Мариинского и Кузнецкого уездов. Но середняк не поддержал восстание против Советской власти и оно захлебнулось. Что касается сельской бедноты, то она уже в 1920 году начала создавать коллективные хозяйства — коммуны и артели. Одной из первых в Томской губернии возникает коммуна «Восход» в селе Бачаты. Следом появляется сельскохозяйственная артель «Зародыш» в д. Дедюево. К концу 1920 года в Кузбассе насчитывалось 13 коммун и столько же артелей. На следующий год число коммун достигло 108, а артелей 47. Однако большинство крестьян по-прежнему вело хозяйство индивидуально. Сильные позиции сохраняло и кулачество.

Переход Советского государства к новой экономической политике принес перемены и в Кузнецкую деревню. Замена продовольственной разверстки продовольственным налогом открыла крестьянам широкие возможности для подъема своих хозяйств. Однако, в отличие от других районов, Сибревком на некоторое время сохранил продразверстку в Томской губернии; страна была зажата в тисках голода и спасти ее мог только хлеб Сибири.

Вплоть до лета 1922 года политическое положение в деревнях Кузбасса продолжало оставаться напряженным. То тут, то там появлялись и терроризировали население кулацкие банды, вели подрывную работу эсеры.

Падала товарность сельского хозяйства, оно приобретало потребительский уклон.

Огромную помощь деревне в это трудное время оказал рабочий класс. Выполняя указание ЦК РКП(б) о проведении «Недели помощи крестьянству», в конце августа 1921 года партийные организации провели на промышленных предприятиях митинги и собрания, на которых развернулась запись добровольцев в отряды для работы в деревне. В Щегловском уезде в деревни выехали 220 человек, причем половина из них была комсомольцами. Летучий отряд для ремонта сельхозорудий и проведения агитационно-массовой работы организовал профсоюз металлистов.

С начала 1922 года помощь деревне со стороны промышленного пролетариата перестает носить характер кампаний и обретает форму постоянного шефства. Начало ему положил XI съезд партии, установивший, что оказание помощи деревне должно носить хозяйственно-организационный и культурно-просветительный характер.

Большую помощь шефскому движению оказала работа В. И. Ленина «Странички из дневника», в которой Ильич, в част-



Первая сельская электростанция с. Горскино Кемеровской области.

ности, обратил внимание «...на имеющийся опыт Западной Сибири».

Томский губком партии, используя накопленный ранее опыт, создает шефские организации на Кемеровском, Анжерском и Судженском рудниках.

22 декабря 1922 года ВЦИК и СНК принимают декрет о восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации кредита для крестьянства. На основе этого декрета повсеместно возникают общества сельскохозяйственного кредита, которые начинают выдавать денежные ссуды крестьянам для укрепления и развития хозяйства. По мере восстановления заводов сельскохозяйственного машиностроения складываются более благоприятные условия для обеспечения деревни новой техникой и инвентарем.

К 1923—1924 годам были повсеместно отменены разного рода местные налоги и введен Единый сельскохозяйственный налог.

С 1922 и особенно с 1923 года на территории Кузбасса идет бурный рост сельскохозяйственной кооперации. Например, в 1921 году в Мариинском уезде не было ни одной маслоартели, а в 1926 уже 28. К 1926 году организуются животноводческие кооперативы в Кузнецком и Щегловском округах.

Предоставляя сельскому хозяйству кредиты, Советское правительство стремилось прежде всего дать их беднейшему крестьянству. Так в 1925—1926 годах в Мариинском и Кузнецком округах льготный фонд кредитования был разверстан преимущественно по бедняцким хозяйствам.

Существенная помощь государства и рабочих коллективов способствовала подъему сельского хозяйства. К 1926 году посевные площади в Кузбассе достигли довоенного уровня.

Постепенно меняется соотношение классовых сил в деревне. Условия для расслоения крестьянства еще продолжали существовать, так как сохранялись раздробленность крестьянских хозяйств и частная собственность на орудия производства. Однако национализация земли и активная поддержка бедняцкой части крестьянства Советской властью затормозили рост кулачества и существенно поправили положение бедняцких хозяйств. Деревня стала в основном середняцкой. К 1926 году прекратился и временный спад колхозного движения, вызванный ранее слабостью материальной базы первых колхозов и подрывной деятельностью кулачества. Вместо коммун распространялись наиболее приемлемые для того времени сельскохозяйственные артели и товарищества по совместной обработке земли. Постепенно возобновляется переселение в Кузбасс крестьян из Европейской части СССР. В начале восстановительного периода Советское правительство уделяло главное внимание устройству ранее прибывших переселенцев. С 1925 года было открыто плановое переселение в Кузбасс и другие районы Сибири. Всего за 1925-1926 и 1926-1927 хозяйственные годы в Кузбассе были отведены земельные участки 9360 переселенцам. Общее число переселенцев было значительно больше, но часть их оседала в городах и рабочих поселках, пополняя ряды рабочего класса.

ч. 15 стр. 68.
автор

БИБЛИОГРАФИЯ

К I и II частям

К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений. Т. 3.
Ленин В. И. Уроки кризиса. Полное собрание сочинений. Т. 5.
Ленин В. И. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. Полное собрание сочинений. Т. 23.

Источники и литература

- А-в. Сибирские негативы. — «Сибирские вопросы», 1908, 19—20.
Азиатская Россия. Т. I—II. СПб, 1914.
Ай-Толай. Народные героические поэмы и сказки Горной Шории. Перевод, вступительная статья и примечания А. Смердова, Новосибирск, 1948.
Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., Томск, 1927.
Андрянов А. Путешествие в Кузнецкий край. Изб. РГО, т. 18, № 4, 1881.
Баранский Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза. Ново-николаевск, 1923.
Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края. Томск, 1898.
Бересневич И. П. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Томского горного округа. Т. I—III. СПб, 1914.
Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I—III. М.-Л., 1950—1953.
Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905—1907 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 1958.
Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
Бояршинова З. Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1, М., 1952.
Ваганов И. Я. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. Кузнецкий округ. СПб, 1885.
Веймарн Г. Историческое, критическое и наставительное изъяснение о Колывано-Воскресенских золото- и сереброплавильных заводах... (копия рукописи 1766 г.), ГАНО.
Ветошин М. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири 1898—1907 гг. М., 1953.

- Болченко А. В. Из истории административно-территориального деления Кузбасса 1618—1963 гг. Кемерово, 1963.
Вопросы Мариинского уезда. Мариинск, 1914.
Геология СССР. Т. 16. Кузнецкий бассейн. М.-Л., 1940.
Герман И. Сочинение о сибирских рудниках и заводах. Т. I—III, СПб, 1797—1801.
Головачев П. Сибирь. Природа, люди, жизнь. Изд. 2-е, М., 1905.
Горбачев Т. Ф., Кожевни В. Г., Карпенко З. Г., Молчанов И. И., Попов В. Э., Соколов В. Д. Кузнецкий угольный бассейн. М., 1957.
Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965.
Гутовский Н. В. Железодобывающая промышленность Сибири. — «Вестник о-ва сибирских инженеров», 1916, № 8.
Докучаев Г. А. Кузбасс в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. — Труды объединенной научной конференции по истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в Кузбассе. Кемерово, 1959.
Дульзон А. П. Топонимия Западной Сибири как один из источников ее древней истории. — В кн.: Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964.
Елькин М. Г. Дегтяревская неолитическая стоянка. — Труды научной конференции Сталинского пединститута. Т. I. Кемерово, 1956.
Зобнин Н. Салаирская горнозаводская волость. Сб. Алтай, Томск, 1890.
Зобнин Н. Мастерские алтайских горных заводов до освобождения. Сибирский сборник. Кн. 2, СПб, 1892.
Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае. Алтайский сборник. Вып. 1, Томск, 1894.
Кабо Р. М. Города Западной Сибири. М., 1949, стр. 156.
Карпенко З. Г. Горная металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах. Новосибирск, 1963.
Карпенко З. Г. Горняки Кузбасса в предреволюционные годы (1910—1916). — Труды объединенной научной конференции по истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в Кузбассе. Кемерово, 1959.
Карпенко З. Г. Рабочие и крестьяне Кузбасса накануне и в годы первой русской революции 1905—1907 гг. Кемерово, 1956.
Карпенко З. Г. О промышленном перевороте в России (по материалам Кузнецкого бассейна). — «Вопросы истории», 1955, № 2.
Кашин В. Н. Железодобывающая промышленность Кузнецкого края в XVII—XVIII вв. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934—, № 7—8.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1951.
Колобков М. Исследователь Кузбасса. Кемерово, 1959.
Конюхов И. С. Памятная историческая записка (или летопись) о городе Кузнецке. Рукописный фонд библиотеки Томского госуниверситета.
Краев Ф. М. География Томской губернии. Томск, 1916.
Крапивенский С. Э., Разгон А. И. Рабочие Тайги в первой русской революции. Кемерово, 1957.
Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747—1897 гг.), СПб, 1897.
Мартынов А. И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье. — В кн.: Из истории Кузбасса, Кемерово, 1964.
Мартынов А. И. Лодки — в страну предков. Кемерово, 1966.
Мартынов А. И. Новый район Курасукской культуры. — «Советская археология», 1964, № 2.
Матюшенко В. И. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. — «Советская археология», 1959, № 4.
Мелких А. М. Из экономической жизни Западной Сибири. М., 1913.
Миллер Г. Ф. История Сибири. Кн. 1—2, М.-Л., 1937—1941.
Мисюрев А. А. Легенды и были, фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. Изд. 2-е, Новосибирск, 1940.
Нагнибеда В. Я. Томская губерния. Статистический очерк, 2-е доп. изд., вып. II. Томск, 1921.
«Невская звезда», «Звезда». Вып. VII, М., 1934.

Нестеровский Н. Я. К истории открытия каменного угля в Кузнецком угленосном бассейне Алтайского горного округа. — «Горный журнал», 1915, № 3. Обзор деятельности кабинета его императорского величества за 1906—1915 гг. Т. II, 1916.

Обзоры Томской губернии. 1890—1911 гг. Томск, 1891—1912.

Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. М.-Л., 1931—1949.

Окладников А. П. Древнее население Сибири и его культура. Народы Сибири. М.-Л., 1956.

Окладников А. П. Палеолитические находки в районе Старокузнецка — В кн.: Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964.

Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб, 1903.

Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. М.-Л., 1952.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. I—III, СПб, 1786—1788.

Первая всеобщая перепись населения. Томская губерния, 1904.

Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.

Полосухин А. В. В. П. Обнорский в Кузнецке. — «Сибирские огни», 1950, № 5.

Потанин Г. Н. Ближайшая тайга. Живописная Россия. Т. II, СПб, М., 1884.

Потанин Г. Н. О рабочем классе в ближней тайге. — «Русское слово», 1861, № 6.

Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. Чтение в обществе истории и древностей российских. Кн. 2, 4. М., 1866—1867.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Л., 1953.

Потапов Л. П. Шорцы. Народы Сибири. М.-Л., 1956.

Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. Л., 1936.

«Правда», № 1—204, 1912 г., вып. 1, М., 1933.

Пранг 2-й и Ярославцев. Краткое описание горной промышленности в Алтайском горном округе. — «Горный журнал», 1861, № 5.

Рабочее движение в России в XIX веке. Документы и материалы. Т. I—III. М., 1950—1955.

Радлов В. В. Древние аборигены Сибири. Живописная Россия. Т. II, СПб, 1884.

Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы (11 книг), М., 1955—1966.

Революционное движение 1905—1907 гг. в Томской губернии. Сб. документов. Томск, 1955.

Ренованц И. М. Минералогические, географические и другие смешанные известия об Алтайских горах... СПб, 1792.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 16. Западная Сибирь. СПб, 1907.

Саблер С. В., Сосновский И. О. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем, СПб, 1903.

Савельев Н. Я. В старом Салаире. Кемерово, 1957.

Семеновский В. И. Рабочие на Сибирских золотых промыслах. Т. 1—2. СПб, 1898.

Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб, 1908.

Сибирь и Великая сибирская железная дорога. СПб, 1893.

Сибирские корреспонденции в ленинскую «Искру». Иркутск, 1957.

Совещание в Западно-Сибирских углях. — «Журнал общества сибирских инженеров», 1913, № 5.

Соколова В. П. Из летописи Кузбасса. Кемерово, 1960.

Столыпин П. А. Записки председателя совета Министров и главноуправляющего землеустройства и земледелием о поездке в Сибирь и в Поволжье в 1910 году. СПб, 1910.

Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 56, Томская губерния. СПб, 1904.

Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода, Кемерово, 1967.

Фальк И. П. Записки путешествия. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6, СПб, 1824.

Черновский Н. (Бедви В. В.). Положение рабочего класса в России. М., 1938.

Рейман Э. К. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Алтайского горного округа. СПб, 1910.

Шиша А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1922.

Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963.

Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой. М.-Л., 1940.

Шунков В. И. Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII век). М., 1956.

Шухардин С. В. Русская наука о разработке ископаемого угля в XVIII в. М., 1950.

Шуровский Г. Е. Геологическое путешествие по Алтаю. М., 1846.

Эрднеев У. Э. Городище Маяк — Труды Томского госуниверситета. Т. 136, Томск, 1957.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб, 1882.

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Классики марксизма-ленинизма

Ленин В. И. Американским рабочим. Полное собрание сочинений. Т. 39, стр. 197.

Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов. Полное собрание сочинений. Т. 42, стр. 113.

Ленин В. И. Доклад о текущем моменте на апрельской конференции 1917 г. Полное собрание сочинений. Т. 31, стр. 358.

Ленин В. И. Еще одно преступление капиталистов. Полное собрание сочинений. Т. 32, стр. 123—124.

Ленин В. И. Очержденные задачи Советской власти. Полное собрание сочинений. Т. 36, стр. 188.

Ленин В. И. Постановление ЦК РКП(б) по вопросу о международном положении (6.V.1918). Полное собрание сочинений. Т. 36, стр. 315.

Ленин В. И. Телеграмма Реввоенсовету V Красной Армии от 15.XII.1919 г. Ленинский сборник. Т. 36, стр. 85.

Источники и литература

Анфилофьев И. Кузбасс в борьбе за октябрь. Новосибирск, 1942. Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию. — Сборник документов. Новосибирск, 1957.

Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.). — Сборник документальных материалов. Томск, 1957.

Вихлянцева В. Кольчугинское восстание. — «Сибирские огни», 1939, № 6.

Горбачев Т. Ф., Кожевин Б. Г., Карпенко З. Г., Молчанов Н. И., Попов В. Э., Соколов В. Д. Кузнецкий угольный бассейн. М., 1957.

Горняки Сибири в революции 1917—1927 гг. Новосибирск, 1927.

Гревс В. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1932.

За власть Советов. Новосибирск, 1947.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957.

За власть Советов. Сборник воспоминаний. Кемерово, 1957.

За десять лет. Кузнецкий округ к 10-й годовщине Октября. Щегловск, 1927.

Записки сибирских партизан. Новосибирск, 1961.

Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. Т. 1, М., 1960.

- Из истории Кузбасса. — Сборник статей. Кемеровское книжное издательство. 1964.
- Из истории рабочего класса Сибири. — Доклады и сообщения на научной конференции (март 1965), Кемерово, 1965.
- История гражданской войны в СССР. Т. 3, М., 1957.
- Кадейкин В. А. Годы огневые (Из истории гражданской войны в Кузбассе 1918—1919 гг.). Кемерово, 1959.
- Кадейкин В. А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (Ноябрь 1917 — август 1918 гг.). Кемерово, 1966.
- К истории партийных организаций Кузбасса. Доклады и сообщения к научной конференции. Вып. 1. Кемерово, 1962.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. изд. 7-е, 1954.
- Молотов В. Л. Большевики Сибири в период гражданской войны. Омск, 1949.
- Нагнибеда В. Я. Сельское хозяйство Томской губернии. Томск, 1924.
- Нагнибеда В. Я. Томская губерния. Статистический очерк. 2-е изд., Томск, 1921.
- Они боролись за власть Советов. Новосибирск, 1957.
- Партизанское движение в Западной Сибири. Сборник документов. Новосибирск, 1959.
- Перевалов М. Таежные партизаны. М., 1933.
- Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. М., 1957.
- Полянская Е. М. Из истории борьбы за создание металлургии Кузбасса. Кемерово, 1957.
- Последние дни колчаковщины. Сборник документов. М.-Л., 1926.
- Рябиков В. В. Центросибирь. Новосибирск, 1949.
- Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962.
- Сибирский революционный комитет. Август 1919—декабрь 1925. Новосибирское книжное издательство, 1959.
- Съезды Советов Всероссийские и СССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935.
- Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939.
- Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. М., 1957.
- Труды объединенной научной конференции по истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в Кузбассе. Кемерово, 1958.
- Труды I Всероссийского съезда СНХ. Стенографический отчет. М., 1918. Установление Советской власти в Кузбассе. — Сборник документов, Кемерово, 1957.
- Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963.
- Экономическое положение в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Документы и материалы. Ч. II, М.-Л., (без года).
- Электрификация Западной Сибири. План ГОЭЛРО. М., 1955.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

А

Авдеев В. — 46
Агеев П. — 101
Адлерберг — 128, 154
Адрианов А. В. — 144
Аксенов В. — 181
Аксенов И. — 181
Александр II — 114, 128, 154
Александр III — 128, 142
Александров — 171
Андреев — 140
Андроновский — 156
Анненков — 92, 96, 97
Аносов П. П. — 84
Артемов Г. И. — 8
Аржан — 35
Асеев Н. — 200
Асташев В. И. — 128
Асташев Н. В. — 130, 133, 158

Б

Бадай — 46
Базаяк — 39
Баландин — 102
Баранов — 131, 154
Баранский Н. Н. — 166
Бари А. В. — 157
Барильон — 193
Басалаев — 110
Баскаков Ф. — 45
Бедарь И. — 44
Безрядов — 112
Белинский В. Г. — 142
Беляев Е. И. — 109
Бервя-Флеровский В. В. — 4, 117, 121, 138, 140, 142, 144
Бересневич И. П. — 207
Бернадский Н. И. — 206

Бессонов Ф. — 44
Бессонов Т. — 44
Блюммер Л. П. — 142, 143, 144
Боборыкин Ф. — 40
Богданов — 144
Богораз Тан В. Г. — 144
Бомутхан — 47
Борзов Ф. П. — 66
Борисенко Р. М. — 202
Бояршинова З. Я. — 41
Брагин Н. — 47
Брей С. — 157
Брусницын — 144
Бурут — 47
Бутов П. И. — 207
Бушtedт И. — 173
Быков — 81.

В

Ваганов Ф. С. — 65, 100
Вагин — 200
Валишевский М. — 44
Васильев А. И. — 202
Вахов — 189
Вдовин Е. Д. — 202
Вербицкий В. И. — 36
Верховцева З. П. — 8
Везиров — 200
Ведянин А. — 170
Веймарн Г. — 49, 50
Великосельский И. — 48
Великосельский И. — 159, 160
Владимир Александрович — великий князь — 115
Водошнянов — 227
Волков М. — 4, 49, 50, 51
Волков П. Я. — 220

Вологин М. — 181
Вольнский В. — 39
Вьюков Н. С. — 193
Вяткин А. С. — 66

Г

Гапеев А. А. — 207, 208
Гауз — 66
Гвинтовка М. — 44
Гвинтовкин В. — 44
Гвинтовкин Е. — 44
Геблер — 103
Геннин Г. — 49
Георги И. — 4, 34, 57, 58
Герман И. Ф. — 4, 57, 64
Гернгросс — 100
Гильберт Г. — 157
Гинцбург Г. — 154
Глинка К. Д. — 206
Гмелин И. — 4, 51, 57, 58
Голкин С. Ф. — 202, 221
Голубев П. А. — 4
Голубев Д. Ф. — 59
Горохов — 103
Горький А. М. — 208
Громье — 193
Гудков П. П. — 208
Гурская А. А. — 8
Гурьев — 79
Гусев — 200
Гусельников — 101
Гутовский Н. В. — 208, 209

Д

Данилов — 134
Даниловы — 154
Двинянин В. — 46
Дегей — 154
Дейхман — 59
Демидов А. Н. — 52, 53, 54, 55
Державин А. Н. — 144, 207
Докучаев Г. А. — 8
Донорский — 181
Дранишников — 109
Дробышев Н. — 167
Дубельт Л. В. — 128, 154
Дульзон А. П. — 31
Духар — 46
Дыренкова Н. П. — 36
Дюрент — 32
Дятилев Г. И. — 109

Е

Евреинов К. А. — 40
Екатерина II — 55
Елизавета Петровна — императрица
55, 61, 70

Елькин М. Г. — 8, 13
Еремин — 142
Ереников Корчинко — 46
Ермак — 38, 206
Есмонт П. — 45

Ж

Жилль Ф. — 133, 158
Жирнов А. — 49

З

Зайцев А. М. — 207
Залесов П. М. — 66, 78, 79, 80, 82, 100
Засулич В. — 92
Зелинский — 156
Здаевич — 226
Зобнин Н. М. — 4, 55, 93
Зубовский И. — 230

И

Иванов А. И. — 8
Иванов — 133
Иванов — 180
Иванова Н. Т. — 8
Иваницкий — 133, 157, 158, 198
Ивановский — 177
Иосса Н. — 144
Ишеев Иренак — 45
Ичачел — 48

К

Кадошников К. И. — 109
Казанцевы — 102, 112
Калинин — 222
Калинин Л. — 107
Кальцев — 71
Канкрин Е. — 89, 95, 112
Капустин Г. — 49, 50
Карпенко З. Г. — 5, 8
Катанаев — 140
Кафенгауз Б. Б. — 8
Качка Г. С. — 60
Качка А. П. — 154
Кашенко Н. Ф. — 10
Киров С. М. — 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 178
Клеменц Д. А. — 144
Кнорре Е. К. — 158
Конюхов И. С. — 4, 43, 44, 47
Корвин-Сакович — 156
Корнеев — 222
Короленко В. Г. — 208
Костылев С. — 49, 50

Кобелев К. А. — 202
 Кожевников М. Ф. — 97
 Козьмин — 59
 Козлов А. П. — 208
 Козловский В. М. — 207
 Коковин И. С. — 202
 Колокольцев А. Е. — 108
 Колокольцев И. Ф. — 108
 Колосова С. В. — 8
 Кононов Е. — 170
 Крапивенский С. Э. — 8
 Краснов И. П. — 8, 186
 Краснопольский — 206
 Крашенинников С. П. — 45
 Кржижановский Г. М. — 147, 167
 Кривошеева Е. А. — 8
 Кротов — 227
 Крылов П. Н. — 206
 Кудрявцев Ф. А. — 8
 Кудрявцев И. — 222, 224
 Куйбышев В. В. — 178
 Куйбышева Н. В. — 178
 Кузин — 177
 Кузнецов А. — 170
 Кузнецовы — 128, 130, 157
 Кулебакин Г. — 181
 Кумпан С. В. — 208
 Кунгурова — 101
 Куракин И. — 40
 Курако М. К. — 209
 Кучум — 38
 Кушелев Г. — 46

Л

Ламсдорф — 128
 Лапшин П. — 222
 Лаптев А. — 160
 Лаулин М. С. — 82
 Левандия А. — 48
 Ленин В. И. — 5, 63, 82, 114, 116, 118, 121, 145, 147, 148, 166, 167, 172, 177, 184, 188, 221
 Лесной Е. — 103
 Линденталь — 56, 57
 Литвинов С. В. — 82
 Лобачевский — 177
 Ломоносов М. В. — 51
 Лутугин Л. И. — 207, 208
 Лутчев И. — 44

М

Маклаков — 211
 Мальцевы — 128
 Мальцев С. И. — 130, 133, 134
 Малеев Л. — 50
 Мальчевский — 154
 Малышев — 198

Маляревский — 144
 Мамонтов В. Н. — 193, 207
 Мамонтов С. И. — 155
 де Маре — 154
 Мария — императрица — 103
 Маркс К. — 92, 93, 142
 Мартынов А. И. — 8, 11
 Мартынов И. — 125
 Мархотин — 106
 Матюшенко В. И. — 8
 Меллер-Закомельский — 176
 Мессершмидт Д. Г. — 51, 57
 Миллер И. М. — 4, 154
 Миллер Г. Ф. — 4, 40
 Миллер — 64, 133
 Мингалеев — 105
 Мисюрев А. А. — 97, 108
 Митин — 221
 Михаил Федорович — царь — 40
 Михайлов В. — 207
 Михайлова В. Н. — 8
 Михельсон И. И. — 5, 154, 156, 159, 171, 173, 193, 214
 Мозжерин Т. — 100
 Моисеев — 172
 Молодин А. Б. — 109
 Мордвинов — 89
 Морозов М. К. — 109, 110
 Мосеев — 109
 Мышан Когодайда — 48
 Мясников — 102

Н

Набатникова А. А. — 8
 Нарышев — 56
 Наумов Н. И. — 122, 135, 136, 140, 142, 143, 144
 Наханович И. Л. — 224
 Небольсин П. — 4
 Невораков — 112
 Недосекин В. — 101
 Некрасов — 189
 Немчин И. Ф. — 45
 Ненашев — 137
 Нестеров А. — 218
 Нестеровский Н. Я. — 50, 60, 144
 Неупокоев А. Я. — 107
 Нехлюдов — 178
 Николай Николаевич — великий князь — 128
 Николай I — 81, 112
 Николай II — 115, 148, 176, 181, 194
 Новиков — 56
 Новиков Н. — 4
 Новосельцев М. — 39
 Нолькен — 179
 Носов 1-й — 144

О

Обнорский В. П. — 202, 221
 Обручев В. А. — 204, 208
 Окладников А. П. — 6, 8, 11
 Около-Куллак С. Н. — 226
 Оссовский Г. — 22, 206
 Охрямкин В. — 53

П

Павел I — 71
 Павлов Н. Н. — 208
 Павлов И. — 39
 Павлов А. — 46
 Павлов А. — 46
 Павлов Л. — 46
 Паллас П. С. — 4, 33, 34
 Пальников — 107
 Палицын И. — 49
 Панкратов В. С. — 207
 Паткуль — 154
 Пекарский П. П. — 144
 Перфильев — 156
 Петр I — 49, 50
 Петрова Ф. — 49
 Пирожков — 81, 107
 Писарев И. В. — 170, 171
 Плотноков — 101
 Ползунов И. И. — 82
 Полуэктов С. Ф. — 8
 Поповы — 102, 128
 Попов С. — 130
 Попов А. — 89, 103, 130
 Попов Х. — 103, 130
 Попов Д. — 56, 57, 112
 Попов — 185
 Попов М. А. — 170
 Попов Е. — 160
 Поспелов — 109
 Потанин Г. Н. — 4, 103, 143, 144
 Потапов Л. П. — 28, 33, 34, 58, 113
 Потылицын — 181
 Пранг 2-й — 144
 Проскаков С. — 200
 Протопопов С. И. — 98
 Прудникова Т. П. — 8
 Пуганцев М. — 170
 Пугачев Е. — 71, 156
 Путников — 133
 Пушкарев В. — 125
 Пушкарев — 178
 Пущенко — 221

Р

Рабинович М. — 230
 Радлов В. В. — 24, 28, 143
 Разгон А. И. — 8

Ржевский Е. — 48
 Ребров Я. — 57, 59, 68
 Ремейников — 156
 Ренненкамф П. К. — 176
 Ренованц И. М. — 4, 57
 Реут — 171
 Реутовский В. — 164
 Речунов В. Е. — 100
 Решетов Е. — 167
 Родзянко — 222
 Родюков — 198
 Рожков В. — 49, 50
 Романовский — 186
 Рязановы — 162

С

Савельев Н. Я. — 8
 Саламатов С. — 39
 Седельников Д. — 181
 Селиванова Ф. — 49
 Серебрянников И. — 47
 Сидоров А. Л. — 8
 Силиванов М. В. — 107
 Синицын С. — 53
 Синкин — 200
 Сиротольский — 186
 Смердов А. — 36
 Снятков А. А. — 207
 Соболев И. — 110
 Соколовский Л. А. — 79, 92
 Соколовский 2-й — 75, 76
 Солдатов Д. К. — 98
 Сургант — 171
 Сухов П. Ф. — 220
 Суховерхов Ф. (Сычев М. И.) — 220, 230
 Сухотин Н. Н. — 176
 Сушинский — 207
 Стенлей — 200
 Страленберг — 51
 Станкеев Н. Н. — 202
 Станкеев В. С. — 202
 Столыпин П. А. — 183, 188, 189, 190
 Струговщиков — 131
 Сыропятов — 177

Т

Тангустай — 46
 Татаринов — 169
 Татаринов — 79
 Татищев В. Н. — 50
 Тедер Л. И. — 8
 Тегенцев — 106

Терехин Я. Н. — 109
Тимофеев В. А. — 8
Тимофеев К. — 46
Титов М. — 49
Тихонов П. — 44
Тихонович Н. Н. — 207
Тихонький И. — 39
Толмачев И. П. — 207
Трепов В. Ф. — 194, 213
Триполитов — 134
Трубачев — 109
Тупальский С. — 48

У

Уситеев В. Е. — 109
Усов М. А. — 208

Ф

Фальк. И. П. — 4, 57, 59
Фастовец — 222
Федорович И. И. — 194, 215
Федоровская — 49
Филатьев — 75
Французенин С. — 45
Фрезе — 77, 108
Фрейман Э. К. — 207
Фролов П. К. — 73, 74, 78, 82, 106, 111

Х

Халиулин Г. Г. — 8
Халиулина А. А. — 8
Халтурин С. — 202
Харламов А. — 40
Хейн И. А. — 158
Хилков — 168, 169
Хорчи — 29
Хотимский — 134
Хрипунов Г. — 40
Хрулев С. С. — 194, 213
Худяков Г. Д. — 109

Ц

Цибульский — 137
Цибульский — 221

Ч

Чарухин — 193
Челканов — 224
Чесноков — 137

Черданцев А. Л. — 107
Чередняева — 137
Черкасов Е. А. — 157
Чернов Д. К. — 229
Чернышевский Н. Г. — 142
Чингисхан — 29
Чихарев П. А. — 4, 76, 77, 81, 87
Чударов А. — 187
Чулков В. С. — 56
Чупоршнев Я. — 107
Чурсин С. П. — 187
Чуфаров — 222
Чучелин Н. — 187, 188
Чучин Ф. — 230

Ш

Шамотин — 137
Шангин С. — 105
Шангин П. И. — 57, 65, 66
Шатило Ц. К. — 222
Швецов С. — 207
Шейнцвит — 169, 173
Шекурин В. А. — 107
Шеманаев — 109
Шерстобоев В. Н. — 41
Шленов — 112
Шлепфельд — 140
Штукенберг А. А. — 176
Шульгин Н. — 226
Шумилов А. — 126
Шунков В. И. — 8, 41, 42, 43, 44
Шурбин — 109

Щ

Щуровский Г. Е. — 4, 76, 77

Э

Эйхвальд Ю. И. — 127, 130
Эллерс — 78, 80
Эмери И. — 157
Энгельс Ф. — 93
Эрдниева У. Э. — 8

Я

Яворский В. И. — 207, 208
Яговкин И. С. — 207
Ядринцев Н. М. — 4, 103, 121, 129, 130, 143, 144
Ямковой — 224
Ярославцев П. Г. — 100
Ярославцев — 144
Ястржембский — 90
Яцунский В. К. — 8

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

А

Абрамов Я. — 289
Александров М. Г. — 275
Альдманович — 281, 309
Анисимов — 287
Афонин — 319

Б

Бабий А. — 323
Бабилов — 291
Бабоско — 289
Бальс П. — 289
Бальчунас П. Д. — 296
Банников В. В. — 232
Баранов-Пронин Я. Д. — 289
Баулин — 287
Бела Кул — 346
Белодедов А. — 289
Бессонов И. А. — 320
Бияков А. Т. — 289
Бобков А. — 303, 304
Богун — 289
Боград Я. Е. — 242, 243
Бокий Б. И. — 357
Болонкин П. В. — 320
Брокер Ф. А. — 253, 311
Брюханов П. А. — 289
Буйских Ф. — 281
Буланцев — 304
Булгаков А. Н. — 296
Бутолин А. — 323
Бушуев П. — 289

В

Васильев Б. — 282
Василевский В. Н. — 325
Введенский — 236
Воинов И. — 288
Волков П. — 246
Волков — 291
Волков А. — 311
Волкова Г. К. — 232
Ворожцов М. И. — 313, 314, 316
Врангель П. Н. — 326
Вышегородцев — 289

Г

Габинский — 293
Гайда Р. — 274
Галаган С. — 306
Галанин — 311

Ган — 236
Гапеев А. А. — 254
Гапузин П. Д. — 289, 311
Гарант Я. — 290
Гаттенбергер — 291, 293
Геласимова А. Н. — 321
Герасимов — 304
Глушков — 289
Голев С. — 304, 305
Голиков П. К. — 303, 304, 308
Голкин С. Ф. — 266, 267, 302, 307
Голкина М. Е. — 307
Голощеков Ф. — 301
Гончаров — 311, 312, 316
Горковенко — 259
Горских — 319
Григорьев — 259
Григорьев А. В. — 296, 297
Громов И. В. — 316
Грэвс У. С. — 317
Губанов — 319
Гужев Ф. — 302, 303
Гульбе — 323
Гутовский Н. В. — 334, 357

Д

Дегтев — 287
Деев Т. Х. — 296
Деникин А. И. — 303
Дзепо — 285
Дзержинский Ф. Э. — 332, 336
Дитман С. А. (Раймонд) — 290
Диче Курт — 304
Дмитриев И. С. — 290, 298
Дмитриев — 297
Дойль — 350
Докучаев Г. А. — 232
Драйзер Т. — 348
Дымчак П. — 289

Е

Емельянов — 288
Ермолаев — 244
Ермушев С. А. — 320
Ефименко М. — 246
Ефременко П. И. — 289, 293
Ефременко З. — 293

Ж

Жакен М. — 325
Жаркевич Ф. — 304

Желтухин — 288
Жидков М. А. — 246
Житков — 289
Журавлев В. — 289

З

Заболотнева Т. — 282
Захаров М. — 281
Зиссерман М. Л. — 250, 263, 288
Зубов И. М. — 280
Зубовский И. — 286
Зуев П. Д. — 355
Зуев А. — 278

И

Иванов Н. — 275
Иванов А. Н. — 286, 320
Извеков З. И. — 320
Иконников — 257
Ильмер К. — 290
Ислантьев А. — 289, 293

К

Кадейкин В. А. — 232
Кадленец — 274
Казарновский Г. Е. — 333
Каледин А. М. — 249
Кальверт — 346, 347
Калинин М. И. — 254
Калинин — 303
Каллен — 347
Канцер — 297
Каппель В. О. — 321
Карабельник — 291
Караваев М. Е. — 289, 320
Карпенко З. Г. — 232
Керенский А. Ф. — 234
Киселев Д. — 314
Кирияненко А. — 288
Кириллов Г. — 296
Кирсанов Н. П. — 311
Климов С. — 304
Ковальногов Н. — 296
Ковалев И. Г. — 289, 323
Кожанов — 286
Козлов Д. П. — 289
Козлов Н. П. — 289
Колов — 311
Колосова С. В. — 232
Колтунов И. П. — 320
Колчак А. В. — 300, 301, 303, 305, 309, 314, 315, 317, 321
Конев П. — 235
Коновалов — 251
Кононов Т. — 319

Корнилов Л. Г. — 242, 244
Косарев В. М. — 245
Косиор С. В. — 336
Крейчий — 313
Краснощеков С. — 288, 326
Кржижановский Г. М. — 347
Кривошеева Е. А. — 232
Кругликов — 291
Крутовский — 287
Кручина В. — 303
Крылов В. — 311, 312, 313
Кудрявцев И. Н. — 234, 238, 249
Кузеванов — 309
Кузнецов В. И. — 297, 299, 318
Кузнецов К. (Хмелев, Железный) — 311
Кузнецов — 319
Куйбышев В. В. — 346
Курако М. К. — 236
Курочкин К. Н. — 287

Л

Лаврентьев И. С. — 296, 297
Лагздин Э. — 289
Лагздин А. — 289
Лапин В. — 275
Лапшин П. Ф. — 289, 312
Латманов — 281, 293
Лебедев — 324
Лейбутин С. П. — 278
Лемешкин И. — 282
Ленин В. И. — 232, 233, 236, 237, 239, 242, 243, 249, 254, 255, 256, 261, 274, 275, 281, 300, 301, 303, 309, 314, 322, 325, 326, 328, 329, 331, 336, 340, 343, 345, 346, 347, 351, 355, 358
Летягин Б. Ф. — 289
Литвинов — 287
Логинов — 310
Лошкарев А. — 282
Лубков П. К. — 307, 311, 312, 313

М

Мазюков А. С. — 232
Малиновский Р. Я. — 324
Мамонтов Е. М. — 316
Маньковский — 287
Манн Том — 346
Маркс К. — 329
Масленников А. А. — 301, 309
Матвеев Я. — 296
Матренин И. Ф. — 297
Матузов И. — 247
Матэ Залка — 275
Мартенс Л. К. — 345
Матковский — 318
Мачини — 237

Маштаков А. — 288
Мельников А. — 303
Метелкин — 257, 280
Микеладзе Г. А. — 275
Миловидов — 309
Милюков П. Н. — 234
Митраков — 247
Митяшин — 280
Михайловский — 292, 298
Михельсон Л. А. — 237, 238, 239, 254, 261
Мокрушин — 289
Молотов К. Н. — 290
Моржин Г. М. — 289
Мостович В. Я. — 334
Мурашев Г. — 289
Мухаметвалев — 287
Мухлядов — 303

Н

Назаров — 304
Нейбут А. Я. — 301
Нейман Р. Р. — 341, 342
Непомнящих Т. И. — 325
Николай П. — 264
Новак — 350
Новоселов — 312, 313

О

Озеркин — 309
Орлов — 292, 309
Орман И. А. — 349
Остен Сакен — 310
Остроухов — 289
Оун Карл — 304

П

Павлов М. А. — 333
Пальчинский — 239
Панькин — 289
Паньков К. — 246
Пахомов М. — 282
Пацуло Л. — 297
Пепеляев В. Н. — 291, 293, 320, 324
Перевалов М. Х. — 275, 307, 311, 316
Перегудов В. А. — 289
Петраков А. Г. (Петухов) — 251, 288, 320, 326
Пирожков-Кирсанов — 311
Пирсон А. — 349
Пихт И. — 275, 277
Пичкалев В. Е. — 257
Платунов Н. И. — 232
Плотниковы — 235
Погребной — Д. И. — 302, 305, 326
Подгайных Н. — 289

Полонянкин Ф. Е. — 355
Поляков Н. — 289
Поляков С. — 289
Попиралов М. Д. — 296
Попов-Пугачев Е. — 307, 315, 318
Популо Л. П. — 296
Потанин А. — 247, 287
Потапов Н. П. — 289
Потопаев П. — 319
Прищепов П. З. — 267
Пржбелский М. — 293
Прошковский Г. И. — 237
Прядкин Я. Д. — 240
Пугачев Е. — 308
Путилов-Смерденков Т. Ф. — 311, 322
Путна Витовт — 324

Р

Рабинович М. М. — 233, 246, 261, 289, 290, 301, 309, 326
Разин С. — 308
Райзе — 347
Редькин П. К. — 232
Ржаных — 319
Рогов — 312, 313, 314, 320
Розанов С. Н. — 310
Ролико-Виноградов А. В. — 302, 305, 311
Рубин П. Г. — 357
Рубков — 296
Рукавишников С. — 252, 288
Рутгерс С. Ю. — 346, 347, 350, 355

С

Савинов В. И. — 246, 288, 291
Саук — 289
Сащенко П. — 288
Свердлов Я. М. — 255, 267, 301, 341
Севергин К. — 289
Семенов Г. М. — 249, 286
Сергеев Е. — 296, 311, 312
Сибирцев К. — 303
Сиваков — 289
Симахин — 267
Сластунов С. Н. — 253
Смирнов Б. — 282
Смирнов М. Г. — 289
Собакинский И. — 311, 319
Соколов Ю. — 232
Соколовский — 312
Соловьев П. — 295
Солодовников — 296
Сорокин А. — 288
Стародубов В. Т. — 286, 297
Станкевич — 304
Старостин П. Н. — 323

Степанов Д. — 281
 Степачев Ф. — 289
 Стивенс Р. — 240
 Стукалов В. — 286
 Стукин С. Г. — 289, 290
 Суворов С. — 289
 Сумецкий М. — 260
 Сувор — 309, 313
 Сухов П. Ф. — 247, 277, 302, 326
 Сусленко Ф. — 247
 Суховерхов Ф. (Сычев М. И.) — 233,
 234, 241, 255, 260, 288, 290, 291, 298,
 326
 Суховольский И. — 319, 320

Т

Тагаев Ф. — 319
 Тагаев Р. Т. — 320
 Талдыкин — 251, 281
 Терехов Н. Г. — 357
 Тимофеев — 259
 Тихонов Н. — 282
 Толкунов С. — 307
 Толмачев И. Е. — 311, 320
 Томчик Ф. — 282
 Трухницкий П. И. — 297
 Трушков А. — 282
 Тютюнников А. — 282

У

Уманец С. — 311
 Усов М. А. — 334, 357
 Усов — 313
 Устругов М. А. — 315
 Ушаков Т. Г. — 306

Ф

Федорец П. Ф. — 321
 Федоров Т. — 319
 Федоров И. С. — 299
 Филатенко М. — 247, 275
 Фитингоф — 255
 Фишер Франц — 304
 Фомин А. — 311, 313
 Фролов А. — 286
 Фрунзе М. В. — 315

Х

Харьков И. — 289
 Хейвуд Вильям — 346, 348
 Ходарадзе И. — 302
 Хомутников Р. Н. — 266, 267, 323

Хорошевский Н. Е. — 304
 Худяков — 296

Ц

Цветков — 319
 Цевлонский — 244
 Цибульский К. В. — 258, 275
 Цыпляев Ф. И. — 355

Ч

Человечков А. Е. — 296, 297
 Челпаков — 284
 Чепелев Г. — 304, 305, 326
 Чернов В. М. — 250
 Чернов Д. — 282
 Чиканов Чика (Крылов В.) — 289
 Чиняков П. — 286
 Чумазов Н. Ф. — 307
 Чучин Ф. Г. — 233, 234, 238, 246, 260

Ш

Шалавин — 251
 Шашков М. — 289
 Шевелев В. П. — 299, 306, 308, 311,
 312, 314, 316, 318, 322
 Шевелин — 292
 Шевцов Е. П. — 289
 Шлихтер А. Г. — 268
 Шмидт О. Э. — 349
 Штарев М. А. — 296, 297
 Штибрек Макс — 304
 Шувалов Г. Д. — 252, 266, 267, 302,
 307, 308, 310, 311, 312, 314, 321, 323
 Шиков Г. — 289
 Шильников И. — 275, 277
 Шульга — 286
 Шумиловский — 283

Щ

Щетинкин П. Е. — 310, 316

Э

Эдельштейн — 260

Ю

Юков — 280
 Юргенс — 257

Я

Яворский — 282
 Яворский В. И. — 254
 Яковлев Н. Н. — 241, 244
 Ярославский Е. М. — 329, 341, 347
 Якунин Т. — 296

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I.

Предисловие	3
Глава I. Кузнецкая земля до присоединения к русскому государству	9
1. Древний каменный век в Кузнецкой котловине	12
2. Первобытно-общинный строй в период неолита	15
3. Развитие первобытно-общинного строя в эпоху бронзы	20
4. Культура древних динлинов	23
5. Племена Кузбасса в I тысячелетии н. э. Переход к железу	28
6. Развитие патриархально-феодалных отношений в X—XVI веках	28
Глава II. Присоединение Кузнецкой земли к русскому государству и ее освоение	38
1. Присоединение Кузнецкой земли к русскому государству	38
2. Освоение земель Кузбасса русскими крестьянами	45
3. Отражение набегов джунгарских и киргизских феодалов	47
4. Открытие руд и каменного угля	52
5. Приписка государственных крестьян к заводам Демидова	55
Глава III. Развитие производительных сил и феодальных производственных отношений во второй половине XVIII века	55
1. Превращение Алтая и Кузбасса в царскую горнозаводскую вотчину	56
2. Открытия руд и каменного угля	58
3. Строительство кабинетских рудников и заводов	60
4. Формирование горнозаводских кадров	63
5. Организация производства на рудниках и заводах	70
6. Классовая борьба кабинетских мастеровых и приписных крестьян против феодальной эксплуатации в XVIII веке	73
Глава IV. Углубление кризиса крепостного строя в первой половине XIX века	73
1. Управление кабинетскими рудниками и заводами в 1800—1860 гг.	74
2. Открытия новых месторождений руд и каменного угля	78
3. Строительство Гурьевского завода	79
4. Организация производства на кабинетских рудниках и заводах	89
5. Открытие и разработка кабинетских золотых промыслов	91
6. Приписные крестьяне	94
7. Военно-феодалная система эксплуатации кабинетских мастеровых	102
8. Развитие капиталистической золотопромышленности	105
9. Усиление классовой борьбы против феодальной эксплуатации	114
Глава V. Падение крепостного права и развитие капиталистических отношений (1861—1890 годы)	114
1. Крестьянская реформа и крепостнические пережитки в пореформенные годы	116
2. Старожилы и переселенцы в 60—80 годах	120
3. Сельское хозяйство в 60—80 годах. Развитие капиталистических отношений	122
4. Положение рабочих на кабинетских предприятиях	128
5. Развитие частной золотопромышленности	138
6. Города Кузбасса в 60—80 годах	141
7. Культура Кузбасса в 60—80 годах	377

Редактор В. В. Банников
Художественный редактор
О. С. Красова
Технический редактор
Г. В. Рудина
Корректор Т. Е. Труслова

Глава VI. Развитие капиталистических отношений после постройки сибирской магистрали. Проникновение в Кузбасс монополистического капитала (1890—1904 годы)	145
1. Постройка Сибирской магистрали и ее значение	145
2. Рост переселения в Сибирь	147
3. Рост товарности сельского хозяйства	150
4. Проникновение монополистического капитала в промышленность	153
5. Формирование пролетариата в 1890—1904 годах	158
Глава VII. Кузбасс в период первой русской революции (1905—1907)	166
1. Назревание революционной ситуации	166
2. События в Кузбассе в начале 1905 года	168
3. Участие рабочих Кузбасса в Октябрьской политической забастовке	170
4. Кузбасс в период наивысшего подъема революции	174
5. Массовое движение рабочих и крестьян Кузбасса в 1906—1907 гг.	177
Глава VIII. Кузбасс перед первой мировой войной (1907—1914 годах)	183
1. Рост переселения в Кузбасс. Крах переселенческой политики Столыпина	188
2. Сельское хозяйство Кузбасса в 1907—1913 годах	192
3. Промышленность Кузбасса в предвоенные годы	200
4. Рабочее движение в годы революционного подъема	203
5. Города Кузбасса в период империализма	203
Глава IX. Кузбасс в период первой мировой войны и февральской буржуазно-демократической революции	210
1. Начало войны. Волнения мобилизованных в Кузнецком и Мариинском уездах	210
2. Сельское хозяйство и положение крестьян в годы войны	211
3. Промышленность Кузбасса в годы войны	213
4. Рабочие Кузбасса в годы войны	217
5. Рабочее движение в годы войны	219
6. Кузбасс в февральской буржуазно-демократической революции	221
ЧАСТЬ II.	
Глава I. Кузбасс в период Октябрьской социалистической революции	233
1. Кузбасс после Февральской буржуазно-демократической революции	233
2. Кузбасс в период подготовки вооруженного восстания	242
3. Октябрь в Кузбассе	243
4. От рабочего контроля — к национализации промышленности	254
5. Аграрные преобразования и борьба за хлеб в Кузнецкой деревне	264
Глава II. Кузбасс в годы гражданской войны	273
1. Борьба красногвардейских отрядов с мятежниками в первой половине 1918 года	273
2. Рабочее и крестьянское движение за восстановление Советской власти	283
3. Колчаковщина. Подъем рабочего и крестьянского движения	300
4. Освобождение Кузбасса. Восстановление Советской власти	315
Глава III. Кузбасс в восстановительный период (1920—1926)	327
1. Первый этап восстановления промышленности Кузнецкого бассейна	327
2. Проблема кадров и ее решение в первые годы восстановительного периода	336
3. Второй этап восстановления промышленности бассейна	343
4. Автономная индустриальная колония Кузбасс	345
5. Завершение восстановления промышленности Кузбасса	355
6. Начало осуществления урало-кузнецкого проекта	356
7. Положение в деревне	358
Библиография	361
Именной указатель	367

Сдано в набор 14/II-1967 г. Подписано к
печати 4/X-1967 г. ОП00027. Формат
60×90¹/₁₆ Бумага газетная. Печ. л. 23,75.
Уч.-изд. л. 24,72. Тираж 10 000 экз.
Цена 90 коп. Заказ № 1900.

Кемеровское книжное издательство.
Кемерово, Советский проспект, 94.

Типография № 1 управления по печати
Кемеровского облисполкома.
Кемерово, Кузнецкая, 9.